

ЖАНРЫ РЕЧИ В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

учебное пособие для магистрантов

Цель пособия – ознакомить магистрантов с основными проблемами, которые разрабатываются в рамках относительно новой, быстро развивающейся научной области лингвистики; определить базовую роль жанроведения в дискурсивных исследованиях, в развитии коммуникативно-прагматического подхода к описанию языка и в становлении коммуникативной лингвистики. Пособие включает тексты лекций, сопровождающиеся таблицами и схемами, призванными облегчить и ускорить процесс усвоения основного круга вопросов теории речевых жанров; практические задания к лекциям, в процессе выполнения которых магистранты осваивают методику анализа жанров письменной и устной речи; контрольно-измерительные материалы, содержащие задания для проведения входного, текущего, рубежного и итогового контроля по дисциплине; библиографию по жанроведению.

Необходимость в учебном пособии «Теория речевых жанров» возникла при разработке одноименного лекционно-практического курса для магистрантов. Лекционно-практический курс «Теория речевых жанров» прошел апробацию в ходе преподавания дисциплины для магистрантов 1 курса, обучающихся по направлению подготовки 45.04.01 Филология, программа магистерской подготовки «Теория языка». Курс «Теория речевых жанров» как отдельная дисциплина вариативной части общенаучного цикла дисциплин подготовки магистров читается для магистрантов Саратовского государственного университета с 2012 г. Изучение языка должно строиться как обучение речевой деятельности, где конечный результат состоит в овладении системой языка как функцией, тогда язык будет восприниматься как специфический способ выражения мыслей и чувств, позволяющих личности осознать во всей силе и красоте родной язык, нравственно-эстетическую концепцию мира и человека, обогатить в процессе познавательной деятельности свой духовный мир. Новые цели требуют изменения технологии преподавания: перевод познавательной деятельности с интуитивно-подражательного владения языком на продуктивно-творческий.

Цели освоения дисциплины вариативной части общенаучного цикла «Спецкурс (“Теория жанров речи”):

1) введение студентов в предмет лингвистического и дискурсивного жанроведения. Поскольку в состав магистрантов входят не только

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

выпускники института филологии и журналистики, но и люди без филологического образования, цель курса не только углубление знаний о речевых теориях в современной лингвистике, но и ознакомление с основными понятиями и проблемами общей теории дискурса, без чего невозможно дальнейшее освоение лингвистических курсов программы;

2) ознакомление студентов с местом речевого жанра в речевой деятельности; с основными теоретическими проблемами лингвистического и дискурсивного жанроведения и современными методами их решения с учетом новейших теоретических достижений в фундаментальной и прикладной лингвистике; углубление знаний по основным понятиям, применяемым при лингвистическом описании высказывания и текста;

3) освоение магистрантами основных понятий, необходимых для понимания как самих дискурсивных теорий, так и последующих лингвистических общенаучных и специальных курсов.

1. Место дисциплины в структуре ООП магистратура

Спецкурс «Теория жанров речи» читается на I курсе магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 «Филология», профессионально-образовательная программа «Теория языка»; является одной из специальных лингвистических дисциплин. Данная дисциплина углубляет знания, полученные в ходе освоения магистрантами предшествующих дисциплин базового общенаучного цикла – «Филология в системе современного гуманитарного знания»; «История, философия и методология науки о языке». Поскольку спецкурс «Теория жанров речи» входит в состав дисциплин вариативной части общенаучного цикла и является дисциплиной по выбору, характер курса обуславливает тесную его связь и взаимодействие с параллельно читаемыми курсами «Психолингвистика», «Прикладная лингвистика», «Теория и практика перевода», с последующими курсами «Семиотика», а также с дисциплинами по выбору «Коммуникативный практикум по иностранному языку» / «Углубленный практический курс иностранного языка».

2. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины «Спецкурс («Теория жанров речи»)».

В результате освоения дисциплины формируются следующие компетенции:

- умение анализировать, сопоставлять и критически оценивать различные лингвистические направления, теории и гипотезы (ПК-3);
- навыки проведения самостоятельных исследований в области теории языка, лингвистики конкретных языков, прикладной и компьютерной лингвистики (ПК-6);

- готовность к проведению практических занятий по лингвистическим дисциплинам в образовательных учреждениях Российской Федерации (ПК-9);
- способность создавать методические пособия и подготавливать учебно-методические материалы по основным лингвистическим дисциплинам (ПК-10);
- знания и умения, необходимые для создания лингвистических компонентов электронных языковых ресурсов (корпусов текстов, словарей, фонетических, лексических, терминологических баз данных) (ПК-12);
- способность разрабатывать лингвистические компоненты систем автоматической обработки естественного языка (синтеза и распознавания устной речи, генерации текста, контент-анализа, автоматического перевода, автоматического реферирования и аннотирования), а также интеллектуальных систем (вопросно-ответных, экспертных) (ПК-15).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

• **Знать:**

- 1) объект теории жанров речи и ее основные единицы; современные представления о структуре и типах речевых жанров, методах их описания; новые направления в данной области;
- 2) место ТРЖ в теории языка и речи и в их интегральном описании; соотношение ТРЖ с синтаксисом, семантикой, психолингвистикой, социолингвистикой;
- 3) историю дискурсивных и речезанровых учений (филологические и герменевтические истоки дискурсивного анализа и ТРЖ в истории лингвистики, коммуникативные истоки дискурсивного анализа); их сильные и слабые стороны; продуктивность использования в фундаментальных семантических исследованиях и для решения и прикладных лингвистических задач;
- 4) языковой и речевой аспекты изучения РЖ;
- 5) основные методы анализа РЖ.

• **Уметь:**

- 1) определять речезанровую структуру, речезанровый тип высказываний разных сфер речевого общения;
- 2) выделять в тексте речевые жанры разных типов (письменные и устные, первичные и вторичные, художественные и нехудожественные,

монологические и диалогические), определять речевую структуру частей и единиц текста;

3) использовать разные методики анализа речевых жанров;

4) применять полученные знания в фундаментальных дискурсивных исследованиях и для решения и прикладных лингвистических задач, в частности, в собственной профессиональной деятельности; в локальных исследованиях на основе существующих методик лингвистического анализа языковых и речевых явлений; формулировать аргументированные умозаключения и выводы; участвовать в научных дискуссиях.

• Владеть:

1) теоретическим аппаратом и экспериментальными методиками жанроведения;

2) навыками использования разных методик анализа коммуникативной семантики и прагматики высказывания и текста;

3) практическими навыками применения полученных знаний в научно-исследовательской, педагогической, прикладной и проектной деятельности, при обработке русскоязычных и иноязычных текстов, экспертном лингвистическом анализе звучащей речи и письменных текстов, в производственно-практических целях; разработке, внедрении и сопровождении лингвистического обеспечения электронных информационных систем и электронных языковых ресурсов различного назначения.

3. Структура и содержание дисциплины «Спецкурс “Теория жанров речи”».

Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетные единицы, 108 часов.

Содержание дисциплины

Введение	7
I. Теория речевых жанров как одна из основных областей лингвистики	
1.1. История ТРЖ как междисциплинарной области	9
1.1.1. Лингвистические истоки теории речевых жанров	12
1.1.2. Жанры речи и М.М. Бахтин.....	22
1.2. Формальные и содержательные тенденции в теории речевых жанров	
1.2.1. Лингвистическое изучение речевых жанров (генристика)	30
1.2.2. Прагматическое изучение речевых жанров (жанроведение)	37
II. Определение РЖ	
2.1. Место жанра в речевой системности	40

2.2. Лингвистический аспект РЖ (жанр речи и язык)	45
2.3. Речевой жанр и параметризация речи	60
2.4. Место РЖ по отношению к смежным явлениям речевой системности	
2.4.1. Речевой жанр и коммуникативный жанр	76
2.4.2. Речевой жанр и речевой акт	77
2.4.3. Речевой жанр и стиль	81
2.4.4. Речевой жанр и речевое событие	87
2.5. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра	91

III. Классификация речевых жанров

3.1. Основания классификации речевых жанров	100
3.2. Противопоставление «первичных» и «вторичных» жанров	
3.2.1. Разные определения жанровой вторичности	107
3.2.2. Диады	116
3.3. Противопоставление жанров по шкале «жесткость vs. свобода»	
3.3.1. Тексты и жанры жесткой и мягкой формализации	124
3.3.2. Жанры в парадигме прямой и не прямой коммуникации	133
3.3.3. Косвенные речевые жанры	140
3.4. Внутренняя классификация и отдельные типы речевых жанров	
3.4.1. Фатические речевые жанры	142
3.4.2. Жанры разных социолингвистических типов дискурса	163

IV. Речевой жанр и языковая личность

4.1. Теоретические проблемы персонологической генристики	171
4.2. Жанр и модельная языковая личность	176

V. Речевой жанр и национальная культура

5.1. Универсальные и культурно-специфические типы и жанры дискурса	183
5.2. Ценностная обусловленность речевых жанров в разных лингвокультурах	191

Выводы	195
---------------------	-----

Библиография	197
---------------------------	-----

Контрольно-измерительные материалы	242
---	-----

4. Образовательные технологии

Характер курса требует сочетания практического закрепления знаний с аудиторной проверкой их усвоения – обсуждение результатов самостоятельных работ магистрантов (проверка получаемых навыков типологического анализа единиц разного уровня) и кратких рефератов

прочитанной литературы, на завершающих занятиях – аудиторное компьютерное тестирование.

Основная часть занятий проводится с использованием электронных презентаций (создан электронный банк презентаций по темам курса). На практических занятиях выполняются задания по специально разработанной системе упражнений (каждый магистрант получает задания по темам в электронном виде), используются различные виды тестирования, включая контрольный компьютерный тест; проводятся конкурсы на лучший реферат по истории типологических исследований, викторины и творческие соревнования аналитических рабочих групп по переводу, определению типологических признаков языковой структуры в высказывании, тексте в языках мира (на материале русского и английского языков). Для внеаудиторной работы предлагаются задания, ориентированные на использование Интернет-ресурсов, самостоятельную обработку языкового и речевого материала с использованием современных методов типологических исследований.

5. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы магистрантов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины.

Используются следующие виды самостоятельной работы:

Чтение учебной и научной литературы, рекомендованной преподавателем, основных теоретических положений в разработанном для курса пособии с последующим проведением индивидуальных отчетов по контрольным вопросам по каждой теме курса.

Выполнение домашних заданий: лингвистические задачи, лингвистический анализ подготовленных текстов. Предлагаются как общие для учебной группы, так и индивидуальные или групповые задания. При выполнении индивидуальных и групповых заданий на практических занятиях проводится презентация (в том числе электронная) и обсуждение полученных результатов.

Выполнение заданий аналитического и исследовательского характера, например: подготовка рефератов по истории дискурсивных исследований, сообщений экспериментальным методам в теории речевых жанров.

Отчет о выполненной работе представляется в виде кратких (5-10 минут) сообщений (с электронной презентацией) на практических занятиях, а также в виде развернутой письменной (реферативной) работы.

Введение

Теория речевых жанров (далее – ТРЖ) в ее современном виде стала одним из наиболее актуальных и значимых направлений дискурсивной лингвистики (о развитии и современном состоянии ТРЖ в России и за ее пределами см., например, в монографиях и коллективных монографиях: [Swales 1990; Adamzik 1995; Gatunki mowy 2000-2007; Witosz 2005; Антология речевых жанров 2007; Fix 2008; Дементьев 2010; Покровская и др. 2011; Шерстяных 2013], журнале «Жанры речи»²). История ТРЖ ознаменовалась целым рядом важных достижений на пути осмысления функционирования языка и речевой системности. ТРЖ влияет на многие смежные дисциплины, которые используют положения данной теории для достижения своих специальных целей (например, при реконструкции национально-языковых картин мира и систем коммуникативных ценностей), а также при решении задач, являющихся общими для всех речеведческих дисциплин (например, осмысление того, как строится и воспринимается речь на естественном человеческом языке в разных формах, сферах, регистрах).

Антропоцентрическое языкознание опирается на понятие речевого / коммуникативного жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров становится одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых «вне» ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

Жанровое оформление коммуникативного поведения относят к основным «постулатам коммуникативной лингвистики», представляющим собой обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке [Карасик, Слышкин 2007: 336].

В России сформировалось несколько центров (Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Москва, Новосибирск, Омск, Орёл, Пермь, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь), где последовательно и весьма успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ.

С середины девяностых годов прошлого века появилось много серьезных работ в данной предметной области, например, докторские диссертации В.А. Салимовского «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Научный академический текст» (2002) и И.Н.

² В 1997-2012 гг. – серийный сборник, с 2013 – международный журнал. Онлайн-версию журнала см.: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>, сборника – <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi>.

Борисовой «Русский разговорный диалог: структура и динамика» (2001), монография М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» (1999 и 2004), циклы статей М.Ю. Федосюка, А.Г. Баранова, К.Ф. Седова.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

I. Теория речевых жанров как одна из основных областей лингвистики

1.1. История ТРЖ как междисциплинарной области

Развитие теории речевых жанров в последнюю треть двадцатого века не было, конечно, свободно от общего состояния лингвистической (шире – филологической) науки и более активного развития отдельных ее направлений. Собственно, взаимодействуя с новым направлением науки, ТРЖ каждый раз раскрывалась в новых своих аспектах и гранях. Периодически появлялись работы, посвященные новым, не рассматривавшимся ранее аспектам речевых жанров, у ТРЖ усматривали новые объяснительные возможности (ср. исследования последних лет: [Кравченко 2003; Маркова 2003; Горошко, Саенко 2005; Слышкин 2005; Степанов 2005; Алефиренко 2007]). В целом такие явления свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамичном развитии, хотя, к сожалению, названные попытки далеко не всегда приносили по-настоящему убедительные результаты и не всегда сопровождалась по-настоящему адекватным осмыслением сущностной природы взаимодействующих в данном случае научных дисциплин, их индивидуальных объясняющих возможностей и специфики.

Известно, что нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой.

Становление прагмалингвистики прошло под знаком трепетной надежды лингвистов на то, что эта новая, максимально приближенная к «живой жизни» языка внешелингвистическая дисциплина наконец-то сдернет завесу тайны с многих давних «тайников» языка и речи. Так, по мнению И.П. Сусова, интегративное толкование предмета прагматики делает понятие с е м и о т и к и, делящейся, согласно Ч. Пирсу и Ч. Моррису, на синтактику, семантику и прагматику, вообще излишним, поскольку «абстрактная, или теоретическая, прагматика нередко претендует на универсальный характер, стремясь показать возможность применения формального аппарата к прагматической интерпретации естественных языков, в частности логики действия и математической теории игр» [Сусов 1983: 6-9]. Тогда задача-максимум прагмалингвистики состоит в том, чтобы изучать соотношение типов дискурса и типов личности, задача-минимум – построение типологии языковых личностей [Сусов 1989: 15]. Объясняющие потенции прагмалингвистики были использованы чрезвычайно разносторонне и широко – тоже гораздо шире, чем это предполагалось в то время, когда основные положения теории речевых актов еще только начинали разрабатываться: со временем ТРА становится действительно наиболее разработанной и точной методикой анализа речи, ее методика и терминология доводятся до отточенности, филигранности – и... ТРА начинает вырождаться. На смену универсализму приходит атомизм, схематизм без учета психологического состояния каждого из коммуникантов, крен в сторону одного иллюкутивного компонента речевого акта по сравнению с локутивным и перлокутивным, господство формальной логики и как следствие потеря собственно текста, реального говорящего, реального общения – все это привело прагматику, как писала Т.Г. Винокур [Винокур 1993а: 20-21], к определенному кризису, когда в центре внимания оказались модели и прагмалингвистика перестала соответствовать своему назначению – быть

наиболее личностно-ориентированной и наиболее связанной с действительностью внешнелингвистической дисциплиной.

В случае ТРЖ, впрочем, мы имеем несколько другое: по-видимому, настоящей «потери реальной речи» все же не произошло, однако энтузиазм, присущий первым исследователям, постепенно схлынул, ибо реальные результаты оказались все же скромней, чем это представлялось лет 15-20 назад.

Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров» в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована.

Во-вторых, постоянно способствовала развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции.

Это верно уже по отношению к зарождающейся в двадцатые годы концепции М.М. Бахтина (книга Бахтина / Волошинова «Марксизм и философия языка») и складывавшейся в те годы научной парадигме в лингвистике. Обычно концепцию РЖ Бахтина по ее пафосу и месту в советской и мировой лингвистике двадцатых годов определяют как «антиструктуралистскую» (и в этом смысле как бы преждевременную и поэтому не востребованную современниками в настоящем виде). Касается это и гораздо более четко разработанной в собственно лингвистической терминологии концепции речевого жанра Бахтина начала 50-х годов (статья «Проблема речевых жанров»). В это время общий пафос научной деятельности Бахтина был во многом направлен против «виноградовского структурализма»: общий формально-структурный крен в лингвистической науке уже совершенно очевидно стал фактором, активно препятствующим настоящему осмыслению настоящего положения дел.

В то же время высказывания Бахтина о «виноградовской лингвистике» (и системно-структурной лингвистике в целом) этого периода уже гораздо более сдержанны, чем, например, работы Бахтина / Волошинова двадцатых годов: в статье «Проблема речевых жанров», по мнению В.М. Алпатова, очевиден отход от максимализма «волошиновского цикла», где язык в сосюровском смысле рассматривался как фикция, ограниченно полезная в целях обучения языка, а идеологичность приписывалась любым языковым явлениям [Алпатов 2005: 313]³. Уже в самом начале статьи «Проблема

³ Следует отметить, что в современной лингвистике, филологии и философии существуют разные традиции прочтения творческого наследия М.М. Бахтина, в частности, его цикла работ по речевым жанрам. Так, автор комментариев к собранию сочинений

речевых жанров» мы читаем: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» [Бахтин 1996: 159]. Из этой цитаты видно, что язык по М.М. Бахтину – не абстракция: использоваться может что-то реально существующее. Ср. также: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» [Бахтин 1996: 188]. Очевидно, что язык понимается здесь в традиционном смысле, уточненном Ф. де Соссюром.

Выделив «абстрактный объективизм» и «субъективный идеализм» в лингвистической науке, Бахтин теперь определяет сущность и место РЖ следующим образом: (а) РЖ объективно есть, как и язык; (б) как и язык, РЖ могут изучаться либо с позиций абстрактного объективизма, либо с позиций субъективного идеализма – хотя, конечно, «субъективный идеализм» всегда был ближе Бахтину.

В конце 1970-х, когда в СССР выходит первая книга Бахтина «без маски» со статьей «Проблема речевых жанров», изучение речи в лингвистической научной парадигме в целом определялось: (а) советской / зарубежной коллоквиалистикой / методикой конверсационного анализа (для советской школы изучения разговорной речи этого периода, в частности, серии коллективных монографий «Русская разговорная речь» (Москва), характерен поиск особой речевой системности, отличной от языковой); (б) теорией речевых актов: как и лингвистика на Западе, российская лингвистика в это время успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Дж. Остина – Дж. Серля. В «постструктуралистской» лингвистике становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса. В то же время эти внешелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей – системно-структурной – научной парадигме.

Прежде всего через призму данных теорий тогда и была встречена концепция речевого жанра М.М. Бахтина: первые попытки ее практического использования отмечены значительным сближением ее положений именно с коллоквиалистикой и теорией речевых актов – тем более что для лингвистики речи этого времени характерна, с одной стороны, общая

М.М. Бахтина Л.А. Гоготишвили считает, что главная отличительная особенность его текстов – так называемое двойное дно, «чужой голос» (в том числе в работах, написанных и изданных под именем самого М.М. Бахтина) [Гоготишвили 1996: 537-538]. Полемизируя с Л.А. Гоготишвили, В.М. Алпатов полагает, что статья «Проблема речевых жанров» и другие работы, написанные в Саранске, – отражение не «чужого», а «прямого слова» автора, который не обладал заранее истиной, которую пытался затем завуалировать для неподготовленного читателя, а искал ее и далеко не всегда мог найти [Алпатов 2005: 294].

прагматикализация научного аппарата, с другой – поиск базовой единицы, в формальном и особенно содержательном отношении превосходящей предложение / речевой акт (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). В получившей широкую известность статье А. Вежицкой «Речевые жанры» [1997 (первая публикация – в 1983 г. на польском языке)] отразилось именно это состояние лингвистики речи.

Отмеченные особенности в полной мере присущи и последующим этапам развития теории речевых жанров.

Так, к концу 80-х – началу 90-х положения ТРЖ подвергаются дальнейшей прагматикализации, методика теории речевых актов (отсюда – формальной логики) в жанроведческих исследованиях этого времени (генристике) господствует, в результате ТРЖ с неизбежностью становятся присущи все названные выше недостатки ТРА.

Примерно в это же время (в некоторых положениях – значительно раньше) концепция РЖ была востребована в функциональной стилистике, идущей, как известно, от В.В. Виноградова (см. ниже о «функционально-стилистическом жанроведении»). (Данный факт, кстати, доказывает, что идея РЖ сама по себе совсем не была антивиноградовской.)

К середине – концу 90-х годов, вместе с общей семантизацией и «когнитивизмом» лингвистических концепций в российской и мировой лингвистике, исследования по речевым жанрам тоже становятся все более семантическими и «когнитивными», на первый план выходит содержательная сторона речевого жанра, а само понятие «жанр» в значительной степени взаимодействует и пересекается с понятием «концепт». Показательно, что РЖ вновь становится (в другом смысле) базовой единицей (а) когнитивного анализа дискурса, (б) изучения коммуникативной компетенции и (коммуникативных) концептов, (с) национально-культурной (языковой и коммуникативной) картины мира, (d) портретирования языковой личности и (e) лингвокультурных типажей.

Дальнейшая семантизация научного аппарата лингвистики ознаменовалась, с одной стороны, усилением внимания к содержательной стороне языковых единиц, с другой – вовлечением в лингвистический обиход содержательных явлений сложной природы, которые раньше не подвергались систематическому изучению в лингвистике (манипуляция, (полиинтенциональный) намек, ирония и др. аспекты непрямо́й коммуникации). При лингвистическом изучении данных явлений вновь – в несколько другом виде – оказываются востребованными объясняющие потенции речежанровой модели.

1.1.1. Лингвистические истоки теории речевых жанров

Мы не будем, естественно, представлять классический структурализм, против положений которого был прежде всего направлен полемический пафос работ и Бахтина, и Бахтина / Волошинова (и позже А. Вежицкой): то

было явно не лучшее время для изучения речевых жанров – как и речи в целом.

Нас интересует уже постструктуралистское состояние лингвистики, где исправлялись издержки структурализма (в первую очередь невнимание к речи и тексту), – то состояние лингвистики, когда она уже «созрела» для того, чтобы теоретически и практически благосклонно воспринять идеи Бахтина, высказанные 20, 30 и даже 50 лет назад.

Если принять за условную точку отсчета 1978 год, когда в СССР впервые выходит статья «Проблема речевых жанров» М.М. Бахтина (или 1979, когда она выходит в полном виде), к этому времени «жанроцентризм» (по выражению Т.В. Шмелевой [Шмелева 1992: 5-8]) уже становится одним из основных подходов к исследованию устной диалогической речи (наряду со звукоцентризмом, словоцентризмом и риторическим направлением).

Так, говоря об общем развитии речеведческой науки в России, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова вспоминают, что «Уже в первой хрестоматии русской разговорной речи корпус текстов был организован по жанровому принципу» [Китайгородская, Розанова 1999: 21], а основания для выделения «типов речи» уже тогда по сути представляли собой жанровые параметры: «Часть компонентов КА (коммуникативного акта – *В.Д.*), которые были признаны значимыми для выделения разновидностей устной речи, фигурируют в качестве существенных, влияющих на ее жанровую дифференциацию (характер коммуникации, вид коммуникации, число участников, их коммуникативные намерения и др.)» [Там же].

В «добахтинской» литературе представлено множество определений жанра. В целом эти концепции можно разделить на две группы:

Первую группу составляют концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Н. Буало). Однако такой подход, по-видимому, малопригоден для лингвистического изучения речи, поскольку лишен необходимой гибкости и динамизма. В этом случае жанр понимается или очень узко (например, в БСЭ – только применительно к произведениям художественной литературы и искусства), или, наоборот, слишком широко. Так, в энциклопедии «Русский язык» (1979) и в коллективной монографии «Русская разговорная речь» [PPP 1973] речь идет лишь о жанрах монолога, диалога и полилога (впрочем, в последней работе перечислены «распространеннейшие жанры диалога – дружеская беседа, непринужденная болтовня, разговоры двух лиц в семье, с соседом и т.д.» [PPP 1973: 35]). К сожалению, упрощенное представление о речевом жанре характерно не только для «добахтинского жанроведения» – точно такое же определение речевого жанра оказывается представлено на страницах Лингвистического энциклопедического словаря [Винокур Т.Г. 1990: 381] (в том числе – при его переиздании в 1998 г.).

Вторая группа исходит из описания отдельных аспектов жанровой организации речи. В этих работах, безусловно, содержится много ценного,

однако в них нет целостной и четкой концепции РЖ. В частности, отмечается существование стереотипов, устойчивых форм речи и речевого поведения [Шведова 1960; Скребнев 1985; Тарасов 1977; Соковнин 1974]; соответствие речевых действий типу действительности [Верещагин, Костомаров 1976: 152; Лаптева 1976; Белл 1980]; структурность [Демьянков 1981; Ромметвейт 1972]; вторичность составных элементов базовой единицы [Пешковский 1938, Жинкин 1982: 108-194]; отношение к интерпретации и классификации (В.Я. Пропп – для фольклорных жанров [Пропп 1976: 34-35]), [Демьянков 1981; Колшанский 1983; Леви-Стросс 1983]; связь с речевым этикетом [Гольдин 1978; 1983].

В целом такой подход характерен для социолингвистов, психолингвистов, философов, этнографов и антропологов, а также для тех лингвистов, которые изучают с разных сторон разговорную речь. Прежде всего это касается «диалогического единства».

Диалогическое единство (далее – ДЕ), согласно Н.Ю. Шведовой, – это сочетание реплики-стимула и реплики-реакции «по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 281]. ДЕ было выделено исследователями русской разговорной речи на рубеже 50-60 гг. и вначале рассматривалось исключительно со структурно-грамматической точки зрения [Святогор 1960: 19; Орлова 1968; Лаптева 1974]. По мнению Н.Н. Гастевой, при таком подходе ДЕ «вырывались из диалогической структуры, в которую они входят» [Гастева 1990: 17]. К концу 70-х г.г., когда в результате активного изучения РР было доказано, что (в РР) смысловая организация высказываний гораздо важнее формальной («принцип превалирования смысла над формой» В. Барнета [Barnet 1970]), стали считать возможным выделение ДЕ на основе и / или только (вместе со структурной) смысловой связи [Девкин 1979: 25; Колшанский 1984: 93]. С 80-х г.г. большинство исследователей в качестве основного признает прагматический критерий [Комина 1984; Макаров 1990; Матвеева 1990]. При таком подходе ДЕ усложняется до многочленного (оно больше, чем просто сочетание «стимул-реакция») и необязательно должно иметь вопросительную исходную реплику [Гастева 1990]. Это вновь чрезвычайно сблизило понимание ДЕ с концепцией РЖ Бахтина.

В целом место РЖ в коллоквиалистике определяется самой логикой ее развития с начала шестидесятых годов XX века: вопреки распространенному системно-структурному подходу, который, как известно, отрицал наличие системы в речи («на оси времени»), были выявлены многие системные особенности разговорной речи (см., например, мнение авторов коллективной монографии «Русская разговорная речь» [РРР 1973]). Изучение русской разговорной речи, осуществляющееся в Саратовском университете под руководством О.Б. Сиротининой, исходит из того, что это система иного типа, нежели система языка: это очень нежесткая система, в любой речи присутствует очень значимое несистемное начало.

Разностороннее изучение русской разговорной речи прояснило многие значимые свойства ее жанров. Было установлено, что речевые жанры являются неотъемлемой частью и основным средством организации разговорной речи – сложного коммуникативного феномена, чаще всего характеризующегося непосредственностью, спонтанностью,

неофициальностью, постоянным активным участием слушающего (как следствие – частой сменой тем, коммуникативных ролей, непредсказуемостью).

Принципиально важные положения для развития теории речевых жанров, на наш взгляд, разработаны в двух фундаментальных исследованиях синтаксических аспектов РРР, выполненных на рубеже 80-х – 90-х гг. под руководством О.Б. Сиротининой: докторской диссертации М.А. Кормилициной и кандидатской диссертации Н.Н. Гастевой.

В работе М.А. Кормилициной [1988] доказывается, что развертывание РРР часто осуществляется по правилам, отличным от норм формального синтаксиса. Даже простое предложение в РРР как правило имеет сложный для понимания характер, поскольку говорящий стремится передать коммуникативно значимую информацию максимально экономными средствами, опуская всё «лишнее», малоинформативное. В РР имплицитные высказывания далеко не всегда могут быть «дополнены» до соответствующих эксплицитных с тождественным смыслом (ср. широкое использование в РР косвенных номинаций события конкретными именами в пропозитивном значении, компликаторов с двусторонними семантическими связями и др.).

В кандидатской диссертации Н.Н. Гастевой, посвященной диалогическим единствам в РР [1990], доказывается, что кроме собственно языковых аспектов связности, являющихся основой вопросно-ответного единства, в РР существуют очень значимые диалогические единства, связь реплик в которых обусловлена коммуникативно-прагматическими факторами: «<...> в более или менее длительном разговоре» реакции на повествовательные высказывания «типичны, характерны для ведения диалога, они принципиально обязательны... и отражают его (диалога – В.Д.) сущность» [Гастева 1990: 96]. Ср. вопросно-ответные ДЕ с грамматической связью: – *А куда делся этот старшина?* – *Она его застрелила*; вопросно-ответные ДЕ без грамматической связи: – *Как определяются грамматические ошибки?* – *Вопрос* [Там же]. При таком подходе диалогическое единство усложняется до многочленного (оно больше, чем просто сочетание «стимул-реакция»). Это сближает понимание диалогического единства с концепцией речевого жанра М.М. Бахтина. К несомненно сильным сторонам диссертации можно отнести прагматическое основание выделения ДЕ и анализ отдельных реплик с точки зрения их роли в целом ДЕ: так, Н.Н. Гастева называет, опираясь на И.П. Святогора [1967] и частично переосмысляя его, виды реагирующих реплик (в порядке убывания частотности): 1) согласия, подтверждения; 2) «оценка»; 3) уточняющие вопросы; 4) несогласия, возражения; 5) «подхваты»; 6) переспросы; 7) «сопоставления» («а у нас...»); 8) «уяснения» («а-а, вон оно что!») [1990: 101-103].

Повторяем, несмотря на то, что отсутствие четкого и общепринятого представления о речевом жанре отрицательно сказывается на «жанроцентризме» в изучении речи тех лет, положение о настоящей, сущностной связи реплик в таких диалогах по сути чрезвычайно сближается с бахтинским учением о «содержательной завершенности» высказывания, границы которого определяются именно возможностью занять по отношению к нему ответную содержательную (по сути прагматическую) позицию (например, выполнить приказание) [Бахтин 1996: 178].

Исследование ДЕ не стало менее активным после публикации и распространения идей Бахтина. Напротив, можно сказать, что изучение ДЕ (прежде всего с прагматических позиций) еще больше активизируется. Исследователи строят оригинальные объясняющие модели, выделяют новые

значимые аспекты ДЕ и связности реплик, входящих в его состав.

Следует отметить представляющееся важным для изучения диалогической речи понятие «прагматической валентности», которое вводится (по аналогии с понятием синтаксической валентности в синтаксисе) в кандидатской диссертации Н.А. Коминой [1984], посвященной коммуникативно-прагматическому изучению английской диалогической речи. Исследовательница устанавливает, что прагматическая валентность определяется, в первую очередь, иллокутивным типом реплики-стимула и может быть сильной (*директив*, *вопрос*, *комиссив*, *экспрессив*, *констатив*) и слабой (*декламация* и *вокатив*). В 90-е годы коммуникативно-прагматические аспекты связности ДЕ продолжают активно изучаться в ряде школ по лингвистике текста, в частности в Перми, в рамках общего изучения синтаксической деривации под руководством Л.Н. Мурзина.

В целом представляется вполне закономерным, что наиболее значительные перемены как в количественном, так и качественном отношении к этому времени происходят в прагматике и теории речевых актов (см. ниже о генетической близости понятий «речевой акт» и «речевой жанр»). Именно данная предметная область в результате в наибольшей степени сближается с рядом важных положений жанроведения.

По мнению А. Вежбицкой, популярность теории речевых актов (например, по сравнению с идеей «языковых игр» Л. Виттгенштейна) связана с аксиоматичным признанием существования какого-то, возможно, конечного набора речевых актов – «маленьких и разнообразных единиц, близких традиционным объектам языкознания» [Вежбицка 1997 (1983): 102]. Выбор структурных элементов РЖ из этого набора соотносим со «стилем РЖ» Бахтина.

Существует довольно много классификаций РА, построенных на различных основаниях. Наиболее распространенным является иллокутивно-перформативный критерий, впервые примененный в ставших классическими типологиях Дж. Остина [Остин 1986], Дж. Серля и Д. Вандервекена [Серль, Вандервекен 1986: 180]; см. также [Почепцов 1981; Апресян 1986: 208-233] и др.

К классификациям, основанным на других критериях, относятся, например, таксономии Дж. Лича, Т. Баллмера и В. Бренненштуль, Д.Г. Богушевича, У. Стайлза.

У. Стайлз разрабатывает 8-классную таксономию, основанную на трех принципах: источник опыта (отражает ли высказывание идеи, сведения, чувства и поведение говорящего или адресата), структура референции (описывается ли говорящим опыт со своей точки зрения или с точки зрения, которую он разделяет с адресатом), фокус (знание или незнание говорящим опыта или структуры референции адресата [Stiles 1981]).

Т. Баллмер и В. Бренненштуль строят таксономию по многоступенчатому иерархическому принципу. Выделяются шесть общих «моделей»: волюнтаривная (воздействие на другого), языковой борьбы, дискурсивная (внешняя организация разговора, типы разговора), текстовая (производство, получение, манипулирование текстами) и др. [Ballmer, Brennenstull 1981: 131].

Данные модели, учитывающие адресата высказываний, имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности «стимул-реакция») и объясняют не только парадигматику, но частично и синтагматику РА как структурных элементов РЖ. Абсолютное большинство исследований последней посвящено именно двухчленным единствам, и прежде всего – вопросо-ответным [Чахоян 1979: 67; Гак 1982: 75; Бырдина 1985; Орлова 1968].

Основатель «теории сложных речевых актов» В.И. Карабан, анализируя возможные отношения между иллокутивными целями (включенность: $РА_1 \rightarrow РА_2$, тождество: $РА_1 = РА_2$ и отношение способствования: $РА_1 \rightarrow \emptyset \rightarrow РА_2$, по Л. Ельмслеу), выводит три типа сложных (двучленных) речевых актов: 1) комплексный акт с отношением субординации между компонентными простыми актами; 2) композитный акт с отношением координации между компонентами; 3) составной акт, в котором компонентные акты связаны отношением специфического способствования [Карабан 1989: 13-14].

Поскольку ДЕ «стимул-реакция», как уже было сказано, с неизбежностью вырывается из структуры целого диалога и отражает лишь одну локальную и однонаправленную связь между двумя линейно последовательными репликами, на рубеже 70-х – 80-х годов ведутся активные поиски другой единицы диалога, более содержательной и соответствующей сути диалога. Поиски эти идут в нескольких направлениях.

Часть лингвистов отмечает соотносительность ДЕ со сверхфразовым единством в монологической речи [Москальская 1981; Киселева 1978; Ковалева 1980; Серкова 1978; Бурвикова 1981; Борботько 1981]. Сюда же можно отнести работы Н.Д. Тамарченко, предлагающего исследовать отпечатки диалогичности (внешняя адресованность, семантическая двойственность) отдельных реплик, входящих в диалог [Тамарченко 1982: 40]. Эти исследователи изучают диалогические тексты в категориях «последовательности», «главы (абзаца)», «ключевого слова». Однако большинство исследователей исходит прежде всего из диалогической сущности разговорного текста.

В начале 1990х годов А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин публикуют в «Вопросах языкознания» свой ставший с тех пор широко известным цикл статей об **иллокутивном вынуждении** в диалогических единствах. Исследователи вводят термин **«минимальная диалогическая единица»** (МДЕ): «МДЕ, или минимальный диалог, – это последовательность реплик двух участников диалога – адресанта и адресата, – характеризующаяся следующими особенностями: (i) все реплики в ней связаны единой темой; (ii) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; (iii) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; (iv) внутри данной последовательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям (i) – (iii) [Баранов, Крейдлин 1992: 82-84]. РА является независимым, когда его

производит человек согласно своим интенциям; РА зависим, когда его появление вынуждает предшествующий РА. Самовынуждение имеет место, когда первая реплика первого автора вынуждает вторую того же автора (например, реплики *Встать! Суд идет!* связаны самовынуждением, а в ДЕ (1) – *Знаешь что?* (2) – *Что?* (3) – *Федор вчера вернулся* (4) – *Ну да?!* отношения между репликами значительно сложнее: здесь есть вынуждение между (1) и (2), (2) и (3), (3) и (4) и самовынуждение между (1) и (3).

Изучением закономерностей «вынуждения» появления РА (предыдущим(и) РА, собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов) занимались многие исследователи независимо от Бахтина – например, Н.И. Жинкин («уровни развертывания текста») [Жинкин 1982], Т.А. ван Дейк (понятие «текстового структуратора») [Дейк ван, Кинч 1988].

В.Г. Гак, разработавший учение о «номинационной цепочке» [Гак 1972], Н.И. Серкова [Серкова 1978], И.Э. Давкова [Давкова 1994] и исследователи семантической когерентности текста (в том числе разговорного) из бывшей ГДР [Harweg 1968; Steinitz 1968; Isenberg 1968; Viehweger 1976; Heinemann 1982] опираются на понятия «основной предмет речи», «семантическое сходство» (часто тождество) и «отражение» высказываний в тексте, «тематическая петля», «подтема». Т.В. Матвеева предлагает заменить термин «номинационная цепочка» В.Г. Гака термином «цепочка хода мысли» [Матвеева 1990: 22] и добавляет к «линейным» текстовым категориям (к которым относятся цепочки) «полевые» и «объемные» [Матвеева 1990: 16-20].

Существует обширная литература о тема-рематическом развитии диалога, опирающаяся на идеи В. Матезиуса. О. Йокояма предлагает описывать развитие последовательности высказываний при помощи шкалы **импозиции**, т.е. навязывания собеседнику неадекватной темы разговора [Йокояма 1992: 95-98]. Исследовательница использует понятие **коммуникативного динамизма** Я. Фирбаса – способность данного элемента способствовать развитию дискурса, то, что «толкает» его вперед [Firbas 1971: 135-136]. Чем более контекстуально независим элемент, тем выше его степень коммуникативного динамизма.

Развивая оригинальную концепцию Ф. Данеша [Daneš 1970], изучением **тематических прогрессий** занимаются Л.Н. Мурзин [Мурзин, Штерн 1994: 31], М.Л. Макаров [Макаров 1990: 44], Н.И. Теплицкая [Теплицкая 1984] и др. Так, выделяются кустовые прогрессии $T_1 \rightarrow P_1$; $T_1 \rightarrow P_2$; $T_1 \rightarrow P_3 \dots$ типа: *Дом был новый. Он стоял на косогоре* и цепочечные прогрессии $T_1 \rightarrow (P_1 = T_2) \rightarrow (P_2 = T_3) \rightarrow P_3 \dots$ типа: *Дом был новый. Новизна его бросалась в глаза*.

Осмысление речевой системности, отличной от языковой, успешно осуществляется в Саратовской лингвистической школе в конце 1990х годов в исследованиях по психологическим, социологическим, текстовым особенностям РРР [Вопросы стилистики 1998; 1999], и прежде всего – в исследованиях по **синтаксису речи**. В выполненных под руководством О.Б.

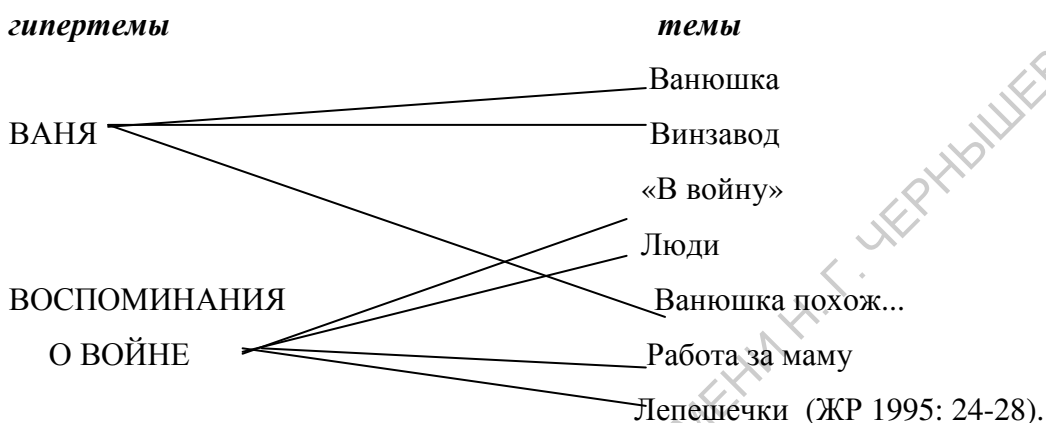
Сиротининой диссертациях: докторской Т.Н. Колокольцевой [2001] и кандидатской Е.Ю. Викторовой [1999] выявляются текстообразующие потенции **коммуникативов** – вербальных реакций собеседников на реплику, не содержащих предикативности (*О! Слушай/ какие у тебя цветы-то// у! Это откуда у тебя цветы такие? <...> – Пряж весенние – Ой!//*).

Концептуально ближе к идее РЖ (фрейма) «вертикальные» текстопорождающие модели [Одинцов 1980; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Дейк ван 1989; Макаров 1990], обеспечивающие **цельность** текста. Коммуникант вначале «выбирает» определенный РЖ, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» РА и некоторые «предписания» относительно их последовательности. Таким образом, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью (прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра – обязательные и факультативные речевые акты, порождающие и непорождающие и т.д. Понятие порождающего РА используют М.Л. Макаров [Макаров 1990], С.Н. Черемисина (текстообразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме *рассуждение*) [Черемисина 1990], Н.Н. Гастева («ДЕ-образующая» функция реплик) [Гастева 1990]. Это положение явно соотносится со словами Бахтина из книги «Творчество Франсуа Рабле...»: «во всякую эпоху есть свои слова и выражения, употребление которых воспринимается как известный сигнал говорить вольно, называть вещи своими именами, говорить без умолчаний и эвфемизмов...» [Бахтин 1990: 207]. Обязательные РА также можно разделить на конституциональные и неконституциональные. Конституциональные РА выражают сущность РЖ, их прагматическая семантика без остатка входит в прагматическую семантику РЖ, например, РА *приказ* в РЖ *приказ*.

Следует отметить, что тематическая организация разговора традиционно относилась именно к горизонтальным моделям, обеспечивающим только связность, но не цельность текста, а следовательно, данный тип системности как бы априорно объявлялся далеким от собственно жанрового.

Этих ограничений удалось избежать И.Г. Сибиряковой, которая в своей кандидатской диссертации [1996] рассматривает **тематическую организацию разговорных текстов** именно как модель вертикального типа, что становится возможным благодаря выделению не только тематической структуры текста (которую составляют темы и подтемы), но прежде всего гипертематической структуры текста (которую составляют гипертемы – классы, явления иерархически более высокого порядка, чем конкретные темы). Гипертематическая структура в значительной степени базируется на ведущей роли «Я»-темы и «Ты»-темы, а также «Мы»-темы, которые выделяются И.Г. Сибиряковой вслед за Т.В.Матвеевой.

Так, И.Г. Сибирякова выделяет в реальных записях разговорной речи (материалом исследования послужила хрестоматия «Живая речь уральского города» [1995], далее – ЖР 1995) монотематически ориентированные текстовые блоки, объединенные общей гипертемой. При этом наличие в целом разговоре больше чем одной гипертемы делает возможной нелинейную организацию последовательности конкретных тем и тематических блоков, например:

На порождение / структурирование текста ориентированы наиболее разработанные **психолингвистические** модели с центральной проблемой реализации целей и плана говорящего в конкретных условиях коммуникации в соответствии с определенной композиционной схемой [Ахутина 1989; Зимняя 1976; Леонтьев 1969; Щедровицкий 1975].

В 80е гг. все более популярными становятся модели порождения текста «с **прагматическим фокусом**» – прежде всего тема-рематического типа [Fritz 1982: 51; Müller 1984; Viehweger 1984; Gülich 1985; Lindemann 1987; Макаров 1990].

Понятие **динамической структуры РЖ** впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов “hat” ‘шляпа’ (рис. 1).

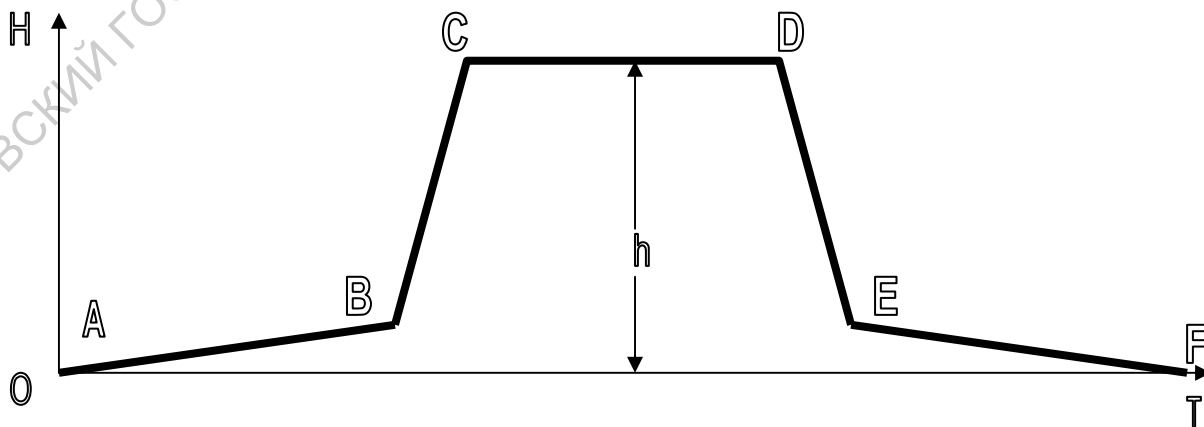

Рис. 1

Взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме “hat” «порождение –

нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ» [Ballmer, Brennenstuhl 1981]. К «обязательному» в динамической структуре РЖ относятся не только РА, но и их порядок.

Соглашаясь с Баллмером и Брененштуль в том, что взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме «порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ», мы склонны рассматривать их модель лишь как частный случай развития РЖ. Начало спада возможно на любой точке отрезка CD (так как величина h не фиксирована) так же, как начало инерционного движения с сохранением достигнутого напряжения. Количество «ступеней» произвольно. «Движение вверх» возможно и после того, как один или несколько раз начиналось «движение вниз».

Наиболее релевантными для РЖ (если факультативны величина h , длина отрезков и даже само их наличие) являются точки А и В. РА в точках А и В, изменяющие направление и напряжение коммуникации, назовем по аналогии с механикой **векторами-ускорениями**. Векторы-ускорения наличествуют в динамической структуре большинства РЖ. Именно вектор-ускорение является той силой, которая заставляет слушающего включиться в систему координат данного РЖ и актуализировать хранящиеся в коммуникативной компетенции (метажанре) классы конституциональных, порождающих и проч. РА данного РЖ.

Обязательными на отрезках ВС и DE, где коммуникация характеризуется определенным направлением, считаем РА-**векторы**, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ, оформляющие соответственно нарастание и спад РЖ, на отрезке CD – РА-**«инерцию»**, продвигающие РЖ к началу спада либо к началу следующего нарастания при неизменном напряжении коммуникации. Факультативными на отрезках АВ, ВС, CD, DE, EF считаем РА-**«балласт»**, не совпадающие с направлением РЖ, но и не задающие коммуникации нового направления и не изменяющие ее напряжения. Векторы, не совпадающие с направлением РЖ, считаем **факультативными векторами** или **антивекторами** (последние противоположны направлению РЖ в данной точке). Факультативный вектор, как правило (но не всегда), как-то изменяет направление коммуникации, при этом его автор не обязательно понимает объективную роль своего РА. Автор антивектора, как правило, понимая развитие и стадию РЖ, сознательно портит или меняет его. И факультативные векторы, и антивекторы суть факультативные РА. (Данная модель использовалась в моей кандидатской диссертации [Дементьев 1995].)

Показательно, что, несмотря на значительные различия, существующие между конкретными направлениями и школами, большинство из них осознанно или неосознанно приближаются к концепции РЖ Бахтина,

предполагающей изучение различных аспектов диалога, (коммуникативного) синтаксиса, когнитивных аспектов коммуникации.

1.1.2. Жанры речи и М.М. Бахтин

Проблеме РЖ Бахтин, как известно, собирался посвятить большую книгу, но не осуществил этого замысла. Теоретические представления о РЖ изложены им в основном в статье «Проблема речевых жанров», вошедшей в книгу «Эстетика словесного творчества», кроме того, – в более ранних работах («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле...»), в вышедшей под именем В.Н. Волошинова книге «Марксизм и философия языка»).

По данным В.М. Алпатова, «<...> уже 18 октября 1950 г. М.М. Бахтин выступал на объединенном заседании кафедр русской и зарубежной литератур Саранского пединститута на тему «Труды И.В. Сталина и литература»; до нас дошло лишь резюме его выступления, где кроме всего прочего упомянута проблема жанра, неразрывно связанная с проблемой языка. Затем начинают появляться черновые наброски и конспекты работ, в значительной части ныне опубликованные [Бахтин 1996: 207-286]. Эти тексты писались в течение 1951 и 1952 гг. Они посвящены прежде всего двум связанным между собой проблемам: диалога и речевых жанров. При этом поначалу в данных текстах основное внимание уделялось диалогу, но в 1952 г. на первый план все более выходила проблема речевых жанров» [Алпатов 2002: 93-94].

Согласно М.М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отливается в готовые формы РЖ, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [Бахтин 1996: 181]. Богатство и разнообразие РЖ так же необозримо, как неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности [Там же: 159].

Типическими для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) [Там же: 181], концепция адресата и концепция «наадресата» [Бахтин 1979: 305].

Следует отметить прагматичность концепции Бахтина. В статье «Проблема речевых жанров», написанной в начале 50-х годов – примерно в то же время, когда Дж. Остин разрабатывал свою концепцию, – высказываются идеи, очень близкие по духу к идее речевого акта. Высказывание (по М.М. Бахтину, – базовая единица речи, противопоставленная предложению как единице языка) – это предложение, погруженное в ситуацию общения и наполненное многими коммуникативными смыслами, которых лишено абстрактное («ничье») предложение. Бахтин не только разработал учение о РЖ, связь которого с теорией речевых актов сегодня общепризнанна, но и выделил такие признаки высказывания, как целенаправленность, целостность и завершенность, непосредственный контакт с действительностью и непосредственное же отношение к чужим высказываниям (через оппозицию «Автор – Адресат»), смысловая полноценность (способность «быть действием», в том числе

определять активную ответную позицию «другого») и, конечно, типичная воспроизводимая жанровая форма. Таким образом, Бахтин фактически охарактеризовал все основные признаки речевого акта.

РЖ как раз являются «типической формой высказываний»: «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин 1996: 159]. В то же время РЖ в определенном смысле «безличны», поскольку являются именно «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [Там же: 192]. Однако РЖ «в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка» [Там же: 181].

В.М. Алпатов обращает внимание на то, что «высказывание» и его жанровые формы по-разному определяются М.М. Бахтиным для диалога и монолога: «В диалоге <...> высказывание равно реплике одного говорящего. Сложнее оказывается ситуация в монологическом (прежде всего в письменном) тексте, в котором другие речевые субъекты в явном виде не присутствуют. Реально в РЖ (статья «Проблема речевых жанров» – В.Д.) речь идет о связном и законченном тексте, что проиллюстрировано примером с романом или трактатом. Однако что представляет собой, например, сборник рассказов или научных статей одного автора, особенно в случае если это не единый цикл? Здесь ясности нет» [Алпатов 2005: 316]

РЖ характеризуется триединством тематического содержания, стиля и композиции высказываний [Бахтин 1996: 159-160].

Понимание Бахтиным темы, стиля и композиции также отличается от традиционного лингвистического – оно прагматично.

Порождение (употребление) РЖ, согласно Бахтину, происходит так: вначале появляется **замысел** – он определяет, с одной стороны, **предмет речи** и его границы, предметно-смысловую исчерпанность и сочетается с предметом речи как субъективный момент высказывания с объективным в неразрывное единство, очевидно, и являющееся **темой** РЖ. С другой стороны, замысел определяет выбор жанровой формы: «Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.» Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром, «складывается и развивается в определенной жанровой форме». В результате этого взаимного влияния складываются стиль и композиция. Наряду с этим моментом существует второй – экспрессивный, т.е. «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» [Там же: 187-197]. Экспрессия также оказывает влияние на стиль и композицию. Оба эти момента чрезвычайно осложняются влиянием чужих высказываний, или «диалогическими обертонами» [Там же: 197-204].

Как видим, **тема** – первый аспект триединства, ближе всех стоящий к замыслу, – существенно отличается от предмета речи, поскольку она, если

можно так выразиться, уже почти готова быть высказыванием. Это предмет речи, который в результате отбора, построения и организации стал таким, что по отношению к нему возможна ответная позиция (говоря современным языком, тема прагматична). **Стиль РЖ** – это модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора, и экспрессия, с которой стиль непосредственно связан. Стиль также прагматичен: он существует не в языке, а в конкретных высказываниях, включенных в контекст конкретной ситуации. Стиль – это как бы «почти выраженная» экспрессия, стиль, как и тема, готов к выражению определенной (экспрессивной) позиции говорящего и к определению, вынуждению ответной позиции.

В.М. Алпатов также отмечает, что «Если о речевых жанрах в РЖ говорится достаточно подробно, то о стилях сказано меньше, а какого-либо определения стиля не дается» [Алпатов 2005: 324]; «Отношение между (речевым) жанром и стилем развивается лишь в одной фразе: «Переход стиля из одного жанра в другой не только меняет звучание стиля в условиях несвойственного ему жанра, но и разрушает или обновляет новый жанр» [Бахтин 1996: 166]. Ясно, – пишет В.М. Алпатов, – что это отношение не взаимно однозначно и может меняться со временем, но относится ли стиль к языку, из этой цитаты не ясно» [Алпатов 2005: 325]. В.М. Алпатов отмечает также, что бахтинское определение «стиля» не дает ответа на два вопроса: «Во-первых, стили относятся к сфере языка или к сфере высказывания? Во-вторых, коллективен стиль или индивидуален?» [Там же: 324].

Третий аспект – **композиция** РЖ, – согласно Бахтину, является «определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Бахтин 1996: 164]. Видимо, «композиция» – это организация целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью (хотя, как мы только что показали, и тема, и стиль сами по себе уже связаны с действительностью). Композицию, конечно, совершенно недопустимо понимать как лишь формальную и потому наименее важную сторону высказывания. Композиция, как не раз отмечал Бахтин, – важнейший аспект РЖ.

Очевидно, что дальнейшее развитие жанроведения невозможно без настоящего осмысления наследия М.М. Бахтина. Именно недостаточное осмысление (а часто даже недостаточная прочитанность) работ Бахтина стало причиной фактических слабостей, недочетов и противоречий при осмыслении конкретного речевого материала во многих современных исследованиях. Работы Бахтина долгое время были неизвестны за рубежом, кроме того, даже в отечественных исследованиях устной речи опыт Бахтина учитывался весьма слабо и непоследовательно (увы, во многом такое положение вещей сохраняется до сих пор). Многие теоретические идеи Бахтина дошли до нас в виде набросков, тезисов к будущим работам. Особая трудность связана с тем, что не всегда ясно, когда нужно, отталкиваясь от Бахтина, идти вперед, а когда – возвращаться к нему: например, с

большим трудом удастся составить из упоминаемых в разных работах Бахтина речевых жанров что-то вроде таксономии РЖ. Нуждается в глубоком осмыслении идея первичных и вторичных РЖ.

Следует отметить, что статья «Проблема речевых жанров» развивает коммуникативные идеи, принципиально важные для целостной гуманистической философии М.М. Бахтина, и является одной из немногих чисто лингвистических работ М.М. Бахтина. Возможно, поэтому жанроведы-лингвисты конца 80-х – начала 90-х годов опирались в основном на одну эту работу, связь ее с другими работами (прежде всего книгой «Марксизм и философия языка») учитывалась скорее редко и непоследовательно. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре, а статья о жанрах – один из аспектов этой философии. В частности, изучение жанровой структуры речевого поведения требует от языковедов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых разных его проявлениях.

Уже в конце 20-х годов Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. «Словесный компонент поведения, – писал он в одной из своих ранних книг, – определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни» [Бахтин 1927: 85]. Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и, в том числе, словесном) взаимодействии людей – общественной психологии. М.М. Бахтин считал, что «общественная психология – это и есть прежде всего та стихия многообразных *речевых выступлений*, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества: кулуарные разговоры, обмен мнений в театре, на концерте, в различных общественных сборищах, просто случайные беседы, манера словесного реагирования на жизненные и житейские поступки, внутрисловесная манера осознавать себя, свое общественное положение и пр. и пр. Общественная психология дана по преимуществу в разнообразнейших формах “высказывания”, в форме маленьких *речевых жанров*, внутренних и внешних, до сих пор совершенно не изученных» [Бахтин 1929: 23-24].

Жанры разговорной речи Бахтин относил к области «жизненной, или житейской идеологии». Он подчеркивал, что в этой сфере «жанровое завершение <...> отвечает случайным и неповторимым особенностям жизненных ситуаций. Об определенных типах жанровых завершений в жизненной речи можно говорить лишь там, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения. <...> Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории и, следовательно, определенным

репертуаром маленьких житейских жанров. Всюду житейский жанр укладывается в отведенное ему русло социального общения, являясь идеологическим отражением его типа, структуры, цели и социального состава» [Бахтин 1929: 106-107.] В этом смысле уместно (как это, например, делает в своем исследовании бытового поведения в русской культуре XVIII века Ю.М. Лотман [1992]) говорить о жанрах поведения, которым соответствуют те или иные речевые жанры. (Подробнее об этом см.: [Дементьев, Седов 1998: 4-17]).

Сейчас, на наш взгляд, ничто не мешает «возвращению» Бахтина. Прделана огромная подготовительная работа. В частности, большую роль в развитии отечественного жанроведения сыграли архивные, текстологические, биографические разыскания исследователей-бахтинистов. Результатом этой работы стали выходящее сейчас шеститомное собрание сочинений М.М. Бахтина под редакцией С.Г. Бочарова и Л.А. Гоготишвили (на данный момент вышли первый, второй, пятый и шестой тома), серия книг «Бахтин под маской», Бахтинские сборники и другие издания московского издательства «Лабиринт» под редакцией И.В. Пешкова и В.Л. Махлина, а также журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», выходящий в Витебске под редакцией Н.А. Панькова.

«Бахтинистика уже превратилась в самостоятельную научную дисциплину, выходящую за рамки истории науки в обычном смысле и до некоторой степени приобретающую эзотерический характер», – пишет В.М. Алпатов [Алпатов 2005: 9].

Лингвистика, осваивающая творческое наследие Бахтина, получила еще одно ценное приобретение – книгу В.М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (2005), в которой лингвистические работы В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина рассматриваются в связи с общим развитием мировой лингвистики XX в. Значительная часть книги посвящена бахтинской теории речевых жанров. Книга стала продолжением ряда широко известных в настоящее время публикаций автора [Алпатов 1995; 1998; 2002] – некоторые из них были также непосредственно посвящены речевым жанрам в концепциях Бахтина.

Теория Бахтина спустя относительно короткий промежуток времени начинает значительно влиять на лингвистику, вызывая к жизни или полностью определяя собой целый ряд новых концепций [Арутюнова 1992; Земская 1988; Карасик 2002; 2007; Макаров 1998; Слышкин 2004; Шейгал 2000а; Шмелева, Шмелев 2002]. Не имея возможности рассмотреть все, отметим, что для многих таких концепций был характерен полемический задор, который в полной мере проявлялся в критике предшественников – и в значительной степени успокаивался, «припадая к Бахтину».

Одной из самых значительных концепций, испытавших явное влияние Бахтина, стала «**лингвистика языкового существования**» Б.М. Гаспарова.

Б.М. Гаспаров, который является убежденным противником того, чтобы считать «модель инвариантно-вариантного типа» адекватным способом представления языковых образований, предлагает в книге «Язык, память, образ» масштабную критику позитивистского, «рационального» языкознания XX века, ставящего во главу угла абстрактные виртуальные схемы и их «реализацию» [Гаспаров 1996: 146-147]. По мнению Гаспарова, речевой материал оформляется отнюдь не по принципу «виртуальная схема – ее реализация»: должен существовать особый, принципиально иной

«контролирующий механизм, который позволял бы упаковывать разрастающуюся языковую ткань в <...> целостную конфигурацию» [Там же]. Гаспаров формулирует ряд требований, которым должен отвечать данный механизм: главное, он не должен быть независимым от оформляемого речевого материала, его содержания и коммуникативного тонуса. Для этого он должен включать три составные сущности: **ритмико-интонационный образ** (который позволял бы складывать в динамическое целое все интонационные повороты и акцентные точки); **опорные выражения** (поскольку именно они делают «коммуникативный контур высказывания» не абстрактной / виртуальной схемой, а вполне конкретным эскизом конкретного высказывания); **композиционные лакуны** (принципиальное отличие которых от «пустых позиций» в синтаксической схеме заключается в том, что лакуна, так сказать, очень явно подразумевает, что в ней «будет». Лакуна – это не пустая позиция, которая может быть заполнена фактически любым подходящим по форме материалом, а просто не вполне воплощенные, размытые коммуникативные фрагменты. Лакуне чуждо твердое различие между «заполненностью» и «незаполненностью») [Там же: 191-197]. Примечательно, что, по мнению Гаспарова, этим требованиям не отвечают структурная и генеративная модели, зато отвечает бахтинское «высказывание», определяемое триединством «тема-стиль-композиция».

Теперь книга «Марксизм и философия языка», и прежде всего – многие содержащиеся в ней идеи по речевым жанрам, осмысляются в общем контексте философских, филологических и лингвистических идей М.М. Бахтина.

Определенную роль в развитии жанроведческих идей в России сыграла статья Анны Вежбицкой «Genry towu», опубликованная в 1983 году на польском языке (в 1997 г. перевод этой статьи на русский язык вошел в первый выпуск сборника «Жанры речи»). В статье поставлена проблема соотношения речевых жанров и речевых актов, которая впоследствии стала основой целого направления в российском жанроведении.

Можно составить обширный список «жанроведов нового поколения», которые определяют сегодняшний облик жанроведения. Эти ученые опираются на концепцию РЖ М.М. Бахтина и развивают ее дальше: А. Вежбицка, Ст. Гайда, Т.В. Шмелева, М.Ю. Федосюк, В.Е. Гольдин, К.Ф. Седов, Т.В. Матвеева, Н.В. Орлова, В.А. Салимовский, А.Г. Баранов, И.Н. Борисова, К.А. Долинин, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Т.В. Анисимова, О.Н. Дубровская, Л.Б. Никитина и др.

Сейчас понятие РЖ относится к числу важнейших теоретических представлений **прагмалингвистики, лингвистики текста, стилистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии** (впрочем, следует отметить, что в каждом случае в понимание РЖ, как правило, вносятся свои коррективы).

В частности, понятие речевого жанра связывается с общими вопросами **коммуникативно-речевой компетенции, фреймовой организацией знаний** [Минский 1979; Филлмор 1988; Дейк ван 1989]: когнитивные знания о РЖ организованы в концептуальные системы, которые в последнее время активно описываются в терминах фреймов [Борисова 2001; Баранов 1997; Маркова 2003].

Кроме того, понятие РЖ связывается с **внутринациональными речевыми культурами** (практическое владение набором основных РЖ считается существеннейшим аспектом речевой компетенции, а согласно В.Е. Гольдину и О.Б. Сиротининой, – каждой из шести «внутринациональных речевых культур» [Гольдин, Сиротинина 1993: Сиротинина 2003]), а также понятиями «**языка социального статуса**» (согласно В.И. Карасику, «владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности» [Карасик 1992: 135]) и «**хорошей речи**»:

Понятие «хорошей речи» чрезвычайно плодотворно для риторики, а также собственно лингвистического осмысления речевых правил и образцов. В коллективной монографии «Хорошая речь» под редакцией О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной отмечается, что владение жанрами, правильное использование их есть необходимая составляющая хорошей речи: «<...> представление о “хорошей речи” в рамках нежестких ситуаций речевого общения связано с умением соблюдать общую тональность, задаваемую гипержанром, использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия в рамках общего события, определяющего гипержанр, и, наконец, гибко применять тактики внутрижанровой интеракции в ходе развития коммуникации» [Хорошая речь 2001: 117]. РЖ РР являются средством ориентации в многообразии диалогических (передаваемых и принимаемых) коммуникативных смыслов, участвуют в становлении коммуникативной компетенции языковой личности, при этом, как отмечают авторы коллективной монографии «Хорошая речь», овладение жанровой системностью предшествует овладению языковой системностью [Там же].

ТРЖ продолжает активно развиваться: последовательно и весьма успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ. Исследуются различные аспекты речевых жанров, число их множится: **лингвистические аспекты РЖ** [Балашова 2009; Дымарский 2009; Левонтина 2009; Норман 2009]; **текстовые особенности РЖ** [Борисова 2001; Матвеева 1996; Сибирякова 1997]; **стилистические аспекты РЖ** [Векшин 2009; Кожина 1999а; 1999b; Орлова 1997; Салимовский 1999а; 2001; 2002а]; **психолингвистические аспекты РЖ** [Седов 1999]; **культурологические аспекты РЖ** [Балашова 2007; Вежбицка 1997; Вежбицкая, Годдард 2002; Горбачева 2006; 2007; Карасик 1996; 2002; Привалова 2007; Рябцева 2007]; **речевые жанры и концепты** [Алефиренко 2005; Дементьев, Фенина 2005; Никитина 2005; Слышкин 2004; 2005]; **речевые жанры и риторические жанры** [Сиротинина 1999; Анисимова 2000; Ярмаркина 2001]; **РЖ и педагогика** [Горбач, Минеева 2000; Ладыженская 1986]; **РЖ и история** [Балашова 1997; Васильева 2001; Зотева 2001; Матюхина 2004]; **РЖ и**

гендер [Горошко, Саенко 2005; Дементьев 2004b]. В современной ТРЖ намечаются тенденции к обобщению, создаются концепции, расширяющие понятие жанра, применяющие его не только к вербальной и невербальной коммуникации, не только к общему «языковому существованию» личности, но и к национальной и общечеловеческой культуре в целом. Так, закономерности жанровой организации речи рассматриваются в связи с общими законами коммуникативной и некоммуникативной деятельности [Гольдин 1997а; Салимовский 2000; Холквист 1997].

Исследователи активно изучают самые разнообразные жанры. Увлечение идеями ТРЖ приводит к тому, что в терминологии ТРЖ начинают объяснять всё новые, неожиданные явления. Так, К.Ф. Седов считает речевым жанром *болтовню* [1999], В.И. Шаховский – *ложь (вранье)* [2005], С. Дённингхаус – *притворство* [1999], Е.Н. Галичкина – *NetMail* (компьютерная сетевая почта, используемая для обмена личными сообщениями) [1998], М.Л. Макаров – такие виды электронной коммуникации, как чат (*chat*), электронная почта (*E-mail*), ICQ («I Seek You» или просто *аська*) [2005], И.Г. Дьячкова – *порицание* [2000], О.В. Коротева – *дефинирование* (способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка) [1998], Ж.В. Милованова – *фатику* и *эвристику* [1998].

В таких исследованиях жанр часто понимается по-разному. Как уже говорилось, даже в пределах одного тематического сборника «Жанры речи» оказались представлены существенно различающиеся концепции жанра.

С конца 80-х годов российское жанроведение уже пережило ряд этапов в своем развитии, динамику которого можно кратко охарактеризовать следующим образом: если на первом этапе (конец 80-х – начало 90-х годов) речевые жанры изучались на основе методики и терминологии теории речевых актов, то второй этап состоял в основном в преодолении недостатков и издержек первого этапа.

Сейчас, как представляется, ТРЖ переживает новый этап. Он связан, во-первых, с преодолением разрыва между двумя предшествующими направлениями – разрыва искусственного по своей сути, – во-вторых, с новым осмыслением ряда идей Бахтина, ранее не востребуемых («вперед» в жанроведении часто означает «назад к Бахтину»), например, в современном жанроведении становится особенно актуальным построение типологии первичных и вторичных жанров и изучение жанров, различающихся степенью жесткости композиции; в-третьих, с постановкой ряда новых проблем, например, изучение жанров и языка как двух альтернативных типов коммуникативной системности (прежде всего символических коммуникативных систем), изучение жанров в связи с противопоставлением и взаимопроникновением языка и речи, в связи с историей, культурологией, риторикой, педагогикой. Использование достижений современной ТРЖ оказывается очень эффективным при типологизации единиц диалога на основе коммуникативных смыслов.

Все эти моменты мы хотели бы осветить подробнее.

Вначале мы предлагаем рассмотреть два наиболее развитые на данный момент направления ТРЖ: лингвистическое изучение РЖ, или генристику, и прагматическое изучение РЖ, или жанроведение. Далее охарактеризуем представляющиеся нам важнейшими основными тенденциями сегодняшнего этапа развития ТРЖ.

1.2. Формальные и содержательные тенденции в теории речевых жанров

1.2.1. Лингвистическое изучение РЖ (генристика)

Лингвистическое изучение РЖ, или генристика, исходит из интенций говорящего, при этом опирается на разработанную методологию и терминологию теории речевых актов. Отметим, что многие исследователи считают теорию речевых актов западным аналогом отечественной теории речевых жанров [Вежбицка 1997: 108; Кожина 1999а; Федосюк 1997а: 105-108; Шмелева 1997: 92; Dönninghaus 2001: 74-77; Дённингхаус 2002], поэтому нами и избран для обозначения данного направления нерусский термин *генристика*.

Специфику данного аспекта можно выявить, если представить развитие ТРЖ в семиотической парадигме «семантика – синтактика – прагматика». «Лингвоцентрическая» традиция достаточно убедительно может быть охарактеризована либо как по преимуществу «семантика», либо как «синтактика».

Синтактика речевого жанра изучена в наибольшей степени. Именно «композиция РЖ» (согласно М.М. Бахтину, – определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения [Бахтин 1996: 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Как известно, композицию РЖ М.М. Бахтин понимал как монологическую, хотя и пронизанную диалогическими обертонами [Там же: 196-197]. Уже его последователи, развивая идею «вечного диалога», стали рассматривать РЖ как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает речевой акт (первичный РЖ).

К «синтактике РЖ» следует отнести и поставленную еще М.М. Бахтиным проблему взаимодействия друг с другом отдельных жанров «в речевой цепи». Жанры речи, согласно Бахтину, являются типическими формами высказываний, которые являются отдельными звеньями в речевой цепи. Поэтому жанры организуют и упорядочивают последовательность высказываний:

«Всякое высказывание – звено в цепи речевого общения. Это активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере. <...> Выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора)» [Бахтин 1996: 187].

Эти взаимные отношения между отдельными высказываниями в речевой цепи М.М. Бахтин понимал как диалогические:

«Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно ответному пониманию. Высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому, как бы молчаливым “dixi”, ощущаемым слушателями <как знак>, что говорящий кончил» [Бахтин 1996: 172-173]; «<...> смена речевых субъектов, обрамляющая высказывание и создающая его твердую, строго отграниченную от других связанных с ним высказываний массу, является первой конститутивной особенностью высказывания как единицы речевого общения, отличающей его от единиц языка» [Там же: 178].

Отметим, что эта сложная проблема, в целом еще далеко не решенная, неоднократно привлекала внимание современных исследователей.

«Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро», – писала Л.А. Капанадзе [Капанадзе 1988: 230]. Легкость и автоматизм этого взаимодействия и «переплетения», по мнению Л.А. Капанадзе, прямо вытекает из природы спонтанной устной речи:

«Разговорная речь – это постоянно меняющийся экран, и чтобы описать связь всех ее элементов, надо понять, что все жанры РР лежат очень близко друг от друга – во времени и пространстве близко – и это явление – микрокомплексное по своей сути.<...> Разговорная речь политипна и при этом членится на множество различных групп. Близкое соседство этих комплексов исключает их наложение и переименование, каждый раз мы имеем дело именно с механизмом переключения» [Капанадзе 1988: 234]

Однако полноценного анализа данного явления исследовательница не осуществила.

Отдельные попытки исчислить или хотя бы зафиксировать границы отдельных РЖ в речи находим у других последователей Бахтина, например М.Ю. Федосюка:

«Как показывают наблюдения, не так уж редки случаи, когда в составе некоторого текста, ограниченного с обеих сторон сменой субъектов речи, можно обнаружить несколько фрагментов, обладающих относительной смысловой завершенностью, а также своими собственными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями. Иллюстрируя сказанное на материале записей разговорной речи, можно утверждать, что реплика из нижеследующего примера (1) сочетает в своем составе *рассказ* и *вопрос*, реплика в примере (2) – *осуждение* и *предостережение*, а реплика в примере (3)

– *ответ и рассказ* (границы между упомянутыми компонентами мы обозначили знаком #).

(1) **Ш.** <...> Ну это было интеллигентское такое/ выученное произношение/ я качаловского произношения не-не-не любил// Вот// Но всё же э... А у этого/ у-у Остужева было что-то совсем/ такое особенное/ вот/ когда/ сейчас/ этот э... Андроников рассказывает... # Вы слышали как Андроников/ «Горло Качалова»/

Е. Да// [Китайгородская, Розанова 1995: 13].

(2) **А.** – Ну лезет/ вот/ мне под руку/ и лезет// # не ставь мне под нос кастрюлю/ а то я/ тебе/ потом/ ее (НРЗБ) [ЖР 1995: 19].

(3) **Б.** А поч... что это такое?

А. Ноги/ это таёжный костёр// Это-о когда брёвна кладутся вдоль все/ рядышком одно к одному/ то (е)сть не в кучку/ а вдоль// (*далее рассказ А. идет на фоне тихого телефонного разговора Г.*) # Вот// И/ значит нарёзал лапничку/ сам прилёт рядом вдоль/ ну вот дрова были немножко фиговенькие/ поэтому придремать не удалось/ но всё равно//» [Федосюк 1997а: 103].

Целый ряд интересных замечаний о границах и синтагматике РЖ в речи, правом / левом контексте РЖ в речевой цепи высказывают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова. Как и Бахтин, исследовательницы считают недопустимым «вырывать» отдельную реплику / отдельный жанр из целого разговора и не учитывать диалогическую природу речи:

«<...> любая диалогическая пара (ср.: *Ты куда? – В кино!*) распадается на два речевых жанра (например, вопрос – ответ). Но «разведение» подобных спаянных в диалогические единства реплик по разным жанрам приводит к разрыву их текстового единства (как формального, так и содержательного)» [Китайгородская, Розанова 1999: 23].

Подчеркивается роль адресата речи, его активность:

«<...> роль адресата не пассивна. Он вправе согласиться или не согласиться на предлагаемые «условия игры». Права адресата закреплены в различных устойчивых выражениях типа поддержать (не поддержать) беседу, уйти от разговора, свести серьезный разговор к шутке, превратить мирную беседу в скандал и т.п.» [Там же: 37].

Коммуникативные неудачи, как отмечают исследовательницы, становятся следствием неправильного выбора ответного жанра партнером по коммуникации:

«Подтверждением того, что речевое взаимодействие в акте коммуникации протекает в рамках жанров, адекватных ситуации и коммуникативным намерениям обоих ПК (партнеров по коммуникации – *В.Д.*), а не одного лишь говорящего, служат примеры коммуникативных неудач, связанных с неправильным выбором жанра или отсутствием «жанровой координации». Ср. характерные реплики: *Что ты обижаешься/ я же не спорю с тобой!* // *Я говорю то что слышал!* // или: *Не нужны мне твои советы!* // *Я тебе пожаловался/ ты посочувствуй!* // *А что ты мне морали читаешь!* и т.п.» [Там же: 24]

Отмечается обусловленность жанровой формы высказывания особенностями правого / левого контекста:

«Синтагматическая (текстовая) позиция жанра определяется через возможность сочетаемости с соседями «слева» и «справа». Например, жанр приветствия занимает начальную позицию в коммуникации (ср. типичное замечание: *Ты бы поздоровался сначала!*). Соседство жанров создает условия для эллипсиса. Нередки случаи наложения одного жанра на другой, связанные с пропуском одного из фрагментов. (Ср. эллипсис ответной реплики согласия на просьбу рассказать что-либо: А. *Расскажи как ты съездил-то!* // Б. *Ну приехали мы рано/ сразу с вокзала в гостиницу <...>*)» [Там же: 39]

Систематическое рассмотрение «горизонтальных» и «вертикальных» моделей способствует более глубокому осмыслению синтактики РЖ. Тем не менее представлять концепцию речевого жанра М.М. Бахтина как модель виртуально-актуального типа значит, по нашему мнению, серьезно упрощать и обеднять ее. Определение РЖ, данное с позиций его синтактики, представляет собой «лингвистическую» интерпретацию, а значит, огрубление концепта РЖ.

Семантика речевого жанра представляет собой относительно хорошо разработанное направление ТРЖ. Исторически именно с обращения к именам жанров, толкования их семантики начиналось изучение РЖ. Здесь важнейшим аспектом РЖ считается тема, а точнее – лингвистическая интерпретация «тем РЖ» М.М. Бахтина. Концепции, объединяемые нами в условную группу «семантического изучения речевых жанров» (А. Вежбицкой, Т.В. Шмелевой, М.Ю. Федосюка, В.Е. Гольдина), имеют целью анализ семантики речевых жанров, при этом все они имеют целью (хотя бы промежуточной) анализ л е к с и к и. Расходятся они в основном в том, сколько существует жанров, какие типические речевые формы следует, а какие не следует считать речевыми жанрами.

«Анкета речевого жанра» Т.В. Шмелевой, представляющая собой, так сказать, коммуникативно-речевой вариант лексико-семантической методики компонентного анализа (а также ее дальнейшие интерпретации, например, в концепции М.Ю. Федосюка), будет подробно рассмотрена ниже. Однако, говоря об общей эволюции речевых жанровых идей в конце XX века, нельзя не отметить значительное влияние, какое данная концепция оказала на последующее развитие ТРЖ, – прежде всего, конечно (поскольку исследование характерных особенностей конкретных речевых жанров, как правило, осуществлялось с опорой на анализ семантической структуры существительных – названий данных жанров), на семантическое и лингвистическое направления жанроведения.

Для осмысления семантики имен речевых жанров имел большое значение «**Новый объяснительный словарь синонимов русского языка**» (М.: Языки славянской культуры, 2004; под ред. Ю.Д. Апресяна), целый ряд статей которого (около 30) посвящен фактически именам речевых жанров

или «чему-то очень похожему»: «беседа», брань, «брюзжание», ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, капризничание, молва, мольба, оправдание, осуждение, порицание, похвальба, предсказание, «придирки», просьба, прощение, разрешение, рекомендация, слухи, совет, убеждение, уверение, угроза, укор, упрек, ябедничество и др.

Исследователь семантических аспектов РЖ также найдет богатую пищу для размышления (и богатый фактический материал) в ряде идеографических словарей, в которых лексемы, являющиеся именами речевых жанров, сгруппированы в тематические группы – «язык», «речь», «общение», «диалог», «взаимодействие», «воздействие», «беседа» и т.д.

Так, «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой, особенно III том (Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003), включает раздел «Именование. Информация. Речь», в состав которого входит целый ряд тематических групп и подгрупп, например:

сама речь (*изложение, рассказ, сообщение* и т.д.)

виды речи (*замечание, рассуждение, сентенция, утверждение* и т.д.)

обмен сообщениями разговор диалог:

общие обозначения: обмен сообщениями в звучащей или письменной речи (*беседа, вопрос, допрос, кулуары, обсуждение, объяснение, опрос, ответ, отзыв, отклик, переговоры, расспрос, совет* и т.д.)

разговор, диалог характеризуемый (*перебранка, пикировка, ссора* и т.д.)

речь, характеризуемая по соответствию действительности и содержательной ценности

правдивая речь (*правда, трюизм*)

ложь (*враньё, лжесвидетельство, обман* и т.д.)

речь, передающая непроверенную информацию слова, не заслуживающие доверия кривотолки (*болтовня, молва, пересуды, слух, сплетня* и т.д.)

речь, лишённая логики бессодержательная речь (*бредни, обмолвка, оговорка* и т.д.)

речевые акты, характеризуемые содержательно

зов, обращение (*зов, оклик, окрик* и т.д.)

приветствие (*поздравление, приветствие* и т.д.)

прощение (*извинение, прощение*)

хвала, одобрение, благодарность (*благодарность, восхваление, дифирамб, комплимент, лесть, одобрение* и т.д.)

просьба пожелание жалоба требование (*апелляция, благословение, жалоба, завещание, мольба, просьба, ропот* и т.д.)

согласие подтверждение (*разрешение, согласие* и т.д.)

возражение отказ запрет (*возражение, запрещение*)

обещание уверение соглашение (*божба, договор, заверение, зарок, клятва, пари, посул* и т.д.)

признание исповедь

совет наставление назидание уговоры (*инструкция, консультация, наказ, напутствие, поучение, рекомендация, совет* и т.д.)

предупреждение предсказание (*предостережение, предсказание, предуведомление, прогноз* и т.д.)

толкование, объяснение (*комментарий, объяснение, помета, разъяснение, трактовка* и т.д.)

порицание, обвинение, критика (*взбучка, выговор, донос, замечание, кляуза, нагоняй, нападки, нотация, неодобрение, обвинение, осуждение, попрек, приговор, придирка, проклятие, укор, упрек* и т.д.)

злословие клевета угроза

шутка острословие насмешка (ирония, *каламбур, колкость, насмешка, острота, сарказм* и т.д.)

брань, грубая речь, сквернословие (*брань, окрик, ругань, пара ласковых* и т.д.)

речь, характеризующаяся по форме или по характеру ее течения

речь, характеризующаяся по форме (*витийство, разглагольствование, фразёрство*)

речь, характеризующаяся по звучанию

речь ясная, членораздельная или громкая (*возглас, выкрик*)

речь тихая, невнятная (*бормотанье, лепет*)

речь, выражающая эмоции, настроение (*брюзжание, ворчание, причитание, стон*)

информация, речь, прикрепленная к официальной или специальной сфере

деловая речь: речь, обращенная к аудитории; оповещение, ручательство

оповещение, ручательство (*объявление, оповещение, ручательство, уведомление*)

информация, обращенная к массовому адресату вещание реклама (*передача, репортаж, хроника*)

сообщение посредством современных информационных технологий

закодированная информация сигналы (*пропуск, сигнализация*)

отсутствие информации неполная информация

недоговоренность намек уклончивая речь (*аллегория, иносказание, намек, недомолвка, обиняк, околичность, экивоки*)

(в общей сложности здесь представлено более 500 слов, являющихся именами речевых жанров)

[Русский семантический словарь 2003: 279-313]

Не менее интересен «**Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика**» Л.М. Васильева (Уфа, 2005), в котором выделяется тематическая группа «**предикаты речи**» (глаголы и именные корреляты), в составе которой подгруппы:

характеризующие внешнюю сторону речи

характеризующие содержательную сторону речи

характеризующие коммуникативный аспект речи

предикаты сообщения

предикаты обещания

предикаты совета

предикаты объяснения (разъяснения)

предикаты аргументирования

предикаты общения (речевого взаимодействия)

характеризующие разговор, беседу

характеризующие договор (соглашение)

характеризующие спор (несогласие)

характеризующие обсуждение чего-либо

характеризующие речевое и неречевое общение

предикаты речевого контакта (вопросов и ответов)

обозначающие вступление в речевой контакт (обращение кого-л. к кому-л.)

обозначающие обращение с вопросом (вопрошание)

обозначающие «ответание»

обозначающие ответ согласием или несогласием

предикаты речевого побуждения

обозначающие приказания и требования

обозначающие поручения
обозначающие запрещение / разрешение
обозначающие просьбу
обозначающие приглашения и требования
обозначающие зов, призыв
обозначающие речевую каузацию движения с каким-либо заданием
обозначающие побуждение к согласию на что-либо (на какие-либо действия, поступки)
предикаты эмоционального отношения, выражаемого речью
обозначающие речевую каузацию обиды унижением
обозначающие осуждение
обозначающие недовольство осуждающего
обозначающие опорочение
обозначающие речевой этикет
предикаты речевой оценки
(в общей сложности представлено более 2000 речевых слов)

[Васильев 2005: 284-332]

Здесь следует отметить следующее.

«Семантика речевого жанра» (как и «синтактика») представляет собой лингвистическую интерпретацию концепта речевого жанра М.М. Бахтина, но это не значит, что рассматривается сущностная близость языка и РЖ – просто для изучения РЖ используется та же методика, какая используется при изучении языковых единиц – преимущественно это системно-структурная методика.

РЖ – диалогические явления – понимаются как модели инвариантно-вариантного типа и изучаются через призму синтагматических и парадигматических отношений системы. Рассматривается фактически один логико-интенциональный аспект РЖ, когда «репертуар речевых жанров» приравнивается к исчислимому набору типических интенций говорящего. Остальные содержательные составляющие жанрово организованного общения считаются гораздо менее существенными или вообще несущественными. Это редуccionистский подход, издержки которого (применительно к изучению языка) отчетливо проявились и начали преодолеваться в постструктурализме последней трети XX в.

Таким образом, для данного направления в целом характерно весьма серьезное упрощение и обеднение концепта речевого жанра. Например, «тема РЖ» в лингвоцентрических исследованиях понимается обычно как просто предмет речи, тогда как у М.М. Бахтина, как уже говорилось, тема прагматична. Издержки лингвистической генристики, опирающейся на положения теории речевых актов, можно понимать как недостаточную прагматичность. (Как ни парадоксально, этот недостаток в какой-то степени присущ и современной теории речевых актов: как уже говорилось, излишнее увлечение моделями привело ее к схематизации и атомизму, потере диалога и собственно текста.)

Некоторые принципы и методы лингвистического изучения РЖ подвергаются переоценке, и сегодня найдется не так уж много сторонников данного направления.

Наиболее значительным альтернативным направлением ТРЖ, имеющим собственную концепцию РЖ, стало прагматическое направление.

1.2.2. Прагматическое изучение РЖ (жанроведение)

Данное направление исходит из диалогической природы РЖ и опирается уже не на одну статью М.М. Бахтина, а на его целостную диалогическую, культурологическую философию. Здесь подчеркивается оригинальный российский характер данного направления, поэтому мы обозначаем его при помощи русского термина *жанроведение*. Прагматическое жанроведение во многом сложилось из преодоления недостатков лингвистического изучения РЖ, прежде всего – монологизации идеи РЖ, неизбежной при абсолютизации интенций говорящего. (Ср. полемическую направленность кандидатских диссертаций [Данилов 2001; Ярмаркина 2001] по отношению к «анкете речевого жанра» Т.В. Шмелевой.) Важно, что прагматика здесь не приравнивается к теории речевых актов – прагматика понимается скорее в традиционном значении как та часть семиотики, которая характеризуется «отношением знака к говорящему» (Ч. Пирс, Ч. Моррис) и где язык рассматривается не только в связи с «человеком говорящим», но непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры.

Следует отметить, что ТРЖ развивалась в общем русле лингвистики XX века: от лингвистических (по преимуществу системоцентрических) описаний структуры жанров (последовательности языковых единиц в композиции жанра), от лексикологического описания семантики имен речевых жанров в языке → к изучению жанров как важнейшего фактора диалогического общения людей (см.: [Борисова 2001; Кожина 1999а; 1999b; Макаров 1998]).

Предшествующие этапы развития ТРЖ исходили из главной роли адресанта речи (отсюда – преимущественное внимание жанроведов к целям и интенциям, для чего совершенно логично было использование методологии и терминологии теории речевых актов, в результате в лингвистике произошло их чрезмерное сближение). К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней.

К недостаткам «анкеты речевого жанра» можно отнести также то, что в ней не учитываются (1) первичные и вторичные РЖ, (2) речевые и риторические жанры, (3) жанры в связи с уровнями абстракции текстовой деятельности (жанры и субжанры / тактики, жанры и гипержанры), (4) жанры в связи со степенью жесткости (стандартизации, формализации) порождаемых коммуникативных смыслов, делением их на требующие

большой или меньшей интерпретативной активности слушателя, прямые и косвенные РЖ.

Современное развитие ТРЖ стремится преодолеть эти ограничения в понимании РЖ. В прагматической концепции речевого жанра уделяется большое внимание всем аспектам взаимодействия адресата и адресанта, всем передаваемым и принимаемым коммуникативным смыслам, а не только тем, которые сознательно намеревался передать адресант. Прагматическое жанроведение делает востребованным интерпретативный аппарат, разработанный интеракционной моделью коммуникации [Schiffrin 1994; Макаров 1998], а усилившееся внимание к фактору адресата в понимании общения сближает современное прагматическое жанроведение с теорией не прямой коммуникации [Дементьев 2001; 2006; Прямая и не прямая коммуникация 2003].

Главное отличие РЖ в понимании М.М. Бахтина от традиционного понятия «жанр» (например, в литературоведении) состоит в том, что у М.М. Бахтина это не просто тип однородных (или одновидовых) произведений литературы, а реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.). Ученый рассматривает РЖ в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смысловых позиций. Именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у М.М. Бахтина как единицы речевого общения и деятельности людей. Отсюда проистекают все другие признаки РЖ (целесообразность, завершенность, связь с определенной сферой общения и т. д.). (Ср.: [Кожина 1999а: 18]).

Проблема смысла-целого, складывающегося (правильнее было бы сказать «рождающегося») из смыслов отдельных реплик участников диалога, как известно, остается одной из «больных» проблем лингвистики. В системоцентрической лингвистике XX века диалогические смыслы (как и речь вообще) просто не рассматривались. Зато эта проблема давно занимала литературоведов (особенно после выхода литературоведческих работ М.М. Бахтина о диалоге в романах Достоевского).

Итак, для прагматического жанроведения характерно признание равной степени важности фактора адресанта и фактора адресата. Главные различия лингвистического и прагматического изучения РЖ можно обозначить как: 1) ориентация на монолог ~ ориентация на диалог; 2) ориентация на логику, грамматику → психологию ~ ориентация на взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации → социологию.

Прагматическое жанроведение в своем полемическом пафосе, направленном против издержек лингвистической генристики, часто воспринимается как направление, не имеющее с ней ничего общего. В этом случае речевые жанры рассматриваются как явления, принципиально противопоставленные явлениям языковым. Уже из определения РЖ К.Ф. Седова «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Седов 1998: 11] видно, что языковым средствам

отводится подчиненная, служебная роль. Не случайно исследуются преимущественно не собственно речевые жанры, а жанры ситуативные, поведенческие и подоб. И в этом, на наш взгляд, главный недостаток прагматического жанроведения.

Вместе с тем данные два направления, конечно, едины. Нам представляется, что возможен их синтез на основе общей коммуникативной природы (функции) РЖ и языка, представления о том, что жанры суть средство формализации социального взаимодействия. Язык, несомненно, выполняет ту же функцию. Далее нами будут подробно рассмотрены отношения речевых жанров и языка как двух альтернативных, но генетически близких способов упорядочивания коммуникации и речи.

В целом сейчас ощущается потребность в синтетическом направлении ТРЖ, где рассматривались бы как диалогические, так и лингвистические аспекты речевых жанров. Мы предлагаем для данного синтетического направления тоже «синтетическое» название *коммуникативная генристика*, хотя видим несовершенство этого термина. Второе направление изучения РЖ – прагматическое жанроведение – в качестве главного принципа выдвигает диалог, социальное взаимодействие, помещенное в условия конкретной ситуации, то есть тоже является коммуникативным направлением. Неудачен, на наш взгляд, и термин *прагматическое жанроведение*. Данное направление противопоставляется лингвистической генристике, опирающейся на теорию речевых актов. Однако прагматика и теория речевых актов многими понимаются как одно и то же. Наконец, термин *жанроведение* введен Т.В. Шмелевой, стоящей у истоков лингвистической генристики.

II. Определение РЖ

2.1. Место жанра в речевой системности

Поставленная в названии главы проблема, естественно, не нова. Категория речевой системы введена в лингвистическую теорию, по-видимому, даже раньше, чем Ф. де Соссюр начал утверждать, что на оси времени (то есть в речи) нет системы [Соссюр 1977: 113]⁴. Вслед за авторами коллективной монографии «Общение. Текст. Высказывание» (1989) мы понимаем «структурирование» как «выражение некоторой упорядоченности, соответствующей коммуникативной деятельности, эксплицируемой как постоянные или же закономерно варьируемые качества текстов» [ОТВ 1989: 57]. Понятие жанра всегда занимало в лингвистических концепциях речевой системы важное место.

Будучи ключевой для собственно лингвистического изучения жанров, данная проблема не только не решена, но и имеет многолетний «отрицательный» опыт, сложившийся из неудач и даже случаев отказа от дальнейшего изучения того, что в этом отношении нередко казалось полностью лишенным системы хаосом.

Главными препятствиями на пути к «настоящему лингвистическому изучению» жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список РЖ, при любой попытке применить его к речевановому многообразию на практике такой список будет немедленно сведен на нет громадным числом незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения. Забегая несколько вперед, подчеркнем, что неоднократно отмечаемая многими лингвистами-коллоквиалистами множественность компонентов ситуации общения, нерешенность вопроса, какие из них необходимо учитывать для адекватного осмысления речи, стала серьезным препятствием для определения и разграничения отдельных речевых жанров: какие параметры значимы для такого разграничения жанров, то есть типологизации, а какие нет; где начинается новый жанр, а где мы имеем дело еще с вариантом старого? Так же, как при построении любой дискурсивной типологии, любое решение будет небезупречным (прежде всего субъективным), любое определение будет грешить отсечением чего-то значимого; попытка же учесть все значимые аспекты, как это обычно бывает в коллоквиалистике при изучении речи в целом, с неизбежностью обернется тем, что количество выделяемых

⁴ В.А. Салимовский связывает первое использование данной категории в лингвистике с работами Г.О. Винокура (1990 [1923]; 1929), изложившего свою концепцию соотношения языка и речи (и вытекающее из нее понимание предмета стилистики и поэтики) тоже в связи с интерпретацией «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра [Салимовский 2002а: 44].

разновидностей и типов будет разрастаться до совершенно необозримых пределов, пока не сравняется с количеством «образцов».

«<...> разработка типологии ситуаций (и следовательно – типологии жанров), – пишут М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, – существенно затруднена из-за того, что пока нет специфических и надежных методов “этнотаксономии общества” (по С.М. Эрвин-Трипп – В.Д.). Эта задача осложняется и тем, что существуют типы ситуаций, для которых нет принятого обозначения» [Китайгородская, Розанова 1999: 32].

Естественно, многообразие жанров и их вариативность – не единственный нерешенный аспект проблемы места жанра в речевой системности.

Понятие жанра, с одной стороны, уже заняло прочное место в теории дискурса в целом как одна из базовых единиц его организации (хотя основной единицей организации дискурса жанр признается не всеми исследователями); с другой стороны – многие современные отечественные работы по теории дискурса / текста вообще не используют ни термина «жанр», ни положений Бахтина, ни положений сложившейся в России «после Бахтина» теории речевых жанров – зато успешно опираются на работы по дискурсу (прежде всего западные: американские, английские, немецкие), где выделяются в качестве базовых другие речевые единицы.

Таким образом, проблема речевой системности является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы – задача - максимум и лингвистики текста, и теории дискурса.

Как известно, в основе лингвистики текста с момента ее возникновения на основе прагматики, стилистики и риторики лежало представление об особых – отработанных в общении, стандартных, узнаваемых речевых правилах, упорядочивающих речь и при этом отличных от правил языка. Действительно, если бы «правила текста / речи» совпадали с языковыми правилами и нормами, было бы непонятно, с одной стороны, чем отличаются друг от друга разные типы текстов на одном и том же языке (*роман, записка, протокол, письмо*); с другой стороны – чем отличался бы текст как единица речи от предложения.

В лингвистике текста установлено, что «правила текста / речи» многомерны, вариативны и обращены к многочисленным сторонам внеязыковой действительности: к языку и тем языковым / речевым единицам, из которых текст построен, к собственному содержанию, то есть отражаемой реальной или воображаемой действительности, к своему автору (соответственно – к его интенциям и мотивам, то есть к своей цели) и читателю / слушателю, к другим авторам и текстам, наконец, к культуре во всей ее совокупности (в любом тексте, «как в капле воды океан», отражается вся национальная и человеческая культура).

Естественно, текст обращен к своему жанру как к наиболее очевидному из текстовых правил.

В контексте этих рассуждений сам термин-понятие «жанр» кажется интуитивно ясным и вполне логично связанным с текстом – однако остается нерешенным вопрос, как определить жанровую принадлежность произведений, лишенных (литературной) традиции, например, «Крохоток» А.И. Солженицына (который ставит себе в заслугу «изобретение» данного жанра). Еще более очевидным образом сказанное относится к абстрактной – модернистской, символистской, футуристической поэзии. Ср.:

ИЗРЕ

Большая честь родиться бедняком.

Д. Бурлюк

Подобные «трудные» случаи, впрочем, представляют собой лишь стилизацию тех действительных трудностей, которые в огромном количестве находим в реальном непосредственном общении. Содержательная сложность, дополнительные интерпретационные шаги адресата речи, присущие разновидностям не прямой коммуникации, не являются прерогативой «сложных» сфер общения. Ср.:

(СОСЕДКИ ПО ДОМУ А. И Б. ВСТРЕЧАЮТСЯ НА УЛИЦЕ)

А. Здрасьте / что там в овощном?

Б. Ничё нету //

А. Совсем?

Б. Токо картошка //

А. Молодая?

Б. Нет / старая // А больше ничего //

А. Ну пойду посмотрю // [Китайгородская, Розанова 1999: 358-359].

Диалог должен быть отнесен к не прямой коммуникации на следующих основаниях: наличие смысловых лакун в тексте разговора, неточность передаваемой информации, непредсказуемость реакций, неопределенность коммуникативных намерений говорящих. Неясно, означает ли последняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась неудовлетворена ответом Б. и хочет получить более точную информацию (тогда действительно лучше *пойти посмотреть* самой), или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку (что маловероятно). Но какого удовлетворительного ответа могла ожидать А. на свой вопрос *Что там в овощном?* Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового. Точно такая же реплика *Ну пойду посмотрю* скорее всего была бы произнесена ею и в случае исчерпывающе подробного рассказа Б. о том, *что там в овощном* (тогда она была бы даже более уместна, чем после лаконичного *Ничё нету // токо картошка*). Кроме того, заключительная реплика несет метакоммуникативную, регулятивную нагрузку, и ее следует интерпретировать прежде всего как речевой ход, замыкающий интеракцию и закрывающий тему диалога.

Исследователь-лингвист, столкнувшийся с таким материалом, строит различные гипотезы относительно реплик этого разговора. Несомненно, что

точно так же строят их и сами собеседники. Таким образом, даже в этом, казалось бы, «простом» бытовом разговоре не может быть «простой» интерпретации высказываний, какую предполагает семиотическое использование знаков, поскольку, очевидно, в основе данного вида коммуникации лежит содержательная диада, которая может быть определена как «запрос информации ~ потребность в другой информации, чем та, которая может быть передана в рамках данной коммуникативной ситуации».

Как известно, осмысление материала такого рода (а именно такие примеры прежде всего характерны для устного непосредственного общения) привели лингвистику текста еще в 60-70х гг. к необходимости использовать сложный комплекс текстовых категорий (в том числе – ситуативность, диалогичность, множественный характер интерпретации, интертекстуальность, вербальные и невербальные компоненты коммуникации). Часть этих категорий, обуславливающая связность и цельность речевого произведения, выделила лингвистику текста из «нетрадиционного» синтаксиса, занимающегося вопросом о средствах связи между предложениями – и очень скоро выделило из «традиционной» лингвистики текста лингвистику дискурса, основными категориями которой стали именно «текстовость плюс ситуативность». Взаимодействуя с прагмалингвистикой и социолингвистикой, лингвистика дискурса обогащается следующими категориями: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики); 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств); 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).

Важно, что конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных постулатов, то есть принципов успешного общения. Одним из ключевых принципов здесь является установка на осмысленность и интерпретируемость любой речи – даже если по форме речь кажется полностью бессмысленной, получатель скорее станет искать в ней смысл, не выраженный явно, чем откажется от интерпретации. На этом явлении основан комический и эстетический эффект многих художественных произведений, например, «Жалобной книги» А.П. Чехова:

Лежит она, эта книга, в специально построенной для нее конторке на станции железной дороги. Ключ от конторки «хранится у станционного жандарма», на деле же никакого ключа не нужно, так как конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

<...> «Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов».

«Лопай, что дают»...

«Кто найдет кожаный портсигар тот пушай отдаст в кассу Андрею Егорычу».

«Так как меня прогоняют со службы, будто я пьянствую, то заявляю, что все вы мошенники и воры. Телеграфист Козьмодомьянский».

«Добродетелью украшайтесь».

«Катенька, я вас люблю безумно!»

«Прошу в жалобной книге не писать посторонних. За начальника станции Иванов 7-й».

«Хоть ты и седьмой, а дурак».

Конечно, этот конгломерат становится полноценным художественным текстом не только из-за наличия заголовка (иначе из любой «жалобной книги» получился бы отличный рассказ). Читатель понимает, что за каждой записью у Чехова стоит «смешной человек», и каждый пишет почему-то «не по правилам» книги жалоб – и в то же время вполне «по правилам», понятным читателю, если считать «более правильными правилами» сообразность с характером и ситуацией; тогда оказывается вполне понятно (а следовательно, уже нельзя говорить о «хаосе»), почему единственный автор записи, кто относится к данному тексту как к «жалобной книге», имеющей свои правила, – «Иванов 7-й» – назван «дурак».

Ключевое для системно-структурного языкознания понятие инварианта оказывается малоприменимо в теории дискурса, поскольку ведущую роль в организации дискурса играют «ориентирующие», а не «смыслораскрывающие» категории; данные категории относятся друг к другу приблизительно так же, как тексты классицизма с его строгостью правил к текстам романтизма. Как известно, приверженцы классицизма очень негативно воспринимали «недопустимо вольный» романтизм, реализм (ср. шок зрителей на премьерах «Ревизора» Н. Гоголя или «На дне» М. Горького). При этом противопоставляются «ограничивающие» (типа «Нельзя!» – в статусном, официальном, этикетном дискурсе) и «расширяющие» (предписывающие; рекомендуемые) категории.

Именно наличие «правил речи / текста», среди которых важное место занимают жанровые правила, делает возможной интерпретацию дискурса. В целом нечто понимается как дискурс / текст, когда подлежит интерпретации; нечто не является дискурсом / текстом, если (1) не подлежит интерпретации и (2) если подлежит слишком большому (бесконечному) числу интерпретаций. Невозможно «простое» (подобное компьютерному) понимание текста / дискурса, что подтверждают многочисленные эксперименты, выявляющие смысловые лакуны текста, инференции и экспектации, основанные на пресуппозициях и фоновых знаниях [Макаров 2003].

В лингвистике текста / дискурса доказано, что наибольшим интерпретативным усилиям в тексте подвергаются элементы, по своей форме отстоящие от стандарта в стандартной ситуации [Водоватова 2007] – но в то же время осложненной интерпретации не подвергаются элементы ряда стандартных ситуаций, например, этикетные формулы в «этикетных» ситуациях общения: можно сказать *кадиллак* вместо *Как дела, привет парик* вместо *Привет, старик* – и этого не заметят [Горелов, Седов 1998: 81-92]. В целом чем в большей степени текст требует дополнительных знаний, тем в меньшей степени понимание данного текста опирается на собственно текст.

2.2. Лингвистический аспект РЖ

Объективность существования некоторых моментов, если можно так выразиться, большей нормативности и упорядоченности дискурса признается всеми исследователями, однако до сих пор никому не удалось представить по-настоящему полную картину соотношения всех таких моментов системности (тем более то, как относится системность жанровая к остальным типам) – даже если включать в модель только наиболее широко распространенные и изученные типы правил и норм, категорий, единиц.

Вот только очень приблизительный список единиц, представляющих разные типы системности дискурса, – как уже было сказано, при определенном угле взгляда почти в каждой из них можно усмотреть некоторые моменты жанровой системности (а в некоторых – даже поставить знак равенства между данным типом системности и жанровым):

- речевой жанр, субжанр (жанроид), гипержанр;
- коммуникативная категория, коммуникативный концепт (а отсюда – коммуникативная ценность), фрейм, сценарий;
- речевой акт, иллокутивный акт, речевой / коммуникативный ход, иллокутивный компонент, интенция и интенциональное состояние;
- стратегия (микростратегия и макростратегия), тактика (и внутрижанровые стратегии и тактики);
- речевое событие, диалогическое единство, трансакция;
- (функциональный) стиль, тональность, тип дискурса;
- коннектор, «петля», (тематическая) цепь, темо-рематическая прогрессия, функциональная перспектива и коммуникативный динамизм.

Как видим, список (для удобства мы разбили его на несколько относительно более гомогенных групп) включает практически все единицы и модели, используемые в современной дискурсивной теории – говоря очень огрубленно, мы включили сюда почти всё, что так или иначе выходит за пределы синтаксического уровня языка и предложения, начиная с конкретных средств связи между двумя предложениями в тексте.

Наверное, нет необходимости говорить, насколько различны единицы, из которых был составлен данный «список» – многие из этих единиц с трудом могут быть поставлены рядом друг с другом, например, *коммуникативная категория* и *анафора*; в список включены единицы, не использующиеся вместе в рамках одной теории, как *стиль* и *тип дискурса*; есть фактически синонимичные названия для одной и той же единицы (*речевой акт* и *иллокутивный акт*). Различаются же эти единицы, прежде всего, своим содержательным объемом и структурой (ср. *концепт* и *стиль*), функциями, то есть участием в организации того или иного участка речи, а также целью использования данных единиц и моделей в лингвистике, в связи с общей плоскостью теоретических взглядов исследователя и целями конкретного исследования.

Что касается содержательного объема данных единиц, следует подчеркнуть, что они различаются прежде всего не в количественном, а в качественном отношении: так, выделяются фреймы и подобные им структуры «вертикального» типа (стиль, тип дискурса), которые описывают целые ситуации и объясняют, почему всё в речевом произведении должно быть связано данным образом, однако не объясняют особенностей отдельных связей между участками текста, то есть того, как осуществлен данный тип организации. В этом отношении единицы «вертикального» типа (макростратегии и макроструктуры, текстотипы, сценарии, планы, фреймы, а также некоторые ориентированные на развертывание текста психолингвистические модели с центральными концептами замысла и его реализации; обычно сюда же включают и речевой жанр), обеспечивающие **цельность** речевых произведений, противопоставлены таким «горизонтальным» («монологическим», линейным) текстовым и когнитивным механизмам, которые обеспечивают, главным образом, **связность** речевых произведений:

- семантическая когерентность текста (анафора, пресуппозиции, импликации, контекст, изотопия, номинационные / тематические цепи);
- тема-рематическое структурирование (коммуникативный динамизм и функциональная перспектива, фокус контраста, прогрессии, импозиции, семантическая, синтаксическая и прагматическая валентность, (иллюкутивное) вынуждение);
- просодические структуры [см.: Николаева 1978].

В некоторых случаях отношения между отдельными единицами и группировками единиц детально рассмотрены в лингвистике, например, между *речевым жанром* и *речевым актом* (как уже говорилось, целый этап в развитии ТРЖ прошел под знаком сближения и взаимовлияния данных теорий), между *интенцией* и *интенциональным состоянием* (начиная с Дж. Серля). Целый ряд работ посвящен соотношению понятий *коммуникативная категория* (см. разные понимания коммуникативной категории в: [Карзенкова, Салимовский 2005; Стернин, Шилихина 2001] и *коммуникативный концепт* [Карасик 2002; Шейгал 2006]: категории присуща градуируемость / шкальность, зато отсутствует образная составляющая и значительно ослаблена ценностная.

Однако начать мы хотим с проблемы, которая представляется не только наиболее «лингвистичной» в данном списке, но и наиболее важной для общей проблемы речевой / речежанровой системности – **отношения речевых жанров и языка как двух альтернативных, но генетически близких способов упорядочивания коммуникации и речи.**

Вспомним одно из наиболее часто цитируемых положений М.М. Бахтина: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем

богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. <...> Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181].

Наименее ясным здесь представляется место: «речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык».

Думается, возможны следующие толкования данного «почти»:

1. М.М. Бахтин намеревался так прояснить понятие РЖ для лингвистов – ранее данное понятие осмыслялось практически исключительно в литературоведении. Для этой цели было бы совершенно естественно сопоставить малоизученное явление с явлением очень широко исследованным. Действительно, язык дан нам в речи как объективно существующие обязательные для соблюдения правила и формы, и такие же объективно существующие формы речи представляют собой речевые жанры. Слово «почти», вероятно, означает, что жанры все же менее императивны и независимы от человека. Следует отметить, однако, что лингвистика еще не имеет вполне четкого представления о том, как, в каком виде язык «хранится в голове» – в данном вопросе нет полной ясности в современной психолингвистике; тем более не могло быть полной ясности в лингвистике начала 50-х гг., когда М.М. Бахтин писал статью «Проблема речевых жанров».

2. Возможно, речь идет о том, что сами РЖ по своей сущности близки языковым единицам, отношениям значений и значимостей и способам их выражения (например, системе частей речи или членов предложения), правила РЖ подобны языковым нормам? Однако не существует никаких подтверждений тому, что М.М. Бахтин допускал такое толкование своей концепции РЖ, поскольку к этой теме он больше не обращался.

3. Может быть и третье толкование: РЖ и язык не тождественны, но имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации. И РЖ, и язык представляют собой «инструменты», при помощи которых человек осуществляет свою ориентацию в окружающем мире и воздействие на мир, а точнее: такую важную часть взаимодействия с миром, как общение с другими людьми. Выражаясь в синергетической терминологии, можно сказать, что РЖ и язык выступают как два разных коммуникативных аттрактора, то есть типа упорядочения дискурса. Как известно, в лингвосинергетике *аттрактор* понимается как область упорядоченности для открытой, сильно неравновесной системы. В синергетических системах аттракторы являются единственным средством (1) преодоления неопределенности, излишней энтропии смысла и (2) создания неконвенциональной аналогической структуры [Герман 2000: 41, 91 и далее].

Нам кажется наиболее верным последнее толкование. Продолжим цитату из статьи «Проблема речевых жанров»: «Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. <...> Речевые жанры организуют (выделено мною – В.Д.) нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [Бахтин 1996: 181].

При сопоставлении языка и РЖ как разных типов аттракторов на первый план выступает противопоставление двух типов коммуникации – упорядоченной, нормированной, формализованной, с одной стороны, и неупорядоченной, ненормированной, неформализованной, с другой стороны. Следует отметить, что в лингвистических и смежных социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических, риторических исследованиях данная оппозиция активно использовалась для объяснения особенностей разных типов коммуникации, хотя понималась эта оппозиция по-разному, например: «конвенциональная коммуникация ~ неконвенциональная»; «книжная ~ разговорная»; «риторическая ~ нериторическая»; «тексты ~ нетексты» и т. д. Наконец, названная оппозиция из двух основных типов коммуникации понималась как общее противопоставление нормативного (кодифицированного) и узуального начал в речи. Выделение двух названных типов коммуникации можно понимать как распространение на коммуникацию известной лингвистической дихотомии Э. Бенвениста «семиотические коммуникативные системы» ~ «семантические коммуникативные системы» [Бенвенист 1974: 80-88].

Выделяя два типа коммуникации на основе лингвистической дихотомии Э. Бенвениста, считаем, что **прямая**, или упорядоченная, **коммуникация**, осуществляемая средствами коммуникативных систем семиотического типа, имеет место тогда, когда в содержательной структуре высказывания смысл = значению, то есть план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания (слов, граммем и т. п.), зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом. В основе прямой коммуникации лежит система единиц и правил их организации, поддающихся исчислению (то есть замкнутая система, «код»). Можно сказать, что прямая коммуникация осуществляется средствами коммуникативных систем семиотического типа (в терминологии Э. Бенвениста), или формализованных систем (в терминологии А. Соломоника), и представляет собой функционирование «языка-системы» в сосюрорско-редукционистском понимании. (Подобное понимание коммуникации восходит к александрийским грамматикам, позже оно проявилось в грамматике Пор-Рояль.) Иными словами, прямая коммуникация организуется «аттракторами» и не включает участков неаттракторного характера. Поэтому для описания прямой коммуникации оказывается достаточной информационно-кодовая модель коммуникации [Shannon, Weaver 1949].

Следует отметить, что крайне трудно найти пример реальной настоящего семиотически прямой коммуникации, в котором не

продуцировались бы смыслы, не содержащиеся непосредственно в тексте реплик и все смыслы которого объяснялись бы при помощи одной кодовой модели. Это только явно содержательно ущербные коммуникативные ситуации типа *Сейчас три часа дня. – Да, сейчас три часа дня, я слышу*, где роль коммуниканта сводится к роли «ретранслятора».

Главным аттрактором, организующим прямую коммуникацию, выступает язык.

По-видимому, сам язык возникает как своеобразная борьба с непрямой коммуникацией, ее преодоление. Язык делает передаваемые и принимаемые смыслы более прямыми, то есть более точными и более «узкими», снимая тем самым ряд степеней НК. В языке также существует разная степень точности выражения содержания. «Прямота» растет прямо пропорционально повышению формализации. Под формализацией знаковой системы мы, вслед за А. Соломоником, понимаем повышение ригидности (жесткости) системы, проявляющееся в следующих признаках: (1) ужесточение требований к правилам грамматики и метаязыка; (2) повышение строгости исполнения внутрисистемной логики; (3) знак такой системы становится все более автономным по отношению к своему обозначаемому и все более зависимым от системы в целом. Такой знак предлагается называть символом. Его точность, информационная плотность и однозначность («прямота») значительно выше, чем у слова – знака естественного языка [Соломоник 1995: 82]. Таким образом, следующей ступенью формализации содержания после естественного человеческого языка является формализованная кодовая система (такая, как математический код). Формализация в таком понимании всегда направлена от смыслов → к значениям. Так, в формализованном языке математики есть только значения и нет смыслов. Там у адресата не может возникнуть вопроса типа «Что вы этим хотели сказать?»: «В мире безупречных искусственных языков нет ни экспрессии, ни связности и цельности речевого потока, ни неопределенности и размытости описаний и ситуаций и лиц. В этом мире нет также ни юмора, ни поэзии» [Ивин 1983: 108].

Дополнительным языковым аттрактором является, конечно, письмо. Системы записи первичных коммуникативных систем выступают не только как дополнительный вариант уже существующей знаковой системы – они поднимают прежнюю систему на большую высоту и снабжают ее дополнительными семиотическими возможностями: «В то время как количество знаков в первичной системе практически неограниченно (естественные знаки, образы, слова), количество знаков для записи стараются сократить до минимума. Правила их использования очень ригидны, значительно меньше энтропии наблюдается в операциях с буквами, чем, допустим, в операциях со словами (при записи мы не можем отклоняться от правил правильного письма, в разговоре существует масса возможностей для комбинаций с одним и тем же словом)» [Соломоник 1995: 102].

Но кроме языкового существует большое число различных способов упорядочения коммуникации, преодоления энтропии в ней: различные жанровые и риторические правила и предписания ведения как вербальной, так и невербальной коммуникации, коммуникативные категории. Думается, не случайно описание языкового содержания осуществляется на основе фреймов и близких к ним структур.

Так, в лингвосинергетике коммуникация понимается как «существенно нестабильная, пульсирующая структура» [Герман 2000: 54], в которой, однако, есть

аттракторы – «отдельные области упорядоченности открытой, сильно неравновесной системы» [Там же: 41]. И.А. Герман считает важнейшим аттрактором в использовании языка метафору. По ее мнению, метафора противопоставляется всем остальным способам упорядочения представлений о мире, например, словообразовательным моделям, как «прорыв на поверхностный уровень языка «становящегося бытия» новой смысловой системы, когда концептуальная система индивида пытается освободиться от излишней энтропии смысла» [Герман 2000: 92]. Тем самым И.А. Герман противопоставляет разные типы языковых аттракторов – узкосистемные парадигматические аттракторы инвариантно-вариантного типа и аттракторы полевого типа. В категориях традиционных системоцентрических исследований языка метафора как разновидность языковых структур полевого типа относится к явлениям языковой асимметрии. Отметим, что само поле с ядром и нечеткой, но тяготеющей к ядру и таким образом организованной периферией, несомненно, тоже аттрактор, причем аттрактор языковой.

В теории искусственного интеллекта, формальной логике развивается теория фреймов, которые понимаются как фрагменты знания о мире, содержащие информацию об обычном порядке протекания ситуации [Дейк ван 1989: 16-17, 69, 84; Филлмор 1983: 80, 111; Чарняк 1983; Чейф 1983: 43, 45; Шенк 1980; Eysenck 1993; Schank, Abelson 1977].

В последние десятилетия в семантике развивается теория прототипов [Rosch 1977; Mervis, Rosch 1981], согласно которой человек воспринимает любую семантическую категорию как имеющую центр и периферию и, следовательно, имеющую «более прототипических» и «менее прототипических» представителей, связанных между собой отношениями family resemblance. Теория прототипов развивается, по сути, именно как учение об аттракторах, альтернативных языковым – ср. известную статью А. Вежбицкой «Прототипы и инварианты» [Вежбицка 1996: 201-230], в которой, как нам кажется, наиболее четко сопоставляются эти два типа системности. Отметим, что само противопоставление прототипов и инвариантов связано с общим изменением представления о языковых категориях: на смену бинарному представлению (идущему от Аристотеля) приходит категоризация, которая связывается с выявлением характеристик по принципу «фамильного родства» [Taylor 1989; Кравченко 1999: 6].

Итак, прямая коммуникация опирается на аттракторы, и прежде всего – систему языка. Мы понимаем язык как один из типов аттракторов, а эволюцию языка – как повышение формализации, прямоты системы.

В понимании общей эволюции коммуникативных систем мы солидаризируемся с А. Соломоником, который выделяет пять стадий развития коммуникативных систем: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; системы записи; кодовые системы. Именно в такой последовательности, по мнению А. Соломоника, эти системы кодирования реальной жизни появляются в онтогенетическом развитии человечества и в филогенезе отдельного индивидуума. При этом в основе всех особенностей знаковых систем лежит степень абстракции базисного знака и его «удаленности» от обозначаемого: естественным системам соответствует знак в виде материального реального предмета или явления (например, ярко-зеленая трава в определенных условиях может указывать на наличие в данном месте болота); образным системам соответствует образ; языковым системам – слово; системам записи – буква или иной аналогичный символ; кодовым системам – символ. Каждый тип знака отражает действительность особым образом: естественный знак – указывает; образ – отражает; слово – описывает; буква – фиксирует; символ – кодирует [Соломоник 1995: 116-117].

Вместе с тем прямая коммуникация, разные аспекты и уровни которой гораздо более широко исследованы в лингвистике и смежных дисциплинах, чем НК, представляет собой

лишь незначительную, более того – необязательную часть общего пространства коммуникации.

Непрямая коммуникация охватывает целый ряд речевых явлений, при использовании и интерпретации которых как в повседневной речевой практике, так и во вторичных, книжных или официальных сферах общения оказываются недостаточными одни лишь правила языка. Часто использование данных явлений вообще осуществляется без непосредственной опоры на систему языковых значений и значимостей. Более того, многие типичные ситуации общения допускают и даже требуют от коммуникантов обращения к нестандартным (неформализованным, не принятым в данном коде) языковым средствам, грамматическим конструкциям, типам предложений, какие должны были бы быть использованы для оформления данного содержания в данном языке, требуют выбора «неподходящих» по стилю синонимов и т. д.

Явления, которые мы включаем в обширное поле непрямо́й коммуникации, с разных точек зрения привлекали внимание лингвистов, логиков, филологов и рассматривались в ряде научных дисциплин под разными наименованиями, например: **имплицитность** – как один из принципов передачи содержания текста; **эвфемизмы / дисфемизмы** – как стилистическое средство; **косвенные речевые акты** типа *Не могли бы вы открыть окно?*; **тропы** типа *Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый! Улиц твоих большеротых Кривые люблю вавилоны* (О. Мандельштам); **иронические** высказывания типа: – <...> *Вы умрете другою смертью. – Может быть, вы знаете, какой именно? – с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз* (М. Булгаков); разновидности знакового общения, определяемые Э. Берном как «**игры**», типа **КОВБОЙ**: *Не хотите ли посмотреть конюшню? – ДЕВУШКА: Ах, я с детства обожаю конюшни!* [Берн 1988: 25] и мн. др.

В традиции, идущей от Э. Бенвениста, все эти явления понимаются как отражение общего несемантического начала в языке, принадлежности языка к системам особого, «семантического» типа [Бенвенист 1974: 80-81, 88].

Данное свойство языка проявляется в том, что в интерпретацию знака включен человеческий фактор, делающий результирующий смысл в конечном счете непредсказуемым. Истоки семантического начала в языке лежат в огромном количестве и разнообразии знаков, в частности, в том, что существуют знаки трех типов: иконические, индексальные и символические [Peirce 1960: 161; ср. также: Кравченко 1999: 4; Кубрякова 1993: 26].

Отражением категории НК в языке является всё то, что не позволяет значениям, выражаемым единицами естественного языка, приблизиться по прямоте к значениям, выражаемым символами формализованных кодов, – асимметрия, человеческий фактор, проявляющийся в организации и функционировании языковых единиц разных уровней, градуируемые единицы, образующие поля, и т. д.: «Полиморфизм языка – это один из способов допущения “нестрогости” логики при “внешнем” сохранении

видимости дедуктивной строгости: он позволяет вводить в нашу систему суждений ту “рассогласованность”, без которой она была бы неполна» [Налимов 2003: 79-80].

Для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание явления РЖ как переходного между языком и речью. С одной стороны, жанры – это не коммуникация, а только ее формы [Бахтин 1996: 192]; с другой стороны – это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и «не совсем» речь: это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно речевые жанры составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками не прямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену возможно более точными смыслами.

Речевые жанры, представляя собой коммуникативные аттракторы, накладывают ограничения на интерпретацию речевых высказываний, тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень неопределенности («непрямоты») коммуникации (ср.: [Богин 1997]). Одна из важнейших функций РЖ – служить опознанию адресатом интенции, на что справедливо указывает М.Ю. Федосюк: «Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, <...> то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Ср. определение речевого жанра Ст. Гайды: это «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [Гайда 1986: 24]. На данное свойство РЖ как «когнитивно-конструктивный аспект речевого жанра» указывает К.А. Долинин: «Знание жанровых канонов <...> обеспечивает идентификацию жанра получателем (для чего часто бывает достаточно небольшого отрезка дискурса), т. е. ориентировку в речевом событии, в котором он участвует, активизацию соответствующего сценария, хранящегося в долговременной памяти, и, следовательно, настройку на нужную волну, включение соответствующей установки, перцептивной и деятельностной, и, как следствие, возможность прогнозировать дальнейшие речевые действия партнера, дальнейшее развертывание дискурса и адекватно реагировать на него» [Долинин 1999: 10]. Жанры принимают самое активное участие в организации и интерпретации семантики коммуникативной ситуации: «В основе РЖ лежат устойчивые, типичные комбинации определенных значений параметров коммуникативной ситуации» [Долинин 1998: 38] (выделено мною – В.Д.).

Два типа коммуникативных смыслов, организуемых речевыми жанрами, выделяет Ф.С. Бацевич: узуальный коммуникативный смысл (умение строить типичный РЖ с присущей ему интенцией в конкретной конситуации общения и привычное восприятие именно этого смысла адресатом) и очень важный окказиональный коммуникативный смысл, само наличие которого свидетельствует о том, что РЖ – не просто тип, жесткая, застывшая форма организации речевого действия, а «мягкая», гибкая категория живой коммуникации, формирования дискурсов [2005: 118-122].

Системность в речи / коммуникации проявляется в существовании интенциональных диалогов и характере отношений инициальных реплик к «вынуждаемым» ответам [Баранов, Крейдлин 1992; Ширяев 2000]. Здесь мы вступаем в область диалога, тех диалогических отношений, о которых М.М. Бахтин писал, что они «не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от отношений между словами и предложениями» [Бахтин 1996: 173-174]. Отношение реплик-стимулов к «вынуждаемым» ответам в интенциональных диалогах далеко не столь четкая система, как языковые соответствия (например, в синтаксических типах *повествования, вопроса, побуждения, отрицания* значения достаточно жестко закреплены за стандартной формой). Многочисленные попытки исчислить закономерности «вынуждения» реакций всякий раз демонстрировали очень большую вариативность.

Как уже отмечалось, некоторые классификации речевых актов являются таксономиями единиц речевого действия, но взаимодействия, т. е. имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности «стимул-реакция») и объясняют не только парадигматику, но частично и синтагматику речевых актов как структурных элементов РЖ. Большинство исследований последней посвящено именно двухчленным единствам, при этом чаще всего противопоставляются интенциональные диалоги с вопросительной / побудительной исходной репликой – как имеющие наиболее жесткую и обязательную детерминированность ответной реплики – и все остальные интенциональные диалоги (прежде всего с повествовательной исходной репликой). Это не противопоставление языковой системности и речевой – в обоих случаях имеют место чисто речевые, диалогические отношения, однако для первого случая характерна большая определенность.

Отношения между членами интенционального диалога – это очень тонкие, трудноисчисляемые, аморфные отношения. Они приблизительны и принципиально «неточны» – для коммуникативных смыслов, выражаемых посредством интенциональных диалогов, как и для коммуникативных смыслов в целом, характерна очень большая вариативность.

Жанровая речевая системность складывается из собственно речежанровых моментов стандартизации и формализации (присущих всем речевым жанрам) и риторических моментов формализации (присущих риторическим жанрам).

В **риторических жанрах** адресант стремится «построить высказывание или их ряд с его точки зрения наиболее эффективным способом» [Сиротина 1999: 28]). Риторические жанры, делающие коммуникативные действия более воздейственными, придают речи большую организованность, системность. Так, специальное исследование Г.М. Ярмаркиной показало, что в риторических просьбах больше конвенциональных речевых средств по сравнению с просьбами нериторическими, спонтанными [Ярмаркина 2001: 43]. Автор, однако, не анализирует причину этого явления: используются ли конвенциональные средства сознательно как более эффективные, воздейственные или лишь как неизбежное следствие того, что обдумывание данных высказываний осуществлялось вне («до») конкретной ситуации общения? Казалось бы, конвенциональных средств должно быть больше в нериторических жанрах, реализующихся в условиях спонтанного общения, когда нет возможности для выбора наиболее эффективного. Нериторические речевые средства обычно понимаются как автоматическое «следование за языком», язык же «подсказывает» именно прямое, конвенциональное. К такому же выводу приходит Г.М. Ярмаркина [Там же: 59]. Остается нерешенным вопрос: откуда вообще в речи (например, в просьбах) неконвенциональные высказывания? И где – в области речевых или риторических высказываний – источник их? По-видимому, большое число неконвенциональных средств в нериторических жанрах есть следствие того, что наиболее естественно порождаются не прямые (языковые), а неконвенциональные, затрудняющие восприятие коммуникативные средства, то есть непрямая коммуникация.

Жанр может выступать не только средством уменьшения «непрямоты» коммуникации, но и средством ее увеличения. Естественно, уменьшению и увеличению информационной неопределенности подвергаются разные участки коммуникации. Жанр, являясь средством индивидуации (по Г.И. Богину), определяет тип текста и тем самым снимает ряд степеней неопределенности, но жанр может требовать от коммуникантов обращения к косвенным речевым актам, эвфемизмам и т. д. Очень важно разграничение жанров поверхностной структуры высказываний (в таких высказываниях отсутствует смысловая многомерность) и **косвенных речевых жанров**, включающих такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе не прямой коммуникации. Правилами жанра определяется как причина обращения к не прямой коммуникации, так и ее речевое оформление, в том числе: способы взаимодействия коммуникации с контекстом и ситуацией общения (соответственно – способы кодирования и декодирования, включающие пошаговую интерпретацию не прямых высказываний), конкретные формальные показатели, обусловленные интенциональными состояниями коммуникантов. Во всех жанрово типизированных высказываниях (это касается и высказываний, типизированных только со стороны жанровой системности) субъекту речи предоставляются возможности для творчества (ср. *светскую беседу, тост,*

флирт). Важно, что понятие косвенного речевого жанра позволяет рассматривать жанры не только со стороны структуры и типологии, но и со стороны их вариативности.

Здесь следует отметить, что последовательное рассмотрение проблемы «жанр и язык» (данной проблеме, как уже было сказано, посвящен шестой выпуск сборника «Жанры речи») включает, прежде всего, **изучение жанров лингвистическими методами**, в том числе методами узко-лингвистическими («лингвистическая генристика»).

К наиболее очевидным лингвистическим аспектам жанров, успешно изучаемым при помощи лингвистических моделей, относятся **пропозициональные** (*локутивные* в терминологии теории речевых актов) особенности лексических, фразеологических, синтаксических **единиц**, из которых строятся жанрово оформленные высказывания, – иными словами, на первый план выходит изучение **предложений**, используемых в том или ином жанре речи: «<...> исследование речевых действий человека часто превращается <...> в исследование типов предложений – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров» [Вежбицка 1997: 101].

Б.Ю. Норман [Норман 2009] анализирует синтаксические особенности номинативного предложения в функции *резюме* (например: *Ники ползал на коленях, то так, то эдак прилаживая камеру. Профессионал*).

М.Я. Дымарский [Дымарский 2009] рассматривает современные варианты жанра речи (или, по выражению исследователя, «жанра официально-делового стиля») *официального наименования*, построенные по модели словосочетания с номинативным приложением в кавычках (ср. традиционные выражения типа *гостиница «Астория»* и новые типа *кафедра «Русский язык»*).

Вторым по активности (но не по значимости) лингвистическим аспектом жанров речи стало изучение **семантики** лексем, прежде всего существительных и глаголов (в том числе перформативных), **именующих** или непосредственно речевые жанры, или речевые действия, соотносимые с данными жанрами (часто разница между такими существительными и глаголами почти исключительно категориально-грамматическая, например: *просьба – просить / попросить, вопрос – спрашивать / спросить, ссора – ссориться / поссориться, флирт – флиртовать*). Главным объектом исследования становятся существующие в лексике и фразеологии языка / языков **названия** различных жанрово релевантных компонентов речи – соответствующих единиц, правил и норм, моментов системности и типизации.

В исследовании Л.В. Балашовой [Балашова 2009] на основе анализа целого ряда словарей литературного и нелитературных стратов русского языка строится семантическое поле, которое образуют лексемы, именующие речевые жанры и их компоненты, в русском языке.

Детально анализируются словообразовательные и семантические отношения между членами данного поля, представляют большой интерес метонимические и особенно метафорические номинации, отражающие близость между разными жанрами с точки зрения носителей языка. Привлекаются этимологические данные, анализируются сложные словообразовательные процессы (опрошение). Наличие многих неречежанровых членов словообразовательных гнезд, например *вина*, *эмпириокритицизм*, а также вхождение членов СОГ в разные типы дискурса, например *молить* – *молиться* / *молитва* (конечно, особенно это заметно в случае иронического переосмысления, чаще всего в «низких» стратах языка, например: *реклама* – 1. *Угол.*, *мол.* *Шутл.* ‘Костюм’; 2. *Угол.* *Шутл.* ‘Нижнее белье’; 3. *Угол.*, *мол.* *Шутл.* ‘Лицо’) отражает многие значимые аспекты как языковой, так и «речежанровой картины мира».

Исследовательница пытается проследить, как в лексической и словообразовательной системе русского языка представлены разные типы жанров и смежных явлений околожанрового пространства речи. Прежде всего обращает на себя внимание четкое противопоставление вторичных, книжных (специализированных) жанров (исконно русские и заимствованные номинации) и первичных жанров непосредственного (устного) общения (практически исключительно русские, за исключением только лексемы *флирт*).

Как и концептуализация явлений природы и человеческих отношений языком в целом, данная картина предстает очень сложной, отчасти системной, отчасти – противоречивой, неполной, содержащей участки большей интенсивности, оценочности, идиоматизации и метафоризации – причем тяготение отдельных участков коммуникации и коммуникативной системности к отражению в определенных языковых явлениях и единицах тоже только отчасти может быть объяснено их настоящей степенью значимости для носителей языка.

Так, например, лексема *болтовня* / *болтать* в русском языке развивает два разных значения – и две полярные оценки – из-за возможности актуализации в речи двух разных сем (‘неофициальность’ и ‘незначительность’); в русском языке нормально *заходи, поболтаем* и аномально **мне надо с тобой поболтать* – а также *заходи, поговорим* (в польском, например, вполне нормально как выражение *zachodź pogadamy*, так и *zachodź porozmawiamy* – ср.: *Chodź pan! Na co te ceregele? Posiedzimy, pogadamy sobie trochę, ponarzekamy po staropolsku, to nam się lżej robi na duszy.* (Z. Zeydler-Zborowski. *Koty Leokadii Kościelnej*)

Следует отметить, что в узко-лингвистических описаниях жанрово релевантных компонентов речи не учитывается речевая, социально-диалогическая природа РЖ, тем самым обнаруживается недостаточность такого подхода, справедливо отмечаемая в работах по лингвистике речи (включая использование методики анализа отдельных речевых актов; см. выше).

Значительно ближе к сущности РЖ методика **лингвистики речи / речеведения**, при этом одним из наиболее активно развивающихся аспектов речеведческого изучения жанров стал опыт **функционально-стилистического** изучения РЖ [Салимовский 2002].

Изучение РЖ на основе теории и методологии лингвистики речи выводит на более общие проблемы существования и использования речевых

жанров, изучаемые внешелингвистическими дисциплинами – например, **психолингвистическое** изучение РЖ исходит из того, что «Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы» [Седов 2007а: 125].

«Важно понимать, – пишет К.Ф. Седов, – что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т.д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллюция) высказывания» [Там же].

Один из важных аспектов проблемы «жанр и язык» – «**жанр и языки**». Здесь на первый план выходят вопросы: как жанры ведут себя в условиях билингвизма / многоязычия, более или менее регулярных языковых контактов, взаимного влияния языков? Что представляет собой речезанровая интерференция? Что происходит с «речезанровой компетенцией» в сознании билингва (в частности, иммигранта)?

Эти вопросы обсуждаются в статье Мари Бесемерес [Бесемерес 2009]. Проанализировав обширную мемуарную литературу, исследовательница приходит к выводу (фактически тому же, к какому в свое время пришел Бахтин) о важности эмоций (эмоциональных восклицаний) для самоопределения билингва, много лет прожившего на чужбине, – и для самоопределения жанра: именно эмоциональные восклицания, междометия и частицы (и жесты) остаются у иммигранта из родного языка / диалекта – например, шанхайские китайские в австралийском английском у Женгдао Йе.

Следует отметить, что мы исключаем из рассмотрения **культурно-речевой аспект**. Так, нами не рассматриваются вопросы: разные ли жанры соответствуют разным языкам или в разных языках «одни и те же» жанры? а также: сравнение разных языков с точки зрения существующих в них жанров. Конечно, в собственно языках нет жанров; жанры организуют только речь на этих языках, и в речевом (культурно-речевом) аспекте подобные вопросы действительно обретают смысл (в частности, изучение наборов жанров в рамках той или иной речевой культуры в сравнении с другими культурами или без сравнения) – и отчасти уже становились специальным объектом рассмотрения в четвертом и пятом выпусках сборника «Жанры речи».

Вторая группа аспектов проблемы «жанр и язык» – **рассмотрение языка жанроведческими методами**. Хотя работ, непосредственно посвященных данному аспекту, почти не было, думается, большой потенциал

такого рода исследований при осмыслении собственно языка можно найти у М.М. Бахтина.

Многие закономерности жанровой организации речи, как и закономерности структуры и функционирования речи и коммуникации в целом, могут и должны использоваться для объяснения целого ряда **системных отношений**, в которые вступают собственно **языковые единицы** (в частности, уже упоминавшиеся лексем, именующие жанры и подобные им явления). Так, целый ряд категориальных сущностей, в высокой степени значимых для семантики данных лексем, их парадигматики и синтагматики, не может быть понят без обращения к явлениям речевой и речежанровой системности, отражаемым их семантикой.

Языковые единицы, называющие данные явления, могут группироваться в семантические поля, организованные по различным принципам, быть противопоставлены друг другу по различным критериям (в том числе оценочным), в частности быть связанными отношениями частичной синонимии – ср., например, описания многих коммуникативных явлений в русской речевой культуре, осуществленные в уже упоминавшемся **«Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»** (2004; под ред. Ю.Д. Апресяна): *«беседа», ворчание, доказательство, жалоба, извинение, мольба, похвальба, просьба, разрешение, совет, угроза, упрек* и др.

Один из наиболее очевидных аспектов проблемы «Жанр и язык» – взаимодействие **речевых стереотипов** со **стереотипами языковыми**. Наиболее ярко это проявляется в случае **идиоматизации**. Так, при изучении паремиологии необходимо учитывать, что поговорки, с одной стороны, являются единицами языка, с другой – сами могут быть отнесены к речевым жанрам. Клифф Годдард [Годдард 2009] рассматривает «пословичный способ говорения» как один из речевых жанров.

Описывая семантику пословиц на семантическом метаязыке А. Вежбицкой, автор включает в описание «текущую ситуацию» – один из наиболее важных речежанровых параметров (данная ситуация имеет отчетливо типизированный характер).

Как уже говорилось, речежанровое сравнение вообще удобно осуществлять в связи с языком или непосредственно через него, – именно так поступает К. Годдард, сравнивая семантику английских и малайских пословиц, а также «текущие ситуации» и «пословичные способы говорения» в данных языках и – соответственно – речевых культурах.

Такой взгляд на сущностную близость языковой / речевой идиоматизации и речевых жанров характерен для Н.Б. Мечковской [Мечковская 2009].

Исследовательница исходит из того, что в качестве самостоятельного жанра речи (не искусства слова) афоризм обладает своей макроинтенцией, суть которой состоит в цитировании, т.е. в привлечении авторитетных прецедентных высказываний, выражающих важные для говорящего смыслы в оптимальной упаковке. Н.Б. Мечковская

осуществляет типологизацию высказываний в рамках «жанров афористики» по степени идиоматичности (учитываются надязыковые и языковые признаки идиоматичности).

Отношения конкретных речевых жанров (например, *разговора по душам, светской беседы, анекдота, флирта*) к конкретному языку (например, русскому, английскому, польскому) будут рассмотрены ниже.

Итак, главное назначение языка состоит в том, что это системная основа речи.

Речевые жанры организуют речевую коммуникацию, это тоже системная основа речи.

Таким образом, основная линия данного сходства – упорядоченность, системность, «формализация», «кодирование».

Почему же тогда, если вполне нормально выражение *жанры речи*, то **язык речи* – аномально?

Думается, что некоторые достаточно приемлемые объяснения могут быть даны с собственно терминологической точки зрения, но не все.

По-видимому, нетавтологичность выражения *жанры речи* обусловлена тем, что данному термину-понятию помогла войти в лингвистический обиход его близость к огромному числу подобных двучленных терминов-понятий, уже давно и прочно вошедших в этот обиход (конечно, всё это очень разные термины-понятия, в которых значительно различаются как семантика отдельных существительных в их составе, так и степень идиоматичной спаянности слов внутри данной пары): *части речи, единицы речи* (последний термин очевидно произведен от *единицы языка*, где он воспринимается более естественно и менее метафорично, связан с определением уровневой модели языка), а также – в значении не «часть», а «суть» – *код коммуникации, система средств (общения), ключ общения* (последнее менее терминологично и более метафорично; ср. названия лингвистических монографий последних лет: «Языковой круг», «Языковые ключи», в которых оказывается востребована именно метафорическая образность).

Кроме того, термины *речевые жанры / жанры речи* образуют синонимическую пару (даже пару абсолютных синонимов, в отличие, например, от лишь частичных синонимов *речевые стратегии и стратегии речи*), чего, как известно, не происходит с близкими понятиями, например, *речевыми актами и частями речи* (ср. неиспользование в качестве терминов *акты речи* или **речевые части*).

Тавтологичность же выражения **язык речи*, по-видимому, обусловлена прежде всего тем, что сам тип инвариантно-вариантных отношений, т.е. виртуально-актуальных сущностей, выделяемых практически во всех разделах современной семиотики, наиболее естественно имеет в качестве прототипа именно отношения языка и речи, детально разработанные в лингвосемиотике (ср. естественность выражений *чертеж машины* или *либретто балета* и невозможность **образец экземпляра*).

Добавим, что в истории науки *жанры речи*, по-видимому, производны от *речевых жанров* (хотя в современном жанроведении вопрос первичности-вторичности данных терминов-понятий решается не однозначно). *Речевые жанры* же (в коммуникативно-прагматическом измерении науки, каковое было характерно для лингвистики на тот момент, когда она оказалась перед необходимостью воспринять идеи Бахтина, – и когда оказалась в состоянии воспринять их благосклонно), видимо, производны от *речевых актов* (точнее, *speech acts*): в английском выражении *speech acts* вопрос частеречной принадлежности решается не формой слова, а порядком слов, который гораздо более жесткий, чем в русском; существительные же, как известно, не могут выступать в функции определения в зависимой постпозиции без предлога (*of*). Впрочем, данной точке зрения, по всей видимости, противоречит тот факт, что о *речевых жанрах* писал еще М.М. Бахтин – однако в то время было еще далеко до «терминологического» (тем более лингвистического) употребления данного выражения, как, собственно, было далеко до формирования *теории речевых жанров* в качестве самостоятельной отрасли лингвистической или филологической науки.

В то же время речевой жанр и речевой акт, несмотря на историческую / науковедческую первичность (в названной научной парадигме) речевого акта, явления не просто близкие – оба суть проявления одной и той же базовой особенности человеческой речи (как и использования любых коммуникативных систем в самом широком и самом непосредственном, тоже «человеческом» смысле слова).

Первичность такого феномена, как речевой жанр, в данной обширной и внутренне разнообразной парадигме средств существования и осуществления речевой системности, по нашему мнению, во многом определяла пафос идеи Бахтина – как и то, что прочие (смежные) феномены предстают в данной парадигме как явления факультативные (в том числе те частные разновидности бахтинских речевых жанров, которые сейчас принято называть речевыми актами).

2.3. Речевой жанр и параметризация речи

Каждому, кто занимался изучением естественной речи, известны очень серьезные затруднения, возникающие при каждой попытке адекватно объяснить данное явление. Очевидна ограниченность системно-структурной интерпретации текста с опорой на одни языковые показатели. Добросовестный исследователь с неизбежностью должен обращаться к явлениям внеязыковой действительности: личности, ведущие общение, их разнообразное вербальное и невербальное поведение (текстовые и нетекстовые референции) и психические состояния, коммуникативная компетенция (пресуппозиции и экспектации) и жизненный опыт в целом, коммуникативные и некоммуникативные традиции данного социума, элементы сферы, ситуации и обстановки общения... Очень трудно решить, какие из этих факторов могут быть значимыми в каждом конкретном случае. Новые коммуникативные модели, прежде всего инференционная и интеракционная [Schiffrin 1994; Sperber, Wilson 1995; Clark 1996; Макаров 2003; Карасик 2002], доказывают значимость многих факторов, которые не учитывались в предшествующих моделях и без которых тем не менее невозможна адекватная интерпретация коммуникации. Часто адекватная интерпретация коммуникации невозможна без учета эстетической

значимости речи, а теория речевых жанров пересекается с поэтикой человеческого общения⁵.

В целом при систематическом описании коммуникации методика **компонентного анализа** в виде параметризации ситуации общения и динамики ее развития давала достаточно достоверные результаты и была полезна при теоретическом осмыслении речи, то есть при выявлении речевых моделей. Как известно, компонентный анализ, или дескриптивная модель, является традиционным для семантики, откуда он потом был перенесен, с одной стороны, в морфонологию, с другой стороны, в прагматику, лингвистику текста и жанроведение.

Применительно к изучению коммуникации все существующие модели компонентного анализа восходят к общей модели языка К. Бюлера, в которой бесконечное разнообразие исходных внеязыковых параметров упрощенно сводится к самой общей схеме функционирования языка, представляемой в виде так называемого коммуникационного треугольника «адресант – информация – адресат» или проще: «кто – что – кому (с кем)» [Бюлер 1993: 34].

Методика компонентного анализа активно применялась в этнографии речи, где основные восемь рубрик коммуникативного события обозначались посредством акронима SPEAKING – Situation, Participants, Ends, Act sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genres – ситуация, участники (адресант, адресат, аудитория), оценка эффективности речи, ход действия, ключ, инструментарий (язык, диалект, стиль), нормы и жанры (урок, заседание суда, церковная служба и т.п.) [Hymes 1972; 1977]. Ср. модель описания коммуникативного события из девяти параметров, применяющуюся в социологии и социолингвистике: цели или структура целей; правила (общепринятые представления о допустимости или недопустимости определенного поведения в той или иной ситуации); система ролей, характерных для ситуации; репертуар элементарных действий, свойственных ситуации; окружающая (материальная) среда; языковые и речевые средства; характерные для конкретных ситуаций трудности, требующие определенных навыков по их преодолению [Argyle et. al. 1981]. П. Рикёр выделяет одиннадцать параметров социальных взаимодействий «наделенных речью и разумом агентов»: цель (проект), мотив, обстоятельства, препятствия, пройденный путь, соперничество, помощь, благоприятный повод, удобный случай, вмешательство или проявление инициативы, желательные или нежелательные результаты [Рикёр 1995: 13].

В отечественной традиции выделялись такие «классифицирующие признаки» событий, как контролируемость/неконтролируемость со стороны участников,

⁵ Эстетически значимое устное диалогическое общение может опираться на смыслы, порождаемые чтением вслух стихов, других художественных произведений. К поэтике человеческого общения имеет прямое отношение языковая игра, искусное рассказывание историй, сюда же относятся используемые в повседневном непосредственном общении образные средства языка (в том числе просторечные метафоры, рассматриваемые в [Химик 2000]). Однако поэтика человеческого общения не сводится к подобным ситуациям. Она охватывает также такие ситуации встреч, обсуждений, реплики, замечания, отдельные слова и даже части слов, интонации, молчание, мимику, которые наводят собеседников на глубокие размышления, вызывают восхищение – при полной невозможности точно воспроизвести их или объяснить их значение «логически» (о некоторых проблемах поэтики человеческого общения см. в [Дементьев 2005]).

пространственная и временная локализация события, результат (эффект или последствия) события [Булыгина, Шмелев 1997: 108-110]. Е.Ф. Тарасов распределяет ситуации общения по трем признакам, «описывающим их отношение к социосфере»: 1) признак фиксированности ролевой структуры (соответственно выделяются нормативные и ненормативные ситуации); 2) признак соблюдения/несоблюдения социальных (этических) норм (санкционируемые и несанкционируемые обществом); 3) признак типичности для данного общества (стандартные и нестандартные) [Тарасов 1974: 272]. Разновидностью компонентного анализа является и модель С.А. Сухих и В.В. Зеленской – пять «сфер», выделяемых в диалогическом общении: производственно-институциональная, обслуживания, досуга, семейно-бытовая, окказиональная (однократная встреча с другим человеком) [Сухих, Зеленская 1997; 1998]. Л.П. Крысин рассматривает восемь ситуативных переменных: говорящий и слушающий и их социальные роли, их отношения, тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель, средство общения (подсистема или стиль языка, параязыковые средства), способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный), место общения [Крысин 1989: 130]. О.Б. Сиротина выделяет следующие параметры изучения «языка города»: отличие речи города и села (в городе гораздо более сложная общая картина), специфика больших и малых (однороднее) городов (речь в малых городах однороднее), аспекты изучения: проблема именованности городских реалий (улиц, учреждений) и аспект наименования (в том числе – разные принципы именованности, социополитика) [Сиротина 2008].

Заслуживают внимания рассуждения И.Н. Борисовой, касающиеся как названных моделей, так и самой идеи параметризации ситуации общения в целом: исследовательница обращает внимание на то, что все обычно выделяемые параметры достаточно четко делятся на две группы: «<...> параметры описания коммуникативного события содержат характерные черты коммуникативной ситуации (объективные критерии) и субъективную ее оценку коммуникантом (эффективность речи, проявление инициативы, желательные и нежелательные результаты)» [Борисова 2001: 18].

В то же время проблема адекватного описания ситуации общения, как подчеркивает И.Н. Борисова, еще далеко не решена. В наибольшей степени это проявляется в затрудненности использования предлагаемых в лингвистике и социолингвистике моделей на практике: «Все компоненты коммуникативного акта являются взаимозависимыми, и изменение одного из них с необходимостью влечет за собой изменение других. А коммуникативная ситуация как внутренняя форма коммуникативного события должна характеризовать его условия в целостности и в их отношении к коммуникативной деятельности участника. В реальной коммуникации исчерпывающая модель коммуникативного акта практически никогда не востребуется: обычно коммуниканту достаточно лишь нескольких атрибутов коммуникативной ситуации для опознавания типа коммуникативного события в целом» [Борисова 2001: 50-52].

Итак, поиск значимых параметров становится определяющим для огромного количества исследований по речи разных типов.

Выделяются разнообразные параметры (от двух до нескольких десятков), и общая картина пока производит впечатление предельной пестроты и разнородности. Исследователи не пришли к единому мнению даже по фундаментальным вопросам: какие параметры являются по-настоящему релевантными, позволяют прояснить в речи какие-то по-настоящему существенные моменты, тем более – какие могут быть положены в основу классификаций при дальнейшем выделении типов речи.

При этом в одних случаях параметризация коммуникации включает жанровое моделирование в качестве одного из параметров, в других случаях

изучение жанров речи успешно использует параметризацию – учет (жанрово релевантных) параметров. «Жанр(ы) речи» могут выделяться в качестве одного из параметров, наряду с другими – как правило, это важный параметр, но обычно все же не «первый» (по сравнению, например, с собственно Говорящим, Слушающим и Предметом речи в упоминавшейся модели Бюлера).

Что же касается тех моделей, где вообще нет жанров в качестве даже одного из параметров (конечно, среди них оказываются и уже очень хорошо зарекомендовавшие себя модели, используемые, например, при изучении фонетики, лексики, словообразования в РРР), подчеркнем, это модели, не претендующие на то, чтобы дать полную картину функциональных, содержательных и структурных особенностей речи.

Повторяем, главная теоретическая сложность параметризации коммуникации (естественно, не считая объективных трудностей, связанных со сбором и обработкой конкретного практического материала) связана с выделением набора релевантных параметров (соответственно в случае речежанрового анализа – выделением жанрово релевантных параметров). Понятно, что релевантность параметров в данном случае в значительной степени означает имплицативность: модель должна стремиться к тому, чтобы по возможности ограниченное число важнейших параметров позволяло учитывать наибольшее число объективно существующих других признаков речи. Таким образом, задача состоит в том, чтобы наиболее полно объяснять особенности речи при помощи возможно простой модели.

Следует отметить, что на протяжении приблизительно тридцати лет (как в рамках собственно жанроведческого анализа, так и за его пределами) в лингвистике речи в целом было предложено и апробировано много моделей, более или менее непосредственно восходящих к методике компонентного анализа. Здесь, конечно, невозможно рассмотреть все. Эти методики значительно различаются не только составом параметров и выделением некоторых из них в качестве важнейших, но и тем, в какой степени каждая конкретная методика оказывалась применима и была применена **на практике**.

Это может показаться странным, но именно последний критерий часто оказывается тем «водоразделом», который позволяет «отделять зерна от плевел».

Так, самыми оригинальными и интересными (иногда захватывающе интересными!) оказываются, как правило, чисто дедуктивные модели, которые могут быть очень «красивы» сами по себе, но при этом не иметь большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки. Лишь немногие из таких моделей впоследствии были успешно применены на практике.

К таким моделям, бесспорно, следует отнести **«анкету речевого жанра»** Т.В. Шмелевой, предлагаемую в качестве модели описания и систематизации речевых жанров. Эта анкета включает семь пунктов, или «жанрообразующих

признаков», необходимых и достаточных, по мнению исследовательницы, для опознания, характеристики, конструирования РЖ: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего» и, наконец, «языковое воплощение» [Шмелева 1997]. Авторитетность данной разновидности компонентного анализа в жанроведческих исследованиях, ее высокий индекс цитируемости, а также частичная востребованность в последующих практических разработках заставляют нас рассмотреть названные параметры подробнее.

В качестве главного из конститутивных признаков РЖ Т.В. Шмелева выделяет **коммуникативную цель**. Из рассуждений Т.В. Шмелевой видно, что, с одной стороны, ее подход близок речеактовому, где также коммуникативная цель является главным конститутивным признаком речевого акта; с другой стороны, главное значение данного признака исследовательница видит в том, что именно на его основе можно строить классификацию РЖ (что также сближает данный подход с речеактовым).

Т.В. Шмелева противопоставляет четыре типа РЖ:

- **информативные** – цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;
- **императивные** – цель которых – вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;
- **этикетные** (в других работах Т.В. Шмелевой – «**перформативные**» – В.Д.) – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования, и т. д. вплоть до отречения от престола;
- **оценочные** – цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [Шмелева 1997: 91-92].

«Актуальность различения этих четырех типов РЖ подтверждается тем, – пишет Т.В. Шмелева, – что для некоторых из них языком выработаны особые грамматические формы, например, императив, интонационные показатели. Если учесть и разнообразные лексические показатели жанров, а также систему их наименований, составляющих целый словарь, то окажется, что на службу языковому воплощению РЖ привлечен огромный массив разнообразных языковых средств. <...>

Из информативных РЖ особого лингвистического внимания удостоены вопросы, классификация которых учитывает множество тончайших различий, которые нуждаются в осмыслении в рамках теории речевого жанра. Следует отметить, что информативные жанры составляют основную базу лингвистического анализа, однако вопросы их жанровой природы фактически не обсуждаются, а жанровое однообразие грамматически исследуемого материала «затушевывает» актуальность жанровой проблематики по отношению к классическим повествовательным предложениям.

Этикетные жанры оказались в центре лингвистического внимания с открытием перформативов как особого класса речевых актов, в отечественной традиции этикетные РЖ описываются в литературе, посвященной речевому этикету.

Оценочные РЖ изучены в наименьшей степени, хотя весьма подробно описано проявление оценочной семантики в разных типах предложений с помощью различных языковых средств (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова)» [Шмелева 1997: 92-93].

«**Образ автора**», согласно Т.В. Шмелевой, – информация о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление. Данный параметр принимает активное участие в организации и противопоставленности друг другу всех четырех выделяемых Т.В. Шмелевой типов РЖ:

«Может быть, наиболее чувствительны к этому параметру императивные РЖ, которые дифференцируются прежде всего на этом основании: *приказ* предполагает автора с определенными *полномочиями*, вопрос адресата “*Кто ты такой, чтобы мне приказывать?*” означает непризнание таких полномочий, что равносильно провалу жанра; *просьба* предполагает *заинтересованность* автора в исполнении обсуждаемого действия; *поучение* – *старшинство* автора по отношению к адресату или его превосходство в другом отношении; *жалоба* включает в свой типовой проект образ автора *пострадавшего*. Стоит подчеркнуть, что для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [Шмелева 1997: 93-94].

По мнению М.Ю. Федосюка, «анкета РЖ» помогает типологически различать жанры, совпадающие по признаку «коммуникативная цель» (например, *признание* отличается от *сообщения* по признаку «концепция автора»: отправители *сообщений* всего лишь знают о некоторой ситуации, а отправители *признаний* – имеют к этой ситуации непосредственное отношение и при этом раньше не хотели о ней говорить) [Федосюк 1997b: 68].

К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней. В целом для модели Т.В. Шмелевой характерен «крен» в сторону говорящего, за что ее справедливо критикует М.Ю. Федосюк: по его мнению, параметры анкеты РЖ «представляют собой не некие объективные <...> характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим» [Федосюк 1997a: 107]. К сожалению, этого же недостатка не избежал и сам М.Ю. Федосюк, утверждающий, что не являются речевыми жанрами *похвальба* и *лесть*, представляющие собой неблагоприятные интенции, в совершении которых не может признаться говорящий [Там же: 112], а также *комплимент* [Там же: 113]. Однако и *похвальба*, и *комплимент*, и *лесть* воспринимаются как существующие жанры (типические ситуации общения) – с точки зрения слушающего, на что указывает О.Б. Сиротина: «речевой жанр сложился

<...> в реальном восприятии бытового общения, прежде всего с точки зрения получателя речи» [Сиротинина 1999: 27].

Третий жанрообразующий признак – **«образ адресата»**. Он точно так же активно участвует в противопоставлении друг другу четырех типов РЖ:

«Среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом *исполнителем*, то вынужденным принимать такую роль (*приказ*), то принимающим ее в своих интересах (*совет*); *жалоба* <...> представлена разновидностями, различающимися образом адресата – конфиденнта или уполномоченного «принимать меры». При несовпадении представлений адресата о своей роли в данном эпизоде общения с образом адресата предъявляемого ему жанра появляются реплики типа “*Я тебе не тот-то, чтобы мне указывать / командовать / советовать и т.п.*”» [Шмелева 1997: 94].

В целом параметр «коммуниканты» и его значимость как для речевого жанра, так и для ситуации речевого общения по-разному оценивается лингвистами. Так, И.Н. Борисова не считает данный параметр лингвистически релевантным:

«Мы считаем, что, являясь участниками коммуникативного события, коммуниканты тем не менее не являются атрибутами коммуникативной ситуации. <...> тип и структура коммуникативного события существуют объективно, они диктуют социальные условия коммуникативной деятельности человека. Поэтому, с нашей точки зрения, можно говорить об атрибутах коммуникативной ситуации, связанных с социальным статусом ее участников, но не самими коммуникантами как личностями. Вследствие этого необходимо разграничить ситуативные (задаваемые данным коммуникативным событием) и субъективные (свойственные коммуниканту как личности) признаки участников общения, имея в виду, что и те и другие влияют на строение речи. <...> Исходя из этого, компонентами коммуникативной ситуации мы будем считать социальные роли, статусные отношения и количество участников, т.е. социально-коммуникативные условия, регулирующие коммуникативную деятельность участников общения» [Борисова 2001: 52-53].

«Образ прошлого» и **«образ будущего»** – два симметричных признака, «связанных с местом каждого РЖ в цепи речевого общения, которое представляет собой не хаотический поток словесных извержений, а разыгрывается по вполне определенному сценарию» [Шмелева 1997: 94]. Важно, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» охватывают не только многообразные ситуативные факторы, более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию либо следующие за ним («правый» и «левый контекст»), но и собственно разные речевые жанры: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ – таковы *ответ, отказ, согласие, опровержение* и ряд других, для которых предлагалось наименование «реактивные»: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Шмелева 1997: 94].

Следует отметить, что в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом – и в значительной степени идущей за Бахтиным –

речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения «что» хотел сказать говорящий, а также «что» воспринял слушающий, но не «о чем» была речь. Этот «прагматический» крен современного речеведения исправляет следующий пункт «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой – тип **диктумного (событийного) содержания**.

«С одной стороны, принято показывать, что одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной “жанровой оправе”: в результате императивного жанра “*Поздравь бабушку с днем рождения!*” должен быть осуществлен этикетный жанр “*Дорогая бабушка! Поздравляю тебя...*”, чтобы потом дать повод для появления информативного жанра “*Я поздравил бабушку*”, который, в свою очередь, может вызвать к жизни оценочный “*Хорошо, что ты успел поздравить бабушку. Молодец!*” – все эти жанры имеют одно и то же диктумное содержание – пропозицию поздравления. С другой стороны, нельзя не заметить, что РЖ отнюдь не безразличны к характеру диктума; выявляется целая серия признаков не собственно диктумной природы, но важных для отбора диктумной информации при формировании того или иного РЖ. Важен характер актантов диктумного события, так, среди императивных РЖ выделяется *пожелание*, поскольку предьявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей – вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события – человек. Не менее важны отношения актантов и участников речи: *жалоба* отличается от *сетования* тем, что первая предполагает включенность события в личную сферу автора, а вторая такого условия не содержит. Весьма существенна временная перспектива диктума, различающая среди информативных нарративных РЖ *воспоминание* и *прогноз* как жанры с перфектной и футуральной перспективой диктума. Но, пожалуй, наиболее сильным селективным действием обладает оценка диктумного события, противопоставляющая императивные РЖ *просьбы* и *предостережения*, *разрешения* и *запрета*; отрицательная оценочность события обязательна для РЖ *жалобы*, *упрека*, *сетования* и многих других» [Шмелева 1997: 95].

Наконец, последний параметр «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой – непосредственное **языковое воплощение РЖ**:

«Для модели РЖ его языковое воплощение важно увидеть как спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. В первом отношении различаются стереотипные воплощения РЖ, например стереотипы городского общения или документы деловой сферы. Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности – от имплицитного проявления (согласие = кивок) до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные, ср.: *Пригласите к телефону Андрея* и *Поскольку телефон в соседнем с вами кабинете не работает, а мне крайне необходимо поговорить с вашим коллегой Андреем, прошу вас: пригласите его к телефону, пожалуйста, если это вам не очень трудно, будьте так добры*. Для характеристики языкового воплощения РЖ важно участие в оформлении метакомпонента с обозначением жанра: ср. *Поздравляю с Рождеством* и *С Рождеством!*; *Предлагаю вам выпить чаю* и *Пожалуйста, чайку*; *В ответ на ваш запрос сообщаем, что нужными вам данными не располагаем* и *Нужными вам данными не располагаем*» [Шмелева 1997: 96].

Пожалуй, именно наличие данного параметра «анкеты речевого жанра» и те перспективы исследования данного параметра, о которых говорит Т.В. Шмелева, оставляют надежду на то, что возможно описание речевых жанров в разработанной лингвистической терминологии, с учетом многочисленных накопленных как в лингвистике речи, так и в «традиционной» лингвистике данных.

«Анкета РЖ» создавалась Т.В. Шмелевой именно как дедуктивная модель и лишь значительно позже была апробирована на практике – важно, что первые же случаи ее применения потребовали серьезной модернизации.

Так, при работе с *жанрами естественной письменной речи* (ЕПР) Н.Б. Лебедева (основательница Лаборатории русской речи Барнаульского педагогического университета), которая в целом шла в русле «анкеты РЖ», должна была значительно изменить данную модель. В конечном счете Н.Б. Лебедева предлагает и – что важно – апробирует на обширном речевом материале оригинальную **коммуникативно-семиотическую модель (КСМ)** жанров ЕПР, которая лишь отчасти перекликается с моделью Шмелевой.

Специфика КСМ отражает ее назначение – быть средством описания именно жанров естественной письменной речи. Ее структура близка к фреймовой структуре типа ситуатемы (ситуатема глагола «писать»). Она имеет цель учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры (функциональные признаки) фациентов. В нашем понимании, категория фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными участниками (центральные из которых – актанты), и другие компоненты, имеющие функцию фактора. Модель конституируют следующие фациенты: 1) Автор («Кто?»); 2) Коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) Адресат («Кому?»); 4) Объект коммуникации – Знак («Что?»); включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) Графико-пространственный параметр («Как?»); 6) Орудие-средство («Чем?»); 7) Субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) Носитель субстрата («В чем?»); 9) Среда («Где?»); 10) Время восприятия знака («Когда?»); 11) Фациент «Ход коммуникации»; 12) Фациент «Социальная оценка» [Лебедева 2003].

Как видим, основные параметры (фациенты) «коммуникативно-семиотической модели» совпадают с жанрообразующими признаками «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой: Целевой компонент (Зачем?), Субъект (Кто?), Адресат (Кому?), Содержание и Языковое воплощение (Что?). Но есть и серьезные отличия: «<...> в КСМ, ориентированной на описание жанров естественной письменной речи, выделены материальные элементы как релевантные для этого вида речевой деятельности жанрообразующие признаки. Материальные элементы в ЕПР не только более значимы, чем в канонизированных разновидностях письменно-речевой деятельности, но подчас их неразрывная слиянность с содержанием в ЕПР может детерминировать жанрообразующую функцию, например, в граффити, книге жалоб и предложений, поздравительной открытке и пр.» [Лебедева 2007: 118-119].

Пожалуй, самой многоаспектной и полной среди дедуктивных моделей является **ступенчатая модель И.Н. Борисовой**, где разграничиваются «параметры коммуникативного события, влияющие на его продукт (текст), и атрибуты коммуникативной ситуации, т.е. социально и коммуникативно

значимые признаки идентификации коммуникативного события, определяющие его жанр» [Борисова 2001: 52].

Выделяя в структуре коммуникативного события два аспекта / измерения: «вертикальное» и «горизонтальное», – И.Н. Борисова рассматривает в качестве основных структурных компонентов коммуникативного события социальный контекст, социальную норму и способ взаимодействия, выступающие в единстве:

[Борисова 2001: 18-19]

И.Н. Борисовой выделяются следующие объективные интегрирующие признаки коммуникативного события, входящие в модель коммуникативной ситуации:

- типологическая стратификация коммуникативного события, например: тип общения (официальное – неофициальное), наличие/отсутствие наблюдателей (публичность – непубличность общения),
- способ общения, в том числе: контакт (непосредственный – опосредованный), форма речевого контакта (устная – письменная), языковая подсистема (кодифицированный литературный язык – разговорная речь – городское просторечие),
- организация общения: степень подготовленности коммуникативного события (запланированное – незапланированное), стратегии и тактики (стандартные – нестандартные, социально приемлемые – неприемлемые), социальная регламентация поведения (жесткий – нежесткий сценарий),
- топология и хронология коммуникативного события,
- объективные ситуативные характеристики коммуникантов, в том числе: социально-ситуативные признаки коммуникантов (количество участников коммуникации, постоянные и переменные социальные и диалогические роли, социально-статусные отношения и мотивационно-целевая ориентация коммуникантов).

В дополнение к этой модели коммуникативной ситуации И.Н. Борисовой выделяются субъективные признаки коммуникантов, влияющие на варьирование их речевого поведения, но не входящие в структуру коммуникативной ситуации: демографический паспорт, социально-профессиональный и культурно-речевой статус, а также оценка коммуникантом типичности ситуации и уровень коммуникативной компетенции [Борисова 2001: 50-57].

Структуру непринужденной коммуникации И.Н. Борисова представляет в виде таблицы:

Фатическая (непринужденная) коммуникация
--

Интеррелятивная (мотивация: поддержание, улучшение, выяснение, ухудшение, разрыв отношений)

Праздноречевая (времяпрепровождение, развлечение)	Этикетная (социально- ритуализованная)	Неформально- личностная
Диалогические макрожанры: женская болтовня, мужской треп, травля анекдотов (баек, историй), спор ради развлечения и т.п.	Диалогические макрожанры: светская беседа; этикетный разговор, small talk и т.п.	Диалогические макрожанры: разговор по душам, семейная беседа, выяснение отношений, флирт, ссора, спор ради победы и т.п.
Монологические микрожанры: шутка, анекдот, рассказ- пластинка, повествование и т.п.	Монологические микрожанры: приветствие, прощание, поздравление, пожелание, извинение, комплимент и т.п.	Монологические микрожанры: контактные реплики, реплики согласия или несогласия и т.п.

[Борисова 2001: 75]

Модель И.Н.Борисовой получила начальную апробацию в ее докторской диссертации, посвященной непосредственным естественным диалогам (на материале записей телефонных разговоров), однако никем из ее последователей, насколько нам известно, в таком полном виде не применялась (использовались лишь отдельные параметры, которые были общими у данной модели с некоторыми другими моделями).

Повторяем, критерий практического использования, несмотря на то, что может показаться наименее теоретически обоснованным и значимым для собственно модели, часто оказывается тем решающим фактором, который позволяет наиболее адекватно оценить ту или иную модель.

Так, известные московские коллоквиалисты **М.В. Китайгородская** и **Н.Н. Розанова**, записавшие, обработавшие и включившие в лингвистический обиход в виде хрестоматий и фондов обширный оригинальный речевой материал – огромное число непосредственных естественных монологов и диалогов – тоже пытаются осмыслить свой материал по возможности адекватно и полно, и для этой цели тоже используют ступенчатую модель параметризации коммуникации. Однако их эмпирически-индуктивная модель существенным образом отличается от рассмотренных выше дедуктивных моделей, в частности, здесь оказываются востребованными далеко не все параметры, предлагаемые, например, Т.В. Шмелевой и И.Н. Борисовой.

В то же время очевидно, что при работе с обширным аутентичным речевым материалом должна использоваться модель, основанная на очень хорошем, четком теоретическом фундаменте⁶.

Рассмотрим модель М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой подробнее.

Для удобства всё выявляемое многообразие параметров исследовательницы делят на четыре группы: «Весь комплекс признаков, характеризующих КА, можно сгруппировать по четырем основополагающим параметрам, формирующим любую коммуникативную ситуацию: время, место, партнеры коммуникации, тема» [Китайгородская, Розанова 1999: 25].

пространство / место коммуникативного акта: дом (внутрисемейный локус) – кухня, столовая, детская, спальня и т.п.; вне дома (внесемейный локус): пространство «около дома» – лифт, домофон, подъезд, двор и т.п.; работа; места временного пребывания вне дома – больница, дом отдыха, гостиница, поезд дальнего следования и т.п.; городское пространство: объекты, связанные преимущественно с целеориентированной коммуникацией (административные учреждения, банки, поликлиники, аптеки, магазины, рынки, предприятия сферы обслуживания, транспорт и др.) и с коммуникацией фатического характера (музеи, театры, дискотеки, клубы, рестораны и т.д.)

пространственные характеристики компонентов КА (ПК и предметные объекты): взаимное расположение ПК: визуальное/невизуальное, контактное (нахождение в одном локусе)/дистантное (нахождение в разных локусах)

⁶ В этом отношении теоретическую осведомленность М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой можно определить как очень хорошую, хотя следует признать, что, рассматривая существующие речевые модели, исследовательницы иногда опираются на скорее «до-жанровое», «до-бахтинское» состояние речеведческой науки (что обычно не свойственно дедуктивным моделям): см., например, представление о функциях языка по Р. Jakobson. Как известно, Jakobson исходил из того, что функция языка приравнивается к компоненту ситуации общения, каковых компонентов Jakobson выделял пять, при этом сам отнюдь не считал свой список закрытым. Исследовательницы же, как будет показано далее, выделяют именно много значимых компонентов ситуации общения, доказывают их значимость как для выявляемых ими речевых жанров, так и для человеческой речи / общения в целом – и в конечном счете сводят все выделяемые ими компоненты (прежде всего интенциональные) к пяти выделяемым Jakobsonом!

Несколько механистичными выглядят попытки М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой представить соотношение целей конкретных коммуникативных актов и функций языка (по Jakobsonу): «Коммуникативные цели ПК могут быть соотнесены с преобладающими в данном КА функциями. <...> Нефатическая коммуникация тяготеет к реализации прежде всего информативной, апеллятивной, а также метаязыковой функций. Апеллятивный тип общения в свою очередь (в зависимости от ожидаемого результата коммуникации) может быть разделен на собственно апеллятивный и прескриптивный подтипы. <...> К зоне фатического общения тяготеет реализация метаязыковой и поэтической функций» [Китайгородская, Розанова 1999: 30-31].

Точно так же кажется недостаточным, «до-бахтинским» представление о «жанрах» монолога и диалога: «Главными жанрами были признаны монолог, диалог, полилог, рассказ, городские стереотипы» [Там же: 21] и выделение только двух тональностей речи (нейтральная/шутливая) [Там же: 32].

время: будни/праздники, рабочее время/свободное время; «физическое» время КА (календарное, суточное); временной объем КА: ограниченность во времени КА, протяженность КА (большая/средняя/малая), повторяемость КА

партнеры коммуникации: коммуникативные роли ПК (говорящий: один/более одного – слушающий: один/более одного); «характер адресата» (личный /коллективный/массовый)

социальные роли ПК: постоянные: дом – семейные роли (муж, отец, сын, внук, зять и др.); вне дома (работа) – профессиональные роли (учитель, врач, шофер и др.); непостоянные, реализующиеся преимущественно вне дома (покупатель, клиент, пассажир, больной, и т.п.).

симметричность/несимметричность социальных ролей ПК в КА, паритетность/непаритетность

коммуникативная установка ПК

тональность общения – нейтральное/шутливое

коммуникативные намерения ПК– нефатическое/фатическое общение

коммуникативные цели ПК (намерения ПК конкретизируются в коммуникативных целях, которые могут быть соотнесены с преобладающими в данном КА функциями: нефатическая коммуникация тяготеет к реализации прежде всего информативной, апеллятивной, а также метаязыковой функций. Апеллятивный тип общения в свою очередь (в зависимости от ожидаемого результата коммуникации) может быть разделен на собственно апеллятивный и прескриптивный подтипы. К зоне фатического общения тяготеет реализация метаязыковой и поэтической функций

наконец, **темы**, которые рождаются на пересечении трех параметров – пространства, времени и ПК, формирующих типовую коммуникативную ситуацию [Китайгородская, Розанова 1999: 25-34]

Для описания конкретного жанра, параметризованного по данным аспектам ситуации общения, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова предлагают специальный алгоритм перехода от уровня коммуникативной ситуации к типу текста, включающий в себя определенный набор «шагов»:

Дом				Вне дома			
Нефатическое общение		Фатическое общение		Нефатическое общение		Фатическое общение	
Монолог	Диалог	Монолог	Диалог	Монолог	Диалог	Монолог	Диалог
1 3 5	1 3 5	2 4 5	2 4 5	1 3 5	1 3 5	2 4 5	2 4 5
а б	а б			а б	а б		

Условные обозначения жанровых блоков с ориентацией на преобладающую языковую функцию:

1 – информативные жанры; 2 – фатические жанры; 3 – апеллятивные жанры (а – собственно апеллятивные, б – прескриптивные); 4 – поэтические (игровые) жанры; 5 – метатекстовые жанры [Там же: 34-35].

Вот пример такого описания одного из жанров устной некодифицированной речи «по шагам» («шаг» обозначается символом ⇒):

«Вне дома ⇒ нефатическое общение ⇒ коммуникативно активен один ПК (монолог) ⇒ реализуемые языковые функции (1, 3а, 3б, 5): монолог информативного типа

(например, объявление в транспорте, на работе и т.п.); апеллятивный монолог (собственно апеллятивы – например, устная уличная реклама; прескриптивы – например, объявление-инструкция и др.); пересказ информационного сообщения» [Там же: 36].

Значимость для жанровой организации речи выделяемых параметров не вызывает сомнений.

В то же время исследовательницами не решен до конца вопрос: за любой ли ситуацией стоит жанр/стереотип? Осознавая это, они пытаются не быть излишне прямолинейными: «Любая ситуация в отвлечении от конкретных ее участников имеет повторяющийся характер, но для конкретных ПК определенные ситуации могут быть новыми, ср.: *Первый раз со мной такое*» [Китайгородская, Розанова 1999: 27].

Как уже было показано, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова вводят и такие, казалось бы, менее значимые, субъективные параметры РЖ, как **эмоциональный**: «Эмотивная функция как “вторичная”, сопровождающая может проявляться не только при выражении говорящим собственных эмоций, но и при воздействии на эмоциональное состояние адресата» [Там же: 31]. При исследовании эмоционального компонента РЖ исследовательницы опираются на данные М.Ю. Федосюка, который, как известно, много и успешно изучал «жанры положительного и отрицательного эмоционального воздействия»: «<...> воздействие на эмоции не может быть первичной и непосредственной целью какого-либо речевого жанра. Оно, как правило, выступает как его вторичная, опосредованная цель – следствие того или иного воздействия на знания или поведение адресата» [Федосюк 1997b: 72].

В целом многие подобные «субъективные» моменты жанровой организации речи и ее дополнительной «окраски» составляют важную категорию жанровой **тональности** – М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова справедливо указывают на важность данной категории при анализе речи: «Подавляющее большинство жанров допускает реализацию не только в нейтральной («серьезной»), но и шутливой тональности. Ср., например, прощания типа: *до свидания, пока, покедова, чао, чава какава* и т.п.» [Китайгородская, Розанова 1999: 30].

В то же время нельзя не признать, что при выделении типов тональности данные М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой являются лишь начальными и обязательно должны быть уточнены и значительно расширены.

Работа в этом направлении активно ведется в последнее время.

Так, В.И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 384]. Отмечается, что тональность восприятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации [Там же: 386].

В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость /

многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [Там же: 386].

В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности (сам В.И. Карасик считает свой список открытым): информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасциативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) [Там же: 386-411].

Естественно, что точное исчисление тональности коммуникации, как и методика ее членения, разработаны еще далеко не достаточно. В этой связи мы хотим отметить исследование Т.О. Багдасарян, посвященное трансформации жанров по признаку тональности [Багдасарян 2000]. На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому. Т.О. Багдасарян выделяет 36 таких тональностей. Считаю полезным привести этот список целиком: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «робко», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «надменно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «мрачно», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково».

Так, по мнению Т.О. Багдасарян, семантике речевого жанра *угроза* даже в его «каноническом» виде присуща определенная тональность («модельная тональность»): «серьезно», «угрожающе».

Переакцентуации (вариации) речевого жанра *угроза* заключаются в привнесении в семантику канонического жанра новых тональностей:

«слабо», «понарошку»:

Mrs. Gibbs. *I'll come and slap the both of you, – that's what I'll do* (Th. Wilder)

Миссис Гиббс. *Я приду и отшлепаю обоих, вот что я сделаю.*

«шутливо»:

«If I wasn't the most good-natured man on earth, Tommy Chadwick,» said Paul Ford, «I should write to the tram company to-night, and you'd get the boot tomorrow.» (A. Bennett).

– Если бы я не был самым добродушным человеком на земле, Томми Чадвик, – сказал Поль Форд, – я бы сегодня же написал в трамвайную компанию, а завтра тебя бы вышвырнули оттуда.

«раздраженно-иронично»:

Ухов. *Я понимаю, тебе в свое время не довелось подурачиться вволю. Так ты решила наверстать теперь? Мало того, своими фантазиями морочишь голову сестре.*

Погоди, жизнь еще стукнет дубинкой по ее одаренному лбу. Самобытный талант! (А. Володин).

Методика компонентного анализа успешно применяется при **сопоставлении** разных национальных систем коммуникации.

Так, «системный подход к описанию общения» И.А. Стернина предполагает разработку единой модели системного описания общения разных народов и в идеале позволяет исследователю «по единым основаниям осуществить описание и сравнение разных коммуникативных культур» [Стернин 2001: 124].

Среди параметров национальных систем коммуникации, подлежащих сравнению, И.А. Стернин выделяет следующие единицы коммуникации, измерения, категории и просто формальные и содержательные моменты, которые, собственно, и следует сравнивать:

Коммуникативные традиции – правила, не обязательные для выполнения, но соблюдаемые большинством народа и рассматриваемые в обществе как желательные для выполнения (спросить старика о здоровье, поинтересоваться успеваемостью школьника, предложить помощь женщине и др.).

Социальный символизм – совокупность смыслов (символических значений), приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности той или иной лингвокультурной, социальной, возрастной, гендерной и т.д. общностью.

Инокультурные информанты – принадлежащие к иной коммуникативной культуре, нежели исследуемая, но знакомые с исследуемой культурой в той или иной форме и способные высказать о ней суждение.

Гетерокультурные информанты – принадлежащие к исследуемой коммуникативной культуре.

Продуктивное коммуникативное поведение – вербальные и невербальные действия коммуникатора в рамках национальных норм и традиций общения.

Рецептивное коммуникативное поведение – адекватное понимание и интерпретация вербальных и невербальных действий собеседника, принадлежащего к определенной лингвокультурной общности.

Нормативное коммуникативное поведение – принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива.

Ненормативное коммуникативное поведение – нарушающие принятые нормы.

Коммуникативный императив (жесткие – со знакомыми надо здороваться и мягкие – надо спросить ребенка, как учится, сделать хозяйке комплимент по поводу приготовленных блюд) – коммуникативное действие, необходимое в силу принятых норм и традиций в конкретной ситуации общения. Жесткие описываются предикатом *принято*, нежесткие – *обычно принято*.

Коммуникативные допущения – коммуникативные факты, признаки или действия, недопустимые в одной коммуникативной культуре, но возможные (хотя и не обязательные) в другой [Стернин 2001: 124-126].

Активное выделение, учет и систематизация речевых параметров, естественно, вселяют надежду на выявление когда-нибудь настоящей системности речи. Однако остаются нерешенными вопросы: в какой степени

эта выявленная системность будет жанровой; какие из названных выше параметров релевантны именно для жанров, а не для других (альтернативных?) типов системности?

2.4. Место РЖ по отношению к смежным явлениям речевой системности

2.4.1. Речевой жанр и коммуникативный жанр

Разграничение речевых и коммуникативных жанров связано с общей проблемой отношения коммуникации и речи.

В целом данная проблема восходит к дихотомиям / трихотомиям В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра «язык – речь – речевая деятельность», однако в современных исследованиях по коллоквиалистике, диалогу, дискурсу названные оппозиции, принципиальные для лингвистики, осмысляются по-разному. Так, В.Н. Волошинов писал: «Житейский жанр – часть социальной среды: праздника, досуга, общения в гостинной, в мастерской и пр. Он соприкасается с этой средой, ограничивается ею и определяется ею во всех своих внутренних моментах» [Волошинов 1993: 107].

Большинство исследователей сходится на том, что речевое общение есть частная разновидность общения в целом, речь – одно из проявлений либо один из компонентов коммуникации – ср.: «В процессе формирования высказывания вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [Горелов 1980: 81]. Это вполне соответствует высказанной В.Е. Гольдиным идее единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности: «В частности, перспективно, на наш взгляд, дальнейшее изучение параллелизма коммуникативных и некоммуникативных явлений, изоморфизма типов номинации коммуникативных и некоммуникативных событий, действий, поступков, результатов, коммуникативных и некоммуникативных фреймов» [Гольдин 1997а: 23].

Речевой жанр при таком подходе есть частная разновидность коммуникативного жанра: «<...> мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, это первичность <...> социально-психологического бытия людей» [Седов 2007а: 8].

Они (КЖ и РЖ – *В.Д.*) соотносятся как событие общения (экстралингвистически и социально обусловленная форма коммуникативного взаимодействия) и форма его речевой (текстовой) реализации. Жанр коммуникативного события – это форма организации коммуникативного (речевого и неречевого) взаимодействия (деятельности и поведения) партнеров общения в определенных условиях общения. Речевой жанр – это форма структурирования речевой продукции, иными словами, форма организации текста. [Борисова 2001: 42-44].

Обычно подчеркивается первичность жанра коммуникативного события по отношению к речевому жанру, то, что именно КЖ в конечном счете определяет тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров по общению, допустимые и социально одобряемые нормы и правила речевого поведения, наконец, конкретные стратегии и тактики речевого поведения, стандартные в данной ситуации речевые поступки коммуникантов (ср.: [Борисова 2001: 40; Долинин 1998: 39]).

«Жанр коммуникативного события есть социальная конвенциональная форма организации коммуникативной и практической деятельности участников общения, – пишет И.Н. Борисова. – Речевой жанр – это форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [Борисова 2001: 42].

Таким образом, отношение коммуникативного жанра и речевого жанра представляется достаточно ясным. В то же время решение данной проблемы производно от позиции исследователя по вопросам общего характера – соотношение коммуникации и речи, вербальной и невербальной коммуникации, а также речи, коммуникации и языка. Решение таких вопросов выходит за пределы теории речевых жанров и лингвистики в целом – оно лежит скорее в сфере лингвофилософии.

В то же время проблему отношения речевого жанра и коммуникативного / речевого события мы считаем самостоятельной, хотя близкой проблемой и рассматриваем отдельно.

2.4.2. Речевой жанр и речевой акт

Бахтинская теория речевых жанров, по мнению большинства коллоквиалистов, неотделима от созданной примерно в то же самое время английским логиком Дж.Л. Остином [Остин 1986] теории речевых актов (само бахтинское «высказывание», определяемое триединством «тема – стиль – композиция», нередко просто отождествляется с «речевым актом» Дж. Остина).

Генетическая близость теории речевых жанров и теории речевых актов неоднократно отмечалась в литературе [Вежбицка 1997: 108; Кожина 1999а; Москвин 2005; Федосюк 1997а: 105-108; Шмелева 1997: 92; Dönninghaus 2001: 74-77].

А. Вежбицка, в 1983 г. сравнивая положения теории речевых актов, тогда очень популярной и авторитетной в лингвистике речи, и бахтинской теории речевых жанров, почти не известной широкой лингвистической аудитории, подвергает первую жесткой критике за то, что, декларативно ставя целью анализировать именно реальные единицы речевого общения, ТРА в действительности недостаточно освободилась от присущих предшествующей научной парадигме в лингвистике ограничений и в осмыслении речи не вышла за пределы предложения:

Исследователю, просматривающему списки «речевых актов», обсуждаемых в лингвистической литературе, трудно не вынести впечатления, что «речевой акт» является понятием не только никогда и нигде не определенным, но и не поддающимся определению, что это по сути гетерогенное понятие, мнимый продукт высвобождения прагматики из жестких рамок «мертвого» грамматического описания, а по сути пересечение чисто грамматического понятия – «предложения» – с нерешительно и непоследовательно популяризируемым понятием вербальной интеракции людей – носителей языка. Какие же «речевые акты» обычно привлекают внимание исследователей? Прежде всего вопросы (литература, касающаяся вопросов, пожалуй, больше, чем литература, касающаяся всех других «речевых актов» вместе взятых); затем последовательно приказы, просьбы, обещания, предостережения и угрозы, приветствия и прощания, поздравления и соболезнования, благодарности и извинения. То есть прежде всего высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые. Поэтому говорят: речевой акт, единица совершенно другого порядка, чем морфемы, слова или предложения; в действительности же понимают по-прежнему: предложение. Языковед чувствует, что пока он опирается на предложение – даже если он смотрит на это предложение с новой, неграмматической точки зрения – до тех пор у него под ногами твердая почва. Многофразовое высказывание – это, как ему представляется, зыбкая почва, подобная теории литературы и другим подозрительным областям «не-точного» знания.

Но с функциональной точки зрения «речевые акты» – это, конечно, не только короткие, однофразовые формы – такие, как вопросы, приказы или ритуальные формы вежливости, – но также формы средние, большие и совсем большие – такие, как манифест, заявление, проповедь, выступление, беседа, дискуссия, ссора, а также трактат, биография, хроника, мемуары и т.д. По сути здесь вообще не может быть речи о длине, измеряемой в таких единицах грамматической структуры, как предложение [Вежбицка 1997: 100].

Таким образом, в теории речевых актов наметился тупик. Для выхода из тупика, по мнению А. Вежбицкой, следует начать именно с перенесения акцента с понятия «речевой акт» на бахтинское понятие «речевой жанр»:

«Речь здесь отнюдь не о замене терминологии. И речь также совсем не о противопоставлении чего-то статичного чему-то динамичному. «Речевой жанр», как его понимает Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия). Слово «жанр» все же лучше, меньше вводит в заблуждение, чем слово «акт», потому что «акт» вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (а следовательно, вообще говоря, однофразовом). В результате исследование речевых действий человека часто превращается (чтобы не сказать: «вырождается») в исследование типов предложений – в особенности тех типов предложений, которые специализировались как орудия определенных жанров. «Дело в том, что существуют типы предложений, которые обычно функционируют как целые высказывания определенных жанровых типов. Таковы вопросительные, восклицательные и побудительные предложения». [Бахтин 1996: 194]. <...> Понятие речевых жанров, сформулированное и развитое в многочисленных работах Бахтина, представляется мне чрезвычайно плодотворным как для литературоведческих, так и для лингвистических исследований (а также для исследований культуры вообще). Особенно важен, в моем понимании, упор, который Бахтин делает, с одной стороны, на разнородность речевых жанров, а с другой – на необходимость единой методологии их исследования» [Вежбицка 1997: 101].

Следует отметить, что некоторые жанроведы, например М.Ю. Федосюк, определяют эти отношения как полное тождество: «Что же касается полного

перечня содержательных признаков речевого жанра, входящих в анкету Т.В. Шмелевой, то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания» [Федосюк 1997а: 107]. Приходя к такому, несколько неожиданному решению, исследователь далее разграничивает данные теории в основном по «внешним» – экстралингвистическим и «экстратеоретическим» признакам. Автор признает, что «существенное достоинство теории речевых актов состоит в детальной разработанности ее терминологии, чем, к сожалению, не может похвастаться теория речевых жанров» [Там же: 105]. Однако в конечном счете М.Ю. Федосюк отдает предпочтение бахтинской теории речевых жанров – правда, по таким же «экстралингвистическим» признакам:

«Говоря о тех преимуществах, которые имеются, по нашему мнению, у бахтинской теории речевых жанров, следует, прежде всего, отметить ее большую «филологичность»: она вписывает объект исследования в контекст уже известного филологам явления – литературных жанров, которые М.М. Бахтин, как известно, квалифицировал как вторичные, или сложные, жанры. При этом теория М.М. Бахтина концентрирует свое внимание на типах текстов, а не действий, как это делает теория речевых актов, которая обращается к рассмотрению и таких не получающих языкового отражения факторов, как искренность или неискренность говорящего» [Федосюк 1997а: 105].

В современной теории речевых жанров не решен до конца вопрос о том, может ли отдельный РА быть основой РЖ. На это указывает В.П. Москвин, который полагает, что РА (предложение, фраза) может являться:

- 1) единицей зависимой как звено:
 - а) монологического текста;
 - б) иллокутивной пары в диалоге – к примеру, ответ на вопрос в разговоре, равно как и любая другая реплика диалога;
- 2) единицей самостоятельной, независимой и самодостаточной (как, например, РА, лежащие в основе пословицы, поговорки, скороговорки, моностиха и т.д.) [Москвин 2005: 67-68; 2006: 108-109].

Рассмотрев эти возможные типы и роли РА в целом тексте / жанре, В.П. Москвин приходит к выводу, что «речевой основой жанра являются только те речевые единицы, которые могут функционировать независимо от других, а именно:

- 1) текст (понимаемый как неодноразовое единство);
- 2) самостоятельный РА (соответственно, в состав первичных РЖ должны войти только те РА, которые способны к самостоятельному существованию)» [Москвин 2005: 69; 2006: 109].

Представляется, что наиболее четко сформулировала важнейшие, сущностные различия речевого акта и речевого жанра (соответственно – предмета и задач теории речевых актов и теории речевых жанров) М.Н. Кожина в своих известных статьях «Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы)», «Речеведческий аспект теории языка» [1998; 1999].

Указывая, как и другие названные выше исследователи, на значительную генетическую близость данных теорий (общими в ТРА и ТРЖ являются исходные позиции и определение изучаемой единицы как речевой, как единицы речевого общения; общим у них является и динамический аспект: РА и РЖ как единицы процесса языкового общения и речевой деятельности, как звенья (элементы) в динамике речи, в процессе построения текста, дискурса; слово как действие и деятельность общения; отсюда общим у них является и принцип изучения этой единицы – непременно в контексте экстралингвистических факторов [Кожина 1999а: 54]), исследовательница подчеркивает, что важнейшие различия лежат не в количественных, а в значимых качественных плоскостях – теоретических, методологических, идеологических, начиная с общих мировоззренческих установок создателей теорий: «Имеющиеся различия между этими понятиями обусловлены своеобразием национальных (или региональных) научно-мировоззренческих интересов и устремлений ученых, выдвинувших, с одной стороны, РА и разработавших ТРА (имеем в виду прежде всего основателей теории – Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля), с другой – концепцию М.М. Бахтина о РЖ» [Там же: 52].

«По-видимому, если отвлечься от семантико-прагматического аспекта и предположить возможность рассмотрения РЖ и РА с учетом других аспектов, то с чисто количественной стороны – объема (размера) единиц – РА и РЖ все же удобнее рассматривать как разные явления. Речевой акт – это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный прелокутивный эффект. Это может быть и диалог – в смысле единства двух реплик собеседников (адресата и адресанта). Иначе говоря, это элементарная единица речи (одна из элементарных, если учесть высказывание). <...> Речевой же жанр – особенно если учесть вторичные РЖ – это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов. Вторичные же РЖ могут быть представлены как множество (цепь) речевых актов с видоизменяющимися конкретными целями» [Кожина 1999а: 58-59].

Выделяются следующие линии различия: 1) РА – действие, РЖ имеет количественно и качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом; 2) в центре внимания теории речевых актов – грамматика языка (предложение), теории речевых жанров – речевая коммуникация и функциональный стиль; 3) ТРА по своей сути монологична, ТРЖ диалогична (социологична) [Кожина 1999а: 18-22].

Особое значение М.Н. Кожина придает стилистическому измерению РЖ (восходящему, с одной стороны, к бахтинской концепции «стиля РЖ», с другой стороны – к понятию вторичного речевого жанра) – данное измерение просто отсутствует у РА:

«Но главное отличие концепции РЖ Бахтина от ТРА в том небезызвестном факте, что в трактовке речевого общения и его единиц он стоит на социологических позициях, а не психологических (как это представлено в ТРА). Отсюда следует целый ряд довольно заметных различий, в том числе и принципиального характера. Вместе с тем другим

существенным отличием взглядов Бахтина относительно РЖ от определения РА в ТРА является стилистический аспект, обусловленный научными интересами ученого, – аспект, который остался вне поля зрения ТРА (в крайнем случае представлен на периферии учения, факультативно) и который, кстати, очень слабо реализован в жанроведческих работах русистики. Между тем учет этих двух аспектов принципиально важен в плане соотношения РЖ и РА» [Кожина 1999а: 55].

По нашему мнению, последовательное рассмотрение приведенных концепций выявляет некоторые достаточно очевидные линии сходства и «взаимного отталкивания»: так, очевидно сходство между самими терминами-понятиями «речевой акт» и «речевой жанр», а также методиками их изучения. В то же время обращает на себя внимание, с одной стороны, очевидное разнообразие РЖ и относительная гомогенность пространства РА, а с другой стороны – близость РА далеко не ко всем РЖ (едва ли кому-то придет в голову говорить о речевых актах *лекции, дискуссии, беседы*). Мы полагаем, что расширительное понимание РЖ позволяет сближать РА и РЖ при ведущей позиции последних; РА особенно сближаются (и даже отождествляются) с одним из видов РЖ, а именно: конвенциональными первичными простыми РЖ. Ниже (глава о классификации РЖ) будет показано место данного типа РЖ в различных типологиях.

2.4.3. Речевой жанр и стиль

Проблема соотношения стиля и жанра восходит еще к бахтинскому «стилю РЖ», который, по мнению ученого, входил в прагматическое по своей сути «триединство тема-стиль-композиция», определяющее каждый конкретный жанр.

Не случайно, выделяя типы категорий дискурса (внешне- и внутритекстовые характеристики речи), В.И. Карасик относит к важнейшим «жанрово-стилистические» категории, которые характеризуют «тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии)» – наряду с конститутивными, которые позволяют «отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность)», содержательными (семантико-прагматическими), которые раскрывают «смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация)» и формально-структурными, которые характеризуют «способ организации текста (композиция, членимость, когезия)» [Карасик 2002: 288].

Состояние проблемы соотношения речевого жанра и стиля в жанроведении, (функциональной) стилистике и лингвистике в целом четко формулирует Н.В. Орлова:

«До сих пор не опровергнуто ни одно из двух противоречащих друг другу утверждений: 1) у каждого стиля свой репертуар жанров и 2) жанр может переходить из стиля в стиль, то есть не реализуется в каком-то одном стиле.

Первый тезис восходит к виноградскому представлению о стилях языка и стилях речи. Если он справедлив, то стиль – абстракция некоторого множества жанров. Традиционная модель стиля и складывающееся представление о жанре как будто бы согласуется с данным утверждением. В самом деле, сопоставление стиле- и жанрообразующих факторов выявляет более конкретный характер последних: сфере общения (стиль) соответствует типовая коммуникативная ситуация (жанр); глобальным функциям языка (стиль) – конкретные цели говорящих (жанр) и так далее.

Второе утверждение, нередко встречающееся в современных работах, впервые сформулировано М.М. Бахтиным. Его деление речевых жанров на первичные и вторичные подразумевает, что все или почти все жанры публичной, деловой, научной сферы, а также художественной прозы и поэзии имеют прообразы в бытовой речи. Если первичный и соответствующий вторичный жанры имеют общие речевые признаки, то действительно есть смысл говорить о переходе жанра из стиля в стиль. Однако факт наличия (или отсутствия) конкретных общих признаков пока не может считаться доказанным» [Орлова 1997: 51].

Отмечая, что большинство существующих подходов к РЖ, как и к РА, сосредоточены на интенциях говорящего, а типологии жанров в подавляющем большинстве строятся на этом основании, Н.В. Орлова указывает, что одна и та же интенция может стоять за совершенно разными жанрами – и различия между ними тогда не интенциональные, а именно стилистические:

Большинство существующих типологий жанров являются, по сути, типологиями интенций. Объективным критерием общности интенций говорящих в разных ситуациях общения является возможность описать их высказывания одним и тем же речевым словом. Так, одинаковое обозначение получает признание в суде и признание в любви; исповедь в церкви, исповедь, адресованная близкому человеку, и исповедь как популярный ныне жанр публицистики (см. «Исповедь на заданную тему», Б. Ельцина). Показательно, что, по мнению ряда ученых [Шмелева 1990], естественная классификация целей представлена в самом языке в виде перечня глаголов и имен речи. В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Например, высказать гипотезу и распространить слух значит предъявить непроверенную информацию. Ср. также бытовую угрозу и ультиматум, просьбу и ходатайство, речевые действия, выражаемые глаголами «порицать» и «ругать». Очевидно, что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного и вторичного жанров М.М. Бахтина. Наконец, существует промежуточная область, в которой интенция в зависимости от стиля обозначается либо глаголом, либо соответствующим глагольно-именным сочетанием (благодарить или объявлять благодарность, договариваться или заключать договор и т.д.) [Орлова 1997: 51-52].

Н.В. Орлова, как и М.Н. Кожина, считает «стилистическое измерение РЖ» очень важным и тоже связывает понятие жанрового стиля с бахтинским понятием вторичного РЖ:

«<...> переходя из стиля в стиль, жанр сохраняет иллокутивную структуру и особенности диктума. Вместе с тем сопоставление первичных (в РР) и вторичных (в книжных стилях) осуждений и обвинений обнаруживает различия между ними. Стили диктуют свои нормы. По нашим наблюдениям, “стилистическая специфика” сводится к

трем основным моментам: 1) соотношение когнитивного и прагматического: оценка присутствует везде, но в разной степени, в РР и публицистике сильнее эмоциональная составляющая экспрессивности; 2) степень экспликации намерения: высокая степень экспликации всех обвинений еще более усиливается в деловой речи ритуальным перформативом; 3) наличие стилистически окрашенных единиц, прежде всего лексического уровня» [Орлова 1997: 54].

Основные положения и научные достижения **«функционально-стилистического жанроведения»**, а также краткий обзор истории (по мнению самих представителей данного направления – еще с 20х годов XX века) и некоторые перспективы освещает В.А. Салимовский в своей докторской диссертации и монографии **«Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)»**.

Исследователь доказывает, что функционально-стилистическое жанроведение – значительная и относительно самостоятельная часть общего современного жанроведения, что к данному направлению относится целый ряд серьезных ученых, чей вклад в жанроведение является несомненным (М.П. Брандес, В.Н. Вакуров, Л.Г. Кайда, Н.Н. Кохтев, И.П. Лысакова, Л.М. Майданова, Н.М. Разинкина, Г.Я. Солганик, Е.С. Троянская).

По мнению В.А. Салимовского, «<...> интерес к изучению речевых жанров прослеживается на протяжении всей истории развития функциональной стилистики. Уже в первых работах, выделявших в качестве особого предмета исследования функции и виды речи, содержалась идея жанра как формы организации высказывания (текста); были выдвинуты основополагающие суждения, послужившие базой для формирования функционально-стилистической теории. По мере ее развития совершенствовался подход к описанию многообразия речевых жанров. Так, складывавшиеся представления о базовых экстралингвистических факторах, определяющих характер стилистико-речевой организации, стали использоваться при объяснении специфики не только основных стилей, но и более частных речевых разновидностей. Постепенно утверждалась мысль о необходимости исследования функционально-стилистической системы языка на разных уровнях абстракции, выработки представлений, отражающих специфику жанрового уровня» [Салимовский 2002а: 27].

Соотношение стиля и жанра обычно понималось в функциональной стилистике как соответственно увеличение или уменьшение абстрактности научно-методического аппарата дисциплины: «функциональный стиль, существующий реально как совокупность жанров, представляет собой научную абстракцию более высокого порядка, чем жанр» [Солганик 1978: 9]; «Функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры» [Долинин 1978: 60]; А.В. Щербаков приходит к выводу, что понятие РЖ является родовым по отношению к *литературному жанру* и *жанру журналистики* [Щербаков 2005: 340]. В.А. Салимовский подчеркивает: «<...> для функциональной стилистики интерес к жанрам речи органичен. Языковая деятельность, видоизменяющаяся в различных сферах и ситуациях общения, изначально рассматривалась учеными данного направления как осуществляемая в речевых актах (в высказываниях, в жанрах), внимание

сосредоточивалось на композиционных формах речи, «целом высказывания», с установкой на охват всего многообразия этих форм» [Салимовский 2002а: 20].

Соотношение жанра и стиля В.А. Салимовский определяет как соотношение разных типов речевой системности – при этом, считая базовой системность стилевую, исследователь вводит принципиальное понятие «жанрово-стилевой» системности:

«<...> исходя из того, что “высказывание есть элементарное речевое действие”, стиль высказывания можно определить как способ совершения речевого действия, а значит, как способ организации разноуровневых языковых средств в высказывании (формально-речевая сторона стиля), определяемый коммуникативно-познавательной целью действия и другими параметрами ситуации общения, отражаемыми в стилистическом значении высказывания (содержательно-речевой план стиля)» [Салимовский 2002а: 199].

«Жанровый же стиль с этой точки зрения – это типовой способ интеграции текста, предполагающий в качестве важного конституирующего признака иерархическую взаимосвязь типовых субтекстов на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных в конечном счете типовым авторским замыслом. <...> Жанровый стиль можно определить как жанровую разновидность стилистико-речевой системности, т.е. как способ организации высказываний на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных типовой целью более общего характера» [Там же: 200-201].

По мнению В.А. Салимовского, центральным положением бахтинской теории жанра, а также идущих за ученым многих жанроведов – представителей разных школ и направлений, – является положение о ситуации и сфере общения: всё более глубокое, дифференцированное и системное осмысление параметра «сфера общения» ознаменовало собой как дальнейшее развитие и перспективы функциональной стилистики, так и жанроведения.

В этом смысле функциональная стилистика в значительной степени пересекается с базовыми положениями лингвистики текста, возникшей, как известно, именно в рамках первой. Расширительное толкование функциональной стилистики (в основе которого вновь оказывается понятие речевой системности), по мнению В.А. Салимовского, делает предмет и задачи лингвистики текста, в известном смысле, избыточными.

В целом функциональная стилистика, несмотря на усиливающиеся позиции «конкурирующих» дискурсивной, прагматической и когнитивной методик, несомненно, остается одной из ведущих речеведческих дисциплин.

В этом отношении показательна точка зрения В.Г. Костомарова, одного из основателей функциональной стилистики в ее «наиболее классическом» виде. Ученый в одной из последних своих книг (и одной из последних книг по стилистике среди лингвистических изданий в целом) «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики» (2005) доказывает, что стилистика по-прежнему «стоит на переднем крае» наиболее перспективных направлений лингвистики, и ей (и только ей) «по силам» наиболее трудная задача из всего того, с чем вообще сталкивалась лингвистика к рубежу XX-

XXI век, – адекватно объяснить огромное многообразие реального человеческого общения, речевых образцов, текстов, найти здесь настоящую системность: «<...> мы сводим задачу стилистики к изучению способов создания текстов, к постижению характера их группировок, соответствующих разнообразию деятельности людей <...> Стилистика текстов предстает как регулирующий свод конвенциональных, кодифицируемых и неписаных правил и схем функционирования языка, существующих в нашем сознании как следование образцам или, по модному словечку, как создание ремейков» [Костомаров 2005: 42].

По мнению В.Г. Костомарова (и А.И. Горшкова [2000], которого В.Г. Костомаров много и сочувственно цитирует), эта речевая системность в своей основе является именно стилистической, более того – стилевой.

Исследователь признаёт, что функциональная стилистика может и должна эволюционировать – прежде всего потому, что всё огромное речевое многообразие «не умещается» в жесткую схему из пяти стилей традиционной функциональной стилистики. Тем не менее, по мнению В.Г. Костомарова, (1) внутренние объясняющие потенции стилистики позволяют ей справиться с названной задачей, (2) эту задачу функциональная стилистика может решить, используя понятие «*текст*» – именно в том традиционно-стилистическом значении, которое идет от В.В. Виноградова (от термина-понятия «*дискурс*» В.Г. Костомаров отказывается⁷), но самое главное – (3) используя понятие «**стилистического вектора**».

О последнем понятии, введенном В.Г. Костомаровым, следует сказать подробнее: именно так исследователь понимает, в общем, всю возможную речевую упорядоченность.

«Векторный метод», по замыслу исследователя, в наибольшей мере соответствует таким фундаментальным идеям речеведения, как идея нежесткой упорядоченности, где господствует статистическая вероятность, обусловленная экстралингвистическими причинами – и прежде всего деятельностью резонансами «человека говорящего». Именно поэтому «векторный метод представляется весьма продуктивным также и для изучения стилистики. Континуум стилевых явлений может исчисляться именно векторными полями – разными связями внеязыковой и языковой действительности; сама же стилистика текстов может изображаться как многомерное векторное пространство, совокупность всех векторных полей» [Костомаров 2005: 67].

⁷ «В целом <...> термин *дискурс* из-за своей расплывчатости не имеет объяснительной силы для наших Очерков» [Костомаров 2005: 42]. В этой связи весьма показательна точка зрения В.И. Карасика: «Термин “*функциональный стиль*” относится, на наш взгляд, к числу наименее удачных терминов в лингвистике, и поэтому, основываясь на критерии жанрового канона дискурса, мы предлагаем новое обозначение для обсуждаемого понятия – *формат дискурса*» [Карасик 2002: 294]. Этой точке зрения близки идеи К.Ф. Седова, высказанные в одной из последних его статей «Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика» [2007f].

В то же время при реальном анализе речевого материала В.Г. Костомаров выделяет и использует всего... два таких «вектора»! (даже меньше, чем выделяли функциональных стилей в традиционной функциональной стилистике): «книжный» и «разговорный». Например: «Единый вектор книжности выявляется как задающий отход, некое отстранение от общего языка, стремление к упорядоченному и ограниченному, специально приспособленному “своему языку”» [Костомаров 2005: 68].

В этой связи нельзя не отметить, что многие современные ученые полагают, подобно В.Г. Костомарову, что существующая стилистическая парадигма для более адекватного объяснения положения вещей (прежде всего «рядовым носителям языка») нуждается именно в у п р о щ е н и и: «По нашим представлениям, реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: **литературная, разговорная и ненормативная лексика**» [Стернин 2006: 139; ср. также: Белова 2002].

Даная проблема решается в статье Г.В. Векшина «Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое» [Векшин 2009].

Автор, основываясь на личном опыте преподавания стилистики русского языка в вузе, выявляет противоречия, содержащиеся в теории и практике функциональной стилистики.

Первое, более очевидное противоречие состоит в том, что в функциональной стилистике пытаются непротиворечиво охватить жесткой схемой из пяти стилей все чрезвычайно многообразные дискурсивные образцы.

Второе, менее очевидное и более глубинное противоречие состоит в том, что сам принцип отнесения конкретного материала к тому или иному стилю с неизбежностью противоречив, поскольку основывается на двусмысленных и противоречивых концепциях функциональной стилистики – «идущих от теории языка», «объективистских и нормативистских», и прежде всего – определении самого понятия «функциональный стиль», границ содержания данного понятия применительно к языку и речи.

Так, Г.В. Векшин показывает, что одно из наиболее широкоупотребительных определений функциональных стилей как «вариантов литературного языка, обусловленных различными сферами общения» (Л.П. Крысин) допускает целый ряд совершенно разных прочтений: (1) «варианты языка», обслуживающие различные сферы; (2) варианты, чей смысл есть результат постоянного их использования в данных сферах; (3) варианты, служащие знаками-индикаторами данных сфер; (4) варианты, позволяющие достичь коммуникативного и познавательного успеха в данных сферах.

На практике (например, в заданиях, которые ставятся перед школьниками и студентами в курсах стилистики) данное противоречие приводит к тому, что у студента или ученика складывается «представление о том, что стилистическую окраску речевой единицы следует определять таким путем: сначала установить “функционально-стилевую принадлежность текста”, попросту “угадать” функциональный стиль из числа известных (в основном, по принципу – если газета, то публицистический), а она уж подскажет и стилистическую окраску». Студенту же, как носителю языка, по убеждению Г.В. Векшина, необходимы совсем другие умения – прежде всего «прислушиваться к собственному речевому опыту, слышать типичные контексты и видеть соответствующие

ролевые образы говорящего, “вынырывающие” из-под конкретных единиц и приемов, <...> понимать и контролировать стилистические ресурсы языка».

В этом отношении наиболее принципиальным как для концепции Г.В. Векшина, так и для центральной для настоящего сборника проблемы отношения языка и речевого жанра является модель, согласно которой функциональный стиль – часть «языка общения» (не «кода») – узуальной коммуникативной системы, где все знаки и знаковые комплексы путем реализации наиболее эффективных тактик отбора и построения знаков по существу подчинены цели, лежащей в данной области, – цели научного познания и общения (соответственно «язык науки»), эстетической («язык искусства»), идеологической («язык идеологии») и др. Такие «языки общения» являются «стилеобразующими». Внутри них выделяются более частные – жанрообразующие – контексты и полагаемые в них цели, которые могут составлять ядро «стилеобразующих» социокультурных контекстов или находиться на их периферии.

Думается, эти противоположные тенденции хорошо иллюстрируют достаточно сложное состояние функциональной стилистики в целом и ее отдельных «точек соприкосновения» с ТРЖ в частности.

2.4.4. Речевой жанр и речевое событие

Понятие «*речевое событие*» вводится Д. Хаймсом [Hymes 1972] для определения одного из компонентов коммуникации: в коммуникативной иерархии «речевые события» являются, по Хаймсу, частью «речевых ситуаций», в то время как сами состоят из «речевых актов».

В современных исследованиях отмечается базовый характер данной единицы для речевой диалогической коммуникации в целом. Формы, в которые «отливаются» данные единицы, оказываются первичными «жанрами», о которых идет речь в жанроведческой части исследования И.Н. Борисовой, по отношению к «речевым жанрам» в «традиционном» (бахтинском) понимании [Борисова 2001: 40-42].

В целом, поскольку в самом слове «событие» наличествует идея некой процессуальности, скорее действий, чем языковых единиц, понятия «речевое событие» и «коммуникативное событие» оказываются значительно ближе друг другу, чем, например, «речевой жанр» и «коммуникативный жанр». По-видимому, термины «*речевое событие*» и «*коммуникативное событие*» можно использовать как синонимы. В то же время в некоторых работах (например, [Бушуева 2006; Неудачина 2007]) используются как синонимы понятия «*речевой жанр*» и «*речевое событие*», что представляется менее оправданным.

Следует отметить, что при сближении данных понятий на первый план выходит один из важных моментов бахтинской концепции РЖ – уже неоднократно отмечаемая текстовая природа РЖ, его сложный структурный характер (парадигматический и синтагматический): вряд ли возможно сближение с «речевым событием» любых речевых жанров, особенно монологических, кратких, простых, первичных, то есть таких, какие в работах по речевым актам обычно называются РА: *вопрос, ответ, просьба, приказ, совет*.

Понятие «речевое событие» в его отношении к речевому жанру рассматривалось в работах: [Гольдин 1997а; Гольдин, Дубровская 2002; Борисова 2001; Дубровская 2007].

Разрабатывая теоретические и терминологические проблемы жанрового речевого моделирования, В.Е. Гольдин подчеркивает, что цель соотнесения понятия *жанра* с такими общими формами осмысления мира, как *ситуация, событие, поступок*, заключается не в отделении «истинного» понимания жанра от «ложных» его толкований, а в стремлении осознать, какие именно явления именуют сегодня речевыми жанрами, и построить на этом осознании полезные заключения [Гольдин 1997а: 23].

Выделяя «ситуации-события», В.Е. Гольдин считает их главным отличительным признаком темпоральность: темпоральную структуризацию (например, можно размещать другие события по отношению к ним и говорить о том, что происходит во время, до, после данных событий или в их начале, середине, конце, если они темпорально структурированы) – для ситуаций; либо темпоральную простоту / нечленимость (прибытие или отправление поезда – это темпорально простые, нечленимые события: можно находиться на перроне «в момент» прибытия или отправления поезда, но не в начале, середине или конце этих событий) – для событий [Там же: 24-25].

Среди подобных речевых единиц, имеющих темпоральное измерение, В.Е. Гольдин выделяет простые события (*остановка, падение, поворот*) и сложные события (*сенокос, обед, переправа*) [Там же: 25-26].

Такие речевые единицы В.Е. Гольдин предлагает отграничивать от *поступков*, лишенных темпоральности: «<...> слова типа *победа, поражение, успех, достижение, рекорд, провал, промах, измена, шалость, проказа, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются. Показательна неправильность выражений **во время победы, *во время подвига, *в момент измены*, не говоря уже о **в конце победы, *в середине промаха* и т.д. Здесь не обнаруживается ни событийности, ни процессуальности» [Там же: 26]. Главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки.

Собственно речевой / коммуникативный жанр тогда есть не что иное, как «внутренняя форма» данных речевых единиц; соответственно типы РЖ выделяются в зависимости от того, соотносятся ли они с речевыми ситуациями-событиями или коммуникативными поступками: «Имена речевых ситуаций-событий, коммуникативных поступков, а также имена типовых разновидностей речевых произведений-текстов выступают в роли имен соответствующих жанров» [Там же: 31-32].

Продолжая разработку соотношения понятий «речевой жанр» и «речевое событие», В.Е. Гольдин и О.Н. Дубровская подчеркивают сущностную близость данных явлений:

«Ближайшее целое по отношению к речевым жанрам – это, по-видимому, речевое событие. Целое более высокого уровня – коммуникативное событие, далее идут просто события. Целенаправленные действия людей, составляющие основу коммуникативных событий, наблюдателями осмысливаются в качестве поступков. Внутренняя форма события, то есть подвергающееся изменению «положение вещей», – ситуация. Ситуацией же, но уже внешней, «охватывающей» событие, является и та обстановка, на фоне которой происходит событие. Ее учет особенно важен при квалификации поступков» [Гольдин, Дубровская 1999: 7].

Сказанное можно, по всей видимости, понимать так, что речевой жанр и речевое событие тесно связаны, однако не идентичны и должны рассматриваться скорее в разных плоскостях: событие коммуникативно-процессуально и может включать в свой состав в качестве «вербальной» составляющей речевые жанры – при этом несколько разных речевых жанров, даже разные наборы их. Данный вывод подтверждают следующие рассуждения исследователей:

«Речевыми событиями целесообразно, по-видимому, считать такие коммуникативные события, совершение которых невозможно без использования в них совершенно конкретных для каждого из таких событий речевых действий и соответствующих им речевых жанров. Например, неотъемлемой частью допроса являются вопросы следователя; событие “проработки кого-либо” не состоится без обвинительных выступлений; конференция предполагает доклады, сообщения и их обсуждение» [Гольдин, Дубровская 1999: 8].

Однако более четкой экспликации данная идея в цитируемой статье не находит. По нашему мнению, без ответа остались вопросы, являются ли (1) речевой жанр и речевое событие «одним и тем же» либо (2) относятся друг к другу иным образом. Так, возможны следующие типы отношений: (3) речевой жанр относится к речевому событию как форма к субстанции либо (4) виртуальная модель к актуальной реализации; (5) речевой жанр относится к речевому событию точно так же, как к коммуникативному жанру, то есть вступает с ним в гипо-гиперонимические отношения; наконец, (6) событие – не любой речевой жанр, а только «комплексный» (по М.Ю. Федосюку) диалогический / текстовый (два последних толкования, конечно, представляют ту же идею «тождества», только в несколько ином смысле).

В работах последних лет О.Н. Дубровская пытается более четко сформулировать отношения между понятиями речевого события и речевого жанра – как и В.Е. Гольдин, она строит свои рассуждения прежде всего на четкой темпоральной базе:

«<...> место и время – событийные характеристики и связаны с жанрами именно в структуре событий. В противном случае проблема классификации жанров становится нерешаемой, поскольку жанр может быть включен в бесконечное множество похожих контекстов <...> понятие «жанровый репертуар» по своей сути независимо от понятия «сложное речевое событие». Можно говорить скорее о тех возможностях, которые предоставляет определенный тип дискурса для реализации речевых жанров в контексте определенных событий. Например, коммуникативная ситуация «работа над проектом» подразумевает регулярное общение участников проекта в рамках определенных сложных и простых речевых событий. Каждое из таких событий структурировано набором речевых жанров. Данные жанры известны коммуникантам, но их набор специфичен для каждого из таких событий. Собрание для обсуждения результатов проекта – сложное речевое событие, в котором используются такие речевые жанры, как доклад, отчет, сообщение, дискуссия и др.» [Дубровская 2007: 364-365].

Отметим, что предположение, высказанное нами по прочтении первой работы В.Е. Гольдина (1997), принимается О.Н. Дубровской как верное: «В сложных речевых событиях речевая составляющая может быть представлена целым набором речевых жанров, как устных так и письменных, поэтому <...> свойства таких событий позволяют говорить о них как об особых формах коммуникативного взаимодействия, в которых реализуются речевые жанры разных типов» [Дубровская 2007: 368-369]. Однако четкая экспликация, не оставляющая читателю возможности разных толкований, к сожалению, отсутствует и здесь: «С нашей точки зрения, сложные речевые события допускают классификацию по социокоммуникативным сферам: можно выделить события политической сферы (выборы, референдум, митинг), экономической (заседание совета директоров, рекламная кампания), юридической (судебное заседание) и др. Помимо сфер институционального общения, сложные речевые события пронизывают сферу частной жизни (свадьба, похороны). Социальная, экстралингвистическая составляющая важна и для определения речевого жанра» (выделено нами – В.Д.) [Дубровская 2007: 362]. Увы, данное «и для речевого жанра» есть не что иное, как опять-таки идея их «приблизительного» сходства.

По нашему мнению, идея противопоставления слов, называющих события и соответственно включающих в свою семантику протяженность во времени, и слов, дающих данным событиям оценку – и соответственно исключающих такую возможность, является в высокой степени информативной и релевантной для объяснения многих особенностей лексической семантики, а также – отчасти – для представления оценочного отношения к речевым событиям и речевым жанрам в рамках данной культуры, внутри которой существует определенным образом организованная система оценок, базирующаяся на комплексе ценностных отношений к различным социальным, в том числе коммуникативным, явлениям.

В то же время представляется не вполне убедительным категоричное утверждение, что в группе существительных типа *победа, поражение, успех, рекорд, промах, измена, шалость, подвиг* оценочный компонент, более значимый для данных лексем, чем собственно называемые ими явления – речевые события и речевые жанры, – однозначно исключает протяженность во времени.

Данные существительные, поскольку называют (в том числе) события, в основе которых всегда лежат некие «акты» / действия, являются преимущественно отглагольными существительными, а следовательно, представление ситуаций как протяженных во времени либо однократно-оценочных существует точно в таком же виде в соответствующих глаголах. Как известно, в русской грамматике именно данное противопоставление составляет основное содержание категории глагольного вида: названиями таких оценочных явлений (поступков) должны быть существительные, образованные от соответствующих глаголов совершенного вида, отсюда и

невозможность представления их как продолжающихся во времени [ср. Арутюнова 2003: 8-9].

Однако многие глаголы, связанные с существительными, называющими поступки, образуют видовые пары, что говорит скорее о том, что с точки зрения языка допустимо представлять данные поступки как длящиеся во времени.

Конечно, такая возможность еще не следует автоматически из самого факта наличия видовой пары: семантика наст.врем.несов.вида, как известно, имеет сложный характер и покрывает целый комплекс ситуаций, среди которых далеко не все могут быть охарактеризованы как длящиеся во времени. Так, фраза *Она ему изменяет* означает повторяемость или регулярность, а не протяженность во времени; в предложении *Под Нарвой армия Карла XII побеждает армию Петра I* мы имеем дело с так называемым «настоящим историческим», которое тоже не имеет ничего общего с непосредственной продолжительностью во времени; однако фраза *наши проигрывают*, произнесенная, например, комментатором в определенный момент матча, явно включает указание и на определенное время, и на определенную длительность.

Подобным образом обстоят дела в английской грамматике с группой времен continuous: в английском языке всегда существует, по крайней мере, теоретическая возможность ставить в форму present continuous, past continuous или present perfect continuous даже слова типа: *defeat, win, betray*. Не являются аномальными выражения: *He is defeating them, He was defeating them, He has been defeating them*.

Таким образом, отношение речевого жанра даже к близким речевым единицам понимается по-разному. Решение данного вопроса в каждом отдельном случае зависит от задач конкретного исследования, а также от того, как в целом понимаются задачи, стоящие перед ТРЖ в рамках общей лингвистики речи. В целом в решении данной проблемы можно выделить две противоположные тенденции.

2.5. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра

Для теории речевых жанров с момента ее создания М.М. Бахтиным ключевым был вопрос: «что такое речевой жанр?» В результате многолетнего активного развития ТРЖ и ее активного взаимодействия с целым рядом смежных лингвистических дисциплин на протяжении последних 15-20 лет данный вопрос несколько смещает акценты: «от каких смежных явлений должен быть ограничен речевой жанр?»

Как это часто бывает с теоретическими положениями, претендующими на фундаментальность в рамках данной концепции, и единицами, претендующими на то, чтобы быть базовыми в рамках данной концепции, история осмысления понятия «речевой жанр» ознаменовалась

диалектическим единством двух противоположных тенденций – расширительной и сужающей.

Первая тенденция исходит из последовательного **расширения** границ понятия «речевой жанр» и его конституциональных признаков: сторонники данного подхода подчеркивают сущностное единство жанрового типа системности со всеми другими речевыми (даже языковыми) типами, при этом именно жанровый тип системности признается базовым или гиперонимическим / родовым, что автоматически делает многие (если не все) остальные виды речевой системности (коммуникативный жанр, речевой акт, стиль, фрейм, коммуникативный концепт, тональность, многие отдельные горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса) или вторичными / видовыми, или вообще избыточными.

В настоящее время в лингвистических штудиях понятие *жанр* уже стало таким же широким понятием, как *концепт* – хотя, конечно, в нетерминологическом употреблении слово *жанр* гораздо яснее, употребительнее, ближе понятиям – названиям естественных классов, чем слово *концепт* (по крайней мере, так обстоят дела в русском языке; в то же время слово *concept* гораздо ближе терминам-понятиям естественного английского языка).

Важно отметить, что, хотя многие из исследований, осуществленных с данных позиций, отличались замечательной проницательностью и оригинальностью (а кроме того – особо пристальным вниманием к наследию Бахтина и тщательным осмыслением его идей), в целом последовательное расширение границ понятия «речевой жанр» с неизбежностью приводит не к прояснению, а к затемнению как понятия «речевой жанр», так и объясняющих потенциалов речежанровой модели лингвистического анализа речи. *Жанром* начинают называть, например, *рекламу* (К.Г. Урванцев), *иронию* (Т.П. Андрієнко, О.Я. Палкевич), *ложь (вранье)* (В.И. Шаховский), *притворство* (С. Дённингхаус), *критику* (Т.В. Анисимова), *дефинирование* (О.В. Коротеева) и даже *фатику* и *эвристику* (Ж.В. Милованова).

В то же время признание «речевого жанра» все более широким понятием означает необходимость серьезной внутренней дифференциации и выделения разных типов жанров.

Отметим, что именно идея расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления, по возможности более детальной, кажется нам наиболее предпочтительной.

В рамках этой традиции многие исследователи выделяли в общем пространстве жанров речи разные типы жанров – Ст. Гайда, М.Ю. Федосюк, А.Г. Баранов и мн.др. (типологические идеи двух последних названных исследователей, впрочем, не могут быть однозначно отнесены к «расширительным» – см. ниже).

Так, М.Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [Федосюк 1997а: 104]:

«<...> под элементарными речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Примером элементарных речевых жанров могут служить сообщение, похвала, приветствие или просьба. Комплексными же речевыми жанрами надо было бы считать типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра. Комплексные речевые жанры могут быть монологическими, т.е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (это, например, такие жанры, как утешение, убеждение или уговоры [ср. Федосюк 1996]), и диалогическими, т.е. состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа, дискуссия, спор или ссора)» [Федосюк 1997а: 104].

А.Г. Баранов выделяет «простые» и «сложные» жанры [Баранов 1997: 8]:

Мы полагаем, что плодотворную рубрикацию речевых жанров М.М. Бахтина можно развить, спасая диалог как первичный в генезисе тип текста:

- 1) первичные (простые) речевые жанры близки речевым актам;
- 2) первичные (сложные) речевые жанры равны диалогическому тексту;
- 3) вторичные (простые) речевые жанры – функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование и др.;
- 4) вторичные (сложные) речевые жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде [Баранов 1997: 8].

«Простые» и «сложные» жанры выделяет и Ст. Гайда, но его типология, кроме того, включает «примарные» и «секундарные» жанры:

Жанры простые и сложные. Основой для такого деления может быть теория речевых актов Остина-Серля. Простые жанры – это, говоря вообще, типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, например, *угроза, отказ, присяга, вопрос, клятва, приглашение* и т.д.

Сложный жанр – это типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер. Здесь обычно имеют дело с группой неоднородных актов, каждый из которых в глобальной деятельности имеет свои функцию и место, например, приветствие в разговоре. Такая последовательность (например, разговор, письмо) в целом может выполнять роль, присущую простому жанру (ср. письмо как инструкция или предостережение). Отношения между отдельными актами высказываний в макроакте могут складываться по-разному, например, отношения подчинения, даже облигаторное вынуждение появления очередного акта (поздравления и благодарность).

Жанры примарные и секундарные. Первые актуализируются в текстах, которые рождаются в коммуникативных условиях «лицо-в-лицо» и непосредственно отнесены к «Я – Здесь – Сейчас» говорящего. Сюда относятся как простые жанры (вопрос), так и сложные (разговор). Секундарные (производные) жанры появляются в условиях высоко развитой культурной коммуникации и являются дериватами от примарных жанров. К таким производным жанрам относятся, например, бытовое письмо, дневник, дискуссия. Секундарные разговорные жанры могут быть основой для дальнейших преобразований (ср. письмо как основа научной статьи) [Гайда 1999: 110].

Сужающая тенденция, наоборот, пытается уточнить, конкретизировать понятие «речевой жанр» через ужесточение дефиниции и последовательное отграничение данного явления от более или менее генетически близких смежных явлений: речевого акта, речевых стратегии и тактики и даже коммуникативного жанра, который тоже противопоставляется речевому по ряду признаков, считающихся значимыми в рамках данной модели.

Данная тенденция, особенно активная в девяностые годы прошлого века, складывается из двух разных направлений: во-первых, «речевой жанр» активно **отграничивают** от всего того, что им не является, одновременно пытаясь определить «критерии жанровости».

В работах ряда исследователей из списка жанров разных оснований «вычеркивались» целые группы речевых явлений, имеющих предположительно жанровую природу [Гольдин 1997а; Гольдин, Дубровская 1999; Федосюк 1997а; 1997b]. Как представляется, дальше всех в своем редуccionистском пафосе идет М.Ю. Федосюк.

Так, исследуя лексико-семантическую группу русских существительных со значением «высказывание, выражающее положительную оценку», которая включает слова / лексико-семантические варианты слов: *бахвальство, комплимент, лесть, любезность, одобрение, похвала, похвальба и хвастовство*, М.Ю. Федосюк приходит к выводу, что «далеко не все из перечисленных слов способны служить названиями речевых жанров» [Федосюк 1997b: 74].

М.Ю. Федосюк полагает, что названиями речевых жанров не могут быть существительные *ссора, угроза, придирка, похвальба* и вообще все такие, семантика которых отражает не вполне благовидную цель. По мнению М.Ю. Федосюка, и *комплимент* не может считаться речевым жанром, поскольку «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации», было бы равносильно утверждению «о возможной неискренности оценки» (в отличие от *похвалы*) [Федосюк 1997а: 113; см. также: Гловинская 1993]. С данным положением довольно трудно согласиться. Каждый носитель языка без труда может представить себе ситуацию, когда один собеседник хвалится, а другой завидует или хвалится сам, когда один произносит комплимент, а другой с удовольствием его принимает, когда один угрожает, а другой по этой причине уступает. Нисколько не менее естественной является ситуация флирта и произнесения косвенных комплиментов. Это типические ситуации общения, а значит, речевые жанры, понимаемые не как модели инвариантно-вариантного типа, по которым строит свои речевые действия один говорящий, а как внутренняя форма коммуникативного события, жанры «языкового существования». Понимание жанров по М.М. Бахтину как относительно устойчивых в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказываний, а высказываний – как единств, образуемых слиянием «своего» и «чужого» голосов, а также вербального и невербального контекста ситуации речевого общения, наиболее точно соответствует данному случаю: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» [Волошинов 1993: 94].

Представляет интерес критерий, предложенный А.Д. и Е.Я. Шмелевыми в исследовании, посвященном речевому жанру *рассказывание анекдота*: в

целом точка зрения исследователей состоит в том, что речевой жанр *X* есть в коммуникативной компетенции человека, если человек, услышав определенное высказывание, может сказать: «Это – *X*» (где *X* – имя жанра):

«<...> отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или иному речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой. Так, носители русского языка могут определить, что некто *поздоровался, извинился, произнес тост, прочел вслух стихотворение, написал заявление о приеме на работу* и т.п., и, говоря о соответствующей речевой деятельности, именно так и обозначить ее» [Шмелева, Шмелев 2002: 18].

Данный подход едва ли можно принять до конца, применительно ко всем реально существующим жанрам речи: так, в системе представлений А.Д. и Е.Я. Шмелевых невозможно объяснить тот факт, что выражения *фатическая речь* и *small talk*, используемые лингвистами в качестве базовых терминов для основных фатических интенций, неизвестны наивным носителям русского языка (что уж говорить о предлагаемых разными авторами заменителях типа *неинформативная беседа, экзистенциальный разговор, гедонистическое общение*, которые могут поставить в тупик как наивного носителя языка, так и лингвиста), что почему-то несколько не мешает данным типам общения быть очень широко распространенными, узнаваемыми, успешными.

Кроме того, говоря об именах жанров, ассоциативно возникающих в сознании носителя языка (и жанрово-речевой компетенции), исследователи не разграничивают существительные и глаголы (обращает на себя внимание то, что в приведенной цитате названы только глаголы), в то же время и выделяемый ими речевой жанр *рассказывание анекдота* в этом смысле вряд ли может считаться речевым жанром, поскольку очень маловероятно, что такое существительное нормально возникнет в памяти среднего носителя языка).

Вторым направлением, реализующим сужающую тенденцию в определении РЖ, стало построение **иерархии моделей**, ранжированных, прежде всего, по объему и степени абстрактности, где «нижний», базовый уровень занимают обычно конкретные речевые произведения, а более высокие уровни – более и менее абстрактные и обширные типы произведений.

Так, Л.А. Капаназе вводит понятие *малого жанра* – микроструктуры, которая выделилась в определенной языковой общности как ограниченное речевое клише, сводимое к микродиалогу или реплике. Исследовательница противопоставляет их «более крупным фрагментам обиходно-бытовой речи: семейному диалогу, домашнему рассказу и др.» [Капаназе 1988: 232–233].

К.Ф. Седов строит иерархию: *гипержанр – речевой жанр* (и единица того же уровня *жанроид*) – *субжанр* (то же, что *внутрижанровая стратегия*) – *внутрижанровая тактика*:

Речевой жанр – микрообряд, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации. Обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу речевых жанров можно отнести *разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт* и т.п.

Субжанры – минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, *колкость в светской беседе* отлична от колкости в *семейной ссоре* и т.п.

Гипержанры – это макрообразования, т.е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Так, например, можно выделить гипержанр *застолье*, в состав которого войдут такие жанры, как *тост, застольная беседа, рассказ* и т.п. *Семейный гипержанр* включает в себя такие жанры, как *семейная беседа, ссора* и т.п.

Жанроиды – переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве. Так, можно выделить жанроид, представляющий собой *гибрид болтовни и разговора по душам*, жанроид, сочетающий в себе элементы *ссоры и семейной беседы (конфликтная семейная беседа)* и т.п. [Седов 2007а: 14-15].

Как видим, собственно речевой жанр обычно занимает в подобных иерархиях одно из мест – чаще всего важнейшее, как у К.Ф. Седова, однако не всегда – иногда это всего лишь «одно из...».

Так, А.Г. Баранов считает центральной единицей структурирования текста *когниотип* как «абстракцию низшего уровня и, следовательно, наиболее информативную» [Баранов 1997: 8], а не *речевой жанр*:

Когниотип – это фрейм, отражающий инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области. Когниотип имеет следующие черты:

- принадлежит к строго очерченной предметной области, что позволяет представить его в тематической цельности и завершенности;
- обладает тематической композицией / прототипической архитектоникой;
- представлен набором языковых выражений, соотнесенных в подсознании субъекта общения с данной предметной областью и сферой деятельности;
- строится как ментально-лингвистическая модель декларативных значений (о мире и языке);
- дополняется процедурными знаниями (стратегии, конвенции, правила) высших уровней текстотипичности» [Баранов 1997: 8-10].

«Цепочка абстракций текстовой деятельности» выстраивается А.Г. Барановым как движение от замысла и воли субъекта речи к конкретному тексту.

Следует отметить, что в психолингвистике достаточно давно рассматриваются гораздо более широкие, чем речевые жанры, «вертикальные» модели поведения человека – это особые программы поведения человека, долгосрочные и вполне объективно существующие [Горелов, Седов 1998: 221-223]. Такие типовые долгосрочные программы поведения человека Майкл Холквист, на американский манер, называет «карьерями»: «...нам необходима более широкая единица анализа, чем единичное высказывание или отдельный житейский жанр, чьи границы простираются не далее заданной ситуации (такой, как каникулы, приемы в гостинной, кружки вышивания в маленьких городках, мастерская и т.д., перечисляя только некоторые примеры, приведенные самим Бахтиным). Такая единица должна была бы оказаться способной связать воедино различные высказывания и формы родового поведения, присущие определенным лицам. Мы знаем, что есть правила, управляющие высказыванием. На более высоком уровне систематизации мы можем смутно осознать строгие нормы, регулирующие житейские жанры. Но существуют ли формулы, определяющие то, каким образом многообразные высказывания и весь ансамбль жанров, составляющих все жизненное поведение, соединяются воедино? Ответ, естественно, состоит в том, что такие ансамбли существуют: они представляют собой то, что мы так наивно называем *карьерями*» [Холквист 1997: 30-31].

Естественно, самое большое количество проблем возникает, когда данные модели применяются на практике – попытки непротиворечиво распределить реальный речевой материал по даже подробным теоретическим схемам редко бывают до конца удачными. Попытки ответить на вопросы: «*X* – это речевой жанр или нет?», «*X* – это речевой жанр или речевая стратегия?», «*X* – это речевая стратегия или речевая тактика?» на практике очень часто приводят к неоднозначным и дискуссионным решениям и обычно вызывают множество возражений у коллег-жанроведов.

Так, в докторской диссертации О.Н. Паршиной, посвященной речевым стратегиям и тактикам, используемым представителями современной политической элиты России (2005), предлагаются достаточно четкие основания выделения типов стратегий и их соотношения с тактиками. Однако на практике поставленная задача – представить соотношение стратегий и тактик – вряд ли решена до конца. К сожалению, не всегда вызывают согласие представленные автором описания конкретных стратегий и тактик; часто складывается впечатление, что автор использует разные, не сводимые друг к другу основания для их определения и противопоставления. Основание противопоставления «стратегия является комплексным феноменом, а тактика – аспектным» (с. 21) скорее заявлено декларативно. Может сложиться впечатление, что стратегии и тактики противопоставляются как родо-видовые понятия: общая стратегия формирования эмоционального настроения – и конкретные тактика создания положительного эмоционального настроения и тактика создания отрицательного настроения; но тогда непонятно, чем отличается *тактика обращения к эмоциям адресата* (с. 139) от *стратегии формирования эмоционального настроения адресата* (с. 136), в которую она как будто бы должна входить. Иногда складывается впечатление, что стратегия понимается О.Н. Паршиной как диалогический феномен, тактика – монологический, однако не разведены диалогические и монологические тактики (*тактика оскорбления, обвинения*, например, явно монологические, тогда как *тактика оспаривания, разъяснения* – диалогические).

Иногда стратегии понимаются как невербальные феномены, реализующиеся через речевые тактики, но при этом не противопоставлены, например, невербальная стратегия удержания власти и чисто речевая аргументативная стратегия. Автор справедливо отмечает, что часто одни и те же приемы могут быть отнесены и к стратегиям, и к тактикам (например, манипулирование, с. 98), но довольно трудно согласиться с тем, что являются тактиками, а не стратегиями, например, тактика (?) критики, комментирования, единения. Что же касается тактики (??) «учета ценностных ориентиров адресата» (с. 141), то она соотносится с такими общими, фундаментальными закономерностями коммуникации, что ее вряд ли можно отнести даже к стратегиям.

Наконец, нельзя не отметить, что в некоторых случаях при анализе конкретного речевого материала, содержащего несомненные моменты жанровой организации и жанровой системности, достижение подобной терминологической четкости выступает второстепенной задачей, по сравнению с выявлением действительно значимых моментов этой системности. В то же время слишком большая сложность (и противоречивость) терминологического аппарата жанроведения иногда оказывает плохую услугу исследователю-практику, который чувствует, что, прежде чем браться за анализ конкретного материала, ему, естественно, необходимо разобраться во всей этой терминологической мешанине. Интересно, как часто в таких случаях несомненно содержательные исследования успешно осуществляются вообще в не данных теоретических и терминологических вопросов.

Ср., например, как подходит к вопросам терминологического характера Л.В. Балашова в своем исследовании, посвященном коммуникативным ценностям у носителей «внелитературных» – жаргонной и просторечной речевых культур, стоящим за разными речевыми жанрами:

«Как известно, в теории речевых жанров еще не решена проблема выделения списка жанров внутри данной речевой культуры, а также основания такого выделения. В данной статье мы будем использовать следующие термины: (1) речевой жанр – во-первых, коммуникативно-речевые явления, именуемые речевыми жанрами в большинстве работ по теории РЖ (например, автобиография, объяснительная записка, донос, приказ); во-вторых, монологические и одноактные типы высказываний, которые в прагмалингвистических исследованиях также часто называются речевыми актами (например, угроза); (2) гипержанр – коммуникативно-речевое явление, структура которого имеет жанровую природу, но единицы, определяемые нами как речевые жанры (1), относятся к данному феномену или как к модели большей степени абстракции, т.е. вступают с ним в гипонимические отношения (ср.: объяснительная записка, донос – официальная бумага, документ), или как его структурные элементы, т.е. вступают с ним в отношения «часть-целое» (ср.: дача показаний, донос – разговор со следователем); (3) сложное речевое событие – частичный синоним термина гипержанр (2), в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть процесс, развертывание данного события во времени, последовательность его отдельных частей, среди которых многие могут быть определены как речевые жанры (1). В целом вопросы терминологического характера выходят за пределы настоящего исследования, хотя их важность для успешного решения поставленных нами задач несомненна» [Балашова 2007: 22].

Завершая данный раздел, приведем несколько положений из знаковой статьи В.А. Салимовского «Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики?» (2002), с которыми мы вполне солидарны: «<...> объект жанроведения не имеет строгих очертаний, <...> он не ограничен высказыванием (текстом) как таковым, но выходит в область собственно коммуникации, социального речевого взаимодействия говорящих. Неудивительно поэтому, что теория жанров речи разрабатывается в недрах целого ряда направлений современной коммуникативно-функциональной лингвистики и шире – гуманитарного знания: в лингвистической антропологии, социолингвистике, лингвопрагматике, когнитологии, в лингвистике текста, стилистике, риторике, поэтике, в культурологии, этнографии и др.» [Салимовский 2002b: 52], поскольку «<...> идеи Бахтина обладают значительным потенциалом для синтеза различных подходов в жанроведении и шире – в коммуникативной лингвистике. Очень разные, казалось бы, по своим задачам концепции, будучи соотнесенными с широким кругом идей внутренне цельного бахтинского наследия, предстают как вполне совместимые и дополняющие друг друга» [Там же: 55].

Таким образом, понятие речевого жанра, получая несколько разные толкования и выступая в разных своих аспектах, остается одной из наиболее актуальных моделей, используемых в лингвистике для объяснения формальной и содержательной структуры речи.

III. Классификация речевых жанров

3.1. Основания классификации речевых жанров

Проблема классификации РЖ, выделения типов РЖ, наряду с вопросами, что такое речевой жанр, что является и что не является речевым жанром и где границы между речевым жанром и смежными, более или менее генетически близкими явлениями, относится к наиболее важным и актуальным проблемам теории речевых жанров. В то же время классификация речевых жанров – одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений современной ТРЖ.

До сих пор не существует единой общепринятой типологии РЖ – в лучшем случае, это списки РЖ, по возможности подробные. Кроме того, к сожалению, ни одну из предложенных классификаций речевых жанров нельзя признать оптимальной и принять некритично. В то же время опыт типологических исследований в лингвистике речи является в целом достаточно богатым и полезным.

Работы, в которых затрагиваются аспекты речежанровой типологизации, можно разделить на четыре группы.

Во-первых, это типологические идеи самого М.М. Бахтина, который считал проблему классификации речевых жанров одной из важнейших составляющих общей «проблемы речевых жанров». Хотя ученый не разработал четкой классификации речевых жанров, в его наследии находим немало отдельных соображений как о многообразии и «списках» отдельных РЖ, так и о принципах классификации РЖ, пусть начальных.

Во-вторых, это работы последователей Бахтина: с одной стороны, сюда относятся широко известные в настоящее время классификации речевых жанров Н.Д. Арутюновой и Т.В. Шмелевой (эти классификации РЖ являются не только в высокой степени общими, что затрудняет их использование в качестве рабочего инструментария на практике, но и ярко выраженными «дедуктивными классификациями»: типы речевых жанров выделяются в них ДО обращения к конкретному речевому материалу); с другой стороны – работы многих последователей Бахтина, которые, как и он сам, составляют более или менее обширные списки отдельных РЖ, не претендуя на универсализм и общие для всех жанров основания классификации, – М.В. Панова, А. Вежбицкой. В этом отношении важно отметить, что в работах названных исследователей решаются, кроме собственно типологической, еще и национально-культурная и сопоставительная проблемы: подчеркивается, что речь идет о жанрах только внутри данной национально-речевой культуры (для Панова и Вежбицкой соответственно – позднесоветской русской и польской).

М.В. Панов более сорока лет назад составил первоначальный список русских речевых жанров (как фактор, играющий важную роль в развитии советского общества и русского языка XX века): «для изучения “внешних” и внутренних закономерностей в

развитии русского языка нашей эпохи особенно важно историческое описание таких речевых жанров:

I. передовая статья в газете; официальная речь на внешнеполитическую тему; выступление на митинге; прокламация; судебная речь; газетный фельетон;

II. начальные разделы учебника по общеобразовательной дисциплине; газетный отчет о научном совещании;

III. законодательный акт; воинский устав; деловое соглашение;

IV. лирическое стихотворение;

V. бытовой диалог; дружеское письмо» [Панов 1962: 97-98].

А. Вежбицкая [Вежбицка 1997: 103-109] выделяет и описывает на разработанном ею семантическом метаязыке список из 38 польских речевых жанров (жанры приводятся в том порядке, в каком их располагает сама Вежбицкая): *вопрос, просьба, приказ, угроза, предостережение, разрешение, благодарность, поздравление, соболезнование, извинение, комплимент, похвальба, жалоба₁ и жалоба₂, выступление (речь), лекция, популярная лекция (rogadanka), доклад, разговор, дискуссия, спор, ссора, воспоминание, мемуары, автобиография, повестка дня, протокол, объяснение, сообщение, объявление, циркуляр, распоряжение, шутка, анекдот, флирт, тост, донос, свидетельство.*

В-третьих, это исследования, посвященные отдельным типам и, соответственно, группам жанров – «этикетным» (Т.В. Тарасенко, Ю.В. Казачкова), жанрам «положительного» и «отрицательного эмоционального воздействия» (М.Ю. Федосюк), жанрам деловой речи (Т.В. Анисимова), «жанрам естественной письменной речи» (Н.Б. Лебедева), «мягким» и «жестким» жанрам властного дискурса (Е.И. Шейгал, И.С. Черватюк), «жанрам англосаксонского властного дискурса» (А.В. Олянич, Т.Н. Астафурова) и мн.др. В большинстве названных исследований, как правило, осуществляются попытки и «внутренней классификации», т.е. попытки показать, как относятся друг к другу жанры внутри данной группы, какие, соответственно, здесь существуют поджанры, субжанры и т.д.

Но, пожалуй, наибольшее число работ, посвященных данной проблеме теории речевых жанров, находим, как ни странно, не в собственно жанроведческих исследованиях, а в чрезвычайно многочисленных и неоднородных по принятым концепциям и используемым методам исследованиях по дискурсу, посвященных классификациям типов дискурса на разных основаниях.

Конечно, далеко не все исследователи дискурса и его типов пользуются речежанровой терминологией и выделяют «жанры речи» даже в широком значении. Кроме того, само по себе выделение типа дискурса (например, *бытийного персонального* по В.И. Карасику) еще не является залогом того, что после непременно будет найдена рабочая основа для изучения собственно жанров – как вычленения и внутренней классификации, так и для описания отдельных жанров. В то же время не следует и недооценивать опыт такого рода: любая типологическая идея может стать начальным импульсом будущего исследования – в данном случае дальнейшего (жанрового) членения и осмысления соответствующего типа дискурса.

В статье М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров», как и в других его работах, нет ничего похожего на четкую завершенную типологию РЖ: «номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [Бахтин 1996: 182]. Если и приводятся подряд несколько (названий) РЖ, то в основном как иллюстрация того, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» [Там же: 159], поскольку каждая из сфер человеческой деятельности связана с «целым репертуаром» жанров, и как вследствие этого затруднено их изучение.

Бахтиным не разработаны критерии разграничения жанра и его разновидности. Указывается лишь на крайнюю разнородность речевых жанров, из-за которой эта проблема в целом ранее и не ставилась: «Где можно говорить о двух жанрах, а где об одном – достаточно неясно» [Алпатов 2005: 321]. В частности, М.М. Бахтин пишет: «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога <...>, и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений <...>, но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин 1996: 160]. Далее этот список пополняется: Бахтин упоминает различные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейного, общественно-политического, философского и др. [Там же: 165-166], а также РЖ «непубликуемых сфер внутренней речи» [Бахтин 1979: 297]. Отметим также, что в приведенной цитате вся личная переписка признается единым жанром, тогда как в другом месте говорится о «стандартных типах жанров», к которым отнесены «жанры приветствий, прощаний, поздравлений, пожеланий всякого рода, осведомлений о здоровье, о делах и т.п.» [Бахтин 1996: 181-182].

В то же время две, пожалуй, наиболее значительные идеи в области классификации РЖ в целом (особенно если говорить о их огромных объяснительных потенциях, к сожалению, еще далеко не в полной мере раскрытых и востребованных в современной ТРЖ) принадлежат именно М.М. Бахтину.

Так, во-первых, в статье М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров» высказывается идея о **делении речевых жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные)**. Первичные жанры связаны с «непосредственным речевым общением», они относятся к «бытовой жизни». «Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)» [Бахтин 1996: 161]. Вторичные жанры могут «вбирать» в себя первичные (реплики диалога в романе и т. д.),

но там эти первичные жанры утрачивают связь с непосредственной ситуацией общения и выступают как части более сложного высказывания.

В целом идея первичных и вторичных жанров Бахтина получила некоторое развитие у его последователей. Этого, к сожалению, нельзя сказать про второе предложенное Бахтиным основание классификации РЖ, которое по своим объяснительным возможностям, думается, не уступает первому, но осталось почти незамеченным «широкой лингвистической общественностью». (Во всяком случае, даже один из наиболее тонких исследователей речевых жанров идей Бахтина В.М. Алпатов назвал данную идею «скорее относительной, чем абсолютной» [Алпатов 2005: 322]). Возможно, это связано с тем, что данная идея высказывается Бахтиным непосредственно после идеи о первичных и вторичных РЖ, как бы вскользь, и больше Бахтин к ней никогда не возвращался, тогда как проблема вторичных РЖ частично затрагивается в статье «Проблема речевых жанров» и в архивных записях к ней.

Идея, о которой идет речь, – разграничение **стандартизированных жанров** типа **приветствия** и **поздравления**, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более «свободных» жанров [Бахтин 1996: 181-182].

Обе эти идеи, как и их последующее развитие в современной ТРЖ, будут подробно рассмотрены ниже. Пока отметим, что мысль о построении типологии речевых жанров не оставляла М.М. Бахтина на протяжении всей его жизни. В архивных записях к «Проблеме речевых жанров» читаем: «Классификация речевых жанров: 1) диалогические и монологические, 2) первичные и вторичные (специализированные и конструктивные). <...> Несущественность деления на разговорные и книжные жанры» [Бахтин 1996: 235].

Работа в этом направлении развернулась в основном после Бахтина: первые серьезные попытки построить типологию РЖ были предприняты уже не самим Бахтиным, а его последователями [Кожевникова 1979; Brown, Yule 1983; Земская 1988: 42-43; Арутюнова 1992; Шмелева 1997].

Как уже отмечалось, для наиболее раннего периода осмысления РЖ характерно использование основных положений теории речевых актов. Так, при построении классификации РЖ на этом этапе в целом наибольшее распространение получает **иллокутивно-целевой критерий**, принятый в ТРА.

На этом основании Т.В. Шмелева выделяет (это первый пункт ее известной «анкеты речевого жанра») четыре класса РЖ: информативные, оценочные, перформативные (формируют события социальной действительности: *приветствия, поздравления* и т.д.), императивные («содействуют» осуществлению событий с разной степенью императивности: *просьбы, советы* и т.д.) [Шмелева 1992: 12-13].

В пятичленной типологии Н.Д. Арутюновой выделяются: д-1 информативный диалог, д-2 прескриптивный диалог, д-3 обмен мнениями с

целью принятия решения или выяснения истины (*спор, дискуссия*), д-4 диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений, д-5 праздноречевые жанры (эмоциональный, артистический и интеллектуальный диалоги) [Арутюнова 1992: 53-55].

Г. Браун и Г. Гюль выделяют три «вида SECE» (английской литературно-разговорной речи): Phatic 1 (контактоустанавливающие формы), Phatic 2 («светский разговор» и т.д.), Meaningful talk (собственно транзакционное общение, «информативная речь» [Brown, Yule 1983].

Интересно, что с этой точки зрения практически во всех типологиях обращает на себя внимание отчетливое противопоставление **жанров информативной речи** и **жанров фатической речи**. Как представляется, противопоставление двух полярных речевых **замыслов** – «фатики» и «информатики», сформулированное в наиболее четком виде Т.Г. Винокур, успешно могло бы претендовать на роль адекватного основания классификации РЖ.

«**Фатика**» понимается Т.Г. Винокур как вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении – кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами. «**Информатика**» понимается как вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо [Винокур 1993а; 1993б]. В целом, писала Т.Г. Винокур, «<...> термин “фатическая речь” естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри него следующие типологически обособленные звенья: а) конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); б) область речевого этикета в целом; в) бытовые диалоги и бытовое повествование; г) художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые» [Винокур 1993а: 135; Винокур 1993б: 8]. Начальным контактным импульсом обусловлены такие качества всех разновидностей фатической речи, как десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, наличие строго регламентированных и постоянно воспроизводимых клише и формул [Драздаускене 1970: 3-7], деонтическая и эмоциональная модальность [Арутюнова 1992: 55], способность быть регулятором психического состояния людей [Арутюнова 1992: 55; Матвеева 1996: 218].

Именно наличие этого универсального принципа – противопоставления «фатики» и «информатики» – позволяет надеяться на «примирение» разных моделей и построение когда-нибудь единой, общепризнанной и адекватной материалу типологии РЖ.

Важными, востребованными во многих типологиях РЖ, а также при работе с конкретным жанрово типизированным речевым материалом представляются также противопоставление **риторических** и

нериторических, конвенциональных и неконвенциональных жанров. Согласно О.Б. Сиротининой, в случае риторических жанров адресант стремится построить высказывание с его точки зрения наиболее эффективным способом [Сиротинина 1999: 28]. Следует отметить, что данное деление часто понимается как тяготение к «верху» и «низу» коммуникативного пространства. Риторические жанры (*светская беседа, застольные жанры*) главным образом обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации [Седов 2001].

Риторические жанры, делающие коммуникативные действия более воздейственными, придают речи большую организованность, системность (т.е. прямоту), поэтому являются важным фактором в общей природе и назначении жанров речи – служить коммуникативными аттракторами.

Противопоставление конвенциональных и неконвенциональных жанров терминологически восходит к принятому в прагматике противопоставлению конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов, представляющему собой важнейшую типологическую характеристику РА: выделяются **конвенциональные косвенные РА** (*Can you open the door?*) и высказывания, **не имеющие узуально закрепленного за ними значения**, употребляемые лишь в определенных условиях в роли другого речевого акта (*It is late* – как побуждение к действию) [Поспелова 1988: 143-145].

Онтологически же данное противопоставление гораздо важнее: речь идет по сути о типах РЖ по степени жесткости, или двух типах коммуникативных аттракторов (это же по сути касается и противопоставления речевых и риторических жанров), – данный критерий, как мы показали, был предложен в качестве одного из важнейших в типологии РЖ самим М.М. Бахтиным.

Конвенциональные жанры диктуют адресату речи четкую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта. Конвенциональные первичные простые речевые жанры по своей природе близки иллокутивным (речевым) актам. Их можно типологизировать на целевой основе (Дж. Остин, Дж. Серль), например: **вопрос:** *Ну ты была в больнице? Как там Марина?;* **просьба:** *(ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ПЕРЕДАЮТ КОНЦЕРТ, СЛЫШНА МУЗЫКА) Никита, убавь, пожалуйста, это... эту... – Да / муру.*

Неконвенциональные жанры соотносимы не с типическими интенциями, а с бесконечно многообразными интенциональными состояниями адресата и порождают нечеткую интерпретацию. Например, интенциональное состояние – **воздействие:** *(А. ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ) А. Кто как хочет / но время обеденное // – Б. Угу // (А. МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ).* Высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* можно истолковать как предложение пойти пообедать вместе, однако А. не пытается уговорить коллег, и ее удовлетворяет неопределенная ответная реплика Угу.

В целом только в случае конвенциональных косвенных речевых актов можно говорить о «правильном» и «неправильном» понимании.

Большинство реально используемых в разговорной речи косвенных речевых актов не предполагают единственной «правильной» реакции (хотя в реальных диалогах коммуниканты обычно все же находят способы согласовывать свои реплики с репликами собеседника). По мнению М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, «Сигналом правильности понимания служит ответная реакция адресата <...>: А. *У нас ведро полное* // Б. *Щас вынесу* // (просьба в виде сообщения); А. *Так спина болит* // Б. *Бедняга!* (жалоба в виде сообщения); А. *Обед готов!* Б. *Щас иду* // (приглашение в виде сообщения); А. *А позвонить трудно было?* Б. *Извини / не догадался* // (замечание в форме вопроса)» [Китайгородская, Розанова 1999: 39].

Чем в меньшей степени конвенциональным является косвенный РА, тем больше возможностей разнообразных реакций на него. Ср. пример из «Вишневого сада» А. Чехова:

В а р я . В августе будут продавать имение...

А н я . Боже мой...

Л о п а х и н (ЗАГЛЯДЫВАЕТ В ДВЕРЬ И МЫЧИТ). Ме-е-е... (УХОДИТ).

В а р я (СКВОЗЬ СЛЕЗЫ). Вот так бы и дала ему... (ГРОЗИТ КУЛАКОМ).

А н я (ОБНИМАЕТ ВАРЮ, ТИХО). Варя, он сделал предложение? (ВАРЯ ОТРИЦАТЕЛЬНО КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ). Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

В а р я . Я так думаю, ничего у нас не выйдет...

Можно ли интерпретировать «мычание» Лопухина только как коммуникативную неудачу? Нет, нельзя, поскольку адресатом – Варей – из него вычитывается определенный коммуникативный смысл: Лопухин не собирается делать предложение. В то же время «мычание» не означает прямого и определенного отказа, это скорее показатель продолжения отношений, пусть не очень серьезных.

На неконвенциональные РЖ приходится основная часть общего пространства устного спонтанного непосредственного общения, особенно в области фатических РЖ.

Несомненна связь самих принципов противопоставления риторических и нериторических, конвенциональных и неконвенциональных жанров с противопоставлением первичных и вторичных РЖ по М.М. Бахтину. Ср. в этой связи высказывание Ю.М. Лотмана: «в каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением: (1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как “естественное”, единственно возможное, нормальное; (2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение. Первому носители данной культуры учатся, как родному языку, – погружаясь в непосредственное употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой. <...> Второму типу поведения учатся как иностранному языку, – по правилам и

грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя “тексты поведения”» [Лотман 1992: 249].

Главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию РЖ, – поиск адекватного основания классификации. Каждому из использовавшихся оснований присущи определенные недостатки. С помощью иллокутивно-перформативного критерия, наиболее распространенного в прагмалингвистике, с одной стороны, трудно противопоставить жанры, непосредственная иллокутивная цель которых может совпадать, например, *просьбу* и *ходатайство* (как указывает Н.В. Орлова, данные жанры различаются, прежде всего, стилистически; стилистический критерий позволяет различать и жанры, для названия которых используется одно и то же слово, например, *признание в суде* и *признание в любви* [Орлова 1997: 51-52]). С другой стороны, трудно свести воедино а) жанры с очень специфическими целями, например, *флирт*, *розыгрыш*, б) различные «пустые» разговоры, коммуникативная цель которых подчас весьма неопределенна. Методика компонентного анализа удобна, когда один РЖ противопоставлен другому по одному дифференцирующему признаку (в реальной речи РЖ противопоставлены обычно целым комплексом признаков, например, *флирт – дружеской беседе*).

3.2. Противопоставление «первичных» и «вторичных» жанров

3.2.1. Разные определения жанровой вторичности

Напомним концепцию М.М. Бахтина, изложенную в ставшей классической статье «Проблема речевых жанров», а также в других его работах:

«Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [Бахтин 1996: 161-162].

М.М. Бахтин подчеркивает, что деление речевых жанров на первичные и вторичные «существенно» и в то же время «не функционально» [Бахтин 1996: 161]. «Бихевиористическая» (дескриптивистская) лингвистика, по

мнению исследователя, есть крайний случай «ориентации на первичные жанры» [Там же: 162].

В книге о Франсуа Рабле М.М. Бахтин писал об «амбивалентных» жанрах *проклятия / похвалы, оскорблений, божбы*, имевших важное сакральное значение в средневековой карнавальной речи (они выступали «своего рода формулами откровенной правды» [Бахтин 1990: 35]) и утративших его в современной речи: «<...> от этого амбивалентного возрождающего смысла в современных ругательствах почти ничего не осталось, кроме голого отрицания, чистого цинизма и оскорбления. <Хотя в них> как бы дремлет смутная память о былых карнавальных вольностях и карнавальной правде» [Там же].

Достаточно близко вторичным РЖ явление переакцентуации, о которой М.М. Бахтин писал в статье «Проблема речевых жанров»: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [Бахтин 1996: 192]. По-видимому, переакцентуация не сводится к неким первоначальным колебаниям, обозначающим в истории языка начало пути от первичных жанров к вторичным. Упоминание Бахтиным «жанра шутливой эпитафии» позволяет говорить как о несобственном употреблении существующего жанра, так и о создании нового жанра.

Нетрудно заметить, что к вторичным РЖ близко такое понятие, детально рассмотренное в статье М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров», а также в более ранних работах Бахтина (Бахтина-Волошинова), как явление передачи чужой речи (несобственно-прямая речь и косвенная речь). Сама сущность явления вторичного РЖ по Бахтину заключается в «условном разыгрывании речевого общения и первичных речевых жанров» [Там же: 174].

М.М. Бахтин пишет по этому поводу: «отношения между воспроизведенными первичными жанрами, хотя они и оказываются в пределах одного высказывания, не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от отношений между словами и предложениями» [Бахтин 1996: 174]. Однако в книге В.Н. Волошинова / М.М. Бахтина «Марксизм и философия языка» [Волошинов 1993: 125-174] речь идет именно о грамматикализации в языке отношений типа «Я ~ «НЕ-МОЯ» речь», то есть диалогических отношений («истинным предметом исследования должно быть именно динамическое взаимоотношение этих двух величин – передаваемой («чужой») и передающей («авторской») речи. Ведь реально они существуют, живут и формируются только в этом взаимодействии, а не сами по себе в своей отдельности» [Волошинов 1993: 129]). Ср. богатый фактический материал и интереснейшие наблюдения исследователя над языковыми средствами, используемыми для данной цели в русском, немецком и французском языках. Так, по мнению исследователя / исследователей, «синтаксические шаблоны передачи чужой речи в русском языке <...> чрезвычайно слабо развиты» – между двумя шаблонами: *прямая речь* и *косвенная речь* «нет резких различий», в то время как «во многих других языках косвенная речь синтаксически резко отличается от прямой (специальное употребление времен, наклонений, союзов, личных слов), так что в них существует специальный и очень сложный шаблон косвенной передачи речи» [Волошинов 1993: 136].

При передаче чужой речи «и целые высказывания и отдельные слова могут сохранять свою чужую экспрессию, но могут и переакцентуироваться (иронически, возмущенно, благоговейно и т.п.), чужие высказывания можно пересказывать с различной степенью их переосмысления» [Бахтин 1996: 196]. Таким образом, передача чужой речи при помощи формул косвенной речи требует от адресанта множественной интерпретации, в отличие от прямой речи, просто воспроизводящей чужую речь (*Павел сказал: «Завтра приеду»* – тут адресанту нечего «додумывать»). Тем самым, кстати, косвенная речь относится к обширному полю не прямой коммуникации, где находятся и косвенные речевые акты, и косвенные речевые жанры, и вторичные речевые жанры, как будет показано ниже. «Диадная» сущность косвенной речи, как и других явлений не прямой коммуникации, состоит в некоторой принципиальной разнородности, «разнопринадлежности» структурных составляющих. Так, «прямой» можно считать синтаксическую конструкцию, в пределах которой существуют отношения типа: а) «Я ~ «МОЯ» речь»; б) «Окружающий мир ~ место в нем некоторого объекта («ОН»)). Соответствующие трансформированные, косвенные модели оформляют отношения: а) «Я ~ чужая речь»; б) «Окружающий мир ~ объект, который является «МОЕЙ» речью».

Концепция вторичных РЖ М.М. Бахтина, как и концепция РЖ в целом, не может претендовать на звание завершенной, непротиворечивой теории. Попытаемся сформулировать ряд проблемных вопросов данной предметной области, которые, как нам представляется, в первую очередь требуют своего решения.

Прежде всего, таким проблемным вопросом является проблема **типизации и типологизации**: Бахтин почти ничего не говорит о возможности типологизации «переакцентуации» и классификации вторичных РЖ. (Очевидно, например, что *реплика в романе*, переосмысленная как вторичный РЖ, и отношения между *просьбой* и *молитвой* представляют собой разные типы переакцентуации).

Остальные проблемы в значительной степени обусловлены первой. Сформулированные М.М. Бахтиным принципы разграничения первичных и вторичных речевых жанров не позволяют определить, какого рода **связь** сохраняется у вторичного жанра с первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов, как своеобразная «память жанра»; остается неясным вопрос о ситуативной обусловленности перехода из первичных речевых жанров во вторичные). Возможно, характер данной связи и следует считать тем критерием, который позволяет ограничивать «переакцентуацию» от собственно вторичных РЖ.

Несмотря на то, что все эти вопросы в целом еще далеки от своего решения, проблема первичных и вторичных речевых жанров уже получила некоторое рассмотрение в жанроведении, причем решается она в трех разных направлениях.

1. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного [Байрамуков 2002; Бобырева 2007а; 2007б; Ионова 2006; Кобзеева 2006; Прибыткова 2004; Татарникова 2004; Ширинкина 2001]. Вторичный РЖ

отличает от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка. Так, согласно Н.В. Орловой, одним и тем же речевым словом обозначаются *признание в суде* и *признание в любви*; *исповедь в церкви*, *исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как жанр публицистики (ср. «Исповедь на заданную тему» Б.Н. Ельцина). В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Ср. *бытовую угрозу* и *ультиматум*, *просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами *порицать* и *ругать*. «Очевидно, – пишет Н.В. Орлова, – что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного <в РР> и вторичного <в книжных стилях> жанров М.М. Бахтина» [Орлова 1997: 51-52]. В отношениях первичных ~ вторичных речевых жанров состоят, например, *молитва* и *просьба*; *шутка*, бытующая в разговорном общении, и книжные *бурлеска* и *велеризм* (см. [Щурина 1999]); экзаменационный и риторический вопросы – и *информативный диалог* (make-know discourse); *обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины* (make-believe discourse) – и «Диалог» Платона [Арутюнова 1992: 52-53]. В работе [Андреева 2008] доказывается генетическая производность *опровержения* в институциональном дискурсе от *возражения* в обиходном дискурсе. Вл. Барнет усматривает «отношения производности» между письменными и соответствующими устными жанрами научной речи (например, жанр устного реферата можно рассматривать как производный от жанра письменного реферата): «Со значительными ограничениями такое утверждение действительно применимо к отношению “раздел монографии – лекция”, “рецензия – дискуссионное выступление” и вызывает сомнение в отношении пары “инструкция – консультация”, отношение которых является в значительной степени свободным» [Барнет 1985: 129].

Аналогично понимает вторичные РЖ Т. Добжиньска, при этом она считает, что само бахтинское противопоставление «первичные – вторичные РЖ» имеет два разных значения. В первом первичные жанры понимаются как «разговорная» основа вторичных. (Данный факт, кстати, позволяет литературоведению, изучающему, как известно, вторичные речевые жанры, воспользоваться достижениями лингвистики текста, прежде всего в области прагматики: единство «Я-ТЫ», общность апперцепционной базы коммуникантов, тема-рематическое структурирование текста). Ср. перенесение в поэзию жанровых структур сакрального языка (молитвы, мольбы, гимны в польской поэзии времен I и II мировых войн); литературные адаптации публицистических жанров (репортажи, хроники происшествий, реклама в поэзии футуризма). Второе значение «вторичных речевых жанров» и есть бахтинская «переакцентуация». Например, псалмы, опирающиеся на мотив «преследования невинного», первоначально были связаны с практикой «божьего суда» (обвиняемый ждал приговора, а перед этим жаловался на преследователей и просил снять с себя вину). Формы мольбы этого типа утратили свое архаичное институциональное назначение и изменили жизненный контекст: они стали формой *молитвы-мольбы* [Dobrzyńska 1992: 78-80].

Несомненно, в названных концепциях содержится много ценного. Думается, можно считать доказанным, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ.

В то же время нам представляется, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Есть все основания полагать, что наши предки в дописьменный период не различали РЖ *спор* и *ссора* (по данным диалектологов, это свойственно и современным носителям диалекта [Гольдин 1997b]). Впрочем, за это время *спор* настолько отошел от *ссоры*, что уже не воспринимается как вторичный РЖ. Вполне возможно, что подобные отношения связывают *брань* и *рукоприкладство*, *комплимент* и *поцелуй*, *извинение* и *объяснение*, *поздравление* и *зов*. Связь *молитвы* с *благодарностью* или *просьбой* уже гораздо более очевидна, тем более – *дипломатической ноты* с *угрозой*, *дружеской лирики* (например, А.С. Пушкина) с *дружеской беседой*.

По нашему мнению, решение проблемы вторичных РЖ имеет большое объяснительное значение для более общих вопросов лингвистики / филологии – истории языка, отношения языка и речи / коммуникации, отношения речи художественной и нехудожественной.

По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог*, *форум*, *чат*), если сравнить их с *перепиской*, *дневником*, *обменом записочками*, наконец, *дружеской беседой*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает (иногда – довольно много), порождает один или целую серию запретов.

Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи.

Много информации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные.

Так, многие современные жанры вполне определенно возводятся к языческим мифологическим представлениям, ритуалам, обрядам, культам (ср. о сакральных функциях инвектив в древности [Жельвис 1997а; Успенский 1996] или о дионисических празднествах и соревнованиях, давших, по мнению О.М. Фрейденберг, начало современным играм, в частности сексуальным [Фрейденберг 1997: 103-117]). Названия многих речевых действий также вполне определенно отсылают к деяниям и взглядам древних, нам совершенно чуждым, например: *перемывать косточки* (первоначально – перекладывать и очищать останки умершего родственника

в саване, что сопровождалось рассказами и воспоминаниями о нем), *сказать подлинную правду* (под кнутом палача – *подлинником*), *нести ерунду* (от *герундий* (лат.), т.е. что-то малопонятное), *на бобах разводить* и *разводить бодягу* (*бодяга* – губка), *точить лясы* (столбики для перил; у мастеров эта монотонная работа обычно сопровождалась разговорами), *врет как сивый мерин* (сивая лошадь считалась глухой / порочной у славян).

2. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Как уже говорилось, многие современные исследователи видят в РЖ тип не высказывания, а текста, рассматривают текстовую структуру разных жанров и выделяют, в зависимости от степени сложности этой структуры, типы жанров: например, М.Ю. Федосюк выделяет «элементарные» и «комплексные» жанры [Федосюк 1997а: 104], А.Г. Баранов [Баранов 1997: 8] и Ст. Гайда – «простые» и «сложные».

В этой связи ср. схему, которую М.Н. Кожина предлагает по вопросу о соотношении РЖ и РА: РА и первичный РЖ (как элементарные речевые единицы при первом шаге, ступени анализа речи) → вторичный РЖ (как сложный РЖ, исследуемый на следующей ступени анализа речевого континуума и проблемы речевых жанров) [Кожина 1999а: 59]. Эта схема приводит исследовательницу к выводу, что положение о том, что РЖ есть отечественный аналог РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ, но не вторичных.

Это направление относительно хорошо разработано, однако в целом проблема структуры РЖ еще далеко не решена. Именно «композиция РЖ» (согласно Бахтину, – «определенные типы построения целого, типы его завершения, типы отношения говорящего к другим участникам речевого общения» [Бахтин 1996: 179]) традиционно считалась важнейшим аспектом высказывания. Данное направление жанроведения активно использует достижения лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

Понятие вторичного РЖ в таком значении дает исследователю хорошую теоретическую основу для изучения структуры РЖ и структуры текста, речи в целом.

3. Третье направление относится ко второму примерно так же, как в лингвистике текста модели «вертикального» типа, обеспечивающие цельность текста, относятся к «горизонтальным» моделям, обеспечивающим, главным образом, связность речевых произведений.

Данное направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Так, А. Вежбицка говорит о «речевом жанре», «речевом акте», «иллокутивном компоненте» [Вежбицка 1997: 109].

А.Г. Баранов предлагает иерархию из пяти моделей: «текстотип», «суб-тип», «жанр», «когнио-тип», «текст» [Баранов 1997]. К.Ф. Седов опирается на иерархию из трех сущностей («гипержанр», «жанр», «суб-жанр») [Седов 1998].

Мы полагаем, что данные три понимания первичных и вторичных речевых жанров связаны с тремя типами вторичных РЖ, а также – шире – тремя типами непрямой коммуникации, косвенности.

В основе феномена косвенности, повторяем, всегда лежит некоторое противоречие: косвенность – это формальное и содержательное соединение двух разных языковых единиц (в то же время они не противопоставлены абсолютно, ибо в этом случае соединение было бы невозможно). С утратой данного противопоставления языковая единица перестает восприниматься как косвенная.

Первый тип косвенности основывается на противоречии между первоначальным значением и значением конечным, современным, сложившимся в результате некоторого исторического процесса переосмысления. Память о первоначальном значении здесь относительно слаба, но само это противоречие наиболее очевидно. Примерами такой косвенности могут послужить слово в метафорическом употреблении или вежливая косвенная просьба. Само существование памяти о первоначальном значении высказывания здесь несомненно: метафора (метонимия), косвенная просьба и т.п. опираются на четкое представление о вторичности, подчиненности переносного / косвенного содержания высказывания узувальному современному содержанию – в противном случае это уже концептуализованные, конвенционализированные языком п р я м ы е единицы: стертая метафора типа *нос лодки* либо конвенциональные вопросы-просьбы типа *У вас закурить не найдется?*, использование которых в качестве вопросов, а не просьб в современном языке невозможно. Применительно к речевым жанрам главная линия данного переосмысления – смена сферы межличностного, непосредственного контакта на сферу контакта социального опосредованного.

Второй тип косвенности основывается на противоречии между частью и целым. Данное противоречие менее значительно, чем в первом случае (обязательное условие, позволяющее некоторой языковой единице осмысливаться как структурный элемент чего-то большего, – существование между ними отношений сходства или смежности), но все же не исключена и очень значительная нейтрализация и переакцентуация языковых единиц под воздействием конситуации (например, в иронических высказываниях).

Это противоречие контекстное: контекст обуславливает осмысление языковой единицы не как «самой по себе», а как структурного элемента целого, относящегося к действительности только через это целое. Широко рассмотренные в работах по лингвистике текста механизмы текстовой когерентности, в частности коммуникативный динамизм, основываются на

подобной семантической трансформации – замене языкового, абстрактного, ситуативно независимого значения элемента текста смыслом (коммуникативной темы / ремы).

Косвенность – предельная (или зачаточная) форма стиля. Отношение между языковой единицей, выражающей некоторое значение прямо и тем самым являющейся стилистически нейтральной, и языковой единицей, выражающей это же значение косвенно, – отношение стилистической маркированности (по вежливости, грубости, торжественности, фамильярности, интимности, иронии и т.д.). Говоря «стиль», мы имеем в виду прежде всего стиль функциональный: выбор единицы из пары (или некоторой шкалы, соотносимой со «степенью косвенности») диктуется соображениями «косвенной ситуации». Впрочем, едва ли здесь полное соответствие: как уже было сказано, если ситуация слишком жестко детерминирует выбор данной формы (косвенной), высказывание трудно или нельзя считать косвенным.

«Стиль РЖ» М.М. Бахтина – «действующая» (вызывающая ответ) экспрессия, точнее, ее типичные формы. И косвенный речевой жанр, и косвенный речевой акт – именно такие формы.

Итак, вторичные РЖ, будучи результатом переакцентуации первичных жанров, тем самым косвенны. При этом, если непрякая коммуникация представляет собой использование средств, не свойственных для данного жанра, возможны два случая: а) жанр «остается самим собой», только осуществляется непрямыми средствами; б) это новый жанр, который является косвенным по отношению к исходному жанру. В последнем случае имеет место переакцентуация жанра при смене сферы употребления / стиля. Данную группу составляют вторичные речевые жанры.

Однако точно определить отношения между вторичными РЖ и непрякой коммуникацией очень сложно. Всегда ли новая сфера порождает непрякую коммуникацию? Очевидно, что не всегда. Например, экзаменационный вопрос не является непрякой коммуникацией, хотя экзаменационный вопрос и «просто» вопрос состоят в отношениях «вторичный РЖ ~ первичный РЖ». По-видимому, непрякой характер имеют те фатические речевые жанры, фатическая сущность которых проявляется в стремлении не к межличностному (непосредственному), а социальному контакту (например, *салонная беседа* – вторичный жанр по отношению к *болтовне*; *дипломатическая нота* восходит к *угрозе*; *бурлеска*, *велеризм* – к *шутке*).

Вторичные РЖ оказываются необходимым объясняющим инструментом при обращении к **истории** языка, истории речи и коммуникативной культуры.

История РЖ (и история языка), несомненно, относятся к актуальным проблемам теории речевых жанров. Само по себе исследование эволюции жанра является исследованием по истории языка: можно проследить во времени и конвенционализацию различных жанровых форм, и – тем самым –

становление явлений, концептуализированных лексикой и грамматикой языка из первоначальных синкретических коммуникативных смыслов. Ср. у М.М. Бахтина: «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка. Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [Бахтин 1996: 165].

Исторически речевая системность всегда предшествует языковой, т. е. язык в целом идет ЗА жанрами (ср. положение Соссюра о том, что исторически речь всегда предшествует языку [Соссюр 1977: 57]). Изменения появляются и закрепляются вначале как речевые / жанровые правила. Затем конвенционализированные узувальные формы могут перейти в языковую норму. Так, конвенциональные косвенные просьбы – это уже «почти язык»: «Прагматические значения, которые получают языковые элементы речи, имеют тенденцию к закреплению, поскольку людям свойственно в своей речевой мыслительной деятельности использование динамического стереотипа. Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме. Это значение может быть переносным с семантической точки зрения, но прямым, не косвенным – с прагматической, так как его использование определяется уже не только конкретными условиями данного акта речи» [Гак 1998: 565].

Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т.В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ» [Шмелева 1997], в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю.М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю.М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [Лотман 1992: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

Обнаружив сущностную связь между вторичными речевыми жанрами и переакцентуацией / косвенностью (связь проявляется в диалектическом единстве в семантике жанра противоположных сущностей, таких как первоначальное значение – конечное (современное) значение, часть – целое), мы вплотную подошли к проблеме структуры и функционирования речежанровых (формальных и семантических) диад.

3.2.2. Диады

Как уже говорилось, косвенность всегда основывается на диаде. В зависимости от того, какие языковые единицы выступают в качестве членов диады (в качестве членов диады означающего и означаемого могут выступать не только языковые единицы – в этой роли часто выступают интенциональные состояния (Intentional states) [Серль 1987: 96], которые совершенно неправильно было бы сводить к типам языковых единиц, например, синтаксическим типам – см. ниже), выделяются следующие диады (типы НК): **вопрос ~ просьба** (*Не могли бы вы открыть окно?*); **вопрос₁ ~ вопрос₂** (*Часов нет?*); **вопрос ~ комплимент** (*Тебе никто не говорил, что у тебя красивая улыбка?*); **вопрос ~ оскорбление** (*Зачем ты купила это безвкусное платье?*); **сообщение ~ просьба** (*Мне не дотянуться до форточки, а ее стóбит закрыть*); **сообщение ~ вопрос** (*Извините, но я забыл, как Вас зовут*); **сообщение ~ упрек** (*Ты как всегда забыл, что у твоего сына день рождения* – пример К.Ф. Седова); **сообщение ~ угроза** (*Если ты еще раз опоздаешь на урок, я сообщу о твоём поведении родителям*); **сообщение ~ комплимент** (*Удивительно, но зеленоглазость является отличительным признаком только у женщин* – пример О.С. Иссерс); **сообщение ~ оскорбление** (*Телесериалы смотрят одни идиоты*); **просьба ~ вопрос** (*Скажите, пожалуйста, который час*) и др.; **комплимент ~ оскорбление** (*ирония*) и **оскорбление ~ комплимент** (*флирт*); **вербальные средства коммуникации ~ невербальные средства коммуникации** (рассогласование между вербальным и невербальным каналами передачи информации в инконсистентных высказываниях вызвано не столько возможностью передачи одной и той же информации по разным каналам связи, сколько функциональной специализацией вербальных и невербальных средств: речь используется в большей мере для передачи информации, а за невербальным каналом закреплена функция регулирования межличностных отношений участников общения); **косвенный адресат ~ прямой адресат** (в автобусе реплика *Мама, иди сюда, здесь место освободилось!* адресуется не только матери, но и стоящим рядом пассажирам, которые иначе могли бы занять свободное место); **реальное воздействие ~ демонстрируемое воздействие** или (чаще) демонстрация отсутствия стремления воздействовать (*манипулирование*); **высокий стиль ~ низкий стиль** (торжественно или официально муж говорит с женой об обеде); **прямое значение слова ~ переносное значение слова** (наиболее очевидное и широко изученное проявление не прямой коммуникации – прежде всего как *метафора, образ, троп*); **первичные речевые жанры ~ вторичные речевые жанры**; «**прагматичность**» ~ «**информативность**» и т. д.

Различия перечисленных диад очевидны. В целом, прежде чем принять саму идею диад в качестве рабочей основы дальнейшего исследования (тем более – принять некритично этот список), необходимо дать ответ на целый ряд серьезных вопросов, и прежде всего – единицы какого рода выступают в качестве членов диад? Далеко не всегда члены диад представляют собой

реально существующие языковые единицы, занимающие свое место в лексической или грамматической системе языка. Конечно, такие единицы внутри многообразного общего поля диад тоже встречаются, например, синтаксические диады, составляющие наиболее полно рассмотренный участок поля косвенности, особенно *косвенные директивы* – см. ставшие классическими работы Дж. Серля и его последователей: **вопрос ~ просьба** (*Не могли бы вы открыть окно?*); **вопрос₁ ~ вопрос₂** (*Не скажете, который час?*) и др.

Кроме того, можно выделить группу диад (их большинство), основа которых – оппозиция «Адресант ~ Адресат». Именно Адресат дает оценку услышанному как «поступку» (хотя, заметим, Адресант мог совершить, а мог и не совершить, со своей точки зрения, этого поступка). Конкретный диадный механизм данной разновидности косвенности может быть охарактеризован как контекстный (тема-рематический). Особняком здесь стоит диада «прагматичность» ~ «информативность». Механизм косвенности здесь имеет полевой характер. Наконец, выделяется группа диад со сложной, многоуровневой структурной организацией. «Вторые» члены данных диад сами по себе являются разновидностями не прямой коммуникации (диады «прямое ~ переносное значение слова», «прямой адресат ~ косвенный адресат», «первичные речевые жанры ~ вторичные речевые жанры»). Косвенность, лежащая в основе «вторых» членов гетерогенных диад, обусловлена контекстом, при этом контекстом правым (одна не прямая коммуникация после другой).

Объяснить диадный характер не прямой коммуникации, а также механизм диад такого рода поможет наглядный пример.

Can you open the window? ‘Вы можете открыть окно?’

Относим данное высказывание к не прямой коммуникации на том основании, что вопросительная языковая форма используется в речевом акте, осуществляющем воздействие на адресата (тип императивных иллокутивных актов). В языке осуществление побуждения (интенциональное состояние, которое можно определить как потребность в том, чтобы собеседник что-то сделал) более или менее конвенционально закреплено за формами повелительного наклонения, а также (иногда) инфинитива (*Встать! Открыть окно!*), перформатива (*Прошу Вас открыть окно*) и т. п. Вопросительная форма, использованная в данном примере, закреплена в языке за осуществлением вопроса (интенциональное состояние, которое можно определить как потребность в получении информации). Таким образом, сам акт коммуникации имеет сложный, многоступенчатый характер: он осложнен по сравнению с соответствующей прямой коммуникацией (формами *Откройте окно, Прошу Вас открыть окно* и др.) на один интерпретативный шаг, который должен сделать адресат, чтобы понять интенциональное состояние говорящего.

Семиотическая модель, использованная в данном случае НК, представляет собой диаду «вопрос ~ просьба». Поскольку одна конструкция используется вместо другой, пример как будто бы хорошо поддается объяснению в лингвистической терминологии. «Простота» эта, однако, кажущаяся. Так, правый член диады «просьба» (план означаемого) – это интенциональное состояние говорящего, понятое как такое слушающим. Можно сказать, что план означаемого диады равен результирующему смыслу, который строит слушающий. Поэтому правый член диады должен включать как интенции говорящего (дополнительными интенциями обусловлен выбор данной не прямой формы), так и «программу» своей интерпретации слушающим в данных обстоятельствах. «Просьба» не является грамматической сущностью – это единица интенциональная, лежащая в области потребностей, мотивов, намерений, у которых вообще нет никакой грамматической формы, поэтому они и могут быть оформлены по-разному.

Является ли «планом означаемого» (синтаксическим типом) левый член диады? По-видимому, нет. Положительный ответ означал бы наличие языкового означаемого у данного типа не прямой коммуникации, что очевидно невозможно. Диада, включающая левый и правый члены из таких разных плоскостей, как языковая система и коммуникация, была бы чересчур гетерогенной и вряд ли жизнеспособной. В действительности левый член диады – тоже интенциональное состояние, а именно: то интенциональное состояние говорящего, выражение которого должно было бы быть закреплено за формой высказывания «вопрос». Иначе говоря, левый член диады – это тот инструмент, при помощи которого дает о себе знать, «открывается» результирующее интенциональное состояние – правый член.

Оба члена диады представляют интенциональные состояния, и им в равной степени присущи не жесткий детерминизм, отсутствие жесткого целеполагания, высокая условность, то есть отсутствие строгой заданности в выборе формы высказывания, возможность множественной интерпретации.

При рассмотрении диадного характера не прямой коммуникации, повторяем, наиболее актуальными являются вопросы о членах диад и их взаимных отношениях. Не менее сложный вопрос – сколько всего диад? «Что с чем» объединяется отношениями оппозиции? Произволен ли выбор (например, возможно ли сочетание «комплимент ~ приказ», «фатика ~ совет»)?

Согласно В.И. Карасику, рассогласование между интенционалом и буквальным значением «может варьировать в определенных пределах: приказ может быть выражен в виде просьбы, совета, вопроса или констатации, но мало вероятен в виде комплимента» [Карасик 1992: 122]. Данное утверждение нуждается в основательном обсуждении. Представим ситуацию, когда офицер видит спящего дневального и говорит что-нибудь вроде: *Вы замечательный дневальный, Петров!* Данная реплика скорее всего произведет эффект приказа 'немедленно встаньте и несите службу как

полагается': бедный солдат вытянется по струнке и скажет *Виноват!* (а то и *Есть!*). В целом для косвенных речевых актов на первое место выдвигается проблема их интерпретации адресатом и наблюдателями, основывающейся на ряде пресуппозиций, постулатов и презумпций. Так, уставом не предусмотрены комплименты, но предусмотрено объявление благодарности. Если офицер, чтобы разбудить спящего, гаркнет *Благодарю за службу!*, то какой будет ответ?

Широко распространены диады, состоящие из антонимических членов. Например, фраза: *Ну, удружил! Теперь я навек у тебя в долгу!* в русской речи может означать обличение и обещание отомстить; *Ах, противный! Опять напроказил!* – восхищение матери ловкостью и живостью своего ребенка; речение *О пачкотне моей не судите строго!* отнюдь не свидетельствует о смирении говорящего, – он, весьма вероятно, жаждет похвал. Теоретическое обоснование существования таких диад Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров усматривают в «общей закономерности: *les extrêmes se touchent*. Понятия, взгляды, свойства, исключаящие друг друга, тем не менее совмещаются. Наблюдение восходит к античности; уже у Аристотеля читается: «Средина более противопоставлена концам, чем они друг другу, поскольку она не встречается ни с одним из них, тогда как они часто соприкасаются» [Верещагин, Костомаров 2000: 41-42]. Ср. в связи с этим противопоставление А.Г. Пospelовой однородных и разнородных косвенных речевых актов. К однородным РА относятся такие, «которые объединяют форму и прагматическое содержание двух подклассов одного и того же РА, например, двух видов вопросов (верификативного и идентифицирующего): *Have you seen Mary? – She is in the Kitchen*». К разнородным относятся все остальные случаи объединения формы и прагматического содержания двух разных видов РА, например, вопроса и просьбы. Сюда же относятся составные высказывания с формальным включением речевого акта одного типа в речевой акт другого типа, например, *May I thank you for...? I must apologize for...* [Пospelова 1988: 150].

Наиболее очевидные случаи НК связаны с обретением высказыванием противоположного смысла. Чаще всего это достигается посредством чрезмерной интенсификации какого-либо признака: как часто отмечается в исследованиях по иронии [Варзонин 1994; Ермакова О.П. 1996], именно в иронических высказываниях гипертрофированная похвала обычно воспринимается как ироническое осуждение, утверждение – как отрицание, и т. д. В этом состоит главное отличие иронических высказываний от косвенных речевых актов: если в последних сохраняется буквальная иллокуция, то в иронических высказываниях она элиминируется. Думается, однако, что буквальная иллокуция элиминируется не до конца, так как принятие данного предположения означало бы, что для иронии форма вообще незначима, что вряд ли соответствует действительности.

Бывают и противоположные случаи, когда механизм *les extrêmes se touchent* приводит к положительному восприятию внешне преувеличенно инвективной речи. Ср. известный эпизод из «Трех товарищей» Э. Ремарка:

...Es war schon dunkel, als ich Patrice Hollmann nach Hause brachte. Langsam ging ich zurück. Ich fühlte mich plötzlich allein und leer. <...> Hergott! Ich drehte mich um. Dabei stieß ich mit einem dicken, kleinen Mann zusammen. «Na», sagte ich wütend. «Sperrn Sie doch Ihre Augen auf, Sie bockender Strohwisch!» – bellte der Dicke. Ich starrte ihn an. «Wohl noch nicht oft Menschen gesehen, was?» – kläffte er weiter. Er kam mir gerade recht. «Menschen wohl, – sagte ich, – aber noch keine Bierfässer, die spazieren gehen». Der Dicke besann sich keine Sekunde. Er stoppte und schwoll. «Wissen Sie was? – fauchte er. – Gehen Sie in den Zoo! Träumerische Känguruhs haben auf der Straße nichts zu suchen». Ich merkte, daß ich einen Schimpfer hoher Klasse vor mir hatte. Es gallt, trotz aller Depression, die Ehre zu wahren. «Wandere weiter, geisteskrankes Siebenmonatskind», – sagte ich und hob segnend die Hand. Er beachtete meine Aufforderung nicht. «Laß dir Beton ins Gehirn spritzen, runzlicher Hundsaffe!» – bellte er. Ich gab ihm einen dekadenten Plattfuß zurück. Er mir einen Kakadu in der Mauser; ich ihm einen arbeitslosen Leichenwäscher. Darauf bezeichnete er mich, schon mit Respekt, als Krebskranken Kuhkopf; ich ihn, um ein Ende zu machen, als wandelnden Beefsteakfriedhof. Sein Gesicht verklärte sich plötzlich. «Beefsteakfriedhof ist gut! – sagte er. – Kannte ich noch nicht. Kommt in mein Repertoire! Alsdann» – Er lüftete den Hut, und wir trennten uns voll Achtung voneinander.

...Было уже довольно темно, когда я отвел Патрицию Хольман домой. Медленно возвращался я назад. На душе у меня стало вдруг одиноко и пусто. <...> Черт побери! Я круто развернулся, потому что налетел на какого-то толстенького человечка. «Эй! – прорычал толстяк, кипя от бешенства. – Протри глаза, ты, неуклюжий пук соломенный!» Я не отвел глаза. «Ты что, не привык людей встречать, а?» – продолжал он гавкать. Он попался мне как нельзя более кстати. «Людей я встречал, – ответил я, – но не видал, чтобы по улице ходили пивные бочки». Толстяк ни минуты не помедлил с ответом. Он застыл, раздулся и прошипел: «Знаешь что? Иди-ка ты в зоопарк! Нечего сонным кенгуру на улице делать!» Я сообразил, что имею дело с ругателем высокого класса. Ну что ж, несмотря на мое угнетенное состояние, нельзя было ронять свое достоинство. «Ступай своей дорогой, ты, душевнобольной семимесячный недоносок!» – сказал я и поднял руку в благословляющем жесте. Он пропустил мой совет мимо ушей. «Пусть тебе в башку хоть бетон жидкий зальют, собачья ты обезьяна круглая!» – пролаял он. Я запустил в него плоскостопым декадентом. Он в меня – линючим какаду. Я его двинул безработным мойщиком трупов. На это он уже с некоторым уважением обозначил меня как коровью голову, пораженную раковой опухолью. Тогда я, чтобы уж на том и закончить, назвал его бродячим кладбищем бифштексов. И тут лицо его вдруг просияло. «Бродячее кладбище бифштексов – это здорово, – сказал он. – Я такого еще не слышал. Включу в свой репертуар. Ну, а пока...» – Он приподнял шляпу, и мы расстались, преисполненные взаимного уважения (Перевод В. Жельвиса).

Как видим, многочисленные инвективы вообще перестают восприниматься в первоначальном – оскорбительном – значении. Для говорящих гораздо важнее эстетические качества речи.

Показателен в этом отношении и пример, который приводит В.Е. Гольдин, говоря о этикете древнерусских писцов: «У древнерусских писцов была традиционная форма записи, в которой они сообщали читателям название переписываемой книги, имя заказчика, если он был, указывали, когда и где проходила работа, сколько она заняла времени, какие были помехи. Как правило, переписчик просил прощения за возможные ошибки. Называя себя, он часто избирал в соответствии с этикетом уменьшительную форму имени и прилагал к нему уничижительные определения. Но вот Парфений Злобин, переписавший «Пролог» в 1550 г., явно переусердствовал:

...Все с(вя)тыяя угодникя х(ри)с(то)вы...я сподобиля естєя написатя сияю книгуя гл(аголе)мүюя Прологя многогрѣшноюя рүкоюя малоумнагоя неч(е)ст(ив)агоя безумнагоя неразумнагоя неистовнагоя злонаравнагоя злокознагоя злобразнагоя злопоминагоя злодѣвагоялюбодѣвагоязлоключимагояжсѣжденагояпадшагояславагояжылагояжѣнивагоя нетерпѣливагоя сонливагоя ропотливагоя гнѣвливагоя напраснагоя помраченагоя отемненагоя шканнагоя ожесточелнагоя нечювьственагоя непотребнагоя вредоумнагоя сүемнагоя сүетнагоя сүровагоя сверепагоя ругателаяя досадителаяя постылагоя мерьскагоя скареднагоягрүснагоягроубагояглүпагояжүдагояжлүхагояжеднагояжемошнагоясм(е)ртнагоя тленнаг(о)яжлүднагояраваЯБ(о)жияяПарфенияяМарковаяя(ы)наяяЗлобина.

Этикетное самоименование выступает здесь в такой гипертрофированной форме самоуничужения, что, пожалуй, переходит в свою противоположность, производя впечатление иронии <на современного читателя – В.Д.>» [Гольдин 1978: 105].

Диады с антонимичными членами, впрочем, лишь частный (и далеко не самый типичный) случай непрямой коммуникации.

Идея диадной структуры непрямой коммуникации не означает, что содержание диады складывается из отношения противоположностей: диада непрямой коммуникации – взаимодействие, наложение и взаимопроникновение разных содержательных сущностей. Отношение же противоположностей есть содержательно бедная сущность, что несовместимо с самым главным свойством непрямой коммуникации – содержательной осложненностью.

Итак, члены диады представляют интенциональное состояние говорящего (план означаемого), а не языковые особенности высказывания. Поэтому даже левые члены диад (интерпретируемое) неправильно было бы понимать как план означающего.

«Означаемое» включает основную и дополнительные интенции говорящего, обуславливающие выбор данной формы, а также «программу» ее интерпретации в данных обстоятельствах.

В случае непрямой коммуникации, допускающей множественную интерпретацию, весьма вероятна не п р а в и л ь н а я интерпретация. Естественно, что она возможна в любой коммуникации, но только в непрямой коммуникации неправильная интерпретация может быть

следствием того, что «правильного», однозначного толкования высказывания... может не быть вообще!

Подобные явления нередко изображаются Ф. Достоевским: его герой с подозрительностью, какой-то болезненной жадностью вслушивается в высказывания собеседника, выискивая там скрытые смыслы, которых нет, например, в «Идиоте»:

– Господа, это... это вы увидите сейчас что такое, – прибавил для чего-то Ипполит и вдруг начал чтение: – «Необходимое объяснение»! Эпиграф «Après moi le déluge» («После меня хоть потоп»)... Фу, черт возьми! – вскрикнул он, точно обжегшись, – неужели я мог серьезно поставить такой глупый эпиграф?.. Послушайте, господа!.. уверяю вас, что все это в конце концов, может быть, ужаснейшие пустяки! Тут только некоторые мои мысли... Если вы думаете, что тут... что-нибудь таинственное или... запрещенное... одним словом...

– Читали бы без предисловий, – перебил Ганя.

– Завилял! – прибавил кто-то.

– Разговору много, – ввернул молчавший все время Rogozhin.

Ипполит вдруг посмотрел на него, и когда глаза их встретились, Rogozhin горько и желчно осклабился и медленно произнес странные слова:

– Не так этот предмет надо обделывать, парень, не так...

Что хотел сказать Rogozhin, конечно, никто не понял, но слова его произвели довольно странное впечатление на всех; всякого тронула краешком какая-то одна общая мысль. На Ипполита же слова эти произвели впечатление ужасное: он так задрожал, что князь протянул было руку, чтобы поддержать его, и он наверно бы вскрикнул, если бы видимо не оборвался вдруг его голос. Целую минуту он не мог выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрел на Rogozhina. Наконец, задыхаясь и с чрезвычайным усилием, выговорил:

– Так это вы... вы были... вы?

– Что был? Что я? – ответил, недоумевая, Rogozhin, но Ипполит, вспыхнув и почти с бешенством, вдруг его охватившим, резко и сильно вскричал:

– Вы были у меня на прошлой неделе, ночью, во втором часу, в тот день, когда я к вам приходил утром, вы!! Признавайтесь, вы?

– На прошлой неделе, ночью? Да не спятил ли ты и впрямь с ума, парень?

«Парень» опять с минуту помолчал, приставив указательный палец ко лбу и как бы соображая; но в бледной, все так же кривившейся от страха улыбке его мелькнуло вдруг что-то как будто хитрое, даже торжествующее.

– Это были вы! – повторил он, наконец, чуть не шепотом, но с чрезвычайным убеждением, – вы приходили ко мне и сидели молча у меня на стуле, у окна, целый час; больше; в первом и во втором часу пополуночи; вы потом встали и ушли в третьем часу... Это были вы, вы! Зачем вы пугали меня, зачем вы приходили мучить меня, – не понимаю, но это были вы!

И во взгляде его мелькнула вдруг бесконечная ненависть, несмотря на все еще не унимавшуюся в нем дрожь от испуга.

В реальной коммуникации слушающий должен не просто выбрать одно значение из нескольких представленных, а понять, во многом – «домыслить» смысл, который не содержится в готовом виде в высказывании. Добавим, что по этой причине н и к а к о е решение слушающего не может быть признано абсолютно верным. НК не позволяет слушающему приписать говорящему выведенное им содержание. Всегда можно оспорить вывод. Это, естественно,

особенно удобно для таких «деликатных» ситуаций общения, как *ирония, флирт, розыгрыш*.

Интерпретация НК отличается от стандартной лингвистической интерпретации языкового материала, прежде всего, меньшей жесткостью, а также тем, что наличный материал может быть охарактеризован в таких категориях, как целеполагание, стратегии и тактики, воздейственность, только п р и б л и з и т е л ь н о и по косвенным данным.

Идея первичных и вторичных РЖ Бахтина в более или менее явном виде лежит в основе некоторых новых и оригинальных концепций.

Очень существенным опытом в этом отношении можно считать исследование вторичных текстов / жанров в докторской диссертации и монографии С.В. Ионовой [2006], посвященной лингвистической аппроксимации, которая осмысливается как глобальная языковая категория, как общее свойство, присущее передаче и переработке информации, как познавательная модель и способ самого мышления, а также как базовое свойство порождения вторичных текстов. Аппроксимация вторичных текстов связывается С.В. Ионовой с такими их базовыми свойствами, как интертекстуальность и способность к компрессии. Аппроксимация осмысливается, прежде всего, через механизмы развертывания/свертывания (компрессии/декомпрессии) текста, противоречие между связностью и цельностью текста, когнитивные особенности личности, создающей текст, а также инвариантно-вариантную природу коммуникативных систем и основанных на них объяснительных и описательных моделей. Показано участие инварианта, а также прототипа в формировании аппроксимации (обобщение и редукция). В этом смысле общее поле аппроксимации делится на явления, связанные с редукцией и приращением смысла.

На основе аппроксимативной модели С.В. Ионовой строится типология вторичных текстов в соответствии с такими их характеристиками, как структура (степень развернутости) вторичного текста, семантические особенности (нацеленность на уподобление / расподобление тексту-основе), функциональные признаки. В результате выделяются следующие типы: развернутые тексты с эксплицированными средствами связности, расчлененной структурой и конкретизированным содержанием; полуразвернутые тексты с эксплицированными средствами связности, но с акцентом на цельности текста и его обобщенной семантике; свернутые формы с превращенными или невыраженными эксплицитно средствами связности и использованием новых средств репрезентации концептуализированного содержания текста. Заслуживает внимания функциональная типология вторичных текстов: тексты репродуктивного, интерпретирующего, адаптирующего типа и тексты-имитации.

Таким образом, в исследовании С.В. Ионовой разработаны основы нового направления лингвистических исследований – *лингвоаппроксиматологии* (нельзя не отметить, что данный термин, как учитывающий базовые свойств языка, выгодно отличается от подобных терминов с «не»: *неопределенный, неточный, непрямой*).

В то же время в ряде исследований объясняющие потенции бахтинской модели учитываются недостаточно.

Так, в докторской диссертации и монографии Е.В. Бобыревой [2007а], посвященной религиозному дискурсу (на материале текстов молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий на русском и английском языках), трудно принять некоторые принципы деления РЖ на первичные и вторичные; в

частности, согласиться с тем, что *притча* – это первичный РЖ, а *молитва* – вторичный. Понятно, что исследовательница имела в виду жанры, прямо и опосредованно связанные с текстом Библии (автором выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса – псалмы, притчи, молитвы) и вторичные жанры – проповеди, исповеди), однако при таком делении речевых жанров религиозного дискурса на первичные и вторичные Е.В. Бобырева, думается, значительно отходит от принципов, сформулированных Бахтиным, который, по-видимому, вообще не имел в виду выделение жанров на основе текстовой тематики.

Нет никаких сомнений, что идея первичных и вторичных речевых жанров должна быть применена к чрезвычайно интенсивно меняющейся современной действительности, где все время появляются и стремительно развиваются новые сферы общения, основанные как на традиционных, так и на новых / техногенных каналах связи.

3.3. Противопоставление жанров по шкале «жесткость vs. свобода»

3.3.1. Тексты и жанры жесткой и мягкой формализации

Ранее мы уже говорили о жанрах, различающихся по степени своей жесткости, или степени упорядоченности речи / коммуникации (или свободы, дарованной человеку в рамках данного жанра). Ряд работ в современной лингвистике посвящен творческому развитию данной идеи, хотя и не все исследователи при этом упоминают М.М. Бахтина и даже используют термин *речевой жанр*.

Так, в лингвистике текста названная степень жесткости, или структурированности, понимается как элементы собственно текстовой системности. Современная лингвистика текста располагает разработанной методикой для выявления и описания таких моментов.

Кв. Кожевникова выделяет три класса текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения (по сути РЖ), в зависимости от степени жесткости типизации: 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными информативными моделями (например, кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям, т.е. моделям, носящим довольно общий характер (например, газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты не регламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений) [Кожевникова 1979: 53-54]; ср. также понятие «нормы текстовости», выделяемое М.Я. Дымарским применительно к художественным текстам [Дымарский 1993: 32-42].

Именно признак жесткости, текстовой упорядоченности лежит в основе классификации текстов реальной разговорной речи, предлагаемой О.Б. Сиротининой [Сиротинина 1994: 106-122]. Исследовательница выявляет разные типы организации устной речи в связи с тем, насколько данный тип близок к текстовой организации речи в наиболее традиционном смысле, то

есть по критериям, разработанным для письменной речи: «Граница стандартных и нестандартных текстов проходит, видимо, именно по линии непосредственного и опосредованного общения» [Там же: 124]. Предлагаемую О.Б. Сиротининой классификацию разговорных текстов поэтому есть смысл рассмотреть подробнее.

Итак, О.Б. Сиротининой выделяются:

1. Тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры. Это рассказы, неоднократно повторенные рассказчиками и потому уже отработанные с точки зрения их организации. У таких текстов есть заголовок (*Расскажу о...*, *Этот случай можно было бы назвать...* и т.д.), есть развитие темы, связи между отдельными частями рассказа, завершение рассказа. В то же время (в отличие от «собственно текстов», т.е. письменных) возможны отступления от рассказа с последующим возвратом к теме, реплики собеседника, уточняющие вопросы или хотя бы поддакивания собеседника-слушателя, например:

Дело в том, что во время отступления наших войск приходилось, конечно, часто менять штаб-квартиру и армейские газеты. И вот по пути (дело было на Украине) к нам присоединились в редакцию несколько человек (дается их характеристика). – Что это, он оказался украинским поэтом, да? – Нет, он не сказал, но наши товарищи некоторые с Украины говорили, что он как будто был поэт. Ну вот, когда мы переезжали с места на место (продолжается рассказ о его торбе, в которой было несколько караваев хлеба, а из розыгрыша их заменили телефонным аппаратом системы Эрикссон) – Что большой что ли очень? – Ну деревянный такой ящик, и в нижней части такое углубление сделали, чтобы вставлять туда батареи, приблизительно весом на килограмм. Общей сложностью этот аппарат весил, видимо, килограмм 10. – Солидный вес. – И вот решили вместо этих 3 буханок хлеба больших караваев вот этих, сунуть этот аппарат (рассказ, как завернули его в белье и сунули в торбу). Только мы успели сделать это, вбегает начальник издательства: «Ребята! По машинам, едем». Ну мы схватились за свои вещички, в это время вбегает – ваш поэт – с полустегнутыми пуговицами наш поэт, на ходу застегивается, хватается свой мешок и натягивает на себя, и айда. Все, значит, мы в машину сели и едем. Ну по пути ни о чем не говорили, полагая, что все-таки, когда вернемся на новое место – Выясните, если переедете на новое место, да? – Да переедем на новое место, видимо ужинать уже будем, и он заглянет в свой мешок и догадается (рассказ о том, как они ехали, разместились). Ну наш поэт, но так как мы отходили, и с питанием было неплохо – С питанием? – С питанием было неплохо, мы устроились на окраине деревни, поужинали, смотрим, наш поэт до своей торбы не дотрагивается (рассказ продолжается и снова прерывается репликами и вопросами – всего 14 раз, но рассказ не отклоняется от своего плана и заканчивается). В этой шутке можно видеть, что люди, так сказать, остаются людьми и не прочь иногда пошутить» (Фонд УДН).

2. Оборванные тексты. Это тексты первого типа, но в процессе конкретной их реализации во время магнитофонной записи по каким-либо причинам не завершённые, оборванные из-за конца ленты, из-за прихода нового собеседника, увлекшего разговор в сторону от рассказа, вызвавшего переход к новой теме, из-за истечения времени на рассказ (*Ой, я уже опаздываю*) и по другим внешним причинам.

3. Текстоиды, которые не имеют строгого членения на части, принципиально не завершены, более спонтанны, чем собственно тексты (включая оборванные), рассчитаны на активного слушателя, тематически разъяты, причем темы возникают ассоциативно по ходу реализации текста. Для текстоидов характерно не столько развитие темы, как в

тексте, сколько ассоциативные вставки и перескоки с одной темы на другую, объединенные только речевым замыслом «поделиться какими-то впечатлениями», временем осуществления этого замысла и его субъектом. Текстостуде не дашь заголовки, не расчленишь на части или абзацы, поскольку построение его подчеркнуто ассоциативно.

4. **Тексты-разговоры**, вообще не соотносящиеся со стандартными текстами по причине разносубъектности: смена говорящий/слушающий происходит регулярно и существенна для содержания текста-разговора, развитие темы в тексте-разговоре прослеживается с трудом, заголовок, даже если подходить к его наличию с очень широких позиций (типа: *поговорим о...*), чрезвычайно редок, например:

А. *Кстати, Мишка мне в «Соколе» когда между прочим мы были, да, так вот, Миша этот преподобный мне знаешь что рассказывал?*

Б. *Что?*

А. *Кое-что из Белля. Кайф.*

Б. *Из Белля или из Бабеля?*

А. *Из Белля.*

Б. *А какой, Белль?*

А. *Белль какой-то новый...*

Б. *Белль? Я не знаю...*

А. *А обозвал он это так: «Поезд приходит по расписанию»* (продолжается разговор о Белле).

А. *Не знаю, не знаю, но Мишке я верю.*

Б. *Бабеля он рассказывает, вот это да.*

А. *Бабеля?*

Б. *А ты не слышал никогда, как он читал? Бесподобно! Он его читает, а потом он воспроизводит, когда вот просто на память Бабеля, вот там король там, «Беня Крик» там, «Любка-казак» – вот эти вот из серии «Одесских рассказов», у него бесподобно получается. Я даже рассказывала как-то в трамвае, ко мне мужчина какой-то подходит и говорит: «Девушка, вы что, все на память знаете?» Я говорю «Да нет, я так просто слушала это». Я Ф. слушала, он рассказывал, вернее, читал.*

А. *А кому ты рассказывала?*

Б. *Галке Р. в трамвае. И наверно громко рассказывала. Мужик прислушивался, прислушивался, потом подошел и говорит, «Поражаюсь, феноменальная память», а я просто, меня так увлекло, интересно очень пишет. Причем это вот у меня томик избранного Бабеля, вот.*

А. *Дай Бабеля почитать, дай?*

Б. *Возьми, вот. А ты знаешь, где он?*

А. *Не знаю.*

Б. *Ну и не найдешь значит, я сама найду.*

А. *Ладно.*

(продолжается разговор о рассказах Бабеля)

Б. *Там бесподобно просто, ты знаешь, таким язычком написано, я ни разу ни у одного писателя не встречала такого языка: «У приказчиков сапоги скрипели, как ново... как рождественские поросята в мешке», можно такое сравнить! Да, «лицо стало зеленым, как зеленая трава». Представляешь! Знаешь, такие сочные вроде бы.*

А. *Вот-вот, у меня тоже, зеленым стало, когда она мне копьём в глаз. Веселая такая женщина. Да, знаешь, кайф такой, сижу в этой несчастной штуке, которая кабинетом называется, да, там лежит большая-большая банка, да еще вторая, да.*

Б. *С глазами.*

А. *Нет, не с глазами, если бы. В одной налита какая-то жидкость, написано «Яд» и написано «Копья чистые», вторая банка – «Копья использованные», хорошо.*

- Б. *В яде их что ли значит содержат?*
 А. *Я не знаю. Наверное спирт метиловый может быть.*
 (продолжается разговор о метиловом и этиловом спирте)
 А. *Да, который час, кстати?*
 В. *Сейчас без пятнадцати двенадцать.*
 А. *Без пятнадцати двенадцать? Это мы с тобой так неслабо час проговорили? Да?*
 Б. *Да, час.*
 А. *Да, чтобы не забыть, ты все-таки посмотри Бабеля, Татьяна.*
 Б. *А где Бабель-то у нас. Я его принесла ведь.*
 А. *Мне читать нечего.*
 Б. *Тебе нельзя читать.*
 А. *Татьяна, мне можно читать.*
 Б. *Нет.*
 А. *Мне нужно левый глаз тренировать. Дать организму одолеть, понимаешь. А я не знаю, я не могу без информации какой-то новой. Я газету день не прочту – это ужас.*
 Б. *Хочешь, я тебе знаю что дам... Хочешь Жоржа Сименона почитать. Только завтра принесешь...* (разговор переходит на романы Ж. Сименона)
 Б. *...то-то двести, да. Плодовитый писатель.*
 А. *Почитаем плодовитых. Ну все, ушел.*

Важно, что в этом примере, который может показаться абсолютно хаотичным, по сравнению с предыдущими выделенными типами, О.Б. Сиротина выделяет целый ряд элементов текстовой системности (что будет особенно заметно при сравнении со следующим типом – дискурсами): так, наличествует речевой замысел: пришел поболтать с девушкой и взять у нее что-нибудь почитать, – который реализован: разговаривающие расстаются не тогда, когда выясняется, что разговор идет уже час, а только после того, как студент-физик получил книгу. Этот текст-разговор, как и большинство таких, политематичен (о Белле, о Бабеле, об умении его читать, о памяти, о посещении поликлиники, видах спирта, друзьях, о Сименоне), но основные темы две: книги и больной глаз, и обе находят свое завершение. Как развитие тем, так и переход к новой теме осуществляется то по воле одного, то по воле другого собеседника, оба они равно активны, но заканчивает разговор тот, кто его начал, – гость, речевой замысел которого оказался исчерпанным.

5. **Дискурсы** – факты, не укладывающиеся в понимание текста даже как реализацию речевого замысла: в них или идет обмен какими-то репликами без особого речевого замысла, или речевой замысел оказывается нереализованным из-за собеседника, из-за какой-то внешней причины и т.д., например:

- Б. *Ну дать тебе?*
 Е. *Нет.*
 Б. *На, попробуй, попробуй.*
 Е. *Достаточно.*
 Б. *С какого времени ты стала замечать что вот так., живот пучит?*
 Е. *Так приблизительно с января верно.*
 В. *С января...*
 Б. *Ого, шампанское. На, попробуй.*
 А. *У нас стоит к твоему приезду красное шампанское.*
 Б. *А вот это вот зря. Потому что это угольная кислота, она ни к чему.*
 А. *А вот она уверяет, что у нее от него живот опадает.*
 Б. *Да.*

О.Б. Сиротина подчеркивает, что именно дискурсы, а не тексты и даже не текстостойды составляют основу реального разговорного общения.

Впервые сформулированная М.М. Бахтиным идея о существовании разных типов жанров / текстов, различающихся степенью своей жесткости / свободы, получила некоторое развитие в современной теории дискурса – как степень формализации дискурса, особенно при изучении ритуального дискурса, где моменты формализации наиболее очевидны. Так, **В.И. Карасик** [2002: 400] разграничивает **мягкую** и **жесткую** формализацию ритуального действия в зависимости от того, насколько жестко фиксированы те или иные параметры ситуации ритуального взаимодействия.

Внутренняя характеристика ритуального действия проявляется в степени жесткости фиксации тех или иных параметров исходной ситуации. В этом смысле можно противопоставить мягкую и жесткую формализацию ритуального действия. В первом случае (мягкая формализация ритуального действия – *В.Д.*) содержательная суть ритуала (сверхценностная значимость) допускает вариативность форм выражения соответствующего действия, здесь имеет место реальная коммуникация «с оглядкой» на прецедентную ситуацию. Во втором случае (жесткая формализация – *В.Д.*) форма становится приоритетной и приобретает собственную сверхценную значимость. Блюстителю религиозных ритуалов хорошо знают, что жесткая формализация ведет к семантическому выветриванию содержания исходного действия, положенного в основу ритуала (это соответствует закону С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака), поэтому жестко формализованный ритуал неизбежно приобретает сугубо эстетическую, декоративную ценность. Если мы обращаем внимание прежде всего на красоту ритуального действия, у нас есть все основания считать, что исходное содержание ритуала уже стерто. В узком смысле именно такие действия часто рассматриваются как ритуалы [Карасик 2002: 400].

Разная степень ритуализации обнаруживается не только у различных видов дискурса, но и у различных жанров внутри одного дискурса. Например, в кандидатской диссертации аспирантки В.И. Карасика М.Г. Извековой показывается, что наивысшей степенью ритуализации (и, соответственно, наиболее жесткой формализацией) обладают такие жанры педагогического и медицинского дискурса, как экзамен и операция; меньшей степенью ритуализации (мягкой формализацией) – занятие, консультация/прием [Извекова 2006: 173].

Опираясь, с одной стороны, на идеи В.И. Карасика и М.Г. Извековой, с другой – на идею о существовании жанров разной степени жесткости самого М.М. Бахтина, Е.И. Шейгал и И.С. Черватюк исследуют проявления категории коммуникативной власти в «мягко» и «жестко» формализованных речевых жанрах. Исследовательницы выделяют в институциональном дискурсе жанры жесткой формализации (*хирургическая операция* в медицинском дискурсе и *экзамен* в педагогическом дискурсе) и жанры мягкой формализации (*врачебная консультация* в медицинском дискурсе и *урок* в педагогическом дискурсе), общение в которых не ограничено каким-либо формальными рамками и происходит уже вне институционального поля (т.е. коммуниканты перестают исполнять коммуникативные роли агентов и клиентов института). Е.И. Шейгал и И.С. Черватюк подчеркивают, что данные жанры различаются «степенью властного заряда маркера», которая выше в жанрах жестко формализованного дискурса, где у коммуниканта меньше степень свободы в отклонении от ожидаемой реакции [Шейгал, Черватюк 2007].

Одним из наиболее принципиальных моментов рассмотренных классификаций (классификации О.Б. Сиротининой, Кв. Кожевниковой, М.Г. Извековой и др., а также сама идея степени «жесткости» жанра М.М. Бахтина) является представление о том, что степень жесткости речи / текста прямо связана с особенностями интерпретативной деятельности адресата речи – точнее, интенсивность интерпретативной деятельности адресата речи обратно пропорциональна этой степени жесткости.

Именно эта идея лежит в основе классификаций «текстовых смыслов», предлагаемых, например, И.Р. Гальпериным, М.Ю. Федосюком и др.

Так, И.Р. Гальперин, исследующий информативность текста, выделяет три типа текстовой «информации»: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Содержательно-фактуальная информация – это сообщение о фактах, событиях, процессах, которые происходили, происходят, будут происходить в окружающем мире, действительном или воображаемом. Содержательно-концептуальная информация – это, так сказать, замысел автора плюс его содержательная интерпретация. Содержательно-подтекстовая информация – факультативная, или скрытая, информация, извлекаемая из участков текста, несущих содержательно-фактуальную информацию, благодаря общей способности языка порождать ассоциативные и коннотативные значения [Гальперин 1981].

Опираясь на данную классификацию, М.Ю. Федосюк, исследующий имплицитные способы передачи информации в тексте, выделяет «текстовое», «подтекстовое» и «притекстовое» имплицитное содержание: передача текстового имплицитного содержания отвечает явным коммуникативным намерениям отправителя текста, при этом данное содержание выражается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не позволяют получателю текста не воспринять его (например, реплика *Я должен готовиться к экзамену* в ответ на *Давай пойдем в кино вечером* выражает текстовое имплицитное содержание ‘Я не пойду в кино’). Передача подтекстового содержания входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста, при этом данное содержание выражается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем (например, у реплики *Вчера целый вечер проболтал по телефону с Гарри Каспаровым* можно выявить, хотя и не со стопроцентной вероятностью, подтекстовое имплицитное содержание ‘Я хорошо знаком с известным шахматистом’). Притекстовое содержание может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя (реплика *Вчера целый вечер проболтал по телефону с Гарри Каспаровым* дает определенные основания для вывода ‘У говорящего есть телефон’) [Федосюк 1988: 12-13].

Итак, понятие жесткости формализации речи помогает прояснить типологизация типов и жанров дискурса / текста на основе степени интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи.

Нам представляется, что рассмотрение типов и жанров речи с этой точки зрения в наибольшей степени отвечает идеям М.М. Бахтина, в то же время такая модель позволяет воспользоваться для поставленной цели

достижениями активно развивающихся в последнее время содержательных, когнитивных и др. «антропоцентрических» тенденций в изучении дискурса.

Для начальной типологизации удобно исчислять степень интенсивности интерпретативной деятельности слушающего на основе дополнения / замены исходного текстового смысла.

Предлагаемая здесь классификация учитывает как степень жесткости правил, по которым строится высказывание, так и (прежде всего) степень интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи.

На данном основании – степени жесткости системной организации речевой / невербальной коммуникации – мы предлагаем типологию коммуникации по нарастанию общей нежесткости / неконвенциональности / непрямоты / содержательной осложненности (подробнее см.: [Дементьев 2006: 78-99]):

1. Самая малая (нулевая) степень непрямоты представлена **ядерными** (по Н. Хомскому) **предложениями** типа *Мальчик бежит*.

2. Несколько бóльших интерпретативных усилий требуют **неизосемические языковые конструкции**⁸, являющиеся результатом тех или иных трансформаций ядерных: конструкции с отрицанием, с неличными формами глагола, с глаголом не в изъявительном наклонении, осложненные придаточными предложениями и обособленными членами и т. п., типа: *Бегущему мальчику не казалось бы странным то, что его появление могло быть истолковано как внезапное и нежелательное вмешательство, если бы ...* (данное предложение может быть сколь угодно широко развернуто), а также конструкции с косвенной речью типа: *Мальчик сказал, что он бежит*.

3. **Эллиптические конструкции** требуют от адресата «домысливания», но минимального, поскольку смысл недостающих элементов имплицитного высказывания восполняется за счет незамещенных языковых валентностей

⁸ Противопоставление изосемических и неизосемических синтаксических моделей теоретически обосновано Г.А. Золотовой как противопоставление «моделей а) основных, центральных в синтаксической системе; б) вариативных, периферийных, синонимичных первым, находящихся с ними в регулярных структурно-смысловых отношениях (актива – пассива и пр.)» [Золотова 1982: 145]. Данное противопоставление восходит к противопоставлению «ядерных» и «производных» синтаксических структур в трансформационной грамматике (см.: [Хомский 1962]): первые характеризуются единством семантических, морфологических и синтаксических признаков, во вторых функционально-семантические и морфолого-синтаксические признаки расходятся. Неизосемические конструкции соотносимы с соответствующими изосемическими (прямыми) конструкциями. Например, неизосемические конструкции *Брат за работой*; *Брат ленится*; *Волки наперечет* соотносимы с изосемическими средствами выражения значений действия, признака, количества (глагол, прилагательное, числительное) [Золотова 1982: 180].

наличествующих структурных компонентов высказывания и контекста: *Ты собираешься в кино? И я с тобой → И я с тобой пойду.*

4. Четвертый тип составляют находящиеся как бы на пересечении языкового эксперимента и аномалии **образные средства языка, тропы, языковая игра**, реализующие потенциальные возможности языка. Интерпретативная деятельность слушающего в них обязательна. Особенно значительной интерпретации требуют тропы с напряженным типом экспрессии (по В.В. Виноградову [Виноградов 1976: 444]), типа:

*Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных.
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.*

(А. Ахматова. О, это был прохладный день...)

Данную группу составляют высказывания с «подтекстовым» имплицитным содержанием.

5. Для восприятия смысла **конвенциональных косвенных иллокутивных актов** типа *Can you open the window?*, в отличие от предыдущих групп, уже в принципе недостаточно языковых значений – ни реальных, ни потенциальных. Их содержание обычно «подтекстовое», но иногда – «притекстовое».

В этом месте последовательность размещения типов НК по нарастанию степени интенсивности интерпретативной деятельности слушающего, по видимому, нарушается: тропы, требующие языковой, но нестандартной интерпретации, «в большей степени НК», чем неязыковые, но конвенциональные иллокутивные акты. Однако нам кажется удобным выдерживать внутри данной шкалы единый принцип разграничения вербальных и невербальных коммуникативных средств.

Остальные группы представлены неконвенциональными коммуникативными действиями. Их содержание – только «притекстовое». Перечислим их по уменьшению степени конвенциональности / нарастанию степени «непрямоты».

6. Высказывания, интерпретация которых не задана правилами языка, но более или менее осознанно регулируется говорящим, будучи осуществляема в рамках соответствующего речевого (коммуникативного) жанра с нежесткой композицией, при этом здесь также можно выделить ряд разновидностей по уменьшению степени жесткости жанровой композиции. Это прежде всего **фатические** речевые жанры, например, *флирт, иронические высказывания, светская беседа.*

7. Последнюю группу составляют ситуации НК, где интерпретация слушающего вообще не опирается на буквальное содержание текста, произносимого отправителем. Это полностью **свободная и непредсказуемая интерпретация**. Жанровые правила здесь не соблюдаются. (Конечно, мы говорим о текстах, предоставляющих адресату не полную, а лишь относительно большую свободу интерпретации по сравнению с предшествующими типами НК.) Например:

А. Пушкин. Дубровский: Андрей Гаврилович Дубровский должен написать ответ на судебное требование немедленно представить доказательства того, что село Кистеневка принадлежит ему по праву. Такой документ Андрей Гаврилович составил, но неумело и грубо. Получив его, поверенный Троекурова Шабашкин выводит смысл, опираясь на проявившиеся в тексте свойства адресанта и на свой опыт работы в суде:

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявил он, что село Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во 1) что Дубровский мало знает толку в делах, во 2) что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение.

Коммуникация, выраженная ядерным предложением типа *Мальчик бежит*, отличается по интерпретативной активности адресата от коммуникации, выраженной эллиптическим предложением или тропом, неконвенциональным или невербальным высказыванием. Коммуникация, выраженная ядерным предложением, в большей степени опирается на смыслы, выраженные лексикой и грамматикой языка (значения). Однако возможны случаи, когда коммуникация, выраженная ядерным предложением *Мальчик бежит*, требует больших интерпретативных усилий, чем эллиптическая (высказывание *Мальчик бежит* может быть сообщением о спортивном беге, беге от опасности, о встрече). Любое высказывание погружено в конкретную ситуацию общения и зависит от нее. Понять, что имеется в виду, если неизвестна ситуация, невозможно. Даже в вопросно-ответном единстве *В какое море впадает Волга? – Волга впадает в Каспийское море* в реальной коммуникации всегда можно найти много дополнительных смыслов (информация о говорящем, о слушающем). Оппозиция семиотической и несемiotической коммуникации, безусловно, градуируема. Очевидно, однако, насколько трудно поддаются объективации подобные классификации при отсутствии разработанной процедуры анализа и метаязыка описания (ср. ряд интересных моделей, предлагаемых в [Sperber, Wilson 1995]). Адекватная классификация разновидностей несемiotической коммуникации – дело будущего.

Теоретическое осмысление (1) вторичных РЖ, основанных, как было показано, на особых отношениях между тем, что было раньше (в формальном и содержательном плане), и тем, что есть сейчас, то есть на диадном

механизме, где членами каждой конкретной диады могут выступать разные единицы – отсюда разные типы вторичных жанров, и (2) конвенциональных / неконвенциональных жанров, восходящих к оппозиции упорядоченной / неупорядоченной коммуникации и семиотической / семантической знаковой системы, вновь выводит нас на общетеоретическую проблему более общего характера – жанры речи в парадигме прямой и непрямой коммуникации

3.3.2. Жанры в парадигме прямой и непрямой коммуникации

Жанры различаются степенью упорядочивания («выпрямления») коммуникации. Их можно разместить на шкале прямой ~ непрямой коммуникации, основанной на степени активности интерпретативной деятельности адресата речи (см. выше). Уменьшение «непрямоты» на шкале обуславливается, во-первых, тем, что бывают более и менее жесткие жанры с точки зрения своей структуры, а во-вторых, и главное, тем, что на жанровые требования накладываются ограничения с других сторон, прежде всего со стороны языка. С точки зрения степени упорядочивания коммуникации, можно выделить следующие разновидности высказываний:

1) высказывания, на которые накладываются ограничения со стороны языка, со стороны жанра, а также со стороны логики развития самой коммуникативной ситуации. Смыслы, передаваемые такими высказываниями, «выпрямлены» посредством аттракторов языкового и жанрового типов. Их общий план содержания складывается из значений (языковой стандарт), типичных импликатур (речевая системность, жанровый стандарт) и собственно смыслов (актуализация высказывания в конкретной коммуникативной ситуации).

2) высказывания, в которых есть актуализированный в конкретной коммуникативной ситуации смысл и жанровая стандартизация, но нет языковой стандартизации. Наиболее распространенными разновидностями коммуникации этого типа являются фасцинация и фатика.

3) высказывания, в которых есть актуализированный смысл и нет речевой / жанровой стандартизации.

Здесь следует отметить следующее. Если бы, как считает С. Гайда, «нежанровых» высказываний не существовало [Гайда 1999: 105] и жанрово типизированной / конвенциализированной являлась бы любая коммуникация, то само понятие *аттрактор* было бы неприменимо к коммуникации: для такого допущения коммуникацию необходимо признать в целом открытой, сильно неравновесной системой. Отметим, что против такого допущения, в известном смысле, выступал сам М.М. Бахтин, неоднократно утверждавший, что коммуникация не является хаотической именно потому, что ее упорядочивают жанры: «Изучение природы высказывания и речевых жанров имеет, как нам кажется, основополагающее значение для преодоления упрощенных представлений о речевой жизни, о так называемом “речевом потоке”, о коммуникации и т. п., представлений, еще бытующих в нашем языкознании» [Бахтин 1996: 167].

Но, по-видимому, все же не вся коммуникация без остатка «покрывается» жанровыми аттракторами. Это связано с тем, что многообразие коммуникативных смыслов и интенциональных состояний коммуникантов не может быть полностью формализовано ни значениями языковой системы, ни вообще средствами какой-либо знаковой системы. Таким образом, это многообразие не может быть полностью формализовано и речевой жанровой системностью.

Лингвисты очень давно начали интересоваться смыслами, которые не могут быть переданы конвенциональными средствами – средствами языка и других знаковых систем. Ср. в связи с этим определение языка, данное А. Шлейхером: «Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления. Чувства, восприятия, волеизъявление язык прямо не выражает: язык – не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно сделать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [Шлейхер 1960: 92]. Из приведенного высказывания А. Шлейхера как будто бы не следует, что человек не может выразить «чувства, восприятия, волеизъявление» при помощи какой-либо альтернативной коммуникативной системы, например, жанровой – исследователь пишет только о языке. Но, нам думается, мысль А. Шлейхера можно понимать так, что не только язык, но и речевая системность жанрового типа оказывается бессильной перед непосредственным выражением психологического состояния человека (в результате попыток такого рода чаще всего порождаются крайне неуклюжие и примитивные тексты).

Жанры задают различные направления и правила интерпретации. Так, Б.Ю. Норман [Норман 1991] сравнивает два жанра, требующих эстетической интерпретации, – стихотворение и песню, – и приходит к выводу, что один и тот же текст в качестве песни требует гораздо более простой интерпретации, чем в качестве стихотворения: «<в песнях> смысл отходит на второй план, приглушается по сравнению со стихотворным оригиналом. <...> забывается он не музыкой, нет – самим жанром песни» [Там же: 111]. Б.Ю. Норман даже относит наслаждение от песни к первичным сигнальным системам: «<...> при восприятии <текста песни> первая сигнальная система превалирует над второй, и эстетическое наслаждение достигается не столько благодаря активной работе сознания, сколько, наоборот, благодаря его «дремоте»» [Там же: 113].

Коммуникация «выпрямляется» в наибольшей степени в результате использования аттракторов семиотического типа (по Э. Бенвенисту), которые, вероятно, образуют внутри общей системы коммуникативных аттракторов – языковых и неязыковых – ряд особых замкнутых полей.

В целом в коммуникации такого типа смыслы более всего опираются на форму высказывания или проистекают непосредственно из этой формы, а следовательно, все, сказанное выше об общих закономерностях соотношения прямой и непрямой коммуникации, относится к ним в меньшей степени.

Ярким примером коммуникации такого типа, по нашему мнению, может служить **этикетная коммуникация**.

Этикетные коммуникативные смыслы относительно подробно описаны в лингвистической литературе, однако они почти не рассматривались с этой точки зрения. Так, И.Н. Горелов экспериментально выявил, что при восприятии ритуальных высказываний интерпретативная деятельность ослаблена (как известно, это характерно для прямой коммуникации): «коммуникативный опыт позволяет всегда слушать ритуальную часть диалога без особого внимания: в привычном словесном ритуале встречи почти не бывает важной информации» [Горелов, Седов 1998: 97]. В то же время этикетные знаки, несомненно, требуют определенных интерпретативных усилий, поскольку относятся к дейктическому полю языка [Бюлер 1993; Гольдин 1987; Падучева 1985; Шмелев 2002а; Кравченко 1992; 1999]. С формальной стороны дейктический знак обращен к системе языка, полностью подчиняясь ей, с содержательной стороны – к внеязыковой действительности. Дейктический знак – лингвистическая переменная, актуальный смысл которой выводится из ситуации общения и не существует вне нее. Например, рукопожатие имеет смысл приветствия только в конкретной ситуации общения: оно не может быть обращено ни к прошлому, ни к будущему, ни к лицам, находящимся за пределами данной ситуации, его значение не может варьироваться со стороны модальности (посредством рукопожатия совершенно невозможно передать такой, например, смысл, как ‘Вчера Вася не поздоровался с Петей’).

Как любая коммуникативная (знаковая) система, этикет имеет виртуально-актуальную природу. При функционировании системы всегда имеет место некоторая вариативность, а значит, непрямая коммуникация. Как любая коммуникативная ситуация, ситуация использования системы этикета «обрастает» множеством дополнительных смыслов, проистекающих из ситуации общения и в конечном счете неисчислимым и непредсказуемым. Кроме того, использование этикетных формул может преследовать разные цели, вплоть до противоположных изначально присущим им (ирония, сарказм, издевка) – в этом случае от собственно этикета остается одна только форма высказывания.

Система этикета внутренне неоднородна; самой меньшей жесткостью и самой большей вариативностью характеризуется бытовой речевой этикет, который «основан не только на этикетных формулах; более того, в ряде случаев люди могут обходиться в разговоре и вовсе без них, хотя при этом не будут преследовать никаких целей, кроме этикетных» [Тупикова 2003: 13; ср. также: Тырникова 2003]. Например, в качестве приветствия в разговорной речи вполне адекватна форма без собственно формулы приветствия:

- *Ой Леночка/ сто лет тебя не видела// Как ты выросла// Ну, как дела?*
- *Здравствуйте тетя Катя/ спасибо/ хорошо//* [Тупикова 2003: 13].

Наконец, в этикетной коммуникации, как в человеческой коммуникации в целом, итоговый коммуникативный смысл всегда является прерогативой интерпретирующего адресата высказывания. Никакие усилия говорящего

построить высказывание так, чтобы достигнуть единственного желаемого эффекта, не дают гарантий того, что реакция адресата будет именно такой, какая требуется в данном случае. Наши самые исчерпывающие извинения не заставят собеседника простить нас, если он разгневан и не хочет слышать о примирении (как извинения не помогли избежать дуэли Николаю Ставрогину в «Бесах» Ф.М. Достоевского, поскольку его собеседник, Артемий Гаганов, жаждал крови); напротив, самая неподходящая форма не помешает этикетному действию состояться, если адресат настроен на его осуществление; ср. другую ситуацию в «Бесах»:

...В тот раз она их помирила. Петр Степанович не то чтобы попросил извинения, а отделался какою-то грубою шуткой, которую в другой раз можно было бы принять за новое оскорбление, но в настоящем случае приняли за раскаяние.

Все эти свойства этикета совпадают с названными выше общими свойствами функционирования коммуникативных систем. Однако данный тип обнаруживает несколько принципиальных отличий с точки зрения распределения в нем элементов прямой и непрямой коммуникации.

Хотя в любой ситуации использования системы этикета присутствуют смыслы, несущие непрямоту (высказывание можно произнести нейтрально, можно более вежливо), они всегда остаются лишь маргинальными, дополнительными к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Собственно этикетные смыслы, то есть смыслы институциональных действий в социальном измерении реальности, таких как *извинение, поздравление, соболезнование* и т. д., как правило, не допускают полисемию и омонимию: главное этикетное содержание должно быть выражено точно и в полном объеме и должно быть понято однозначно. Так, в случае косвенной просьбы *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’ у адресата всегда остается возможность понять вопрос в буквальном смысле, как и у говорящего есть возможность сделать вид, что он не имел в виду побудить адресата совершить действие. Очевидно, что в случае этикета это невозможно.

При использовании системы этикета в коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым и понимается однозначно (как отсутствие этикетного знака обычно понимается и трансформация формы), что характерно для «семиотических» систем по Э. Бенвенисту. Так, например, понимается факт неотправления вовремя поздравительной телеграммы: «С нашей точки зрения, знак не был послан, ни положительный, ни отрицательный: просто система связи не была включена. Однако это неверно. Ведь сигнал выбора – праздник – отменен не был. <...> Сообщение не было послано, но адресат его получил, и оно не было приятным» [Гольдин 1978: 22].

Даже бытовой речевой этикет, допускающий большую свободу и, казалось бы, неограниченное варьирование, является такой же «семиотической» системой: наличие знака является обязательным (пусть

требования к его форме гораздо менее жесткие), а отсутствие знака – значимым.

Понимая этикет как «семиотическую» систему, мы (вслед за В.С. Храковским и А.П. Володиным [1986]) разграничиваем этикет и вежливость: принципиальная разница между ними состоит в том, что нормы этикета не дают человеку свободы выбора и ставят употребление того или иного знака в жесткую зависимость от релевантных социальных отношений (ситуация общения, возраст, интимность, служебное положение, роли говорящего и слушающего и т. д.), тогда как выражение или невыражение вежливого отношения является свободным, факультативным: «Соблюдая правила речевого этикета, мы не бываем специально учтивы или любезны, мы нейтральны в этом отношении и иными быть не можем в ситуации принудительного выбора одной из двух форм обращения. Правда, мы можем нарушить правила речевого этикета, но тогда от нейтральной (а не вежливой!) формы обращения мы переходим либо к грубой, либо к странной форме» [Там же: 225].

Разграничиваем вежливость как явление косвенно-речевое, представляющее собой факультативное «украшение» речи, и этикет как явление обязательное (часто языковое), при нарушении которого не может нормально осуществляться коммуникация. Из этого, между прочим, следует, что этикетные смыслы всегда выражены и при этом всегда выражены именно так, в такой форме, какая требуется, то есть прямо. Таким образом, в этикетных знаках сочетается формальная прямота, проистекающая из отмеченной выше «семиотической» природы системы этикета, и содержательная неполнота, проистекающая из их принадлежности к дейктическим знакам – лингвистическим переменным. Будучи включены в конкретную ситуацию общения, знаки речевого и неречевого этикета в ее пределах точно и однозначно транслируют смыслы.

Во всех национальных речевых культурах системы речевого этикета (см. о национальных системах речевого этикета, например, русского [Балакай 2001], русского и английского в сопоставлении [Ларина 2003], польского [Ożóg 1990]) образуют жесткие (семиотические) коммуникативные подсистемы в составе общей системы языка.

Т.В. Ларина, например, выявила, что принципиальное отличие английского вежливого, этикетного поведения от русского состоит в большей активности: обязательна постоянная демонстрация уважения и внимания к окружающим, экспликация общей оптимистической тональности (выражение положительных эмоций, прямое восхищение), тогда как в русской культуре вежливое поведение обычно понимается лишь как соблюдение правил приличия, т. е. этикетное бездействие [2003: 27-29]; иными словами, демонстрация уважения и внимания к окружающим в английской речевой культуре относится к императивным нормам вежливости, а в русской – к рекомендуемым и факультативным, в терминологии Г.Р. Шамьеновой [2001: 180]. Соглашаясь с Т.В. Лариной в

целом, я не считаю выражение *этикетное бездействие* удачным именно потому, что в этикетной коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым: например, в ситуации, когда мне протягивают руку для рукопожатия, *этикетное бездействие* скорее всего означало бы, что я НЕ протяну руку в ответ (после этого коммуникация с очевидностью невозможна). По-видимому, об этикетном бездействии в терминологии Т.В. Лариной можно говорить в том случае, когда я подаю в ответ руку, но кроме этого не совершаю никаких действий. Но это не бездействие! Из того, что английская система этикета имеет более обязательный характер и требует большей активности, не следует, что другие, менее жесткие этикетные нормы представляют собой бездействие (иначе из того, что английской фонетике свойственна бóльшая четкость и напряженность артикуляции, чем русской фонетике, следовало бы фонетическое бездействие русского языка!).

Любая возможная косвенность этикетных речевых действий принципиально ограничена: она не может затрагивать в них главного, то есть собственно этикетного содержания. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение на *Вы*, если отношения между собеседниками имеют официальный характер. Возможны многообразные вариации формы высказывания, при этом косвенная форма может быть не только более вежливой, но и менее вежливой (и даже иметь целью избежать нежелательной в данном случае вежливости – см. [Норман 1987: 120]).

Вспомним разговор князя Мышкина с Лебедевым о генерале Иволгине (Ф.М. Достоевский. Идиот): генерал, поддавшись порыву алчности, украл у Лебедева кошелек, а потом, устыдившись собственного поступка, подбросил кошелек назад. К тому времени пропажа была обнаружена, но Лебедев пока не сообщил о ней никому, кроме князя Мышкина. Лебедев обсуждает с князем, как ему следует поступить. Мышкин горячо просит его простить генерала, настаивая на том, что, во-первых, поступок генерала свидетельствует его раскаянии, во-вторых, – и это очень интересно – будто бы тот, подбросив кошелек без объяснений, тем самым уже совершил этикетное действие: он извинился, и извинился **п р я м о** :

– Помилуйте, да уж тем одним, что он так на вид положил вам пропажу, под стул да в сюртук, уж этим одним он вам прямо показывает, что не хочет с вами хитрить, а простодушно у вас прощения просит. Слышите: прощения просит! Он на деликатность чувств ваших, стало быть, надеется; стало быть, верит в дружбу вашу к нему. А вы до такого унижения доводите такого... честнейшего человека! <...> с ним будьте ласковы, но... не слишком делайте вид, и... и... знаете...

– Знаю, князь, знаю, то есть знаю, что, пожалуй, и не выполню; ибо тут надо сердце такое, как ваше, иметь.

Можем ли мы согласиться с князем Мышкиным в том, что генерал *уж этим одним прямо показывает, что прощения просит*? Конечно же, нет: это никак не может быть прямым извинением, а следовательно, не может быть извинением вообще. И Лебедева не удовлетворило такое «извинение»: он

был тронут благородством Мышкина, заступающегося за генерала, но отказался следовать его совету. Лебедев фактически настаивает на прямом извинении, которого генерал предпочел бы избежать. Реакция Мышкина – это реакция сверхдобротного, сверхблагородного человека, но ее именно поэтому нельзя считать в этой ситуации обычной или стандартной.

В этом отношении, думается, не права Т.В. Тарасенко [1999], считающая, что у этикетных речевых жанров (*благодарность, извинение, поздравление, соболезнование*) могут быть различные, в том числе невербальные содержательные эквиваленты (обнимающие движения, похлопывание по плечу и т. д.).

Может ли человек в ситуации, когда от него требуется извинение, вместо этого похлопать по плечу обиженного им собеседника? Вообще говоря, не так уж трудно представить ситуацию, когда такое «извинение» достигнет желаемого эффекта (это подтверждает и приводившийся пример из «Бесов»). Например, это возможно, если оба собеседника принадлежат к одной группе, где принято извиняться только таким образом – но тогда, естественно, такой способ извинения будет не косвенным, а прямым. Во всех остальных случаях передача этикетного смысла посредством такого заменителя может произойти только вопреки существующим правилам. В стандартных условиях это было бы не что иное, как сознательное нарушение норм этикета, когда человек понимает, что поступает грубо, но все же предпочитает действовать так по той или иной причине. Это так даже в том случае, если собеседники принадлежат к социальной группе, где грубоватые и фамильярные отношения вошли в привычку, но еще не стало нормой извиняться только таким образом.

Ср. «извинение» Николая Ставрогина в «Бесах»:

Николай Всеволодович <...> не только не смутился, но, напротив, улыбался злобно и весело, «без малейшего раскаяния». Шум поднялся ужаснейший; его окружили. Николай Всеволодович повертывался и поглядывал кругом, не отвечая никому и с любопытством приглядываясь к восклицавшим лицам. Наконец <...> нахмурился, твердо подошел к оскорбленному Петру Павловичу и скороговоркой, с видимою досадой, пробормотал:

– Вы, конечно, извините... Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось... глупость...

Небрежность извинения равнялась новому оскорблению. Крик поднялся еще пуще. Николай Всеволодович пожал плечами и вышел.

Хотя в этом «извинении» нет значительных нарушений речевой формы (есть и формула *Вы извините*, и объяснение причины поступка: *Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось*, и даже самоуничижение: *глупость*), из-за нарушений невербального ряда (*улыбался злобно и весело, «без малейшего раскаяния»; пробормотал скороговоркой, с видимою досадой*) оно повлекло за собой подозрение в сумасшествии, а спустя три года – вызов на дуэль.

Таким образом, общие правила соотношения прямой и не прямой коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная не прямая коммуникация (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных

смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Формулы речевого этикета, вошедшие в язык, образуют одну из многочисленных семиотических, ограниченных подсистем внутри неограниченной, семантической по преимуществу системы – естественного человеческого языка.

Прежде чем переходить непосредственно к косвенным речевым жанрам, подчеркнем, что данное явление – лишь один из аспектов той роли, которую жанры речи играют в делении коммуникации на прямую и непрямую и в организации каждой из этих двух разновидностей.

Жанровыми аспектами не прямой коммуникации являются: существование типических жанровых форм, в которые отливаются высказывания, в том числе высказывания НК; существование косвенных речевых жанров; существование внутрижанровой вариативности; существование перекцентуации и вторичных РЖ; жанр как средство стандартизации и снятия ряда степеней «непрямоты» коммуникации; жанр как носитель некоторого объема имплицитной информации; РЖ как средство речевого осуществления диад НК.

Однако наиболее наглядным аспектом жанровой обусловленности НК являются косвенные речевые жанры. (Подробнее см. в: [Дементьев 2006: 247-259]).

3.3.3. Косвенные речевые жанры

Для выделения существенных типологических черт косвенных речевых жанров необходимо разграничение (1) собственно не прямой коммуникации, присущей коммуникации в рамках любого жанра, как и коммуникации вообще, – непланируемой не прямой коммуникации, долю которой и призваны ограничивать речевые / коммуникативные жанры, – и (2) планируемой не прямой коммуникации, долю которой специально увеличивают косвенные речевые жанры.

1. Первый тип не прямой коммуникации понимается как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего, наконец, вследствие обращения к языку, «пронизанному» НК.

2. Второй тип не прямой коммуникации используется сознательно, как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это имитация НК, использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях.

Второй тип использования НК в речи противопоставлен первому типу – собственно не прямой коммуникации – как явление речевое явлению коммуникативному и, как это ни парадоксально, явление речевое явлению языковому.

Мы предлагаем терминологически противопоставлять данные два типа как непрямую коммуникацию-1 (непланируемую непрямую коммуникацию) и непрямую коммуникацию-2 (планируемую непрямую коммуникацию).

НК-2, хотя она строится как будто бы по законам НК, есть явление уже гораздо более простое и поддающееся систематизации в лингвистической терминологии. Главное, НК-2 нацелена на единственную интерпретацию со стороны адресата (хотя прямых языковых средств для достижения данной цели может и не существовать). В целом НК-1 и НК-2 можно противопоставить как бессознательное и сознательное начала, обуславливающие те или иные свойства текста.

Многие жанры включают такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе не прямой коммуникации (НК-2). Такие жанры мы называем косвенными. Правилами жанра определяется как причина обращения к НК, так и ее речевое оформление, в том числе: диадный механизм данной разновидности НК, способы ее взаимодействия с контекстом и ситуацией общения (соответственно – способы кодирования и декодирования, включающие пошаговую интерпретацию не прямых высказываний), конкретные формальные показатели, обусловленные интенциональными состояниями коммуникантов.

Предлагаемый нами термин-понятие «косвенный речевой жанр», с одной стороны, очевидным образом пересекается с термином-понятием «косвенный речевой акт», что дает возможность жанроведам эффективно использовать достижения теории речевых актов. С другой стороны, данные понятия значительно расходятся. Косвенные РА почти всегда соотносимы с «прямыми» РА, обычно высококонвенциональны (последняя стадия развития для косвенных РА – грамматикализация) и воплощают скорее семиотическое, чем семантическое начало в языке (в терминологии Э. Бенвениста). Единственная возможность множественной интерпретации в косвенных РА имеет по сути формальный характер и является скорее теоретической, чем реализуемой на практике. Главное же отличие проистекает из такого свойства современной теории косвенных РА, как рассмотрение косвенных РА (как и РА в целом) в основном с позиций одного адресанта речи, где главным аспектом выступает целеполагание.

Косвенные РЖ в этом отношении суть принципиально иное. Они, как и речевые жанры в целом, ориентированы на диалог. Порождаемые коммуникативные смыслы в принципе несводимы ни к «прямым» значениям, ни к монологическим интенциям. Не случайно большинство рассматриваемых нами косвенных РЖ относятся к фатическим РЖ, которые нацелены на само общение и для которых прямые средства вообще невозможны.

Главным действующим лицом в «теории косвенных жанров» вновь оказывается адресат, а аспекты их «непрямоты» связываются с теми аспектами интерпретативной деятельности адресата, которые обуславливаются правилами соответствующего жанра.

Дополнительные шаги в интерпретации НК часто продиктованы именно жанром. Например, в ситуации юбилея каждый выступающий в хвалебной торжественной речи «увеличивает» заслуги и достоинства виновника торжества, что считается в подобной ситуации нормальным:

Как в кошмарном сне видится мне мой юбилей <...> Начинаются приветствия от фабрик и заводов, от Советской Армии и Флота, от учреждений культуры. Затем выбегают пионеры и школьники с цветами, но так как они не знают, кому их вручать, то им показывают на меня: «... вот этому дяде!» Ораторы бывают опасные. Иной, раскрыв папку с убогим текстом на две страницы, старается все прочитать сам, при этом называя меня Ростиславом Яковлевичем и безбожно путая даты. Оратор поопытнее просто сует мне в руки очередную папку, восклицая: «Дорогой наш, тут написано, как мы вас любим!» (Р. Плятт. Без эпилога).

Приведенная жанрово-этикетная рефлексия, с одной стороны, порождает НК подобно всем ситуациям, включающим «второй шаг» интерпретации, с другой стороны, – сама является частью этикета: после приветственной юбилейной речи ни один юбиляр не может «обойти» правила ответа, в котором обязательно нужно сказать что-то вроде «меня здесь столько хвалили, и я понимаю, что это неправда, что это только потому, что так принято...». Все это также отражает двойственность этикета.

Рассмотренные аспекты жанровой природы оформления прямой и не прямой коммуникации, в частности предлагаемое здесь определение косвенности, основанное, с одной стороны, на противопоставлении сознательного и бессознательного обращения к не прямой коммуникации, с другой – на степени интенсивности интерпретативной деятельности адресата речи, представляется важным для выделяемых и описываемых ниже групп, или типов, конкретных речевых жанров – прежде всего фатических. В целом роль планируемой не прямой коммуникации, или косвенности, во всех фатических речевых жанрах настолько значительна, что степень косвенности высказываний можно принять в качестве основания типологии фатических речевых жанров.

3.4. Внутренняя классификация и отдельные типы речевых жанров

3.4.1. Фатические речевые жанры

Как уже говорилось, противопоставление фатики и информатики признается чрезвычайно существенным практически всеми лингвистами мира. Многие исследователи опираются на него и не употребляя данных терминов.

По мнению М.Л. Макарова, противопоставление **информации** и **коммуникации** является одним из существеннейших положений современной феноменологии: «от того, по какому пути пойти, зависит вся концептуализация природы человеческого опыта, а также его адаптивной, преобразующей направленности» [Макаров 1998: 28; Deetz 1994]. М.Л. Макаров подвергает справедливой критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации

(«коммуникация выступает как процесс оформления, своего рода «ратификации» репрезентаций в качестве информации и – более всего – как процесс, обеспечивающий ее трансляцию между индивидами» [1998: 27]). Основные направления этой критики следующие: во-первых, при таком понимании коммуникация / поведение рассматривается очень узко – как информация, содержащая указания (индексы) на мнения, верования, желания, компетенции индивида, т.е. внутренний мир личности. Во-вторых, коммуникацию, место которой в мире – «где-то на пересечении социального и психологического», по мнению М.Л. Макарова, следует рассматривать не как механический процесс обмена сообщениями, а как «феноменологическое пространство, где опыт наполняется значением и смыслом, приобретает структуру, связность и цельность» [Макаров 1998; Schiffrin 1994; Богушевич 1985; Гришкин 1973; Harris 1991; Deetz 1994].

Уместно соотнести данную модель с некоторыми положениями современных исследователей фатической коммуникации, утверждающих, что фатическая коммуникация – коммуникация в наиболее чистом виде, ее «свобода личного содержательно-стилистического изъяснения» не ограничивается «информативным объемом вербализуемой референтной ситуации», поскольку в ней «референтная ситуация является, в известном смысле, производным от коммуникативной ситуации» [Винокур 1993а: 136; 1993b: 6]. «Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность», – писала Т.Г. Винокур [Винокур 1993b: 11].

Точку зрения Т.Г. Винокур разделяют М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, предложившие даже трансформировать оппозицию «информативная речь ~ фатическая речь» в оппозицию «фатическое общение ~ нефатическое общение» [Китайгородская, Розанова 1999: 30]. Из этой оппозиции видно, какую важную роль в общем пространстве коммуникации исследовательницы отводят фатической коммуникации. Ср. также модель Ю. Хабермаса – телеологическое (целенаправленное) действие, соответствующее «информатике», противопоставляется нормативному, драматургическому и коммуникативному действиям, соотносимым с «фатикой» [Habermas 1984: 85].

Характерно, что подобную точку зрения можно усмотреть в работах М.М. Бахтина, посвященных теории диалога: есть все основания утверждать, что Бахтин понимал диалог прежде всего как диалог *фатический* (хотя и не использовал этого термина): все интересы собеседников сосредоточены друг в друге, предмет речи вторичен: «Отношение к собеседнику и его речи – определяющий момент речи в диалоге, вне которого нельзя понять реплики. <...> Но в монологе ощущение слушателя иное, монолог более сосредоточен на предметно-логической или эмоционально-лирической стороне речи, не отклоняется от этой сосредоточенности действительным или предполагаемым вмешательством другого (чужой точки зрения, чужого несогласия и т.п.)» [Бахтин 1996: 216]. Данное положение, конечно, нельзя сводить к тому, что для Бахтина любой диалог – *small talk*, но оно

оказывается очень важным при определении места бахтинского диалога в диаде «фатика – информатика», принципиальной для нашей работы.

По мнению Н.К. Бонецкой, философию диалога Бахтина необходимо рассматривать в парадигме всей диалогической философии XX века, соотнося его учение, прежде всего, с работами Франца Розенцвейга, Фердинанда Эбнера, Мартина Бубера. Однако при сопоставлении с данными мыслителями обнаруживаются очень важные отличительные черты бахтинской концепции. Так, размышляя над творческим наследием великого мыслителя, Н.К. Бонецкая приходит к тому, что пресловутый «предмет речи» понимается Бахтиным как застывшая форма, это та «эстетическая чистота», которая всегда была неинтересна мыслителю: в последней своей духовной глубине диалог является взаимоотношением двух [Бонецкая 1995: 37-38]. Для Гадамера (в герменевтике) гораздо важнее диалог «информативный», т.е. предмет речи: согласно его концепции, «Я» и «Ты» в реальном диалоге вообще очень скоро сливаются в единый «субъект диалога» – сливаются именно на почве предмета разговора. В качестве доказательства Н.К. Бонецкая приводит тот факт, что Гадамер опирается на диалоги Платона, которые принципиально тематичны, и Библию – авторитетнейший смысловой центр всего сущего. Мартин Бубер (в книге «Я и Ты») противопоставляет два «основных слова» – «Я – Ты» и «Я – Оно». Диалог, согласно Буберу, – это «Я + Мир», при этом «мир» может быть представлен либо «вторым» («Ты»), либо предметным миром («Оно»). «Оно» для Бубера тоже было очень важно, и в этом – его отличие от Бахтина. Конечно, «собственно диалог» (т.е. диалог «Я – Ты») важнее всего и для Бубера, но Бубер считает, что такой диалог, говоря вообще, – чудо, и это чудо реализуется прежде всего в молчании (тогда как для Бахтина молчание указывает на глубокий кризис – если не смерть – субъектности) [Бонецкая 1995: 40-41]. Эта третья бытийственная позиция в диалоге (если «предмет речи» не важен) выступает у Бахтина как: а) предмет, б) слушатель / наблюдатель / сторонний, в) Бог. Предмет, как мы показали, неважен; «слушатель», по мнению Бонецкой, в книге Бахтина о Достоевском вообще отсутствует... «Наш тезис состоит в том, что место Бога в бахтинской диалогической нравственной вселенной осталось не обозначенным», – пишет Н.К. Бонецкая [1995: 41]. По мнению Бонецкой, в двух (1929 и 1963) изданиях книги о Достоевском оказались представлены концепции двух разных диалогов: 1929 – высокий / этический / христианский; 1963 (после книги о Рабле) – выродившийся первый, совместное беснование, сартровский диалог одержимых [Бонецкая 1995: 49].

Изучение отдельных ФРЖ в какой-то степени подготовлено Б. Малиновским, описавшим сейчас широко известный *small talk*, выделенный им в речи туземцев (их тривиальные разговоры по вечерам у костра, болтовня и сплетни во время работы). По мнению М.-Л.А. Драздаускене, разновидность фатической речи «small talk» впервые зафиксирована еще в 1751 г. в «Письмах» лорда Честэра [Драздаускене 1969: 81]. Е.Н. Винарская и Л.В. Мерзлякова выделяют такие «типы фатического общения», как «монологи матери, ухаживающей за своим грудным ребенком, «разговоры» влюбленных, легкая болтовня за чайным столом, речевое общение участников различных ритуальных мероприятий, воинственных сборищ, спортивных соревнований и пр.» [Винарская, Мерзлякова 1980: 139]. А. Вежбицка называет и описывает при помощи «семантических примитивов», но не выделяет в особую группу несколько ФРЖ («разговор», «ссора», «шутка», «похвальба», «флирт») [Вежбицка 1997: 104-108].

жанров речи в целом шла речь выше, – планируемой непрямой коммуникации, или косвенности, и непланируемой, или собственно непрямой коммуникации.

В целом роль НК во всех фатических речевых жанрах настолько значительна, что степень «непрямоты» высказываний можно принять в качестве основания типологии фатических речевых жанров.

Хотя точное исчисление степени косвенности в косвенных речевых жанрах, по-видимому, неосуществимо (и не вполне ясны возможные критерии такого исчисления), здесь дело обстоит все же значительно проще, чем в случае попытки исчисления «степени непрямоты» НК-1 (непланируемой непрямой коммуникации, собственно НК).

Дело в том, что косвенные речевые жанры (как и косвенные речевые акты) относятся преимущественно к полю НК-2, а не НК-1. Как и в косвенных РА, в косвенных РЖ говорящий использует средства, присущие НК, как прием, имея определенную цель. Отбор средств осуществляется им сознательно. В этом отношении все косвенные речевые жанры – это «риторические жанры» (по О.Б. Сиротининой). Поэтому средства и приемы НК-2 значительно легче систематизировать, чем НК-1. В частности, представляется возможным выявить «степень косвенности» НК-2, которую в целом можно понимать как нарастание в общении доли НК-2 и увеличение числа и жесткости запретов на экспликацию, которые необходимо все время держать в памяти.

Это несложно проверить при рассмотрении конкретных жанров фатической речи. Ясно, что в случае таких жанров, как *объяснение в любви* или *оскорбление*, доля НК-2 минимальна. Здесь как раз о главной цели общения говорится прямо; отметим, что в таких жанрах почти нет места и НК-1. Это почти конвенциональные жанры, связь означаемого и означающего в которых гораздо более устойчива и обязательна, чем во всех остальных ФРЖ.

Что касается *small talk*, то здесь уже несомненно есть НК-2. Будучи социальным общением, *small talk* предъявляет ряд требований к форме и содержанию речи, «обойти» которые нельзя. Особенно очевидно это в наиболее формализованной разновидности *small talk* – *светской беседе*. Так, существует целый ряд тем, которые нельзя использовать, есть темы, которые требуют иносказаний. Жанр светской беседы также предъявляет строгие требования к форме речи, которая включает косвенные речевые акты, и подоб. Все эти особенности *светской беседы* продиктованы тем обстоятельством, что светское общение должно доставлять минимум неудобств собеседникам и подчеркивать их высокий социальный статус.

НК-2 есть не только в *светской беседе* – она присуща всем разновидностям *small talk*. Простейшие «пустые» разговоры попутчиков в поезде накладывают ряд ограничений на тематику и форму речи: не принято обсуждать подробности своей интимной жизни, в американской культуре, например, в *small talk* не принято говорить о своей заработной плате, и т. д.

Косвенный характер средств, используемых в *small talk*, очевиден, иначе собеседникам просто не о чем было бы говорить, кроме «у нас с тобой все хорошо».

Но это еще далеко не предел для НК-2. В целом степень косвенности в косвенных речевых жанрах можно определить следующим образом: присутствует ли в речи и в какой степени то, что необходимо специально скрывать. Ясно, что в *small talk* этого нет. Но существует целый ряд жанров, в которых истинную цель общения не просто не принято называть вслух, но нужно именно скрывать. Это, например, *флирт*, *ирония* и *розыгрыш*. НК-2 здесь господствует, такие жанры всегда предполагают единственную интерпретацию (говорю одно, имею в виду другое, и при этом знаю, что именно). Таким образом, «степень НК-1» таких жанров опять-таки невысока, она несомненно ниже, чем в *small talk*.

Итак, мы предлагаем типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А.Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений [Балаян 1971]). Все известные нам фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (рис. 2).

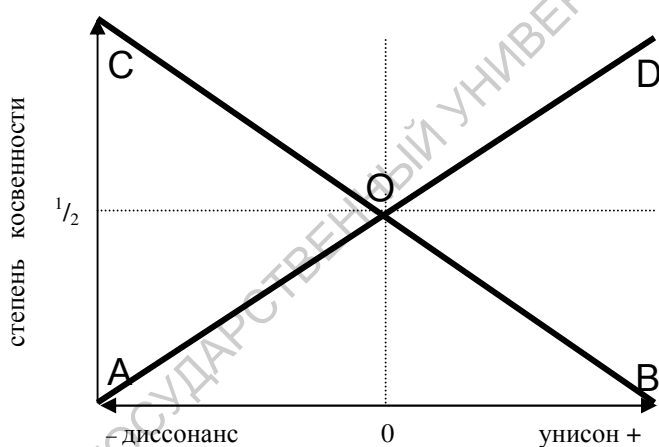

Рис. 2

В точке O находятся все праздноречевые жанры (д-5, согласно Н.Д. Арутюновой): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно $1/2$ на шкале степени косвенности.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений: точка A — эксплицитный разрыв и точка B — эксплицитное объяснение в любви.

В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения / ухудшения отношений (отрезки OA и OB), это улучшение / ухудшение отношений осуществляется менее эксплицитно, т. е. выше их степень косвенности.

Верхнюю часть графика (отрезки ОС и OD) составляют ФРЖ, улучшающие / ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (OD) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел. Максимальному сближению должна соответствовать максимальная косвенность (точка D):

– *Вообще что жизнь? – громко заговорил он. – Все кончится – и все! – Он глядел на женщину – ждал, что она поймет его. – Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. – Художник досадливо поморщился – слова были глупые, мелкие. – Черт возьми! ... Ты понимаешь? Ну, сделаем – ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри – лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное – муть. – Он как будто спорил с кем, доказывал – говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.*

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

– *Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? – Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе. (В. Шукшин. Кукушкины слезки).*

Максимальная же косвенность должна соответствовать и максимальному разрыву (точка С):

Ловлю косые взгляды Дениски, стоящего в дверях, не говоря уже об ушедшем на лестницу курить зяте Владимире и его жене Оксане, которая приходит тут же на кухню, прекрасно зная мою боль, и прямо при Тиме говорит (а сама прекрасно выглядит), говорит:

– *А что, тетя Аня (это я), ходит к вам Алена? Тимочка, твоя мама тебя навещает?*

– *Что ты, Дунечка (это у нее детское прозвище), Дуняша, разве я тебе не говорила. Алена болеет, у нее постоянно грудница.*

– *Грудница??? – (И чуть было не типа того, что от кого ж это у нее грудница, от чьего такого молока?)*

И я быстро, прихватив несколько еще сухарей, хорошие сливочные сухари, веду вон из кухни Тиму смотреть телевизор в большую комнату, идем-идем, скоро «Спокойной ночи», хотя по меньшей мере осталось полчаса до этого.

Но она идет за нами и говорит, что можно заявить на работу Алены, что мать бросила ребенка на произвол судьбы.<...> Наконец-то она спрашивает, это, что ли, от того, о котором Алена когда-то ей рассказывала по телефону, что не знала, что так бывает и что так не бывает, и она плачет, проснется и плачет от счастья? От того? Когда Алена просила займы на кооператив, но у нас не было, мы меняли машину и ремонт на даче? От этого? Да? Я отвечаю, что не в курсе.

Все эти вопросы задаются с целью, чтобы мы больше к ним не ходили. А ведь они дружили, Дуня и Алена, в детстве... (Л. Петрушевская. Время ночь).

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатики выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ.

1. Праздноречевые жанры, или small talk: межличностные отношения не

улучшаются и не ухудшаются, а сохраняются, степень косвенности – приблизительно $\frac{1}{2}$ (точка O). Следует отметить, что small talk может быть средством и небольшого улучшения отношений, охватывая отрезки OB и OD вблизи точки O.

Фатическое общение типа small talk активно изучается в современной западной (прежде всего англоязычной) лингвистике [Bickmore http; Fox 2005; Holmes 2003; Laver 1975; Leech 1983; Sacks 1975; Schneider 1988; Schröder http]; см. обзор: [Фенина 2005].

Так, вышедшая под редакцией Дж. Купланд коллективная монография «Small talk» [Small talk 2000] отражает очень значительное место small talk в общем пространстве англоязычной коммуникации, распространенность (даже повсеместность) small talk и относительно высокую разработанность его норм. В следующем примере выделенный фрагмент необходим для вежливого перехода к сути дела – без такого или подобного вступления разговор между начальником и подчиненным был бы невежливым и, по-видимому, был бы невозможен:

(Tom enters Greg's, his superior's office to request a day's leave):

T o m . Can I just have a quick word?

G r e g . Yeah sure / have a seat

T o m . [sitting down] *Great weather eh*

G r e g . Mm

T o m . *Yeah / been a good week / did you get away skiing at the weekend?*

G r e g . Yeah / we did / now / how can I help you?

T o m . I was just wondering / if I could take Friday off and make it a long weekend?

Отмечается, что в последнее время данный тип общения используется во все большем количестве профессиональных дискурсов. Дж. Купланд [Там же: 1-27], К. Трейси и Дж. Нотон [Там же: 62-83] считают, что small talk относится к основным и наиболее универсальным способам переключения со статусно-ролевых (начальник ~ подчиненный) на межличностные отношения в начале или конце коммуникации, поэтому использование small talk способствует созданию положительного имиджа в социальных кругах. М. Мак-Карти считает, что, хотя small talk в ситуациях институционального дискурса (общение между агентом и клиентом) – достаточно искусственное и неискреннее общение, молчание выглядело бы еще более неловким и неприятным, например, при общении агента и клиента в парикмахерской. На уроках вождения молчание и паузы, естественно, неизбежны по причине необходимости максимальной сосредоточенности, однако и здесь, например, во время вынужденной стоянки, заполнение паузы разговором является естественным и даже необходимым приемом [Там же: 84-109].

К сожалению, в коллективной монографии отсутствует то, с чего должно начинаться любое исследование, – определение small talk. Авторы уходят от вопроса, где граница между этим интуитивно понятным (конечно, гораздо более понятным носителям английского языка, чем русским) явлением и такими смежными явлениями, как этикет, болтовня, фатика в целом, а иногда даже между small talk и такими очевидно далекими от него жанрами, как семейная беседа и дружеская беседа (например, в статье Дж. Коутс [Там же: 241-263]). Безусловно, объективная сложность формального определения данного явления, его столь же объективная близость к некоторым смежным явлениям отчасти оправдывают данный подход; кроме того, в английской речевой культуре small talk, по-видимому, действительно значительно ближе речевому этикету, чем в русской. К числу недостатков книги мы можем также отнести представление (скорее

англоцентричное) о том, что small talk во всех культурах примерно одинаков (хотя в сборнике представлены авторы из разных стран: Великобритания, Новая Зеландия, Польша, Израиль).

2. ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры (отрезок ОА).

3. ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди и т. п. (отрезок ОВ).

ФРЖ ОА и ОВ относительно хорошо изучены (см.: [Арутюнова 1992; Байрамуков 2001; Боргер 2004; Данилов 2001; Емельянова 2004; Жельвис 2002; Иссерс 1997; Колосов 2004; Кусов 2004; Леонтьев 1999; Матвеева 1996; Мищенко 1999; Петелина 1985; Соловьева 1965; Федосюк 1996; Формановская 1989; Хорешко 2005; Хохлова 2004; Brown, Yule 1983; Chaika 1989; Cohen et. al. 1981; Goffman 1972; Herbert 1989; Lewandowska-Tomaszczyk 1989; Manes 1983; Pomerantz 1978; Wolfson 1983]), в отличие от следующих двух групп жанров, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее.

4. ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности иронии, издевка, розыгрыш, например:

(1) – Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни. Гляди!.. обиделся. Любишь, что ли?

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрылит вверх и оттуда разговаривает... расспрашивает с каким-то особым гадким интересом именно то, что задело за большое собеседника.

– А у тебя ничего объект. Где ты ее нашел-то? Глаза только... Что у ей с глазами-то? У ней не эта?.. болезнь такая с глазами есть... Чего она такая пучеглазая-то? (В. Шукшин. Вечно недовольный Яковлев);

(2) – *Jest pan niezwykle natrętnym człowiekiem. W tej chwili przypomnia mi się jeszcze jedno powiedzenie Hebbła: «Gdy się pozbywam złego towarzystwa, odczuwam, jak dobre jest moje własne.» Nie tam już chleba dla gołębi. Siedzenie pod kolumną Zygmunta staje się wobec tego bezprzedmiotowe. Do widzenia panu (Z. Zeydler-Zborowski. Koty Leokadii Kościelnej).* – Вы необыкновенно назойливый человек. В этот момент мне вспоминается еще одно высказывание Геббля: «Когда я избавляюсь от плохой компании, чувствую, как хорошо мне в компании с самим собой». У меня больше нет хлеба для голубей. Сидеть под колонной Зигмунта больше не имеет смысла. До свидания.

(3) – *No właśnie. Dlaczego tego nie zrobię? Dlaczego ciągle tam do czynienia z takimi bandziorami jak ty?* – Вот именно. Почему бы мне так и не сделать? Почему я все время имею дело с такими бандитами, как ты?

– *Chcesz mi ubliżyć?*

– *Хочешь оскорбить меня?*

Weland roześmiał się.

– Nie. Nie mam zamiaru. Stwierdzam tylko fakt. No przecież ty jesteś bandzior, tylko taki mniejszy. Na szefa się nie nadajesz.

– Jak ci moje towarzystwo nie odpowiada, nie musisz ze mną pracować – powiedział urażony Koszycki.

Weland wesoło poklepał go po ramieniu.

– Nie nadymaj się, Waldeczku. Nie do twarzy ci z tym. Nie chcę cię obrażać, ale należy zdać sobie sprawę, kim się jest, jaką branżę się reprezentuje. Po co okłamywać samego siebie? Ani ja przed tobą, ani ty przede mną nie potrzebujemy grać komedii. Ja lubię szmugiel na dużą skalę, a ty kiedyś byłeś rasowym szulerem <...>

Koszycki dyskretnie spojrzął na zegarek.

– Śpieszysz się? – spytał Weland. – Dziewczyna czeka?

– Nie. Dziewczynę odesłałem do domu. Ale późno już... (Z. Zeydler-Zborowski. Koty Leokadii Kościelnej)

Weland рассмеялся.

– Нет. Не имею намерения. Только констатирую факты. Ты ведь бандит, только не из крупных. На шефа не тянешь.

– Если тебя не устраивает моя компания, можешь со мной не работать, – сказал обиженный Кошицкий.

Weland весело потрепал его по плечу.

– Не дуйся, Вальдечек. Это тебе не идет. Я не хочу тебя обижать, но нужно дать себе отчет, кто есть кто, на что способен. Зачем обманывать самого себя? Ни я перед тобой, ни ты передо мной не обязаны ломать комедию. Я контрабандист высокого класса, а ты когда-то был самым обыкновенным шулером <...>

Кошицкий незаметно посмотрел на часы.

– Спешишь? – спросил Weland. – Девушка ждет?

– Нет. Девушку отослал домой. Но уже поздно...

Некоторые исследователи, например, К.Ф. Седов, говорят об особом жанре – *колкости*, представляющей собой как бы комплимент со знаком минус:

(4) – Я тебе сочувствую!

– В чем?

– Ну, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Нет, не понимаю!

– А ты подумай на досуге [Седов 1998: 15];

Владимир Шинкарёв и Александр Флоренский описывают особый жанр – «*доставание*», распространенный среди художников-митьков. Цель этого жанра, по определению самих митьков, дать «поучительный и запоминающийся урок выдержки, терпения и христианского смирения»:

(5) Телефонный разговор Дмитрия Шагина с Александром Флоренским.

Флоренский (СНИМАЯ ТРУБКУ): Слушаю.

Шагин (ПОСЛЕ ДОЛГОЙ ПАУЗЫ И НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОГО ХРИПА, ГОРЕСТНО И НЕУВЕРЕННО): ...Шурка? Шурочек...

Флоренский: Здравствуй, Митя.

Шагин (ЛАСКОВО): Шурёночек... Шурка... А-а-а... (ПОСЛЕ ПАУЗЫ, С ТРЕВОГОЙ). Как ты? Ну, как ты там?!!

Флоренский: Ничего, вот Кузя ко мне зашел.

Шагин (С НЕИЗЪЯСНИМОЙ НЕЖНОСТЬЮ К МАЛОЗНАКОМОМУ ЕМУ КУЗЕ): Кузя! Кузюничик... Кузярушка у тебя там сидит... (ПАУЗА). С Кузенькой сидите?

Флоренский (С РАЗДРАЖЕНИЕМ): Да.

Шагин: *А-а-а... Оттягиваетесь, значит, с Кузенькой, да? (ПАУЗА. НЕОЖИДАННО С НАДРЫВОМ): А сестренка-то где моя?*

Флоренский (С НЕКОТОРОЙ НЕПРИЯЗНЬЮ, ДОГАДЫВАЯСЬ, ЧТО ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ЕГО ЖЕНА, ОЛЬГА ФЛОРЕНСКАЯ): *Какая сестренка?*

Шагин: *Одна сестренка у меня – Оленька...*

Флоренский: *Оля на работе.*

Шагин: *Оленька... (ГЛУБОКО СЕРЬЕЗНО, КАК БЫ ОТКРЫВАЯ ВАЖНУЮ ТАЙНУ): Ведь она сестренка мне...*

Флоренский: *Митя, ты чего звонишь-то?*

Шагин: *Дык! Ёлы-палы!... Дык! Ёлы-палы... Дык... Ёлы-палы!*

Флоренский (С РАЗДРАЖЕНИЕМ): *Митя, ну, хватит тебе.*

Шагин (ЛАСКОВО, УКОРИЗНЕННО): *Шурёнок, ёлки-палки... Дурилка ты...*

Флоренский (С НЕСКРЫВАЕМЫМ РАЗДРАЖЕНИЕМ): *Хватит!*

Шагин (С НАДРЫВОМ): *Шурка! Браток! Ведь ты браток мне, братушка! Как же так!.. С братком своим?!*

ФЛОРЕНСКИЙ В СЕРДЦАХ БРОСАЕТ ТРУБКУ. ДМИТРИЙ ШАГИН ГЛУБОКО УДОВЛЕТВОРЕН РАЗГОВОРОМ [Митьки 1990: 12].

К ФРЖ ОС следует относить *косвенные угрозы*, форма которых может значительно варьироваться. Отметим, что к *косвенным угрозам*, по-видимому, должны быть отнесены любые, форма которых отлична от стандартной формулировки «если ты... то я...»:

УГРОЗА (GROŽBA):

говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X [Вежбицка 1997: 104]⁹.

Как крайние точки на шкале можно понимать, с одной стороны, прямое (конвенционализированное) обещание *показать Кузькину мать / где раки зимуют; вывести на чистую воду* (ср. понимание В.И. Жельвисом *инвективы* как «детонирующей запятой», или точки напряженности, в угрозе [Жельвис 1997b: 137-138]) и, с другой стороны, *окаzionale* форму:

...Неисповедимы пути, по которым доходит до правды ревнующий человек. И Родька дошел. Худой, кривой, длиннорукий и сильный, как обезьяна, с маленькой коротко стриженной головой, которую он всегда гнул глядя глубоко запавшим глазом исподлобья, он стал страшен. В солдатах он нахватался хохлатских слов и ударений. И если Молодая осмеливалась возражать ему на его краткие, жестокие речи, он спокойно брал ременный кнут, подходил к ней с злой усмешкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивал, ударяя на «во»:

– **Вы шо говорите?**

И так вытягивал ее, что у нее в глазах темнело.

Раз наткнулся на такую сцену Тихон Иванович и, не выдержав, крикнул:

– *Что ты делаешь, мерзавец!*

Но Родька спокойно сел на лавку и только глянул на него:

– **Вы шо говорите?**

⁹ Впрочем, вопрос о степени стандартности такой формулировки, естественно, очень дискуссионен, поскольку речь идет о интенциональных состояниях.

И Тихон Иванович поспешил хлопнуть дверью... (И. Бунин. Деревня).

Косвенная угроза может иметь достаточно экзотическую или, напротив, редуцированную форму. Ср. обыгрывание данного явления в анекдоте:

Старого ковбоя спрашивают:

– Как тебе удалось найти такую хорошую жену? За всю жизнь она ни разу не поссорилась с тобой, ни разу не возразила ни в чем.

– Дело было так. Когда мы с ней возвращались от священника, лошадь споткнулась. Я сказал: «раз!». Через некоторое время она снова споткнулась. Я сказал: «два!». Когда лошадь споткнулась в третий раз, я вскочил и застрелил ее.

– Ну и что?

– Жена спросила меня, зачем я это сделал. И я сказал: «раз!»

Жанры этой группы, вообще, наименее изучены, обычно их рассматривали как (прямую) ссору или флирт, противопоставляя лишь группе ОВ.

5. ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка, флирт* (отрезок ОД).

Косвенные комплименты относятся к наиболее распространенным речевым жанрам. Приведем пример из фильма Г. Данелия «Афоня»:

А ф а н а с и й . Эх, Людмила Ивановна, Людмила Ивановна!

Л ю д м и л а И в а н о в н а . Да я уж 40 лет Людмила Ивановна, ну и что?

А ф а н а с и й . Ну, ты! Не даешь студентов, не надо. Но правда дороже!

Л ю д м и л а И в а н о в н а . Какая правда?

А ф а н а с и й (УДАРЯЯ КУЛАКОМ ПО СТОЛУ; КРИЧИТ). Да ты на себя в зеркало-то посмотри! (МАНЕРНО ШАМКАЯ) «Сорок лет»! Да тебе больше двадцати шести в жизни не дашь!

Почему Афанасий избирает явно не «комплиментарные» средства? Именно потому, что такая форма (крик, удар по столу) не соотносится с комплиментом, потому, что он хочет подчеркнуть: это не комплимент, а и с к р е н н е е высказывание. Ср. подобострастную похвалу под маской нелицеприятного суждения из комедии Е. Шварца «Голый король»:

Первый министр. Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна <...> Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски, вы великий человек, государь! <...> Ох, король! (ГРОЗИТ ПАЛЬЦЕМ). Ох, умница!

К о р о л ь . Пойди сюда, правдивый старик. (РАСТРОГАННО). Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза.

Преимущественно косвенный характер ФРЖ обуславливает ряд динамических переходов в фатическом общении, например, переход ОС (косвенная конфликтная фатика) → ОА (прямая конфликтная фатика):

(1) *Ж е н а . Ой, что-то я сегодня себя так плохо чувствую...*

Муж (ИРОНИЧЕСКИ) Бедняга! Ложись и сделай бай-бай.
Жена. Скотина! Это ты целыми днями дрыхнешь, а я на всю семью
вкалываю! [Седов 1998: 13];

(2) – Чего смеешься?.. Не надо... Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал...

– Замечал, почему не замечал, только... Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой...

– Вот змей-то!... Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной... Умник! (В. Шукшин. Билетик на второй сеанс);

(3) – *Bolo trochę za wiele sobie pozwala. Chyba przyznasz...*

– *Ubrał się diabeł w ornat i ogonem na mszę dzwoni...* Ты быś też sobie pozwalał, gdybyś miał u niej szansę. Nie zgrywaj się, Eda, na pierwszego snotliwego!

Edę aż zamurowało z oburzenia.

– *Zawsze musi z ciebie wyleźć złośliwiec...* То insynuacja w twoim stylu. Naturalnie. Ale ty uważaj, Jerzy, bo jak ja zacznę bawic się w insynuacje... (R. Jeruta. Co lubią tygrysy?).

– Болё слишком много себе позволяет. Согласись, что...

– Прикинулся волк овцой! Ты бы тоже позволял – если бы она тебе позволила. Не изображай из себя, Эда, строгого моралиста!

Эду даже передернуло от обиды.

– Тебе всегда нужно оскорбить человека!.. Это клевета в твоём стиле. Точно. Но ты имей в виду, Ежи, что, если я начну клеветать...

Противоположной трансформацией является трансформация ОА → ОС (чаще всего такой переход используют для увеличения силы удара по противнику):

– М-да-а... Тьфу! Не нужна мне твоя баня, гори она синим огнем! – Иван поднялся. – Я только хочу тебе сказать, куркуль: вырастут твои дети, они тебе спасибо не скажут. Я проживу в бедности, но своих детей выучу, выведу в люди... Понял?

«Куркуль» не пошевелился, только кивнул головой, как бы давая понять, что он понял, принял, так сказать, к сведению.

– Петька твой начал уж потихоньку выходить в люди. Сперва пока в огороды.

– Как это?

– Морковка у меня в огороде хорошая – ему глянется... (В. Шукшин. Хозяин бани и огорода).

Итак, перед нами новая шкала НК, лежащая в основе двухмерной матрицы. Здесь следует подчеркнуть два момента. Во-первых, расположение ФРЖ по признаку степени косвенности демонстрирует тип НК, проявляющийся в градуируемых смыслах. Во-вторых, типология ФРЖ как полевая структура с очевидностью демонстрирует, что центр поля ФРЖ составляют жанры типа small talk. Разумеется, это не случайно.

Все ФРЖ относятся к непланируемой непрямо́й коммуникации (НК-1), при этом имеют разную степень «непрямоты». Как мы уже подчеркивали, фатическая речь в целом не предполагает прямых реализаций. Однако некоторые ФРЖ (точки А и В на графике) все-таки прямые жанры, что

говорит, по-видимому, о том, что фатическое начало в них конкурирует с информативным началом.

В жанрах, где высока степень косвенности (доля НК-2), степень НК-1 (собственно НК) как правило невысока. Всегда ясно, что имеется в виду, и цель общения в принципе можно выразить «прямо». Естественно, что и *флирт*, и *колкость* допускают и даже предполагают НК-1. Возможна НК-1 и в жанрах ОА и ОВ (естественно, очень трудно исчислить, в каких жанрах ее «больше»). Но очевидно, что и в том, и в другом случае центр ее не здесь, а в праздноречевых жанрах.

Жанры *small talk* не случайно центр на графике – они являются центром и поля фатики, и данного участка НК. ФРЖ *small talk* являются в каком-то смысле единственной константой во всем поле фатики, будучи свободными от наличия или отсутствия прямых средств выражения (прямых речевых актов). В структуре ФРЖ ОА и ОВ обязательно должны быть прямые РА, в ФРЖ ОС и ОД прямые РА невозможны и, следовательно, эти жанры тоже некоторым образом зависят от них. Семантику флирта, розыгрыша и т. д. все же можно выразить прямыми РА, даже если это «иллокутивное самоубийство» [Вендлер 1985]. И только в случае *small talk* в принципе не может быть речи о какой-либо эквивалентности.

Таким образом, мы приходим к тому, что степень НК-1 и степень НК-2 (степень косвенности) одного и того же высказывания могут существенно различаться. Собственно говоря, жанры *small talk* вообще не предполагают прямой реализации, это всегда НК-1. Но с точки зрения НК-2 им всегда присуща «степень косвенности одна вторая». В то же время они одни непосредственно, «без примесей» выражают фатическую интенцию, следовательно, они по-своему прямые («по-своему» в том смысле, что более прямых средств, то есть средств языка, для выражения интенции *small talk* просто не существует).

Предлагаемая модель, основанная на разных измерениях НК, позволяет объяснить ряд других аспектов фатических речевых жанров, имеющих, как и все жанры, сложную коммуникативную природу.

Так, данная модель позволяет выявить – хотя бы предварительно – набор обязательных и факультативных структурных элементов отдельного ФРЖ (речевых актов), а также некоторые «предписания» относительно их последовательности, «задаваемые» местом ФРЖ на графике. Прежде всего это касается соотношения прямых и косвенных речевых актов.

Вернемся к понятию динамической структуры речевого жанра по Т. Баллмеру и В. Бренненштуль [Ballmer, Brennenstuhl 1981].

С динамической точки зрения отдельные ФРЖ противопоставляются друг другу значимостью для них элементов динамической структуры: ФРЖ *small talk* (точка О) в основном состоят из инерции и, можно сказать, ею выражаются. Как правило, есть один вектор-ускорение, векторы встречаются чрезвычайно редко. При *объяснении*, *флирте*, *прямой* и *косвенной ссоре*

(ФРЖ отрезков OA, OB, OC и OD) главное – векторы, они выражают сущность этих ФРЖ и сообщают обычно довольно высокое напряжение коммуникации. *Разговор по душам* занимает промежуточное положение между *small talk* и *объяснением*: в его структуре много векторов и инерции, но все же, как нам представляется, роль векторов более значительна. Противопоставление «вектор-ориентированных» и «инерция-ориентированных» жанров выявлено экспериментально М.Л. Макаровым (информантам предлагалось дописать три незаконченных типовых бытовых диалога – конфликтного, выраженно кооперативного и типа *small talk*. Для первого и второго диалогов в результате эксперимента были выявлены когнитивные модели с довольно определенной шаговой структурой; третий дал невероятную разбросанность реакций) [Макаров 1992: 132-133]. По нашему мнению, схема М.Л. Макарова должна быть дополнена группой вектор-ускорение-ориентированных ФРЖ, в которую входят эксплицитное институциональное соглашение о близости /любви (признание) и эксплицитный институциональный разрыв отношений (ФРЖ точек А и В). Как уже отмечалось, эти жанры вообще занимают особое положение в системе речевых жанров: 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные высказывания; 3) это в равной мере фатические и информативные жанры.

Кроме того, можно высказать предположение о месте ФРЖ в системе речевых жанров в целом. Для установления взаимных отношений фатических и информативных речевых жанров примем за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А.Р. Балаяна. РЖ, находящиеся в точках А и В (прямые *признание* и *разрыв отношений*), являются в равной степени фатическими и информативными (а следовательно, в каком-то смысле «наименее фатическими»). Вообще, нижняя часть типологии ФРЖ сливается с (мета-)диалогом об отношениях коммуникантов (т. е. по преимуществу информативным) и оказывается имеющей лишь косвенное отношение к основной коммуникативной цели (удовлетворение потребности в общении). С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) лично релевантные информативные жанры (гармоничные – *свадьба, представление, соглашение* – и дисгармоничные – *выговор, ультиматум, объявление войны*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект). Косвенность этих информативных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и, как следствие, в переводе части (информативной) имплицитной имплицитности в имплицитный план. К лично нейтральным информативным РЖ («собственно информатика») относятся (лично нейтральные) *вопросы и ответы, дискуссии, просьбы и обещания*.

Следует признать, что заманчивая идея построить общую типологию фатических и информативных речевых жанров с помощью простого зеркального копирования «андреевского флага» симметрично относительно оси А.Р. Балаяна оказывается заведомо невыполнимой – уже потому, что шкала А.Р. Балаяна релевантна далеко не для всех информативных речевых жанров. Модель также не вполне объясняет те жанры, в природе которых совмещаются фатическое и информативное начала – *упрек, сплетни, иронию*. Семантика данных существительных характеризуется внутренней глубокой неоднородностью, охватывая сложный комплекс разных коммуникативных интенций, ситуаций, тем. В современной теории также не решены вопросы 1) о статусе базовой единицы категории иронии: уровня лексемы (метафоры), высказывания (речевой акт), текста (речевой жанр)? 2) должна ли это быть единица по преимуществу коммуникативная или когнитивная (номинативная)?

Очень многие примеры подтверждают, что все жанры «верха» типологии обычно воспринимаются средним носителем русского языка как некое неопределенное, нечетко организованное поле, которым он владеет слабо и которое скорее пугает, и в то же время внутренне единое (*small talk* и флирт воспринимаются как примерно одно и то же, разница между ними далеко не столь существенна, как между *small talk* и разговором по душам или прямой ссорой). Дифференциация фатических речевых жанров (особенно верхней части типологии) в целом требует достаточно высокого уровня речевой компетенции и риторической грамотности.

Замечательный пример этой особенности русской «наивной» коммуникативной компетенции находим в рассказе В. Шукшина «Медик Володя». Пример так ярко отражает все основные особенности русской центробежной фатики, что есть смысл рассмотреть его подробнее.

Студент из деревни Володя случайно встречается с землячкой, тоже студенткой, и они разыгрывают друг с другом «светский разговор» (точка О), желая показать, что стали высококультурными, светскими горожанами. Собеседники демонстрируют низкий уровень коммуникативной компетенции, но о данном жанре, несомненно, что-то уже «знают» (где-то что-то видели, слышали). Поверив в успех, Володя вдруг принимает свои же речевые действия за умелый флирт и попадает в чрезвычайно затруднительное и стыдное положение.

Уже первая реплика Володи – *Хелло!* (не *Здравствуй* или *Привет!*) – является вектором-ускорением некоего изысканного, непрямого и не очень знакомого ему жанра, кроме того, явно неестественного для подобной ситуации; Шукшин постоянно подчеркивает ощущение фальши и то, что Володе стыдно: он чувствует, что такое общение не только неестественно, фальшиво, но и глупо (*с глупой трескотней; вопросы очень нелепые*):

– *Володя... Ой, здравствуй!*

– Хелло! – воскликнул Володя. И сделал вид, что очень-очень удивился, и остро почувствовал свою фальшь и это «хелло», и наигранное удивление. От этого вопросы дальше возникли очень нелепые: «Каким ветром? Откуда? Куда?»

– Как?.. На каникулы.

– А-а, ну да. Ну, и как? На сколько? – Володя до боли ощущал свою нелепость, растерянность и суетился еще больше: почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше. – До сентября? Или до октября?

Девушка, как видим, готова принять предложенную тональность (очень притворно удивилась девушка), также весьма слабо и неопределенно представляя себе ее цель (во имя современных раскованных отношений):

Девушка – это было видно по ее глазам – отметила, сколь изменился с недавней поры ее земляк. Но странно, что и она не сказала в простоте: «Да ты что, Володя! Я тоже еду на каникулы, как и ты», а сразу подхватила эту показную вольную манеру.

– Не знаю, как нынче будет. А вы? Вам сказали или тоже на бум-бум едете?

Володе сделалось немного легче оттого, что девушка не осадила его с глупой трескотней, а готова даже сама поглупеть во имя современных раскованных отношений.

По сути, единственное, что Володя знает о правилах ведения данного жанра, – это то, что жанр косвенный: ничего нельзя говорить «в простоте», однако данное требование он не выдерживает последовательно, в то же время весьма слабо представляя, для чего служат подобные речи вообще и к чему может привести их такой разговор в данном конкретном случае, что хорошо становится видно из их последующих реплик:

– А как отдыхаете дома летом? Чем занимаетесь?

– Да чем... За ягодами ходим... – Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально «за ягодами». – Вообще скучно.

– Скооперируемся? – навернул Володя. – А то я тоже с тоски загибаюсь. Нас же разделяет всего... четырнадцать километров, да? Сядем на велики...

– Давайте, – легко согласилась девушка. – У нас тоже молодежи нету. Подруги кое-какие остались, но... Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся. Вот так, знаете, обвальню.

Интересно, что на представления о «светском» общении обоих накладываются нормы формального/официального общения, что в целом было характерно для представителей невысокой речевой культуры советского периода («канцелярит»): нас разделяет четырнадцать километров; У вас стабильное положение; Вот так, знаете, обвальню; поддерживали приятельские отношения; скооперируемся; как мы будем бороться со скукой?; естественно; Володе нравилось слово «естественно»). В то же время есть попытки говорить ярко, образно, нестандартно (пронюхали; обзавестись справками в родимых колхозах; Не спится юному ковбою, вернее так: не спится лысому ковбою), попытки экспрессии (Ой, здравствуй!; тоже на бум-бум едете; Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся). Это четко осознаваемое ощущение необходимости неестественной, нехарактерной для

данной ситуации общения дистанции, какую и создает официальность, как и необходимость говорить ярко, необычно, также является частью общего представления о косвенности общения.

– Это вполне понятно, – сказал Володя. – Этого надо было ожидать. Это – один к одному.

– Но почему? – очень притворно удивилась девушка.

– Разошлись дороги... И разошлись, как в море корабли. – Володя посмеялся и стряхнул пепел в алюминиевую неудобную пепельницу вниз. – Это так же естественно, как естественно, что у человека две ноги, две руки и одно сердце. – Володя вспомнил, что он медик.

И девушка тоже вспомнила, что он медик.

– Ой, а трудно в медицинском, а?

Володя снисходительно посмеялся.

– Почему? Нет, отсеб, естественно, происходит... – Володе нравилось слово «естественно». – Нас на первом курсе повели в анатомичку, одна девушка увидела жмуриков и говорит: «Ах, держите меня!» И повалилась...

– В обморок?

– Да. Ну, естественно, это уже не врач. В фармацевты.

– Обидно, наверно, да?

Полное отсутствие актуальной темы при необходимости все время говорить (и говорить как можно более осмысленно, «умно») приводит к тому, что оба рады любой, самой малой «помощи» – в виде случайно возникшей известной темы. Шукшин, конечно, с иронией показывает, что Володя вспомнил, что он медик, после замечания, что у человека две ноги, две руки и одно сердце. Тем не менее, возникшая тема предоставляет Володе дополнительную возможность сказать еще что-то «умное» – по сути, конечно, это всё не что иное, как профессиональная лексика и профессиональный жаргон (*отсеб происходит; в анатомичку; увидела жмуриков; в фармацевты; я же географичка*), которые также характерны для формальных сфер общения, а использование их в ситуации неофициального непосредственного общения также воспринимается как уместное, потому что означает так необходимую ребятам косвенность.

Стремление продемонстрировать «культурность», общее развитие проявляется не только в «свободном» владении косвенными средствами речи и не только в профессиональной компетентности, но и в необходимости поговорить о литературе, продемонстрировав здесь и то, и другое. При этом Шукшин вновь подчеркивает, насколько неискренними и неестественными (и обременительными) для ребят являются эти литературные «салонные» разговоры (*показушный великий голод; ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Брэдбери*):

– А у вас клуб в деревне открыли?

– Кинотеатр. В прошлом году. Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял – бубнеж какой-то: бу-бу-бу... Я ушел. Хуже, что библиотеки доброй нет. У вас хорошая библиотека?

– Да нет, тоже... Я везу кое-что с собой.

- Ой, что, а?! – выдал Володя показушный великий голод.
- «Путешествия Христофора Колумба». Это, знаете, дневники, письма, документы... Я же географичка.
- Так. Еще?
- Еще кое-что... А у вас есть что-нибудь?
- У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... Как его, врач тоже был...
- Чехов?
- Нет, но они, кажется, поддерживали приятельские отношения. Вот вылетела фамилия. А Брэдбери у вас ничего нету?
- Нет. А вы любите читать про медиков?
- Да нет... Любопытно бывает, если не тужта полная. А Камю ничего нет?
- Нет, нету.

Обращает на себя внимание еще и такое явление, как очень большая доля неопределенных выражений в общении (вообще скучно; подружки кое-какие остались; Я везу кое-что с собой; еще кое-что... а у вас есть что-нибудь? У меня кое-что специальное тоже... «Записки врача» этого... как его, врач тоже был...; общими усилиями как-нибудь...); иногда чрезмерное и совершенно неуместное использование неопределенных дейктических средств изображается Шукшиным утрированно, с иронией (Я как-то пошел посмотреть какую-то картину, половины слов не понял – бубнеж какой-то: бу-бу-бу... я ушел). Огромное количество таких средств особенно заметно к середине разговора. С одной стороны, это является следствием того, что ребята в общем слабо владеют речью, не справляются с коммуникативными ролями участников small talk, что им нечего сказать, а нужно, они это чувствуют, сказать что-то значительное, интересное. С другой стороны, ребята, по-видимому, используют неопределенные средства сознательно, поскольку, во-первых, стесняются говорить о точных и хорошо знакомых им, но каких-то неизящных подробностях своей деревенской жизни (Девушка спохватилась, что, пожалуй, это банально – за ягодами), а во-вторых, неопределенность вполне естественно ассоциируется у них с так необходимой косвенностью.

Такую неопределенность даже трудно выдерживать до конца: в реплике У нас со второго курса нынче ушла **одна**. Но она просто перевелась, у нее просто отец военный, его **куда-то** перевели девушка не выдержала неопределенности и уточнила свою фразу: его куда-то перевели. **Во Владивосток**.

Далее разговор стремительно развивается в направлении, неизвестном (и потому страшноватом) для Володи и девушки и уже совсем не в направлении, задаваемом правилами small talk:

- Ну, так как мы будем бороться со скукой? – весело спросил Володя. – Как вы себе это представляете? – Ему совсем хорошо стало, когда свалили этих Камю, Брэдбери...
- Общими усилиями как-нибудь... – тоже весело сказала девушка. Как-то вроде обещающе сказала...

Здесь явное неразличение жанров: установившаяся симпатия, доверительность противоречит лично нейтральному small talk, но при этом совсем выйти за пределы изысканной тональности «страшно» (*почему-то страшно было замолчать и не фальшивить дальше*). Жанр, даже слабо осознаваемый, предъявляет требования, обойти которые нельзя; собеседники все же осознают требования жанра в достаточной степени, чтобы понять это, и оказываются в своеобразном «плёну» у жанра.

В то же время для персонажей Шукшина, как и для всех «наивных» носителей русского языкового сознания, все косвенные жанры слабо противопоставлены друг другу, они все примерно одинаковы, и нет ничего удивительного в том, что для Володи (и для девушки) «включаются» жанровые ожидания дальнейшего флирта:

Володя быстро утрачивал остатки смущения. Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная. Неопытная. Он и сам был не бог весть какой опытный, то есть вовсе неопытный, но рядом с такой-то, совсем-то уж зеленой... Ну-у, он хоть что-то да слышал! Отважиться? Возможность эта так внезапно открылась Володе, и так он вдруг взволновался, что у него резко ослабли ноги. Он уставился на девушку и долго смотрел – так, что та даже смутилась. И от смущения вдруг рассмеялась. Глядя на нее, и Володя тоже засмеялся. Да так это у них громко вышло, так самозабвенно! Так искренне.

– Вплоть до того, что... – хохотал Володя, – вплоть до того, что ... поставим... – Володя и хотел уже перестать смеяться и не мог. – Поставим шалаш и...

Как услышала девушка про этот шалаш, так еще больше закатилась.

– Как Робинзоны... на этом... да?

Володя только кивнул головой – не мог говорить от смеха.

Этот смех – разрядка после продолжительного напряжения, – свидетельствует и о чуждости и трудности такого стиля разговора, и о радости оттого, что нет больше необходимости притворяться. Таким образом, его можно обозначить как первый в разговоре переход «сверху вниз» на графике фатических жанров (точка О или отрезок OD → отрезок OB). Далее мы увидим, насколько завышена оказалась степень косвенности, соответствующая на графике предельно большой близости, и насколько не по силам для Володи, который прямо-таки «рухнул» (*его гнусного позора; мелко напаскудил*) оттуда в прямое предложение физической близости (трансформация OD → OB), которое он хотел бы сделать изысканным, косвенным, но не справился (*по тому, как она на него смотрела вопросительно, чуть удивленно, он понял, что он не улыбается*), и которого, кстати, совершенно не хотел, был фактически вынужден, находясь «в жанровом плёну» (*Володя успел разом осознать, что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула*):

Володя закурил... Его опять охватило волнение. Его прямо колыхнуло, когда она – совсем рядом – скинула вверх и назад оголенные свои руки... Он успел увидеть у нее под мышкой родинку. Дым сигареты стал горьким, но он глотал и глотал его... И молчал. Потом бросил сигарету и посмотрел на девушку... Ему казалось, что он посмотрел смело

и с улыбкой. Девушка тоже смотрела на него. И по тому, как она на него смотрела – вопросительно, чуть удивленно, – он понял, что он не улыбается. Но теперь уж и отступить было некуда, и Володя положил руку на ее плечо и стал робко подталкивать пальцами девушку к себе. Так как-то двусмысленно подталкивал – приглашал и не приглашал: можно, однако, подумать, что он влечет к себе, тогда пусть шагнет сама... Жуткий наступил момент, наверно, короткий, но Володя успел разом осознать и свою трусость, и что ему вовсе не хочется, чтоб она шагнула. И он вовсе потерялся...

– Что ты? – спросила девушка серьезно.

– Начнем? – сказал Володя. Девушка убрала его руку.

– Что начнем? Ты что?

– О боже мой! – воскликнул Володя. – Чего ж ты уж так испугалась-то?..

Пичужка. – И он коротко хохотнул, торопливо похлопал девушку по плечу и сказал снисходительно и серьезно; – Иди спать, иди спать, а то поздно уже. Да? – И ринулся в наружную дверь тамбура – вон отсюда. <...> Он почти бежал по вагонам. Очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона, чтоб никто никогда не узнал его гнусного позора и какой он враль и молокосос. <...> Эта Лариса теперь расскажет всем... Они любят рассказывать – смеются всегда! – когда какой-нибудь валенок хотел соблазнить девушку, но ничего не вышло – получил по ушам.

Володя просто не может представить, что такое долгое и трудное общение может и не иметь определенной и вполне практической цели, «выигрыша», что единственная цель small talk – само общение в пределах small talk, без дополнительных результатов общения и без какого-либо изменения состояния дел (в межличностных отношениях). Быстро произошедшая замена точка О (small talk) → OD, которая, скорее всего, осталась незамеченной, так как для ребят оба жанра примерно одно и то же, означает в конечном счете полный и окончательный уход от лично-нейтральной фатике: длительное и доброжелательное общение никак не ассоциируется с ней, ожидается большая и выраженная прямо симпатия (или антипатия: в конце Володя прямо-таки готов желать девушке смерти: *очень хотелось или самому выпрыгнуть из вагона, или чтоб она, эта географичка, выпала бы как-нибудь из вагона*).

Таким образом, для группы фатических речевых жанров, которая представляется важной для общего пространства РЖ, выделяются универсальные измерения – степень межличностной близости и степень косвенности речи. В то же время некоторые рассмотренные признаки являются неуниверсальными, культурно-специфичными, например, для русской речевой культуры – слабая проработанность «верха» и «середины» типологии ФРЖ.

Добавим, что отдельные информативные речевые жанры, противопоставляемые ФРЖ в диаде Т.Г. Винокур «фатика ~ информатика» [1993а; 1993б], в целом рассмотрены значительно лучше – ср., например, исследования целого ряда конкретных жанров научной речи в рамках упоминавшегося «функционально-стилистического жанроведения» в Перми. Нам представляются интересными некоторые универсальные стратегии,

выделяемые К.Ф.Седовым для всех информативных речевых жанров, – репрезентативная / изобразительная (она делится на репрезентативно-иконический и репрезентативно-символический подтипы) и нарративная / аналитическая (она делится на объектно-аналитический и субъектно-аналитический подтипы) [2007: 21-25]. Поэтому мы посчитали возможным отказаться от подробного рассмотрения данных явлений – интересующихся отсылаем к названным работам.

3.4.2. Жанры разных социолингвистических типов дискурса

При рассмотрении социолингвистических и прагмалингвистических классификаций разновидностей дискурса и соответственно «социолингвистических» и «прагмалингвистических» типов и подтипов мы будем опираться на многочисленные исследования по дискурсивной лингвистике, выполненные в Волгоградской, Саратовской, Иркутской, Воронежской и др. школах.

Самым общим (лингвофилософским) является противопоставление типов дискурса в различных «модусах человеческого существования». С этих позиций выделяются, например, **деловой** (утилитарный) и **игровой** регистры дискурса, соответственно можно говорить о жанрах речи / коммуникации, цель и назначение которых связана с игровой и неигровой (профессиональной) деятельностью.

Очевидно, что проблема выделения типов и жанров дискурса на данной основе производна от более общей проблемы – определения сущности игровой коммуникации и ее места в жизни человека.

Следует отметить, что, несмотря на то, что проблема игровой коммуникации, игры является одной из наиболее актуальных в современной «антропологически» ориентированной лингвистике [Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении 2003; Борботько 1996; Гольдин 2001; Гридина 1996; Карасик 2002; Логический анализ языка: Концептуальные поля игры 2006; Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма 2007; Норман 2000; Санников 1999; Седов 1998; Слышкин 2000; Хейзинга 1992; Щурина 1999], в целом не существует ни единого, общепризнанного определения «игры», ни общепризнанного представления о ее функциях и месте в коммуникации и жизни человека в целом.

Многочисленные определения «игры» можно, как представляется, разделить на две основные группы, восходящие к определениям Берна и Хейзинги.

В своей книге «Игры, в которые играют люди (Психология человеческих взаимоотношений)» Эрик Берна определяет игру как серию следующих друг за другом «скрытых» трансакций. Сущность игры определяется двумя моментами: во-первых, наличием «скрытых мотивов», во-вторых, – «выигрыша». Э. Берна отмечает, что в любой игре существует определенный набор правил, несоблюдение которых влечет санкции со стороны социума. Ученый подчеркивает, что, при всей важности игр для

психологического здоровья человека, они являются только суррогатом реальной близости и не могут ее заменить. «Самой совершенной формой» признаются полностью свободные от игр человеческие взаимоотношения; предполагается, что при условии наличия близкого партнера играющие могут «вполне безопасно и даже с радостью» отказаться от игры [Берн 1988].

Иной взгляд на игру представлен в работе Йохана Хейзинги «Homo Ludens: Статьи по истории культуры». Игра рассматривается как культурный феномен, более того, речь идет о «игровом характере культуры» вообще. Й. Хейзинга отводит игре такую же важную роль, как и «работе», вводя наряду с термином *homo faber* ‘человек делающий’ термин *homo ludens* ‘человек играющий’. Игра – это функция живого организма, которая не может быть полностью обоснована ни биологически, ни логически, ни этически. Игра также лежит вне таких рациональных и этических противопоставлений, как «мудрость ~ глупость», «правда ~ неправда», «добро ~ зло». Ученый определяет игру как «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но безусловно обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением “инобытия” в сравнении с “обыденной жизнью”» [Хейзинга 1992: 44]

Как видим, в самом общем виде данные представления о месте игры в жизни относятся друг к другу как некая приятная, «украшающая», но в принципе необязательная и бесполезная «добавка» к тому, без чего жизнедеятельность человека невозможна, – и то, что составляет не просто важную, но важнейшую часть жизни людей, то, ради чего, собственно, и живут – и ради чего занимаются «всем остальным».

Многие исследователи считают существенным противопоставление **лично-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса:**

В первом случае (в случае лично-ориентированного дискурса – *В.Д.*) в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы [Карасик 2002: 277].

Личностный (персональный) дискурс делится, согласно В.И. Карасику, на две основные разновидности – **бытовой** (обиходный) и **бытийный** дискурс.

Отличительной особенностью бытового дискурса, в котором коммуникативная ситуация самоочевидна, В.И. Карасик считает «сокращенный код» общения (*elaborated code*, согласно Б. Бернстайну [Bernstein 1979: 164-167]), когда люди понимают друг друга «с полуслова». Ср.:

О. После двенадцати я не могу

М. После двенадцати? А ты ведь...

О. А вообще нет // Нет / не знаю // Если диспетчерская завтра будет...

М. Да

О. То значит после двенадцати // Если же диспетчерской не будет/ значит/ Тогда я смогу раньше/ то есть в первой половине дня // Полки привезу.

Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира. Ср. пример из «Братьев Карамазовых»:

– Чего ты глядишь с удивлением? Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитрие? О загранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?

– Нет, не для этого.

– Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековых вопросах теперь и толкует. Именно теперь, как старики все полезли вдруг практическим вопросам заниматься. Ты из-за чего все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: «Како веруеши, али вовсе не веруеши» – вот ведь к чему сводились ваши трехмесячные взгляды, Алексей Федорович, ведь так?

– Пожалуй, что и так, – улыбнулся Алеша. – Ты ведь не смеешься теперь надо мною, брат?

– Я-то смеюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три месяца глядел на меня в таком ожидании. Алеша, взгляни прямо: я ведь и сам точь-в-точь такой же маленький мальчик, как и ты, разве только вот не послушник. Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?

Братья, как видим, говорят о «важных вещах», и это очевидно (а дальше будет и «Великий Инквизитор»).

Статусно-ориентированный дискурс, согласно В.И. Карасику, представляет собой институциональное общение, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [Карасик 2002: 277].

В случае статусно-ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей (начальник и подчиненный, клиент, пациент, пассажир, прихожанин, ученик и т.д.). Эти ролевые характеристики, разумеется, неоднородны: роль учителя, например, значительно объемнее роли пациента. Отметим, что вряд ли

существуют «чистые» статусные и личностные виды общения. Вместе с тем практика общения свидетельствует о коммуникативной доминанте, именно поэтому продавец в магазине будет скорее всего удивлен, если покупатель будет задавать ему вопросы о смысле жизни. Вероятно, более точным будет понимание коммуникативной дистанции как определенной шкалы между предельно личностно-ориентированным и предельно статусно-ориентированным общением, например, это разговор по душам или лирическое стихотворение, с одной стороны, и прохождение таможенного контроля, с другой стороны [Карасик 2002: 291].

Конечно, традиционно противопоставляются художественные и нехудожественные, письменные и устные, монологические и диалогические тексты / дискурсы / жанры.

Не будем подробно представлять данные типы речи, получившие детальное рассмотрение в лингвистике на протяжении многих веков ее существования.

«Ясность» противопоставления всех этих типов является кажущейся, существуют многочисленные переходные типы, обусловленные как объективной многомерностью и «нечеткостью» самих речевых явлений, так и разными подходами к их определению и исчислению.

Тем не менее, данные типы и основания для их противопоставления в целом достаточно четко определены в лингвистике. Так, обычно считается, что в устном тексте, в отличие от письменного, чаще всего нет: замысла; названия; гипертемы; плана; завершения; смыслового единства (цельности).

Что касается художественно-ориентированного общения, следует отметить, что лингвисты обычно связывают его сущность и основание противопоставления остальным – нехудожественным разновидностям с противопоставлением дискурсивной и рекурсивной организации речи, т.е. творческой речи и стандартного использования языка [Борботько 1998; Карасик 2002].

Отмечается, что дифференциация художественно-ориентированного общения может проходить по различным признакам: это языковая игра, различные виды игрового поведения, включая игру в театре, художественная речь, художественная литература во всем многообразии ее жанров. Художественно-ориентированное общение в значительной мере пересекается с личностно-ориентированным общением, поскольку в творчестве происходит наибольшее самораскрытие личности [Карасик 2002: 291-292].

Наконец, с позиций социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое «с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Там же: 279].

Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса. Разумеется, приведенный список может быть дополнен либо видоизменен. Важно отметить, что институциональный дискурс исторически изменчив – исчезает общественный институт как особая культурная

система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения. Например, в современной России вряд ли можно установить охотничий дискурс [Карасик 2002: 279].

Многим из названных В.И. Карасиком видов дискурса были посвящены специальные исследования. Мы не ставим, естественно, цели представлять их все; отметим, что исследования, о которых идет речь, чрезвычайно многообразны как по выбору конкретного объекта (конкретный тип дискурса или его отдельный аспект; разные типы дискурса в сопоставлении; значимые нарушения в их структуре и развитии; функции), так и по используемой методике исследования и терминологии.

Например, Р. Водак приводит характерный пример медицинского дискурса, в основе которого лежит схема необходимых и достаточных коммуникативных действий, связанных с приемом пациента в одной из клиник Вены: 1) пациента приглашают в кабинет, 2) пациент раздевается и ложится на кушетку, 3) один из присутствующих врачей осматривает пациента, 4) пациент одевается и возвращается в прихожую, 5) врач, который произвел осмотр, диктует результаты своему коллеге, затем они обмениваются мнениями либо врач сам делает записи в рабочем журнале, 6) приглашают следующего пациента. Фактически эта схема очень редко воплощается в жизнь, поскольку попутно в кабинет заходят коллеги, врач отвечает на телефонный звонок, медсестра приносит рентгеновский снимок предыдущего пациента, обнаруживается, что потеряна учетная карта пациента и медсестра отправляется ее искать, электрокардиографический прибор не функционирует, следующий пациент, который записался на определенное время, заглядывает в кабинет и т.д. Все участники общения привыкли к отклонениям и накладкам и реагируют на них нормально [Wodak 1996: 55-56].

Показательно в этом отношении, что под руководством В.И. Карасика (а также его коллег в Волгоградской школе изучения дискурса и его жанров) был написан и успешно защищен целый ряд докторских и кандидатских диссертаций, посвященных различным типам дискурса – например, **политического** [Попова 1995; Даулетова 1997; Артемова 2002; Бакумова 2002; Кочкин 2003; Истомина 2008], **институционального** [Шемякина 2004; Андреева 2008], **ритуального** [Извекова 2006], **религиозного** [Бобырева 2007а], **медицинского** [Бейлинсон 2001], **художественного** [Тряпицына 1999], **научного** [Михайлова 1999], **педагогического** [Каратанова 2003], **рекламного** [Кочетова 1999], **компьютерного** [Галичкина 2001], **делового** [Баландина 2004], **телевизионного** [Ларина 2004], **сказочного** [Акименко 2005], **«гедонистического»** [Олянич 2004]. Во многих названных исследованиях в рамках соответствующего дискурса выделяются характерные речевые / коммуникативные жанры.

Так, докторская диссертация Е.В. Бобыревой [Бобырева 2007а] посвящена комплексному (с привлечением данных теологии, философии, психологии, социологии и культурологии) исследованию сущности и функций, базовых концептов и ценностей, жанров и основных коммуникативных стратегий религиозного дискурса на материале текстов молитв, проповедей, акафистов, притч, псалмов, пасторских обращений, хвалебных молитвословий на русском и английском языках.

В работе определена сущность и конститутивные признаки религиозного дискурса; показано отношение религиозного дискурса к другим разновидностям институционального дискурса: педагогическому, научному, политическому, медицинскому, художественному. Доказано, что содержанием религиозного дискурса являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также вербальные и невербальные (поведенческие) религиозные ритуалы; участники религиозного дискурса – Бог (Высшая сущность), скрытый от непосредственного восприятия, но потенциально присутствующий в каждом коммуникативном акте религиозного дискурса; священнослужители (жрецы и отчасти пророки; интересное самостоятельное исследование посвящено стереотипным образам монаха, монахини, батюшки в русском и отчасти английском языках) и адресаты-прихожане; типичный хронотоп религиозного дискурса – храмовое богослужение.

Е.В. Бобыревой выявлены основные функции религиозного дискурса, которые делятся на дискурсивные (репрезентативная, коммуникативная, апеллятивная, экспрессивная, фатическая и информативная) и институциональные, характерные только для данного типа общения (регулирующие существование религиозного сообщества, отношения между его членами, внутреннее мироощущение члена социума). Доказано, что важнейшей для религиозного дискурса является апеллятивная функция, поскольку любой жанр религиозного дискурса предполагает обязательную апелляцию к воле и чувствам человека (проповедь) либо апелляцию человека к всемогуществу Бога (молитва).

Доказано, что системообразующими для религиозного дискурса являются концепты «Бог» и «вера», а отдельные концепты делятся на специфические для религиозного дискурса («вера», «Бог», «дух», «душа», «храм») и общие для религиозного и других типов дискурса («любовь», «закон», «наказание»). На основе взаимных отношений религиозного и нерелигиозного / светского дискурса (структурного и онтологического характера) противопоставлены концепты собственно религиозной сферы («Бог», «вера», «дух», «душа», «грех»); концепты, первоначально возникшие в религиозном дискурсе, а затем вышедшие за его рамки и функционирующие в религиозном и нерелигиозном дискурсе («ад», «рай», храм); концепты, которые были перенесены в религиозный дискурс из нерелигиозного («чудо», «закон», «наказание», «страх», «любовь») – показано, что именно последние в настоящее время имеют наиболее широкий ассоциативный потенциал.

Е.В. Бобыревой исследованы основные ценности религиозного дискурса: признание существования Бога; идея ответственности человека перед Творцом; признание истинности догматов данного вероучения и религиозно обусловленных моральных норм. Данные ценности детально проанализированы по модели «ценность ~ антиценность»: добро ~ зло, жизнь ~ смерть, истина (правда) ~ ложь, божественное ~ земное.

Наконец, Е.В. Бобыревой проанализированы жанры и отдельные внутрижанровые коммуникативные стратегии религиозного дискурса, среди которых автором выделяются по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом первичные жанры религиозного дискурса (*псалмы, притчи, молитвы*) и вторичные жанры (*проповеди, исповеди*).

Кандидатская диссертация О.А. Каратановой [Каратанова 2003], посвященная лингвистически релевантным нарушениям педагогического дискурса, опирается на удачное определение педагогического дискурса, сформулированное самой О.А. Каратановой: «педагогический дискурс представляет собой специализированную клишированную разновидность общения, которое организуется в рамках определенного института (учебное заведение), имеет определенную цель (социализация нового члена общества) и характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников общения (учитель – ученик)» [2003: 7]. На наш взгляд, в этом определении два ключевых момента: цель педагогического дискурса – социализация нового члена общества, а

центральный речевой жанр педагогического дискурса – *урок* (в ситуации урока присутствуют дети и учитель, на уроке передаются новые знания). О.А. Каратановой построена прототипная модель педагогического общения (*урока*), включающая доминантную цель (передача знаний) и этапы: организация общения, объяснение, контроль, завершение общения, которым соответствуют фатическая, объясняющая и контролирующая стратегии.

Медицинский дискурс рассматривается в кандидатской диссертации Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон 2001]. Автор отмечает, что с позиций социолингвистики этот тип дискурса выделяется на основе тех социолингвистически значимых признаков, которыми в обществе наделяется врач: 1) сакральный характер профессии (не случайно студенты-медики приносят клятву Гиппократу), профессия врача приобретает характер особого служения, 2) наличие особой медицинской этики, специфических норм поведения, связанных, например, с неразглашением врачебной тайны, 3) наличие весьма разработанной и обширной медицинской терминологии, специфика которой заключается в том, что наряду с научной системой терминов в языке существует система бытовых (народно-медицинских) терминов или терминоидов, приближающихся к статусу терминов; знание этого подъязыка выделяет врачей в отдельную социальную группу; 4) разработанная система ритуальных знаков (белые халаты, медицинские инструменты, личные печати врачей и т.д.); 5) специальное обозначение определенных видов общения врачей: консилиумы, медицинские комиссии.

Естественно, самое большое количество проблем возникает в том случае, когда данные модели применяются на практике – попытки непротиворечиво распределить реальный речевой материал по даже подробным теоретическим схемам практически никогда не бывают до конца удачными и вызывают множество возражений у коллег-жанроведов.

Так, в кандидатской диссертации О.Н. Хорешко, посвященной «жанрам положительной оценки лица» [Хорешко 2005], определяется как *комплимент* [Там же: 38] высказывание, на наш взгляд, гораздо больше похожее на *колкость*:

- Жена, примеряя новый костюм, интересуется мнением мужа:*
– Тебе нравится?
– Ты мне нравишься в любом костюме;

По этой же причине трудно согласиться с тем, что следующий пример должен быть классифицирован как *лесть*, а не *комплимент* [Там же: 56]:

- *Через полгода я выхожу на пенсию.*
– (делает вид, что удивлен) *Уже?*
– (с улыбкой) *Вы мне льстите;*

Конечно, у исследователя есть основания для такого решения (хотя бы лексема *льстить* в реплике-реакции *Вы мне льстите*). Но в следующем примере, несмотря на то, что самоуверенная дама (*выглядела я тогда сногшибательно*) сама назвала *признанием* свою явную, нескромную *похвальбу*, думается, исследователь все же не имеет право послушно

согласиться с такой оценкой высказывания, как это поспешила сделать О.Н. Хорешко:

– Надо честно признать, выглядела я тогда сногшибательно: высокие сапоги, темные очки (в общественных местах приходится маскироваться), вся такая нарядная [Там же: 60].

Работа в этом направлении продолжается, появляются новые модели – как правило, в связи с наиболее актуальными проблемами смежных отраслей современной «текстоцентрической» и «антропоцентрической» лингвистики, например, противопоставление жанров, ценностные характеристики которых поддерживаются в рамках культуры, в которой используются данные жанры, и не поддерживаемые жанры.

IV. Речевой жанр и языковая личность

4.1. Теоретические проблемы персонологической генристики

Персонологическая генристика – направление теории речевых жанров, которое естественным образом складывается на пересечении данной теории с теорией языковой личности / лингвоперсонологией, подобно тому как внутри общей теории дискурса естественным образом выделяется персонологическое направление (в любом тексте / дискурсе очень значимо авторское, личностное начало).

Когда М.М. Бахтин в своей широко известной статье «Проблема речевых жанров» дал определение речевого жанра и тем самым заложил основы будущей теории речевых жанров, в этой будущей теории им уже был намечен личностный аспект речевого жанра:

«Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т. п. И дальше речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Бахтин 1996: 180-181].

Как представляется, главные жанрово-персонологические идеи Бахтина, содержащиеся в цитированной статье и в более ранних работах («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле...», в вышедшей под именем В.Н. Волошинова книге «Марксизм и философия языка»), могут быть сведены к следующим: личность говорящего проявляет свою (относительную) свободу с формальной стороны – в варьировании формы высказываний в пределах, заданных жанром (Бахтин отмечал, что у разных жанров эти пределы разные, например у военной команды и непринужденной беседы); личность слушающего – с содержательной стороны: его свобода – это свобода интерпретации сказанного говорящим, и тоже в пределах, заданных жанром. Слушающий решает, когда говорящий уже раскрыл тему («тему речевого жанра», по Бахтину), а значит, «можно» отвечать (в этом смысле роль адресата в ситуации общения видится более важной, чем адресанта; отметим, что из этого исходят некоторые направления современной коммуникативной лингвистики, в частности «интеракционная модель коммуникации» [Schiffrin 1994; Sperber, Wilson 1995]).

Подобно языку [Жанры речи 2009], жанр выступает для личности в двойной роли: с одной стороны, дает чрезвычайно богатые возможности для общения и самовыражения, с другой – неизбежно ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все».

К сожалению, несмотря на то, что данный аспект периодически затрагивается в работах общеперсонологического характера [Балашова 1999; 2002; Баранов, Мирошниченко 2007; Бойко 2005; Гуц 1997; Леонтьев 1999; Орлова 1999; Сахарова 2009; Седов 1999а, 1999б, 2007] либо

общеперсоналогического характера [Аксиологическая лингвистика 2005; Голев 2006; Иванчук 2005; Карасик 2002; 2004; Карасик, Дмитриева 2005; Карасик, Ярмахова 2006; Лемяскина 1999; Милёхина 2006; Парсамова 2003; 2004; 2005; Саломатина 2005; Личностные аспекты языкового общения 1989; Роль человеческого фактора в языке 1988; Человеческий фактор в языке 1991, 1992; Языковая личность 1996, 1998, 2001], задачи персоналогической генристики как самостоятельного направления теории речевых жанров еще никем не были четко сформулированы.

По нашему мнению, к важнейшим следует отнести **теоретическую** задачу дискурсивного моделирования (персоналогическая генристика вводит в обиход общей дискурсивной теории два основания дискурсивной типологии, соответствующие двум основным аспектам проблемы «жанр и языковая личность», – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра) и **практическую** задачу описания речевого материала. (По всей видимости, сюда было бы правильно включить все случаи использования данной языковой личностью речежанрово оформленных высказываний – то есть фактически речи во всей полноте, поскольку и фактор адресата, и конкретное речежанровое оформление, безусловно, релевантны для любого типа речи.)

В классификации, построенной на основании «**речевой жанр через призму языковой личности**», выделяются типы РЖ на основе того, что они, так сказать, дают языковой личности. С этой точки зрения важнейшими признаками РЖ будут, с одной стороны, степень предоставляемой данным жанром свободы / самовыражения, с другой стороны, наоборот, степень ограничения самовыражения, а также ограничения восприятия мира / ситуации общения / собеседника: «речежанровые картины мира», стоящие за разными жанрами, обуславливают разную аспектуацию, или число воспринимаемых аспектов мира [Слышкин 2004: 182-184].

Данное основание классификации РЖ – разграничение стандартизированных жанров типа приветствия и поздравления, где говорящий очень мало что может привнести от себя, и более «свободных» жанров – предложено М.М. Бахтиным [Бахтин 1996: 181-182], но осталось почти незамеченным широкой лингвистической общественностью. (Во всяком случае, даже один из наиболее тонких исследователей речежанровых идей Бахтина В.М. Алпатов назвал данную идею «скорее относительной, чем абсолютной» [Алпатов 2005: 322]). Возможно, это связано с тем, что данная идея высказывается Бахтиным непосредственно после идеи о первичных и вторичных РЖ, как бы вскользь, и больше Бахтин к ней никогда не возвращался, тогда как проблема вторичных РЖ частично затрагивается в статье «Проблема речевых жанров» и в архивных записях к ней.

В то же время ряд работ в современной лингвистике посвящен творческому развитию данной идеи, хотя и не все исследователи при этом упоминают М.М. Бахтина и даже используют термин *речевой жанр*.

Так, в лингвистике текста эта степень жесткости, или структурированности, понимается как элементы собственно текстовой системности. Современная лингвистика текста располагает разработанной методикой для выявления и описания таких моментов [Кожевникова 1979: 53-54; Сиротина 1994: 106-122].

Идея о существовании разных типов жанров / текстов, различающихся степенью своей жесткости / свободы, получила некоторое развитие в современной теории дискурса – как степень формализации дискурса, особенно при изучении ритуального дискурса, где моменты формализации наиболее очевидны. Так, В.И. Карасик [2002: 400] разграничивает мягкую и жесткую формализацию ритуального действия в зависимости от того, насколько жестко фиксированы те или иные параметры ситуации ритуального взаимодействия. В кандидатской диссертации аспирантки В.И. Карасика М.Г. Извековой показывается, что наивысшей степенью ритуализации (и, соответственно, наиболее жесткой формализацией) обладают такие жанры педагогического и медицинского дискурса, как экзамен и операция; меньшей степенью ритуализации (мягкой формализацией) – занятие, консультация/прием [Извекова 2006: 173].

Одним из наиболее принципиальных моментов названных моделей, восходящих к сформулированной М.М. Бахтиным идее о существовании типов жанров / текстов, различающихся степенью своей жесткости / свободы, является представление о том, что степень жесткости речи / текста прямо связана с особенностями интерпретативной деятельности адресата речи – точнее, интенсивность интерпретативной деятельности адресата речи обратно пропорциональна этой степени жесткости. Именно эта идея лежит в основе классификаций «текстовых смыслов», предлагаемых, например, И.Р. Гальпериным [1981], М.Ю. Федосюком [1988: 12-13], К.Ф. Седовым [1993: 5-15], В.В. Дементьевым [2006: 78-99] и др.

В настоящем сборнике данная проблема решается, например, в статье Т. Е. Водоватовой и О.В. Мурдускиной на материале аномальных английских высказываний, специфика которых, по мнению авторов, состоит именно в расширенной интерпретации.

Следует отметить, что жанрово-дискурсивная классификация, основанная на общей степени жесткости жанровой модели, очевидным образом пересекается с другими классификациями РЖ – например, такими широко известными, детально разработанными в современном жанроведении классификациями, как деление речевых жанров на *первичные* и *вторичные* (в разных пониманиях «вторичности»), *прямые* и *косвенные* (о них можно сказать то же самое) либо деление коммуникативно-речевых единиц по степени абстракции на *речевые жанры*, *стратегии*, *тактики* и т. п. Конечно, через посредство коммуникативно-речевых стратегий и тактик тоже выражается языковая личность, более того – (внутрижанровые) стратегии и тактики, как единицы меньшего уровня абстракции, чем жанры, более непосредственно связаны с состояниями и интенциями языковой личности. Наконец, целый ряд стратегий, выделяемых исследователями (например, [Иссерс 1999; Олянич 2004; Паршина 2005]), непосредственно соотносится с коммуникативными целями самопрезентации и самовыражения языковой личности (*стратегии самопрезентации*).

В классификации, построенной на основании «**языковая личность через призму речевого жанра**», выделяются типы языковых личностей в зависимости от умений / способностей / предпочтений / репертуара используемых РЖ. На первый план выходят объем и более детальные характеристики речежанровой коммуникативной компетенции языковой личности:

«Отличия в целях и задачах коммуникации, с одной стороны, в индивидуальном речевом опыте и речевой компетенции – с другой, требуют от говорящего изменений в

стратегиях речевого поведения и речевой деятельности. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы» [Седов 2002: 40]; «Такие жанровые предпочтения в речевом поведении мотивируются чувством речежанровой идентичности, т. е. определением своего/чужого по жанровому признаку. Степень владения/невладения личностью нормами речежанрового поведения, тяготение к тем или иным жанрам могут стать основой для типологии проявлений коммуникативной компетенции» [Седов 2010: 187].

Безусловно, Константину Федоровичу Седову принадлежит пальма первенства в комплексном изучении речежанровой компетенции языковой личности лингвистическими, психолингвистическими и онтолингвистическими методами. Жанроведы хорошо знакомы с его трудами, начиная от первых опытов психолингвистического анализа жанров речи [Седов 1999а, 2002] до развернутой типологии коммуникативной компетенции в рамках разрабатываемого им дискурсивного подхода к языковой личности, «лингвистики индивидуальных различий» [Седов 2007, 2010]. Своеобразным итогом многолетних исследований ученого стала обобщающая статья «Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности», вошедшая в настоящий сборник.

Является значимой связь данной классификации с существующими горизонтальными / вертикальными классификациями языковых личностей.

Горизонтальная модель в лингвоперсонологии предполагает фиксацию набора используемых, известных и предпочитаемых данной языковой личностью жанров, реконструкцию данного набора в виде поля с центром и периферией, соотнесение с другими лингвоперсонологически значимыми полями. На этом основании языковая личность относится к определенному типу – социальной группе (возраст, профессия), собственно лингвистической группе (идиолект, лексикон, грамматикон). Следует отметить, что такая фиксация – обязательная составляющая речевого портретирования.

Говоря о данном направлении, нельзя не отметить еще одну группу исследований в отечественной лингвистике, пока не очень многочисленную, но, думается, перспективную, – изучение диалектологами феномена «диалектной языковой личности». Этой проблемой активно занимаются сибирские ученые (Томск, Хабаровск, Кемерово), например, ей посвящены докторская диссертация Е.В. Иванцовой [2002], кандидатская диссертация О.А. Казаковой [2005]. В настоящий сборник вошла статья Е.В. Иванцовой о жанре *потчевания* в традиционной народной культуре, развивающая идеи Томской диалектологической школы.

Вертикальная модель в лингвоперсонологии предполагает не «простую» фиксацию, а определение уровня культуры, владения языком / речью (объем языковой и коммуникативно-речевой компетенции), а также нравственного развития данной языковой личности. Это в большей степени аксиологическая / оценочная, стадийная или онтологическая классификация, где за выделением разных типов языковых личностей стоит идея «роста», совершенствования – ср. такие типы, как элитарная – среднелитературная языковая личность; кооперативная – конфликтная; эгоцентрик – конформист – актуализатор; наконец, типов, выделяемых на

основе склонности данной языковой личности к креативности / кооперации / инициативности (здесь оценочность видна уже из названий типов личностей). Многие классификации и выделяемые в них типы личностей естественным образом имеют речевжанровое выражение: *креативные личности* владеют «творческими жанрами», такими как жанры художественной речи, занимательный рассказ, изощренный тост, и способны к творческому переосмыслению жанров, *кооперативные* – используют жанры кооперативного, гармоничного взаимодействия, *инициативные* – используют большое число жанров и способны быстро переходить от жанра к жанру и т. п.¹⁰

Сам факт владения / невладения теми или иными жанрами иногда может свидетельствовать об уровне развития языковой личности. В отличие от классификаций горизонтального типа, речь идет о неповседневных, выучиваемых жанрах (жанры научного, официально-делового, художественного общения, *тост, светская беседа*).

Вертикальная модель в целом тоже представляется полезной для задач речевого портретирования, хотя, конечно, характеристики такого рода следует давать очень осторожно.

В некоторых случаях оценочность, присущая той или иной классификации, выступает как вполне объективный критерий. Так, «элитарная языковая личность» выделяется на основе объективной полнофункциональности, то есть степени владения типами и стилями речи в разных функциях и сферах [Гольдин, Сиротинина 1993]. Следует признать объективными критерии, используемые в онтолингвистике для выявления уровня овладения родным языком [Петрова 2000; Гуц 2005; Цейтлин 2009]. Столь же, по-видимому, объективный критерий лежит в основе анализа

¹⁰ В этом отношении показательна история терминов в широко известной классификации типов речевых культур В.Е.Гольдина и О.Б.Сиротининой. Напомним, первоначально исследователями выделялись пять типов: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и народно-диалектный [Гольдин, Сиротинина 1993]. Впоследствии, по причине оценочности слова *элитарный*, эта терминосистема была заменена на новую: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный и обиходный типы как «естественно сформировавшиеся» и литературно-жаргонизирующий как искусственно созданный журналистами [Сиротинина 2003]. По нашему мнению, введение в классификацию литературно-жаргонизирующего типа полезно, поскольку отражает некоторые новые тенденции в речевой практике, однако в целом новая терминосистема является гораздо менее удачной: во-первых, термином *неполнофункциональная* следовало бы обозначать все типы, кроме элитарного, т. е. единственного полнофункционального, во-вторых, термин с «не-» (*неполнофункциональный*) вряд ли может обозначать более высокий уровень культуры, чем термин со «средне-» (*среднелитературный*). (Так, противоестественно звучит формулировка в докторской диссертации Т.А. Милёхиной: «Уверенно констатируется *неполнофункциональный* тип речевой культуры у Ф., который вырос в семье вузовских преподавателей» [Милёхина 2006: 333] – как «похвала» типу заведомо ущербному.) В-третьих, думается, оценочность (оценочность слова *элитарный*) – вполне естественное явление в классификации вертикального типа.

текстов, порождаемых языковой личностью на чужом языке, – выделяются типы языковых личностей по уровню овладения иностранным языком [Даштоян 2005; Смирнова 2010]. В то же время довольно трудно согласиться, например, с общим и однозначным определением русского коммуникативного поведения как *менее правдивого* и *менее толерантного* по сравнению с американским [Стернин, Стернина 2001: 98-99].

В некоторых исследованиях рассматриваются речевые жанры в аспекте авторской индивидуальности, например, в кандидатской диссертации И.В. Самойловой – речевые жанры научного дискурса [2009].

В настоящем сборнике данный аспект рассматривается в статье Н.В. Орловой, посвященной жанровой идентификации языковой личностью необычной коммуникативной ситуации. Автор анализирует тексты записанных ею «необычных интервью» с информантами-нефилологами, которых с автором связывают родственные или дружеские отношения. Целью работы является выяснение того, какими свойствами языковой личности обусловлен выбор того или иного речевого жанра.

Наконец, говоря о проблеме «языковая личность через призму речевого жанра», нельзя не сказать об особом типе жанров речи, суть которых состоит в **характеристике человека**, – таких как стремящиеся к объективности *портретирование*, *характеристика* (официальная и неофициальная) и выраженно оценочные *комплимент*, *лесть*, *сплетня*, *насмешка* [Никитина 2005; Седова 1999].

В настоящем сборнике эта проблема развивается в статьях В.И. Жельвиса (посвященной жанру *обзывания* как своеобразной характеристике человека: это «различные эпитеты, которыми награждают друг друга люди, критикуя деятельность, характер и внешний облик оппонента») и Л.В. Балашовой (посвященной вокативам-метафорам в речи носителя молодежного жаргона).

4.2. Жанр и модельная языковая личность

Оба аспекта проблемы «жанр и языковая личность» – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра – наиболее наглядно проявляются в представлениях об **образцах**, **эталонах**.

Это показывают, например, исследования коммуникативных / коммуникативно-речевых *концептов* (особенно – образного и понятийного компонентов данных концептов), которые чаще всего представляют собой когнитивные проекции тех или иных речевых жанров или близких им коммуникативных феноменов. Исследования конкретных коммуникативных концептов выявляют наличие двух базовых ориентаций: **на жанр** **ли** **бо** **на личность**.

Так, при изучении понятийного компонента коммуникативного концепта *спор* выявляются и систематизируются доминанты соответствующего речевого жанра, а при изучении образного компонента – личность «*спорщика*», которая может быть реконструирована, например, на основе ассоциативного эксперимента [Горбачева 2006]. Подобная картина

наблюдается при изучении коммуникативного концепта *светский*: с одной стороны, в русском языковом сознании *светский* (человек) – это тот, кто владеет речевым жанром *светской беседы*; с другой – при выявлении доминант жанра *светской беседы* (тоже при помощи ассоциативного эксперимента) естественным образом возникают ассоциации с конкретными людьми, которых информанты считают *светскими* (Н. Михалков, В. Познер, А. Друзь) [Фенина 2005].

Именно на идее образца, эталона основывается *теория лингвокультурных типажей* – пожалуй, наиболее разработанный в лингвистике подход к изучению языковой личности через призму используемых коммуникативно-речевых единиц. Трудно однозначно отнести данную модель к числу «горизонтальных» или «вертикальных» – типаж, как и портрет, совмещает оба аспекта, при этом акцент делается не на иерархии и не на полевых структурах, а, так сказать, именно на типичности, «модельности».

Базовым для данной теории является понятие *модельной языковой личности* как наиболее репрезентативной в своем коммуникативно-речевом (в частности – речежанровом) выражении. Описанием отдельных лингвокультурных типажей, или типов модельных языковых личностей, и разработкой соответствующей теории активно занимаются в Волгоградском педагогическом университете: к настоящему времени, например, описаны национальные типажы *американский адвокат*, *американский гангстер*, *американский ковбой*, *американский супермен*, *английский аристократ*, *английский бизнесмен*, *английский дворецкий*, *английский колониальный служащий*, *английский рыцарь*, *английский сноб*, *звезда Голливуда*, *калмыцкий кочевник*, *российский предприниматель*, *русский дворянин*, *русский интеллигент*, *французский буржуа*, а также «типаж как характер» (*коллекционер*), «типаж как протест» (*шпана*), «типаж как диагноз» (*разгильдяй*) и т. п. [Аксиологическая лингвистика 2005; Лингвокультурные типажы 2010; Карасик 2004, 2010; Карасик, Дмитриева 2005; Карасик, Ярмахова 2006]. В последние годы целый ряд исследований был посвящен коммуникативному поведению языковой личности / типажа *телевизионного ведущего* [Беспамятнова 1994; Кажер 2002; Ухова 2001; Шаповалова 2009].

В сущности, коммуникативный аспект «типаж» (как его понимают, например, в Волгограде) есть не что иное, как особенности типичной (для данного типажа) речежанровой компетенции, то есть владения набором жанров и использования их:

«Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение <...> а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определенной лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определенных синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.)» [Карасик, Дмитриева 2005: 21-22].

Речежанровому представлению Интернет-типажей в русскоязычной и англоязычной Интернет-коммуникации посвящена статья Н.Б. Рогачевой в настоящем сборнике: автор показывает, что данные типажи, с одной стороны, зависят от соответствующего жанра (блог, форум, чат), с другой – представляют специфические трансформации первичных жанров, существующих в непосредственном общении, с точки зрения таких принципиально важных для жанров аспектов, как коммуникативные ценности, потребности и цели языковой личности. Соответственно описание коммуникативного поведения Интернет-типажей позволяет сделать некоторые выводы о «вторичной речежанровой компетенции» языковой личности.

Конечно, особенности коммуникативной / речежанровой компетенции того или иного типажа становятся особенно заметны в случаях коммуникативных / речежанровых **неудач**, когда, например, обнаруживается невладение тем или иным жанром, происходит речежанровая интерференция или подмена, – все это очень наглядно обнаруживает границы чьей-либо коммуникативной / речежанровой компетенции. О таких неудачах, проистекающих из несовместимости коммуникативной / речежанровой компетенции с требованиями текущей ситуации, в которой от человека ожидаются иные формы поведения и жанры речи, писал еще Бахтин:

«Многие люди, великолепно владеющие языком, часто чувствуют себя совершенно беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер. Часто человек, великолепно владеющий речью в различных сферах культурного общения, умеющий прочитать доклад, вести научный спор, великолепно выступающий по общественным вопросам, молчит или очень неуклюже выступает в светской беседе. Дело здесь не в бедности словаря и не в стиле, отвлеченно взятом; все дело в неумении владеть репертуаром жанров светской беседы, в отсутствии достаточного запаса тех представлений о целом высказывания, которые помогают быстро и непринужденно отлить свою речь в определенные композиционно-стилистические формы, в неумении вовремя взять слово, правильно начать и правильно кончить (в этих жанрах композиция очень несложная)» [Бахтин 1996: 183].

Из художественных текстов мы знаем, как русский интеллигент оказывается неспособен вести светские беседы, еще со времен Чацкого и Пьера Безухова.

Русская классика богато представляет и другие речежанровые умения / неумения. Например, Татьяна пишет любимому письмо в тех стиле / жанре, которые почерпнула из сентиментальных романов: вполне естественно, что этот ее поступок не понимает пресыщенный, избалованный любовными успехами светский волокита – девушка же не может понять его отеческих наставлений... Конечно, Онегин понял письмо Татьяны гораздо лучше, чем поняли бы большинство представителей золотой молодежи той эпохи, – и гораздо лучше, чем... вообще возможно понять т а к о й текст, отталкиваясь только от его «поверхностной структуры» (как справедливо отмечает Ю.М. Лотман [1995], письмо Татьяны по форме есть не более чем набор модных штампов того времени): в интерпретации письма Татьяны Онегин обнаруживает такие фоновые знания (а также психологические способности,

ораторский талант и... *душу*), благодаря которым он и интересен читателю... и тем не менее в конечном счете Онегин не понял Татьяну.

Можно вспомнить также геолога из советского фильма «Подкидыш», который говорит с маленькой девочкой про серный колчедан.

Стереотипное представление о речежанровой компетенции отдельных типажей – прежде всего, как и следовало ожидать, тоже об их коммуникативных / речежанровых неудачах – отражено во множестве юмористических текстов.

Чаще всего обыгрывается подмена жанра / стиля, например, бюрократ, чиновник, а также ученый и др. узкие специалисты оказываются неспособны говорить «по-человечески» – с «простым» собеседником, любимой девушкой, старушкой, ребенком:

Едут в машине папа за рулем и трехлетний сын сзади. Сын ест большое яблоко, спрашивает у папы: – Папа, а почему яблоко коричневое? Папа: – Понимаешь, когда ты откусываешь яблоко, у него выделяется сок. Так как в яблоке содержится железо, то, взаимодействуя с кислородом, оно окисляется и таким образом приобретает коричневый цвет. После небольшой паузы сын спрашивает: – Папа, а ты с кем сейчас разговаривал?

Молодожены. Она закончила консерваторию. Первая брачная ночь. Муж голый лежит на кровати. Жена встает на табуретку и голосом конференсье говорит: «Супружеская обязанность – исполняется впервые»!

Противоположный случай речежанровой подмены – когда подчеркнуто «простой», но остроумный либо смешной персонаж, не являющийся носителем вторичных жанров различных «высоких» сфер общения, общается с бюрократом, чиновником и т. п. (см. предыдущий список). В этом отношении целую серию блестящих примеров дает, например, цикл анекдотов про поручика Ржевского (герой, которого можно назвать озорником, развратником, грубияном, циником, постоянно комически профанирует «светские», «цивилизованные» претензии своих собеседников [Седов 2000]); ср также анекдоты про блондинок (например, беседа блондинки с инспектором ГИБДД):

Едут две блондинки в машине со скоростью 120 км/ч. Останавливает машину гаишник:

- Девушки! Висит знак 60! Вы едете 120!
- Так нас же двое!

Интересно, что объектом комического обыгрывания в таких текстах достаточно редко становятся лексические особенности текста (например, специальная терминология, как это можно было бы ожидать в свете всего сказанного): обычно это общий стиль и построение фраз, т. е. именно речежанровые аспекты речи.

Наряду с вполне реальными носителями того или иного типа речежанровой компетенции, которых адресат легко может представить, а во многих случаях – идентифицировать с собой, персонажами таких текстов часто выступают мифические и полумифические персонажи, такие как

старик Хоттабыч, в простейших бытовых ситуациях озадачивающий собеседников «восточной» цветистостью речи, или принцесса в советской детской литературе, фильмах, мультфильмах – неумением *просить*, а не *приказывать*. Конечно, элементы фантастики в таких случаях только подчеркивают реальность, даже если она не всегда очевидна.

Подобную же природу имеют, например, русские «этнические» анекдоты, в которых обыгрываются коммуникативные / речежанровые неудачи, проистекающие из национальных особенностей речежанровой компетенции (точнее, стереотипного представления о них, какое свойственно анекдотам): эстонская *ссора*, английское «джентльменское» *знакомство/представление*, чукотский *спор*, еврейское *аргументирование*, грузинский *флирт*, русская *пьянка, драка* и т. п.

К этому же типу можно отнести, например, с недоумением или улыбкой воспринимаемый русскими зрителями американский фильм «Красная жара», где «советский милиционер», герой А. Шварценеггера, озадачивает своего напарника – очень крутого чикагского копа – неспособностью вести простейший дружеский разговор о семье, близких.

Этим и другим проблемам персонологической генристики посвящена статья Е.Я. Шмелевой о наиболее типичных «парных» персонажах русских анекдотов (Василий Иванович Чапаев и Петька, поручик Ржевский и Наташа Ростова, Чебурашка и Крокодил Гена, Винни Пух и Пятачок) в настоящем сборнике.

Сходную картину дает изучение *коммуникативного идеала* в пределах той или иной национальной культуры: с одной стороны, выявляются *жанры*, владеть которыми (точнее – *хорошо владеть*) считается обязательным в рамках данной культуры; с другой – выявляются конкретные *личности*, в том или ином отношении близкие к представлению о коммуникативном идеале; это могут быть как вполне реальные личности, знакомые информанту, так и вымышленные, например персонажи художественных произведений (так, для русской культуры это, вероятно, будут реально живший академик Дмитрий Сергеевич Лихачев и вымышленные Василий Теркин из одноименной поэмы А.Т. Твардовского или князь Лев Николаевич Мышкин из «Идиота» Ф.М. Достоевского, для французской – актер Жерар Депардьё и Сирано де Бержерак из пьесы Эдмона Ростана и т. п.) [Дементьев, Рогачева 2006].

Описанием литературных персонажей, чье коммуникативное поведение, использование тех или иных речевых жанров ближе всего к «образцовому» представлению о них в данной культуре, занимается одно из новых направлений теории речевых жанров, выделившееся в силу особенностей своего материала и методики (но не теории), – *изучение жанрово-ролевых сценок* [Дементьев 2008].

В этой связи следует назвать еще один естественный и в каком-то смысле традиционный аспект проблемы «жанр и языковая личность», непосредственно пересекающийся с проблемой жанрово-ролевых сценок, – речевой жанр через призму языковой личности **писателя**.

Традиционно широко изучен литературоведческий аспект данной проблемы [Аверинцев 1986; Фрейденберг 1997]; ср. также проблему «новаторства» писателя, создающего вместе с новым произведением новый литературный жанр, например реалистическую общественную комедию (А.С. Грибоедов), психологический роман с разорванной композицией (М.Ю. Лермонтов), «Опавшие листья» (В.В. Розанов) или «Крохотки» (А.И. Солженицын).

С точки зрения лингвистики, лингвоперсонологии и персонологической генристики, исследование речевых жанров через призму языковой личности писателя возможно в следующих аспектах: (1) анализ речевых жанров в произведениях данного писателя – как часть общего изучения «языка писателя», идиостиля или словаря (например, *светская беседа* у Толстого, *исповедь* и *скандал* у Достоевского, жанры фатического общения у Шукшина); (2) выделение среди персонажей, изображенных данным писателем, наиболее интересных – ярко и подробно изображенных или наиболее типичных для некоторого изучаемого социума, вплоть до выделения среди них модельных личностей и типажей (ср. описание коммуникативного поведения персонажа А.П. Чехова [Степанов 2005; Трещалина 1998], персонажа Л.Н. Толстого [Алексеева 2009], лирических героинь А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой [Кудрякова 2005]). В результате становится возможным изучение еще одного аспекта, непосредственно пересекающегося с проблемой «жанр и личность», – (3) корреляции жанрового своеобразия художественного произведения с изображаемыми в нем персонажами, а также образом автора и адресата.

Эта группа исследований исходит из того, что отображенные в художественной литературе (например, русской) коммуникативные факторы, включая типичные и нетипичные ситуации общения, типы языковых личностей, жанры общения и жанрово-ролевые сценки, представляют собой полноценный и доброкачественный материал для изучения целого ряда аспектов коммуникации (большое количество вербальных и невербальных компонентов ситуации общения, необходимых для адекватного понимания интенциональной структуры и текстопорождения в рамках данного речевого жанра: лексический состав и синтаксическая форма реплик участников общения и их последовательность, которые можно считать типичными для данного жанра, значимые невербальные компоненты коммуникации, а также психологические состояния участников общения, которые невозможно учитывать при работе с записями устной речи, и типичное развитие жанра по стадиям).

Данный аспект, являющийся наиболее традиционным в литературоведении, однако долгое время находившийся на периферии современного жанроведения, достаточно широко представлен в настоящем сборнике – см. статьи А.Г. Баранова, М.В. Пименовой, И.А. Тарасовой, В.Д. Черняк.

В этом отношении нельзя не вспомнить известный цикл работ литовской исследовательницы Элеоноры Лассан, посвященный риторике песни, – анализируются советские идеологические, эстрадные, бардовские песни, тексты рок-музыкантов [Лассан 1999, 2009 и др.] с точки зрения стоящих за ними когнитивных структур личности. Идеи автора получают дальнейшее развитие в статье Э. Лассан об образе «героя негероического времени» в песнях В. Цоя, вошедшей в настоящий сборник.

В целом одной из важных проблем персонологической генристики (отчасти пересекающейся с названной литературоведческой проблемой «новых жанров» у писателя) является участие языковой личности в **создании** речевого жанра. Имеется в виду появление в речевом и коммуникативном поведении конкретных языковых личностей новых речевых жанров, которые затем входят в речевую систему в рамках данной национальной речевой культуры (ср. так наз. творческих личностей, к числу которых относятся и писатели). Естественно, данный диахронический аспект наименее поддается непосредственному наблюдению и только с большим трудом и предположительно может быть оценен; чаще всего речь идет о лишь намечающихся тенденциях – ср. рассуждения В.Я. Парсамовой, ученицы Ю.М. Лотмана, о коммуникативном поведении ученого в устной и письменной форме (например, творческое использование норм письменной и устной речи и речевых масок, игра с жанровыми канонами вплоть до создания новых речезанровых правил) [Парсамова 2004, 2005].

V. Речевой жанр и национальная культура

5.1. Универсальные и культурно-специфические типы и жанры дискурса

Сопоставление культур с точки зрения речевых жанров есть, по-видимому, сопоставление типологическое: подобно типологическому сопоставлению систем языков, на первый план выступает некая общая форма организации дискурса, а не совпадение материальных билатеральных (означаемое + означающее), или знаковых, единиц¹¹.

То же касается семиотического сопоставления культур в целом – типологическим по своей природе является выделение культур «горячих» и «холодных» [Леви-Стросс 1983], «высокодистантных» и «низкодистантных» [Hofstede 1997], «высококонтекстных» и «низкоконтекстных» [Hall 1977; Hall & Hall 1990], «полихронемных» и «монокронемных» [Hall 1990] и т.д. (См. также статью И.В. Приваловой «Речевые жанры сквозь призму культурных измерений» в пятом выпуске сборника «Жанры речи».)

Показательно общее направление сопоставительного изучения культур «от содержания → к форме», как известно, присущее типологическим исследованиям, в отличие от сравнительно-исторического и ареального сравнения [Успенский 1965; Кибрик 2003]: ср., например, кросс-культурную прагматику А. Вежбицкой и ее последователей, где культурно обусловленные коммуникативные нормы, все функционирующие в пределах той или иной культуры знаковые системы описываются в терминологии семантических примитивов, а любая единица системы понимается как неуниверсальная совокупность универсальных семантических множителей.

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется, во-первых, набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре, во-вторых, их соотношением, в-третьих, оценочным отношением к ним (поддерживанием или неподдерживанием), обусловленным общей ценностной картиной мира. Отметим, что такой способ описания также совпадает, с одной стороны, с типологическим изучением языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в сравниваемых лингвокультурах (в лингвокультурологии такой анализ предполагает «построение на дедуктивной основе модели культурно-значимых отношений, например, в

¹¹ Как известно, генетически родственные лингвокультуры (например, русская и польская) необязательно являются близкими с точки зрения существующих в них речевых жанров [Вежбицкая, Годдард 2002; Łaszkiewicz 2003; Дементьев 2004a]; ср.: «Если бы процесс коммуникации ограничивался рамками языковых коллективов, то в отношении культур человечество являло бы не менее пеструю и разнообразную картину, чем в языковом отношении. Но дело обстоит иначе. Районы наиболее ярко выраженного языкового разнообразия, такие, как Кавказ, Новая Гвинея, провинция Плато в Нигерии, район Оахака в Мексике и др., вовсе не отличаются соответствующей этнической пестротой. Случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может преодолевать и действительно преодолевает языковые границы» [Вайнрайх 1972: 25].

виде матрицы, и определение языковых способов избирательного заполнения такой матрицы» [Карасик 2002: 108]); с другой стороны, – с принятым в типологических исследованиях способом определения «языкового типа».

Наиболее очевидный аспект проблемы «жанр и культура» (и наиболее очевидная задача культурологического жанроведения) – выделение и **изучение конкретных жанров внутри определенной культуры в связи с существующими в данной культуре нормами** (в том числе системами коммуникативных норм), **приоритетами, ценностями**. Рассматривается речежанровая организация высказываний, обусловленная национально-специфическими содержательными категориями, а также культурно-историческими факторами.

Можно с уверенностью сказать, что это и наиболее изученный аспект.

В многочисленных исследованиях по культурологии и лингвокультурологии, антропологии, этнографии, начиная с В. Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Фёрса, Б. Малиновского, выявлено (в том числе на материале «экзотических языков») множество жанровых коммуникативных (речевых и невербальных) правил, форм, стереотипов, обусловленных мифологией, ритуалами, а также используемыми в данных культурах коммуникативными, или знаковыми, системами, такими как этикет и язык. Описания явлений, имеющих жанровую и речежанровую природу, осуществлялись в специфической для данных подходов терминологии и редко выступали главной (даже самостоятельной) целью исследования: жанры описывались для подтверждения каких-то более общих положений, приводились в качестве «курьезных» примеров, наконец, осмыслились далеко не в равной степени глубоко и адекватно, что, конечно, несколько не умаляет значимость данного типа исследовательской деятельности для культурологического жанроведения. Отметим, что собственно лингвистические работы по выявлению полного или частичного набора жанров внутри данной культуры относительно немногочисленны и пока не дали по-настоящему убедительных результатов ни для одного национального языка. Пионерами здесь, по-видимому, следует считать М.В. Панова, более сорока лет назад составившего первоначальный список русских речевых жанров [Панов 1962: 97-98] и А. Вежбицкую, составившую список польских речевых жанров [Вежбицка 1997]. Насколько нам известно, других удачных попыток представить жанровое пространство внутри определенной культуры, составить список (тем более – типологию) жанров для данной культуры не было¹².

В то же время нельзя переоценить значимость для рассматриваемой проблемы многочисленных исследований, в которых через особенности данной национальной культуры объясняются отдельные аспекты неуниверсальных (безэквивалентных, ключевых) жанров. По-видимому,

¹² Ср. список различных немецких жанров (Textsorten) из 3945 наименований, опубликованный (на немецком языке) в: [Adamzik 1995: 258-284].

исследование любого неуниверсального речевого жанра с неизбежностью является сравнительно-культурологическим исследованием, поскольку особенности такого жанра всегда обусловлены культурно, даже если, на первый взгляд, в рамках жанра выражаются универсальные коммуникативные смыслы и лишь в формальной, тематической и композиционной структуре можно обнаружить отличия от других культур (ср., например, исследование поздравлений в эве [Вежбицкая, Годдард 2002: 147-151]).

Следует отметить, что данной проблеме – изучению культурных особенностей отдельных речевых жанров – посвящен пятый выпуск сборника «Жанры речи» (2007). При этом некоторые из рассматриваемых жанров впервые становятся объектом жанроведческого изучения, например, письма-благодарности в эмиграции и в СССР в 20-30-е гг. XX века (статья Е.А. Никишиной), англо-американский письмовник (статья М.А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргиной), жанр заговора с точки зрения суггестивного потенциала языковых единиц (статья И.Н. Борисовой и С.С. Корх), обсуждение супружеских измен носительницами просторечной речевой культуры (статья И.В. Шалиной) и др.

Так, Е.А. Никишина показывает, что речевые особенности письма-благодарности в газету в эмиграции и в СССР тесно связаны с культурными особенностями эмиграции и метрополии. Новая культура, возникшая в СССР после революции, очень сильно отличалась от старой. Напротив, культура эмиграции во многом сохранила прежние черты. Язык эмигрантской прессы носит более кодифицированный, нормированный характер, чем «массовый» язык советской прессы.

Авторы писем в советской прессе в это время часто демонстрируют неспособность к «переключению кодов», что свидетельствует о невысокой степени владения подсистемами языка, а также о невысокой коммуникативной и общей культуре человека. Часто стремление продемонстрировать владение официально-деловым стилем оборачивается против автора, и в текст на фоне разговорных и просторечных элементов вклиниваются образцы так называемого «канцелярита», появляются ошибки.

В советских газетах просматривается связь между социальным статусом автора письма и его содержанием: чем в большей степени содержание письма касается личной сферы автора, тем вероятнее, что автор – известное лицо. Письма простых людей публиковались в том случае, если они касались какого-то общественного вопроса, содержали предложение по улучшению той или иной ситуации и пр. В эмиграции такой тенденции нет.

В этой связи следует отметить, что отчетливо лингвокультурологический характер имеет широко известный цикл работ М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, посвященный речевым жанрам «городской жизни»: московские исследовательницы исходят из того, что «устный текст представляет собой своего рода синхронный срез культурной жизни города» [Китайгородская, Розанова 1999: 16; 2001 и др.] – традиция, идущая еще от М.М. Бахтина, который писал о жанрах народной смеховой «площадной» культуры средневековья и Ренессанса, таких как ругательства, божба, клятвы (*jurons*) [Бахтин 1990: 34-35], «крики Парижа» (*cris de Paris*)

[Там же: 199-204]. Статья М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, вошедшая в пятый выпуск сборника «Жанры речи», продолжает данный цикл, хотя посвящена явлению, несколько необычному в качестве объекта лингвистического анализа, – жанру современной *эпитафии* (исследуется «культурная функция» кладбища на материале надмогильных надписей).

Сопоставительное изучение речевых жанров в двух и более культурах – явление, к сожалению, более редкое, и «похвалиться» оно может более скромными результатами. Тем не менее, такие исследования осуществляются как в рамках прагмалингвистики, так и лингвокультурологии (ср. относительное увеличение в последнее время числа диссертаций, защищенных по данной проблеме: [Леонтьев 1999; Дубровская 2001; Тупикова 2003; Коморова 2005; Стрельникова 2005; Фенина 2005; Горбачева 2006; Казачкова 2006; Колоян 2006; Русинова 2006; Царикевич 2007]).

В пятом выпуске «Жанров речи» данной проблеме посвящены статьи Е.Н. Горбачевой, Н.Н. Панченко и Е.Л. Рабинович (соответственно *спор, сплетни и выражение интеллектуального превосходства* в русской и английской лингвокультурах), Е.В. Акуловой (*объявления о знакомстве* в русской и немецкой лингвокультурах).

Так, Е.Л. Рабинович показывает, что *выражение интеллектуального превосходства* (далее – ВИП), которому посвящена ее статья, относится к числу тех распространенных, узнаваемых в общении коммуникативных явлений, которые, с одной стороны, естественным образом присущи человеческому поведению независимо от конкретного языка и культуры, а с другой – в корне противоречат фундаментальным нормам любой культуры (за исключением немногих откровенно маргинальных микрогрупп и микрокультур), поскольку являются по сути агрессивными, связаны с эмоциональным ущербом для партнера по коммуникации. Несмотря на то, что ВИП является вариантом конфликтного, некооперативного коммуникативного поведения, оно часто является востребованным в общении (особенно игровом, но далеко не только), более того – уже само по себе относится к числу важнейших коммуникативных ценностей, будучи связано с одним из важных аспектов общего представления о состоятельности, респектабельности члена социума / общественной иерархии.

В то же время ВИП есть культурно обусловленное явление (наиболее очевидным образом это проявляется в форме речи, но и содержательные аспекты ВИП далеко не универсальны, поскольку в каждом конкретном случае вступают в сложное взаимодействие с другими – позитивными и негативными – культурными ценностями и категориями).

То, что сама идея интеллектуального превосходства у русских и англичан отличается, кажется интуитивно ясным. Стереотипы рисуют следующую картину: чопорный, высокомерный англичанин, бережно относящийся к своим правам и личному пространству и при этом владеющий тонким, несколько саркастичным «убийственным» юмором – и эмоционально несдержанный русский, не знающий удержу в хорошем и плохом, направо и налево сыплющий обвинениями с некоторым нравственно-этическим оттенком...

Исследование Е.Л. Рабинович показывает, что стереотипы рисуют хотя в чем-то верное, но в целом весьма далекое от истинного положение дел, прежде всего, потому, что ВИП, с одной стороны, явление чрезвычайно многообразное, с другой – содержательно сложное. На основе анализа Интернет-сообщений с русских и британских форумов автор пытается обнаружить различия между ВИП в двух лингвокультурах, связанные с

различными стилями коммуникации и представлениями о вежливости, относительно большей непрямотой английской лингвокультуры в целом по сравнению с русской.

К сожалению, исследования отдельных жанров (отдельных групп жанров) внутри одной национальной культуры (см., например: [Хорешко 2005]) достаточно часто осуществляются без учета национально-культурной специфики, что, конечно, снижает их познавательную ценность для проблемы «жанр и культура». Исследователей, изучающих дискурсивные явления в связи с культурными, но в рамках одной отдельно взятой национальной культуры, без привлечения внешних (инокультурных и диахронических) данных, всегда подстерегает опасность приписывать явлениям исследуемой культуры универсальность.

По-видимому, невозможно по-настоящему универсальное проявление в конкретных жанровых формах даже таких, казалось бы, универсальных (или почти универсальных) культурных феноменов, как общение, информация, власть, и исследование речевых жанров в связи с такими явлениями, присущими как бы «культуре вообще», имеет дедуктивный и принципиально начальный характер; подразумевается, что поиск национально-культурных и национально-языковых различий – дело будущего. Сказанное относится к статье Е.И. Шейгал и И.С. Черватюк в пятом выпуске сборника «Жанры речи», посвященной проявлениям категории коммуникативной власти в «мягко» и «жестко» формализованных речевых жанрах [Шейгал, Черватюк 2007]. Исследование осуществлено на материале двух языков – русского и английского, однако авторы делают акцент на универсальности данного явления, безусловно, важного для понимания многих аспектов жанров речи.

В целом же ни жанроведами, ни лингвокультурологами еще не найдена удовлетворительная и общепризнанная теоретическая модель, которая позволила бы, по выражению А. Вежбицкой, проскользнуть между Сциллой стереотипизации и Харибдой этноцентрической универсализации.

Весьма показательны в этом отношении переводы четырех статей зарубежных исследователей, вошедшие в этот же выпуск сборника «Жанры речи».

Из них две – В. Хэнкса и К. Годдарда – очень четко представляют проблему «жанр (дискурс) и культура»: Хэнкс исследует жанры миссионерского дискурса в Северной Америке (*dialogos*) в отношении к европейским римско-католическим традициям и (отчасти) к культуре и языку майя; Годдард рассматривает один из безэквивалентных типов иронии в австралийском английском (*deadpan jocular irony* – приблиз. ‘ирония с каменным лицом’) в связи с особенностями менталитета белых австралийцев, культуры и истории заселения Австралии.

Исследователь показывает, что «шутливая ирония с каменным лицом» находится в абсолютном соответствии с множеством других высказываний в традициях общения Aussie (англоговорящих австралийцев). Во-первых, ирония дает возможность показать солидарность и чувство товарищества при помощи недосказанности и без излишней эмоциональности. Во-вторых, предложение адресату «разгадать» послание «с каменным

лицом» и высказать свое собственное мнение созвучно с более серьезным экзистенциальным императивом в традиционной этнофилософии Aussie: уметь раскусить *bullshit* (*see through bullshit*) и «думать самостоятельно» (*to think for oneself*).

Исследователь формулирует культурный сценарий, лежащий, по его мнению, в основе данного явления:

- a. иногда человек говорит некоторые вещи другим людям не потому что хочет, чтобы другие люди что-то узнали не потому что хочет сказать что-то правдивое
- b. этот человек говорит эти вещи, потому что этот человек думает что-то вроде: «я хочу, чтобы эти люди думали о чем-то что-то я хочу, чтобы они из-за этого что-то чувствовали»
- c. это плохо
- d. иногда человек говорит подобные вещи многими словами люди не могут ничего узнать из-за этих слов люди не могут сделать ничего хорошего из-за этих слов
- e. если кто-то слышит такие вещи, хорошо, если он может это понять [Годдард 2007]

В статье А. Вежбицкой в широком культурно-историческом контексте рассматривается содержательная категория “*Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people*”, значительно повлиявшая на современную англосаксонскую речевую культуру в целом; названная категория изучается в сравнении с другими национально-речевыми культурами.

По мнению А. Вежбицкой, многие косвенные формы современного английского языка являются следствием из данной содержательной категории.

Исследовательница выделяет этапы постепенного развития косвенных форм в английском (в английской исторической прагматике) на разных периодах его существования:

этап I – свободное использование императивов и перформативных глаголов «требования» (*I pray thee, do it*)

этап II – рост ограничений на использование императивов, распространение “whimperatives” (*Could you/ would you do it?*), отказ от перформативного использования глаголов «требования»

этап III – распространение «предложений» (suggestions) разных типов (*I would suggest.../ Perhaps you could.../ You might like to...*)

этап IV – дальнейшая эволюция suggestions: от *I would suggest* до *I was wondering if*

Объяснение данного явления, которое может быть названо как триумф suggestions в современном английском, А. Вежбицкая находит в «культурной логике». Носители английского языка, когда они хотят, чтобы адресат сделал что-либо, часто стараются, чтобы их речь звучала предположительно: *perhaps you might like to, I thought you might like to, I was wondering if you might like to* и т.д. Они говорят так, как если бы хотели услужить, но не в смысле того, чтобы сделать что-то, что, по их мнению, хорошо для адресата, а, скорее, в смысле облегчить ход мысли и принятие решения адресатом. В этом процессе не только соблюдается, но и видимо подчеркивается автономия адресата, а уважение к ней говорящего усиленно демонстрируется.

А. Вежбицкая формулирует культурный сценарий, отраженный, по ее мнению, в таком построении речи:

когда кто-то делает что-то

хорошо когда он может думать об этом что-то вроде:
«Я делаю это, потому что хочу делать это
а не потому, что кто-то другой хочет, чтобы я делал это»

Сопутствующий сценарий, демонстрирующий предпочтительность «предложений» (suggestions) по сравнению с открытыми «директивами», формулируется так:

если я хочу, чтобы кто-то другой сделал что-то
может быть хорошо сказать этому человеку что-то вроде:
«может быть, ты захочешь подумать об этом
может быть, если ты подумаешь об этом, ты захочешь сделать это» [Вежбицкая 2007].

В этом отношении интересная статья Р. Лакофф встает в оппозицию к идеям Вежбицкой, даже противоположна ей.

Статья Лакофф, впрочем, не вызывает у нас серьезных возражений: исследовательница политического дискурса на материале сильно эволюционировавшего за последние 5-7 лет жанра публичного извинения оптимистически рассуждает о произошедших за эти годы изменениях в отношениях между властью и народом: с одной стороны, люди, наделенные властью, избегают *публичных извинений*, предпочитая им позволяющие «сохранить лицо» *объяснения*. «<...> даже если нет положительной причины избегать извинений, – пишет Р. Лакофф, – человек, наделенный властью, часто избирает уклончивую тактику» [Лакофф 2007: 186].

С другой стороны, люди, наделенные властью (в том числе – привилегией НЕ извиняться перед находящимся в зависимости от них населением, даже когда есть основания), теперь всё чаще приносят публичные извинения по разным поводам, чего просто невозможно было представить еще лет десять назад. Явления эти имеют, по-видимому, в достаточной степени универсальный характер, по крайней мере для стран так называемой «западной демократии».

Этого, к сожалению, нельзя сказать о многих других исследованиях речезанровых явлений, основанных на конкретно-языковом материале, но претендующих на универсализм, например, недавно вышедшей под редакцией Дж. Купланд коллективной монографии «Small talk» [Small talk 2000], посвященной далеко не универсальному праздноречевому жанру small talk (он характерен, пожалуй, для одной только англо-американской культуры).

В целом изменения в общественной, политической жизни, в области идеологии, экономики, быта приводят к изменениям языка – это положение стало общепризнанным в социалингвистике с 20-х годов прошлого века [Лафарг 1930; Жирмунский 1936; Поливанов 1968]. Блестяще связал это общее положение с идеей жанра как переходного явления между изменениями окружающего мира и изменениями языка М.М. Бахтин, назвавший речевые жанры «приводными ремнями от истории общества к истории языка»: [Бахтин 1996: 165]. Все это, вообще говоря, резко отличает речезанровое изучение культур от традиционных типологических исследований. Так, в статье Н.К. Рябцевой о межкультурном деловом общении, культурно обусловленные различия между русским и английским

языками осмысляются принципиально не в категориях лингвистики, а *металингвистики*, к сфере интересов которой автор вслед за Б.Уорфом и М.М. Бахтиным относит стиль мышления и коммуникативные установки.

Н.К. Рябцева исходит из того, что особенности менталитета носителей русского языка проявляются в показательных коммуникативных моделях поведения, которые значительно отличаются от коммуникативных моделей, характерных для английского языка, в первую очередь, большей категоричностью («императивностью»), «импозитивностью», «эмоциональной эгоцентричностью» и в то же время «анонимностью» (ср. распространенную в русской научной речи модель «как представляется / думается / можно предположить» и т.д.), «дистантностью» или, напротив, полным ее отсутствием.

По мнению исследовательницы, две, на первый взгляд, тождественные установки, свойственные «западной» («правовой», демократической) и «русской» (коммунистической / деспотической / тоталитарной) этическим системам – «Не делай зла!» и «Делай добро!» принципиально несовместимы. Так, «делание добра» допускает применение «злых» методов (ср. «Вперед, к победе коммунизма!» – любыми методами, средствами, путями: через запреты, гонения, ссылки, казни и т.п.) [Рябцева 2007].

Изучение речевых жанров в связи с изменениями в культуре широко представлено в пятом выпуске сборника «Жанры речи»: см. статьи М.А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргиной (сравниваются американские письмовники середины XIX и начала XXI в.), Н.В. Орловой («советы» в русских журналах, относящихся к разным эпохам), М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (надмогильные надписи XIX и XX в.).

Так, в статье М.А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргиной исследуется отражение тех или иных речевых жанров (или ряда жанров) в англоязычном письмовнике.

Авторы исходят из того, что для англоязычной (англо-американской) лингвокультуры характерно моделирование речевых жанров. В частности, письмовники, в которых даются образцы (модели) типовых писем и советы по их сочинению и оформлению, являются весьма популярным жанром и в Англии, и в США.

Письмовники соотносятся с типичными коммуникативными ситуациями; следовательно, они отражают реалии определенной эпохи и определенную идеологию, способ видения мира.

Сравнивая письмовники, разделенные временным интервалом почти в полтора столетия, М.А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргина обнаруживают, что, прежде всего, они различаются соотношением объема текста, посвященного деловой и личной коммуникации. В *Chesterfield's Letter Writer* (XIX век) большая часть книги посвящена личной корреспонденции, а деловые письма занимают лишь краткий раздел, в то время как в *The New American Handbook of Letter Writing* (XX век) деловой корреспонденции отводится ведущее место, личные письма занимают небольшую часть, а любовные письма отсутствуют совсем. На этом основании, кстати, М.А. Кулинич и Н.Ю. Бусоргина делают интересное предположение, что в современном мире, в век информационных технологий, люди выражают свои самые сокровенные чувства по телефону и более не доверяют их бумаге, а может быть, такое положение дел обусловлено тем, что сфера любовных отношений перестала быть частью этикета. Людей больше не учат красиво и правильно выражать свои чувства.

Наконец, в *The New American Handbook of Letter Writing* приведены виды коммуникации, невозможные в XIX веке – такие, как электронная почта или аудио- (видео-) письмо [Кулинич, Бусоргина 2007].

Все же в целом приходится констатировать, что названная задача – описание жанрового своеобразия национальных культур и сравнение их с этой точки зрения – пока далека от того, чтобы, с одной стороны, привести накопленные знания к чему-то напоминающему систему, которую можно было бы представить в одной плоскости и описать в единой терминологии; с другой стороны, – претендовать на высокое звание по-настоящему приоритетного направления лингвистических исследований.

Увы, никто пока всерьез не воспринимает идеи и перспективы всемирной энциклопедии жанров (об этом же, применительно к одним только русским жанрам, с болью пишет Т.В. Шмелева: «за такую задачу непосредственно никто не взялся до сих пор, – пишет Т.В. Шмелева, – грандиозность ее очевидна» [Шмелева 2007: 66].

Это же касается и многих других аспектов проблемы «жанр и культура»; в целом эта глобальная проблема по-прежнему остается одним из самых досадных белых пятен в общей картине современной культурологии и лингвокультурологии, хотя по значимости для адекватного понимания соотношения коммуникативных систем она, по нашему мнению, не уступает ни лингвистике универсалий, ни лингвистической типологии в целом.

Пожалуй, ни один из аспектов проблемы «Жанр и культура» не вызывает столько споров и дискуссионных вопросов – и вместе с тем столько ожиданий и надежд со стороны как лингвокультурологов, так и жанроведов, как попытка выделения и осмысления **жанровой картины мира** в составе общей культурно-языковой картины мира.

5.2. Ценностная обусловленность речевых жанров в разных лингвокультурах

Сопоставление ценностных жанровых картин мира естественным образом выводит на изучение ценностной обусловленности речевых жанров в разных лингвокультурах.

Естественно, человеческие культуры оценочны по своей сути, идеологической или мифологической оценочностью пронизаны все аспекты культуры. Собственно, культура в таком общем значении не является объектом лингвистического анализа, хотя практически все исследования по лингвистическим аспектам данного явления оперируют более или менее общими категориями культуры (картина мира, система ценностей, стереотип).

Современная лингвокультурология выявляет отражение этих оценочно-идеологических (часто противоречивых и сложных) явлений в системах языков, прежде всего на материале лексических и фразеологических единиц языков (в меньшей степени – грамматики и прагматики).

К сожалению, с точки зрения традиции, сложившейся в современной лингвокультурологии, речевые жанры – явление скорее периферийное или малопредставительное. До сих пор жанрам уделялось мало внимания в

лингвокультурологии: это «всего лишь» речь, а не язык, концептуализация значений и значимостей не достигает такой степени завершенности и определенности, как в собственно языке, а следовательно, нет надежной почвы для обобщений, и, кажется, невозможно достичь требуемой степени представительности и убедительности.

Однако жанр речи / коммуникации, пожалуй, даже более естественный объект лингвокультурологии, чем язык как таковой: жанры более непосредственно связаны с культурой (а язык, чаще всего, именно через посредство речевой системности, т.е. речевых жанров). В этом отношении связь жанров и языка может быть как самой непосредственной (например, названия жанров), так и более опосредованной (например, совместимость / несовместимость с правилами и тональностью данного жанра определенных средств лексики и стиля). Можно только удивляться, почему проблема «жанр и культура» остается в целом гораздо более скромно изученной в рамках различных внешнелингвистических дисциплин, чем общефилософская проблема «язык и культура».

Частью общей проблемы жанровой картины мира является также проблема **жанровой компетенции языковой личности** (как важной части общей коммуникативной компетенции) и выделение типов языковых / коммуникативных личностей в связи с разными типами компетенции. Как никто не владеет всеми словами / правилами родного языка, ни один носитель языка не владеет всеми речевыми жанрами: «есть бытовые жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [Седов 2007а: 22-23].

Жанроведение успешно взаимодействует с теорией языковой личности.

Так, К.Ф. Седов выделяет типы языковых личностей, отдающих предпочтение в сфере конфликта прямым инвективным высказываниям, ироническим высказываниям или косвенно-этикетным высказываниям [1999], а также выделяет типы языковых личностей в зависимости от того, к каким речевым жанрам они тяготеют в сфере межличностной гармонизирующей коммуникации: *болтовне / сплетне* или *разговору по душам* [Там же].

В обобщающей статье [2007е] К.Ф. Седов обсуждает различные аспекты проблемы языковой личности, подходы к построению типологии языковых личностей, принципы речевого портретирования. Значимость данных моделей для общей теории ЯЛ не вызывает сомнений.

В то же время за пределами исследования К.Ф. Седова остался собственно контрастивно-лингвокультурологический аспект: наборы речевых жанров, составляющих жанровую компетенцию языковой личности, находятся в прямой зависимости от общенационального культурно обусловленного представления о целях и формах коммуникации, допустимого и недопустимого в ней, «хорошей речи», коммуникативного идеала.

Так, в разрабатываемой К.Ф. Седовым [2000] классификации типов языковых личностей (в зависимости от установки по отношению к участникам общения: установки на себя или на / против партнера по коммуникации – выделяются два кооперативных типа: кооперативно-актуализаторский и кооперативно-конформный, два центрированных типа: активно центрированный и пассивно центрированный, и два конфликтных типа: агрессор и манипулятор) выделяется «кооперативно-актуализаторский» тип языковой личности как высший уровень коммуникативной компетенции человека. Данный тип, по нашему мнению, представляет собой коммуникативный идеал в русской культуре, но не может считаться таким для других культур. Например, исследователь считает кооперативно-актуализаторским такой диалог:

- Эх / жизнь наша поганая / мать... <неценз.>!
- Да уж / <неценз.> жизнь! За... <неценз.> совсем!
- Ты меня понял! [Седов 2000: 307-308].

Очень трудно представить, что в английском или японском коммуникативном поведении такая форма речи была бы признана «хорошей», гармонизирующей (и даже просто допустимой). По-видимому, среди коммуникативных типов английской речевой культуры вообще не будет специального места для кооперативного актуализатора в понимании К.Ф. Седова как достаточно типичного явления данной культуры (см. об этом в: [Дементьев, Рогачева 2006]).

Варьирование в пределах одной речевой культуры (соответственно – выделение типов языковых личностей) также обусловлено более общими культурными закономерностями и нормами; так, противопоставление языковых личностей, тяготеющих к *болтовне* или *разговору по душам*, обусловлено сосуществованием двух коммуникативных идеалов современной русской речевой культуры [Там же].

Думается, проблема взаимоотношения речевого жанра и языковой личности, до окончательного решения которой еще очень далеко как в теории ЯЛ, так и в жанроведении, актуальна и имеет многообещающий потенциал, накопленный обеими науками по отдельности.

У данной проблемы есть и несомненный **онтолингвистический** аспект: для характеристики языковой личности (типологической / выделения типа ЯЛ и описательной / портретирования) является существенным, например, то, в каком возрасте человек начал осваивать тот или иной речевой жанр, а также то, в какой последовательности, на каком этапе формирования жанрового мышления (которое, как доказано в современной онтолингвистике, предшествует языковому [Шахнарович 1979; Седов 1999; 2007а; Петрова 2000]) осуществлялось освоение разных жанров. Здесь имеют значение этапы усвоения наиболее непосредственных «жизненных» речевых жанров, но, пожалуй, еще более показательны особенности усвоения «сложных» – риторических и «высоких» нериторических жанров. Так,

достаточно ярко характеризует человека то, например, в каком возрасте (если это было вообще) он впервые произнес слова искреннего сочувствия и поддержки; в каком возрасте впервые выступил в роли коммуникативного лидера; когда впервые сказал что-то не потому, что так думал, а потому что знал, что это будет приятно собеседнику. Для понимания коммуникативного поведения языковой личности может быть очень важно, в чем человеку удалось достичь успеха раньше (даже если это было в младшем школьном возрасте или еще раньше): в искреннем задушевном общении – или в вежливо-этикетном разговоре с малознакомыми гостями? в трудной ситуации взять на себя ответственность или чужую вину – или, рассчитав реакции группы людей (сверстников), суметь прямо или косвенно (манипуляция) воздействовать на них, склонив каждого к совершению желательных для индивида деяний, вынесению желательной для индивида оценки, переживанию «правильных» чувств? Культурная обусловленность данного явления тоже интуитивно очевидна (родители-англичане будут прилагать больше усилий, чтобы их ребенок овладел личностно нейтральными риторическими жанрами типа *small talk*, чем жанрами личностно ненейтрального общения), однако практически не исследовалась.

Выводы

РЖ можно представить как стереотип речевого поведения через описание устойчивых, повторяющихся, типичных комбинаций параметров коммуникативной ситуации, обладающих различной жанрообразующей силой. РЖ одновременно участвуют как в организации, так и в интерпретации семантики коммуникативной ситуации. Учет параметров коммуникативной ситуации – важный и необходимый момент в исследовании любой жанровой формы.

Анализ подходов к моделированию коммуникативных ситуаций показывает, что существуют различные классификационные сетки их параметров. Под коммуникативной ситуацией понимается, как правило, весь комплекс факторов, оказывающих влияние на протекание коммуникативного события. Это и предметная среда, и участники общения, и их личностные и социально-статусные характеристики, и предмет речи, и текст как средство и результат коммуникации.

К основным параметрам, определяющим выбор речевой тактики и коммуникативных ходов на этапе планирования, следует отнести: общие знания о коммуникативной ситуации (уместность/неуместность определенного речевого акта); знание о соответствующем речевом акте (ритуальный, стереотипный, нестереотипный, вообще не имеющий прецедента в индивидуальном опыте); знания о собеседнике (как личности, как партнере). Недостаток информации требует продумывания дополнительных коммуникативных ходов в построении прогноза речевых действий, поиска альтернативных вариантов речевого поведения.

Стратегии и тактики связаны с речевыми жанрами: стратегии и тактики реализуются внутри речевых жанров. Вместе с тем не существует жесткого соотношения внутрижанровых стратегий и тактик. Выбор стратегий и тактик во многом обуславливается типами языковых личностей участников общения. Одни и те же стратегии и тактики могут быть представлены в разных типах дискурсов, свободно взаимодействовать и комбинироваться в рамках конкретного дискурса, а также использовать одни и те же языковые средства. Основная (глобальная) стратегия определяется типом дискурса и жанром, а частные – типом личности и условиями коммуникации.

Поиск адекватных моделей жанрового структурирования речевого материала привел авторов к выделению типов речевых жанров, гипержанров, внутрижанровых речевых стратегий и тактик на таких основаниях, как фатическая / информативная модальность; качество межличностных отношений; прямая / непрямая коммуникация; повышенная / пониженная семиотичность коммуникативного поведения языковой личности. Следует отметить, что данные содержательные измерения представляют собой скорее некие динамические нежесткие образы типичных коммуникативных ситуаций, нежели структурные схемы инвариантно-вариантного типа, определяемые с точки зрения речевых действий одного говорящего (как известно, по этой линии идет основное разграничение истинных и мнимых

жанров). Важной отличительной чертой социопрагматического аспекта жанроведения является также его связь с «человеком говорящим», что проявляется в значимости для всех используемых моделей отношения «Автор ~ Адресат» (межличностная близость как основание типологии фатических и отчасти информативных РЖ; выделение внутрижанровых речевых стратегий и тактик в связи с типами языковой личности). Языковой материал анализировался также с учетом положений «синтаксического» и «семантического» направлений жанроведения, интеграция которых возможна, конечно, только при наличии такой эффективной основополагающей концепции, как концепция речевого жанра М.М. Бахтина.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абиева 2008 – *Абиева Н.А.* Степень отклонения от истины в электронном дискурсе // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Абиева, Гайшина 2006 – *Абиева Н.А., Гайшина О.В.* Игровая стратегия построения нарратива в электронном художественном тексте // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Абрамов 1902 – *Абрамов Н.* Дар слова. СПб., 1902.
- Абрамова 2003 – *Абрамова Т.В.* Диалогическое единство «просьба – реакция» (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
- Абрахамс 2003 – *Абрахамс Р.Д.* Особенности речевого общения афроамериканцев. Язык улицы // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Абросимова 2006 – *Абросимова Е.А.* Семиотика бардовской песни: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
- Авдосенко 2003 – *Авдосенко Е.В.* Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
- Акименко 2005 – *Акименко Н.А.* Лингвокультурные характеристики английского сказочного дискурса: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Аксиологическая лингвистика 2003 – *Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении.* Волгоград, 2003.
- Акулова 2007 – *Акулова Е.В.* Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Алпатов 2014 – *Алпатов В.М.* О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. №1-2(9-10). Саратов, 2014. С. 9-15.
- Андреева 2008 – *Андреева И.В.* Опровержение в институциональном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Алефиренко 2005 – *Алефиренко Н.Ф.* Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Алефиренко 2007 – *Алефиренко Н.Ф.* Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Алещанова 2000 – *Алещанова И.В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Алпатов 1995 – *Алпатов В.М.* Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания // Вопросы языкознания. 1995. № 5.
- Алпатов 1998 – *Алпатов В.М.* М.М. Бахтин и В.В. Виноградов: опыт сопоставления личностей // Бахтинские чтения. III. Витебск: Изд-во Витебского университета, 1998.
- Алпатов 2002 – *Алпатов В.М.* Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Алпатов 2005 – *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Андреева 2008 – *Андреева И.В.* Опровержение в институциональном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Андрієнко 2005 – *Андрієнко Т.П.* Мовленнєвий акт іронії в англійській мові (на матеріалі художньої літератури XVI та XX століть): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2002.
- Анисимова 2004 – *Анисимова А.А.* Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.

- Анисимова 1998 – *Анисимова Т.В.* К вопросу о типологии жанров речи // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1998.
- Анисимова 2000 – *Анисимова Т.В.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Антология речевых жанров 2007 – Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Антонова 2004 – *Антонова А.В.* Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
- Антонова 2000 – *Антонова Л.Г.* Опыты жанра: историческая и современная практика решения // Русский язык в школе. 2000. № 3. С. 21-27.
- Антошинцева 2003 – *Антошинцева М.А.* Жанр интервью в свете формирования новых коммуникативных условий // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т.45. № 3.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
- Артемова 2002 – *Артемова Е.А.* Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Арутюнова 1994 – *Арутюнова Н.Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Арутюнова 1998 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2003 – *Арутюнова Н.Д.* О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка: Космос и хаос. М., 2003.
- Архипенкова 2006 – *Архипенкова А.Ю.* Выражение совета в английской и русской коммуникативной культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Архипов 1974 – *Архипов А.Ф.* Синтаксические особенности речевого жанра радиointервью (на материале радиовещания ГДР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Архипова 2006 – *Архипова А.В.* Речь Путина и языковая игра в анекдотах // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006.
- Архипова 2007 – *Архипова А.С.* Штирлиц подвел итоги: Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Астафурова, Олянич 2007 – *Астафурова Т.Н., Олянич А.В.* Речевые жанры англосаксонского властного дискурса // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Ахутина 1989 – *Ахутина Т.В.* Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Багдасарян 2000 – *Багдасарян Т.О.* Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Багдасарян 2002 – *Багдасарян Т.О.* Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Багрянская 2004 – *Багрянская Н.В.* Особенности коммуникативного поведения военнослужащих // Язык и национальное сознание. Вып.5. Воронеж, 2004.
- Бажкова, Лурье, Шумов 2003 – *Бажкова Е.В., Лурье М.Л., Шумов К.Е.* Городские граффити // Современный городской фольклор. М., 2003.

- Байкулова 2001 – *Байкулова А.Н.* Семейная беседа // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Байрамуков 2001 – *Байрамуков Р.М.* Речевое действие угрозы в рассказах В.М. Шукшина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.
- Байрамуков 2002 – *Байрамуков Р.М.* Соотношение первичных и вторичных жанров в художественной сфере общения // *Stylistyka XI*. 2002. Opole, 2002.
- Бакумова 2002 – *Бакумова Е.В.* Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Балакай 2001 – *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
- Баландина 2004 – *Баландина Н.А.* Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Балашова 1997 – *Балашова Л.В.* Метафора в жанре жития древнерусской литературы // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Балашова 2003 – *Балашова Л.В.* Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов, 2003.
- Балашова 2007 – *Балашова Л.В.* Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Балашова 2009 – *Балашова Л.В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Балаян 1971 – *Балаян А.Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
- Балаян 2006 – *Балаян Э.В.* Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Баранникова 1995 – *Баранникова Л.И.* Формирование современной научной парадигмы в лингвистике. Функциональный подход к языку // *Язык и общество*. Саратов, 1995. Вып. 10.
- Баранов 1997 – *Баранов А.Г.* Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи*. Саратов, 1997.
- Баранов, Мирошниченко 2007 – *Баранов А.Г., Мирошниченко Л.Н.* «Значимость» и «личностный смысл» в когнитивно-культурологической модели жанра // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопросы языкознания*. 1992. № 2.
- Барнет 1985 – *Барнет Вл.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // *Современная русская устная научная речь*. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
- Барсукова 2007 – *Барсукова М.И.* Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
- Баташёва 2008 – *Баташёва Л.А.* Языковые особенности текстов либретто // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2008. Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». Ч. 2.
- Бахтин 1927 – *Волошинов В.Н.* (Бахтин М.М.) Фрейдизм. М., 1993.
- Бахтин 1929 – *Волошинов В.Н.* (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Бахтин 1963 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах*. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.

- Бацевич 2000 – *Бацевич Ф.С.* Про один тип прагматичних аномалій, або чим можна зіпсувати натяк? // Мовознавство. 2000. № 2-3.
- Бацевич 2005 – *Бацевич Ф.С.* Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Бгажноков 1983 – *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
- Безменова 2001 – *Безменова Л.Э.* Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.
- Безугла 2007 – *Безугла Л.Р.* Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007.
- Бейлинсон 2001 – *Бейлинсон Л.С.* Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Беликов 2001 – *Беликов В.И.* Уголовный жаргон в системе русских социолектов // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. М., 2001.
- Белл 1980 – *Белл Р.* Социолингвистика: цели, методы и проблемы. М., 1980.
- Белова 2002 – *Белова А.Д.* Поняття «стиль», «жанр», «дискурс» у сучасній лінгвістиці // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Іноземна філологія. 2002. Вип. 32.
- Белова 2003 – *Белова Л.А.* Армейские письма как лингвистический источник // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Белозерова Е.В. 2007 – *Белозерова Е.В.* Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Белозерова Е.М. 2007 – *Белозерова Е.М.* Дискурсивные свойства речевого акта намекания (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007.
- Белоусов 1998 – *Белоусов А.Ф.* «Садистские стишки» // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998.
- Белоусов 2003 – *Белоусов А.Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор. М., 2003.
- Белоусова 2006 – *Белоусова Н.П.* Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
- Белошاپкова, Саранцацрал 1994 – *Белошاپкова В.А., Саранцацрал Ц.* Выражение побуждения к совместному действию // Русский язык за рубежом. 1994. № 4.
- Белунова 2000 – *Белунова Н.И.* Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2000.
- Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергсон 1992 – *Бергсон А.* Смех. М., 1992.
- Бердникова 2005 – *Бердникова А.Г.* Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Бердникова 2009 – *Бердникова Т.В.* Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Бердяев 1998 – *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
- Березович 2007 – *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

- Берн 1988 – *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М., 1988.
- Берн 1990 – *Берн Э.* Секс в человеческой любви. М., 1990.
- Бесемерес 2009 – *Бесемерес М.* Разные языки, разные эмоции? Взгляд через призму автобиографической литературы // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Беспалова 2008 – *Беспалова Е.В.* Научно-педагогический Интернет-справочник: дискурсивные характеристики и жанровая организация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Бех, Савилова, Сайкова 2002 – *Бех Н.Н., Савилова И.В., Сайкова Н.В.* Школьные изложения и тип языковой личности // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства: Материалы конференции. Барнаул, 2002.
- Боброва 1991 – *Боброва В.М.* Отказ и возражение как жанры негативной реакции // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.
- Бобырева 2007а – *Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Бобырева 2007б – *Бобырева Е.В.* Вторичные жанры религиозного дискурса: проповедь и исповедь // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2007. Вып.5.
- Богданов 1986 – *Богданов В.В.* Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
- Богданов 1990 – *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Богин 1997 – *Богин Г.И.* Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Богушевич 1985 – *Богушевич Д.Г.* Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка: Монография. Минск: Высшая школа, 1985.
- Богушевич 1988 – *Богушевич Д.Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
- Бойко 2005 – *Бойко О.В.* Создание и интерпретация «непрямых» высказываний конфликтной языковой личностью // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Бозрикова 2007 – *Бозрикова С.А.* Жанр анекдота: стереотипность содержания // Текст. Дискурс. Жанр: матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 2007.
- Бонецкая 1995 – *Бонецкая Н.К.* Философия диалога М. Бахтина // Риторика. 1995. № 1.
- Борботько 1981 – *Борботько В.Г.* Элементы теории дискурса. Грозный, 1981.
- Борботько 1996 – *Борботько В.Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Боргер 2004 – *Боргер Я.В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
- Борисов 1992 – *Борисов С.Б.* Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. Таллин, 1992.
- Борисов 1996 – *Борисов С.Б.* Прозаические жанры девичьих альбомов // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.
- Борисов 2002 – *Борисов С.Б.* Рукописный девичий рассказ. М., 2002.
- Борисова 2001 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Борисова 2002 – *Борисова И.Н.* Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Борисова, Корх 2007 – *Борисова И.Н., Корх С.С.* Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Бочарова 2003 – *Бочарова Т.И.* Поздравительная речь в системе изучения непринужденного монологического высказывания // Естественная письменная

- русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Бровкина 2000 – *Бровкина Ю.Ю.* Газетное рекламное объявление как речевой жанр: (Риторический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
- Бугаева 2005 – *Бугаева И.В.* Особенности жанра послания в церковных СМИ // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.2. Орёл, 2005.
- Бугаева 2006 – *Бугаева И.В.* Молитва как особый жанр современной православной публицистики // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.4. Орёл, 2006.
- Бугаева 2008 – *Бугаева И.В.* Жанр современной миссионерской притчи в религиозном дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Булаховский 1975 – *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. М., 1975.
- Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Бурвикова 1981 – *Бурвикова (Зарубина) Н.Д.* Закономерности линейной структуры монологического текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1981.
- Бушуева 2006 – *Бушуева Л.А.* Поступки и их имена (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Бырдина 1985 – *Бырдина Г.В.* Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросе-ответном единстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.
- Быщенко 2004 – *Быщенко Т.А.* Когнитивный анализ прагмасемантических разновидностей РА экспрессива негативной модальности // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2004. № 609.
- Бюлер 1993 – *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Вайнрайх 1972 – *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1972. Вып. 6. Языковые контакты.
- Вакуров, Кохтев, Солганик 1978 – *Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Валуйская 2002 – *Валуйская О.Р.* Глубина текста как лингвистическая категория (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Вальтер 2008 – *Вальтер В.Ю.* Речевой жанр «колкость» как средство отрицательного эмоционального воздействия на адресата речи // Филологические этюды. Саратов, 2008. Вып. 11. Ч. III.
- Варзонин 1994 – *Варзонин Ю.Н.* Коммуникативные акты с установкой на иронию: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- Вартанова 2006 – *Вартанова Н.Г.* Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
- Васильев 2005 – *Васильев Л.М.* Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005.
- Васильева 2001 – *Васильева О.Ю.* Одический жанр XVIII века: прагмастилистика интерпретация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
- Вахрушев 2003 – *Вахрушев В.С.* О теории жанра и об истории его изучения // Приключения жанра. Балашов, 2003.
- Вахрушев 2007 – *Вахрушев В.С.* Жанры в системе русской массовой культуры // Текст. Дискурс. Жанр: матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 2007.
- Вашкау 2008 – *Вашкау Н.Э.* Образ другого как образ врага: по письмам немецких солдат периода Второй мировой войны // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Волгоград, 2008. Т. 2.

- Вежбицкая 1985 – *Вежбицкая А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Вежбицкая 1993 – *Вежбицкая А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 1997 – *Вежбицкая А.* Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Вежбицкая 1999 – *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вежбицкая 2002 – *Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). М., 2002.
- Вежбицкая 2003 – *Вежбицкая А.* Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Вежбицкая 2005 – *Вежбицкая А.* Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Вежбицкая 2007 – *Вежбицкая А.* Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Вежбицкая, Годдард 2002 – *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Векшин 2009 – *Векшин Г.В.* Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Вендлер 1985 – *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Верещагин, Костомаров 1976 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
- Верещагин, Костомаров 2000 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* «Крайности сходятся» (о тождестве противоположных рече-поведенческих тактик) // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. Екатеринбург, 2000.
- Верещагин, Костомаров 2005 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Викторова 1999 – *Викторова Е.Ю.* Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
- Винарская, Мерзлякова 1980 – *Винарская Е.Н., Мерзлякова Л.В.* Интонационные структуры речи и методика обучения иностранному языку // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1980. Вып. 151.
- Виноградов 1963 – *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов 1976 – *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Винокур 1929 – *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.
- Винокур Г.О. 1990 – *Винокур Г.О.* Филологические исследования. М., 1990.
- Винокур Т.Г. 1990 – *Винокур Т.Г.* Полилог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Винокур 1993а – *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

- Винокур 1993b – *Винокур Т.Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Вислоцкая 1991 – *Вислоцкая М.* Искусство любви. М., 1991.
- Власова 2005 – *Власова Е.В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Водоватова 2007 – *Водоватова Т.Е.* Тавтологические высказывания: к проблеме смысла // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Войтак 2002 – *Войтак М.* Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 5. Пермь, 2002.
- Войтак 2003 – *Войтак М.* Религиозный стиль в генологической перспективе // Стереотипность и творчество. Вып. 6. Пермь, 2003.
- Волкова 2005 – *Волкова Н.А.* Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
- Волконский 1912 – *Волконский С.* Разговоры. СПб., 1912.
- Волохонский 2007 – *Волохонский В.Л.* Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколова М.М. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Волошинов 1993 (1929) – *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Вопросы стилистики 1998 – Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27. Человек и текст.
- Вопросы стилистики 1999 – Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования.
- Воробьева 2007 – *Воробьева К.А.* Специфика иронии среди других языковых средств комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Габидуллина 2000 – *Габидуллина А.Р.* Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000.
- Гавранек 1967 – *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гаврилова 2006 – *Гаврилова Н.В.* Критика // Антология концептов. Волгоград, 2006. Том 4.
- Гайда 1986 – *Гайда Ст.* Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.
- Гайда 1999 – *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Гайкова 2003 – *Гайкова О.В.* Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Гак 1972 – *Гак В.Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972.
- Гак 1982 – *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика // Иностранный язык в школе. 1982. № 5.
- Гак 1998 – *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Галактионова 1995 – *Галактионова И.В.* Средства выражения согласия/несогласия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Галичкина 1998 – *Галичкина Е.Н.* Жанровые характеристики компьютерного дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 октября 1998. Волгоград, 1998.
- Галичкина 2001 – *Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

- Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гастева 1990 – *Гастева Н.Н.* Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990.
- Гастева 1997 – *Гастева Н.Н.* Диалогические единства с констатирующей исходной репликой в речевом жанре «дружеской беседы» // *Жанры речи.* Саратов, 1997. Вып. 1.
- Гачев 1993 – *Гачев Г.* Образы Индии: Опыт экзистенциальной культурологии. М., 1993.
- Герашенко 2006 – *Герашенко Т.Б.* “Todesanzeige” («извещение о смерти») как особый тип текста в немецком языке // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып.3. Орёл, 2006.
- Герман 2000 – *Герман И.А.* Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
- Гиндин 1988 – *Гиндин С.И.* Речевые жанры и языковое сознание // *Языковое сознание: Тезисы 9-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации.* М., 1988.
- Гиндин 1994 – *Гиндин С.И.* Речевые действия и речевые произведения // *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* М., 1994.
- Гиндин 2008 – *Гиндин С.И.* Уличные объявления как предмет лингвистического изучения и как инструмент развития речи // *Язык современного города: Тезисы докл. межд. конф. Восьмые Шмелевские чтения.* М., 2008.
- Гловинская 1993 – *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993.
- Гловинская 2000 – *Гловинская М.Я.* Убеждения, уверения и доказательства в русском языке // *Проблемы речевой коммуникации.* Саратов, 2000.
- Гоготишвили 1996 – *Гоготишвили Л.А.* Комментарии // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов.* М., 1996.
- Годдард 2007 – *Годдард К.* «Играй лучше, Мартина!» (ирония «с каменным лицом» и этнопрагматика австралийского варианта английского языка) // *Жанры речи.* Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Годдард 2009 – *Годдард К.* «Следуй путем рисового поля»: семантика пословиц в английском и малайском языках // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Голев 2004 – *Голев Н.Д.* Акт о хищении двигателей // *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты права и лингвистические аспекты языка.* Барнаул, 2004.
- Голев, Лебедева 2000 – *Голев Н.Д., Лебедева Н.Б.* Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина) // *Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии.* Барнаул, 2000.
- Голанова 2008 – *Голанова Е.И.* Структурно-стилистическая организация текстов (на примере речевого жанра «беседа») // *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* М., 2008.
- Голованова 2009 – *Голованова Е.И.* Посвящение как жанр научного дискурса // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Гольдин 1978 – *Гольдин В.Е.* Этикет и речь. Саратов, 1978.
- Гольдин 1983 – *Гольдин В.Е.* Речь и этикет. М., 1983.
- Гольдин 1986 – *Гольдин В.Е.* К проблеме системного представления функций языка // *Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике.* Саратов, 1986.
- Гольдин 1987 – *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
- Гольдин 1997а – *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // *Жанры речи.* Саратов, 1997. Вып. 1.

- Гольдин 1997b – *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Диссертация в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.
- Гольдин 1999 – *Гольдин В.Е.* Проблемы жанроведения // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Гольдин 2001 – *Гольдин В.Е.* Ассоциативный эксперимент как речевая игра // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова*. М., 2001.
- Гольдин 2003 – *Гольдин В.Е.* Проблема варьирования культурных концептов // *Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста*. Ч. 1. Волгоград, 2003.
- Гольдин, Дубровская 2002 – *Гольдин В.Е., Дубровская О.Н.* Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // *Жанры речи*. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Гольдин, Сиротинина 1993 – *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // *Вопросы стилистики*. Саратов, 1993. Вып. 25.
- Гончаренко 2008 – *Гончаренко Н.В.* Суггестивные характеристики медицинского дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Горбач, Минеева 2000 – *Горбач Л.В., Минеева С.А.* Жанры в образовательной деятельности. По материалам проблемно-целевых семинаров в школе № 149. Пермь, 2000.
- Горбачева 2006 – *Горбачева Е.Н.* Спор как лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Горбачева 2007 – *Горбачева Е.Н.* Дискурсивная реализация коммуникативных концептов. Волгоград, 2007.
- Горбачева 2009 – *Горбачева Е.Н.* Речевой жанр «пари» / «betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики // *Жанры речи*. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Горелов 1980 – *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации М., 1980.
- Горелов, Седов 1998 – *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1998.
- Горошко 2006 – *Горошко Е.И.* Интернет-коммуникация: проблема жанра // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 4. Орёл, 2006.
- Горошко 2007 – *Горошко Е.И.* Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Горошко 2011 – *Горошко Е.И.* «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // *Вестник Тверского государственного университета*. 2011. №3. С. 11-21.
- Горошко, Саенко 2005 – *Горошко Е.И., Саенко А.Н.* Гендер и жанр (попытка рефлексии) // *Жанры речи*. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Горошко, Саенко 2006 – *Горошко Е.И., Саенко Н.А.* Жанровая экология Интернета // *Наукові записки Луганського національного університету*. Вип. 6. Т. 3. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць. Норми та парадокси свідомості й мислення. Луганськ, 2006.
- Горшков 2000 – *Горшков А.И.* Лекции по русской стилистике. М., 2000.
- Грайс 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1985. Вып 16.
- Грачев 1997 – *Грачев М.А.* Русское аргю. Н. Новгород, 1997.
- Гридина 1996 – *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Гришаева 1998 – *Гришаева Л.И.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // *Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков*. Омск, 1998.
- Гришечкина 2002 – *Гришечкина Г.Ю.* Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002.

- Гришкин 1973 – *Гришкин И.И.* Понятие информации: Логико-методологический аспект. М., 1973.
- Гусар 2004 – *Гусар М.В.* Лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический аспекты частных газетных объявлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2004.
- Гусева 2006 – *Гусева О.А.* Влияние аргументативной ситуации на жанровое оформление публичной речи политика (на материале американской президентской риторики) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.4. Орёл, 2006.
- Гуц 1997 – *Гуц Е.Н.* К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Гюлюмянц 2004 – *Гюлюмянц К.М.* Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Минск, 2004.
- Давкова 1994 – *Давкова И.Э.* Отраженная речь при диалоговом взаимодействии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Давыдов 2007 – *Давыдов А.* Возвращение анекдота // Огонек. 2007. № 41.
- Давыдова 2003 – *Давыдова Т.А.* Речевой акт упрека в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
- Дамм 2003 – *Дамм Т.И.* Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвостилистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.
- Данилов 1999 – *Данилов С.Ю.* Тактика молчания в речевом жанре *проработки* // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.
- Данилов 2001 – *Данилов С.Ю.* Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- Данилов 2002 – *Данилов С.Ю.* О канонах внутрижанровой интеракции (на материале речевого жанра «проработка») // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Даулетова 1997 – *Даулетова В.А.* Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале английской и русской биографической прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
- Девкин 1979 – *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Дейк 1989 – *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дейк, Кинч 1988 – *Дейк ван Т.А.* и *Кинч В.* Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Дементьев 1995 – *Дементьев В.В.* Жанровая структура фатической коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995.
- Дементьев 1997 – *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
- Дементьев 1999а – *Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1.
- Дементьев 1999б – *Дементьев В.В.* Вторичные речевые жанры: онтология непрямо́й коммуникации // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Дементьев 2000 – *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
- Дементьев 2001 – *Дементьев В.В.* Основы теории непрямо́й коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Дементьев 2002 – *Дементьев В.В.* Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Дементьев 2003 – *Дементьев В.В.* Креативная формализация речи // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград, 2003.
- Дементьев 2004а – *Дементьев В.В.* Речевжанровое воплощение дружбы в русском и польском языках // Польский язык среди других славянских языков: IV Супруновск. чтения. Минск, 2004.

- Дементьев 2004b – *Дементьев В.В.* Гендер и жанр: мужской и женский варианты русского речевого жанра *разговор по душам* // Stylistyka XIII. 2004. Opole, 2004.
- Дементьев 2004с – *Дементьев В.В.* Власть и жанры русской фатической речи // Текст – Дискурс – Стиль. СПб., 2004.
- Дементьев 2005 – *Дементьев В.В.* О поэтике человеческого общения // Stylistyka XIV. 2005. Opole, 2005.
- Дементьев 2006 – *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Дементьев 2007а – *Дементьев В.В.* Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.
- Дементьев 2007б – *Дементьев В.В.* Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Дементьев 2010 – *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. М.: Знак : Языки славянских культур, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
- Дементьев 2011а – *Дементьев В.В.* Персонологическая генристика // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. 351 с. С. 5-25.
- Дементьев 2011б – *Дементьев В.В.* Анекдоты семидесятых: взгляд лингвиста. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 100 с.
- Дементьев 2012 – *Дементьев В.В.* Парадоксы жанра: к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 7-26.
- Дементьев 2013 – *Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. (Studia philologica).
- Дементьев, Рогачева 2006 – *Дементьев В.В., Рогачева Н.Б.* Сопоставление культур через посредство категории «коммуникативный идеал» // Stylistyka XV. 2006. Opole, 2006.
- Дементьев, Седов 1998 – *Дементьев В.В., Седов К.Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.
- Дементьев, Фенина 2005 – *Дементьев В.В., Фенина В.В.* Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Дементьева 2000 – *Дементьева Е.Ю.* Речевые жанры в сфере торговли // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Демидова 2000 – *Демидова М.Б.* Современные тактики реализации речевого жанра ‘Знакомство’ // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Демьянков 1981 – *Демьянков В.З.* Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т.40. Вып. 4.
- Денисюк 2004 – *Денисюк Е.В.* Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
- Дённингхаус 1999 – *Дённингхаус С.* Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Дённингхаус 2002 – *Дённингхаус С.* Теория речевых жанров М.М. Бахтина в тени прагмалингвистики // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Дешеева 2008 – *Дешеева В.В.* Театральность и агональность в жанре телешоу // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. Т. 1.
- Дмитриева 2002 – *Дмитриева Е.Ф.* Частно-официальное письмо-просьба как жанровая разновидность и форма реализации естественной письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства: Материалы конференции. Барнаул, 2002.
- Дмитриенко 2007 – *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.

- Добровольский 2007 – *Добровольский Д.О.* Семантика усмешки // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Добрушина 2006 – *Добрушина Н.Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2.
- Долинин 1978 – *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Долинин 1998 – *Долинин К.А.* Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
- Долинин 1999 – *Долинин К.А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Донец 2009 – *Донец П.Н.* Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Доценко, Шляхова 2003 – *Доценко Т.И., Шляхова С.С.* Граффити или граффито? // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Драздаускене 1969 – *Руткаускайте-Драздаускене М.-Л.А.* Можно ли объективно выделить речь в контактоустанавливающей функции? // Вестник МГУ. Филология. 1969. № 6.
- Драздаускене 1970 – *Драздаускене М.-Л.А.* Контактостанавливающая функция речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Дружинин, Савченко 1996 – *Дружинин В.Н., Савченко И.А.* Анекдот как зеркало русской семьи // Психологическое обозрение. 1 (2), 1996.
- Дубровская 2001 – *Дубровская О.Н.* Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Дубровская 2007 – *Дубровская О.Н.* Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Дубровская 2003 – *Дубровская Т.В.* Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Дубровская 2010 – *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 2010.
- Дубровская, Кормилицына 2002 – *Дубровская Т.В., Кормилицына М.А.* Некоторые прагматические характеристики речевых жанров «осуждение» и «обвинение» // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Дудник 1977 – *Дудник Л.В.* Сарказм как средство речевого воздействия // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.
- Дускаева 2004 – *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004.
- Дускаева 2012 – *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012.
- Дымарский 1993 – *Дымарский М.Я.* Грамматика текста и норма текстовости // АРТ: Альманах исследований по искусству. Вып. 1. Саратов, 1993.
- Дымарский 2009 – *Дымарский М.Я.* Новое старое в жанре официального наименования, или Еще раз про «новояз» // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Дьякова 2006 – *Дьякова Е.Ю.* К вопросу о жанрах образовательного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.4. Орёл, 2006.
- Дьякова 2007 – *Дьякова Л.Н.* Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
- Дьякова, Стернин 2005 – *Дьякова Л.Н., Стернин И.А.* Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Дьячкова 2000 – *Дьячкова И.Г.* Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000.

- Евтушенко 2006 – *Евтушенко О.А.* Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Елина 1997 – *Елина Е.А.* Социолингвистический аспект речи персонажей-военных (на материале русской прозы XIX – начала XX веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997.
- Емельянова 2004 – *Емельянова Н.А.* Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Енина 1999 – *Енина Л.В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Ермакова http – *Ермакова О.И.* Отражение особенностей речевого поведения пользователей компьютерных сетей в письменной форме компьютерного жаргона ([www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue 2000-1/75.htm](http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%2000-1/75.htm))
- Ермакова 1996 – *Ермакова О.П.* Вербализованная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Ермакова 1999 – *Ермакова О.П.* Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- Ермакова 2005 – *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
- Ермакова 2008 – *Ермакова О.П.* Тенденции к развитию энантиосемии. Ирония как источник энантиосемии // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
- Ермолаева 2005 – *Ермолаева Е.Н.* Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
- Ермолаева 2006 – *Ермолаева Е.Н.* Конфликт // Антология концептов. Волгоград, 2006. Том 4.
- Жаворонок 1998 – *Жаворонок С.И.* Девичьи рукописные любовные рассказы // Русский школьный фольклор. М., 1998.
- Жанры речи 1997 – Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып.1.
- Жанры речи 1997 – Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып.2.
- Жанры речи 2002 – Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып.3.
- Жанры речи 2005 – Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып.4. Жанр и концепт.
- Жанры речи 2007 – Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Жанры речи 2009 – Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Жельвис 1997а – *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- Жельвис 1997б – *Жельвис В.И.* Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Жельвис 2002 – *Жельвис В.И.* Вербальная дуэль: история и игровой компонент // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Жинкин 1982 – *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жирмунский 1936 – *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Жичкина http – *Жичкина А.* Социально-психологические аспекты общения в Интернете (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>)
- ЖР 1995 – Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
- Жура 2006 – *Жура В.В.* Запрос информации в жанре медицинской консультации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.

- Зализняк 2010 – *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162-181.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Занадворова 2001 – *Занадворова А.В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Зверева 1995 – *Зверева Е.В.* Коммуникативно-речевая ситуация «Комплимент»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Земская 1979 – *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Земская 1988 – *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская, Китайгородская, Розанова 1993 – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земцова 2006 – *Земцова Л.А.* Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Зигманн 2003 – *Зигманн Ж.В.* Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Зильберт 1986 – *Зильберт Б.А.* Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов, 1986.
- Зимняя 1976 – *Зимняя И.А.* Психолингвистическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Золотова 1982 – *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Зотеева 2001 – *Зотеева Т.С.* Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI-XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Ивакина 1997 – *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста. М., 1997.
- Иванова 2007 – *Иванова Е.П.* Жанровое своеобразие словаря как композитного текста // Текст. Дискурс. Жанр: матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 2007.
- Иванова 2001 – *Иванова Ю.М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Иванова 2008 – *Иванова Ю.М.* Стратегии взаимного влияния в жанре текстовой РПГ (role-playing game) // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. Т. 1.
- Иванчикова 1987 – *Иванчикова Е.А.* Жанровые формы речи газетной публицистики (Опыт типологии текстов) // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
- Иванчук 2005 – *Иванчук И.А.* Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры. СПб.; Саратов, 2005.
- Ивин 1983 – *Ивин А.А.* По законам логики. М., 1983.
- Извекова 2006 – *Извекова М.Г.* Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Имас 2001 – *Имас А.В.* Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Имшинецкая 2007 – *Имшинецкая И.А.* Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

- Инфантова 1973 – *Инфантова Г.Г.* Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи (пособие для спецкурса). Ростов-на-Дону, 1973.
- Иньиго-Мора 2008 – *Иньиго-Мора И.* Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. Екатеринбург. 2008. № 1 (24).
- Ионова 2006 – *Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов: Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Иссерс 1997 – *Иссерс О.С.* Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. Омск, 1997. Вып. 2.
- Иссерс 1999 – *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
- Иссерс 2003 – *Иссерс О.С.* Тактики выведывания информации (когнитивный аспект) // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Истомина 2008 – *Истомина А.Е.* Фельетон как жанр политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Ицкович 2007 – *Ицкович Т.В.* Православная проповедь как тип текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
- Йокояма 1992 – *Йокояма О.* Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. №6.
- Казачкова 2006 – *Казачкова Ю.В.* Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Какзанова 2006 – *Какзанова Е.М.* Жанр инструкции по эксплуатации в немецком научном дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.3. Орёл, 2006.
- Какорина 2008 – *Какорина Е.В.* СМИ и интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
- Капанадзе 1988 – *Капанадзе Л.А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Капанадзе 1989 – *Капанадзе Л.А.* Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989.
- Карабан 1989 – *Карабан В.И.* Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. Киев, 1989.
- Карабыков 2006 – *Карабыков А.В.* Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы 1 Междунар. науч. конф. (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4 ч. Кемерово, 2006. Ч.3.
- Карапетян 2001 – *Карапетян Е. А.* Экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни как жанровой формы художественной речи и лексические средства её формирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001.
- Карасик 1992 – *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 1992.
- Карасик 1996 – *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград, 1996.
- Карасик 1997 – *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик 2007 – *Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Карасик 2008 – *Карасик В.И.* Рутинное и креативное общение: функции, типы, способы // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008.
- Карасик 2013 – *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

- Карасик, Слышкин 2007 – *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Постулаты коммуникативной лингвистики // *Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Каратанова 2003 – *Каратанова О.А.* Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Караулов 1986 – *Караулов Ю.Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: VI конгресс МАПРЯЛ. М., 1986.
- Караулов 1987 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Карачевцев 1978 – *Карачевцев С.* (ред.) Тысяча двести анекдотов. 2-е изд. Paris, 1978 / Издательство «Orient». Рига. Б.г. (очевидно 1930-е гг.). 192с.
- Карзенкова, Салимовский 2005 – *Карзенкова Е.П., Салимовский В.А.* К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 9.
- Карпова 2007 – *Карпова Т.Б.* Русская речь в неофициальном Интернет-общении // *Stylistyka XVI.* 2007. Opole, 2007.
- Карчевски 2005 – *Карчевски Р.* Прагмакоммуникативные характеристики языковых средств выражения угрозы в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2005.
- Катаева 2004 – *Катаева Н.М.* Русский концепт *воля*: от словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
- Катуков 2006 – *Катуков С.С.* Брань // Антология концептов. Волгоград, 2006. Том 4.
- Кибрик 1991 – *Кибрик А.А.* Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: тез. докл. М., 1991.
- Кибрик 1994 – *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5.
- Кибрик 2003 – *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кириллова 1999 – *Кириллова И.А.* Речевое действие «делиться» и его жанровое поле // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Киселева 1978 – *Киселева Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Киселева 1995 – *Киселева Л.А.* Речевые жанры в городском транспорте: фактор адресата // Филология - Журналистика '94: Научные материалы. Красноярск, 1995.
- Китайгородская 2003 – *Китайгородская М.В.* Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Китайгородская, Розанова 1995 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Китайгородская, Розанова 1999 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Китайгородская, Розанова 2001 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Игровое поведение в коммуникативном пространстве города // *Stylistyka X.* 2001. Opole, 2001.
- Китайгородская, Розанова 2003 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Китайгородская, Розанова 2007 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Китайгородская, Розанова 2008 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Ситуация в очереди в современном городском общении – «ушедшая натура»? // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». Ч. 1.

- Китайгородская, Розанова 2010 – *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. (Studia philologica).
- Клеймёнова 2006 – *Клеймёнова М.Г.* Стилистическая дифференциация текстов политической антирекламы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып.3. Орёл, 2006.
- Клочко 2001 – *Клочко Л.И.* Похвала в ряду родственных речевых актов в английском языке // *Вісник Харків. ун-ту.* 2001. 537.
- Ключевский 1989 – *Ключевский В.О.* Курс русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в 9 тт. Т.5. М., 1989.
- Кобзеева 2006 – *Кобзеева О.В.* Стилежанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи: научной рецензии, театральной рецензии, отзыве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
- Ковалева 1980 – *Ковалева Л.М.* К вопросу о выделении единицы, объединяющей последовательность предложений в тексте // *Сб. науч. трудов МГПИИЯ.* М., 1980. Вып. 151.
- Ковалева 2002 – *Ковалева Н.А.* Русское частное письмо XIX века (Коммуникация. Жанр. Речевая структура): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2002.
- Кожевникова 1970 – *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). Praha: Universita Karlova, 1970.
- Кожевникова 1979 – *Кожевникова Кв.* Об аспектах связности в тексте как целом // *Синтаксис текста.* М., 1979.
- Кожина 1993 – *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.
- Кожина 1996 – *Кожина М.Н.* Целый текст как объект стилистики текста // *Stylistyka IV.* 1996. Opole, 1996.
- Кожина 1999a – *Кожина М.Н.* Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение // *Stylistyka VIII.* Opole, 1999.
- Кожина 1999b – *Кожина М.Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи.* Саратов, 1999. Вып. 2.
- Козинцев 2007 – *Козинцев А.Г.* Юмор: до и после иронии // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма.* М., 2007.
- Козлов 1999 – *Козлов Е.В.* Коммуникативность комикса (в текстуальном и семиотическом аспектах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Козловская 2007 – *Козловская Н.В.* Прецедентные феномены литературного происхождения в лингвокультурном пространстве современного Петербурга (на материале городских вывесок) // *Русская литература в формировании современной языковой личности. Материалы конгресса. Санкт-Петербург, 24-27 октября 2007 г. Литература в формировании языковой личности: этапы и варианты / Под ред. П.Е. Бухаркина, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. В двух частях. Ч. I.* СПб.: МИРС, 2007.
- Колегаева 2004 – *Колегаева А.В.* Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке (на материале художественных произведений и кинофильмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
- Колокольцева 2001 – *Колокольцева Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Колосов 2004 – *Колосов С.А.* Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
- Коляян 2003 – *Коляян Д.Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения // *Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения.* Волгоград, 2003.

- Колоян 2006 – *Колоян Д.Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Колшанский 1983 – *Колшанский Г.В.* Коммуникативные основы адекватной интерпретации семантики текста // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983.
- Колшанский 1984– *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Комина 1984 – *Комина Н.А.* Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984
- Комиссарова 2005 – *Комиссарова Т.С.* Новогоднее обращение как жанр политического дискурса (сравнительный анализ обращений В.В. Путина и Г. Шрёдера) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.2. Орёл, 2005.
- Коморова 2005 – *Коморова Д.Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Компанцева 2006 – *Компанцева Л.Ф.* Электронные доски объявлений как жанровый формат виртуального дискурса: когнитивно-прагматический аспект // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.3. Орёл, 2006.
- Кон 1988 – *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- Коньков 2002 – *Коньков В.И.* СМИ как речевая система // Мир русского слова. М., 2002. № 5.
- Кормилицына 1988 – *Кормилицына М.А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
- Кормилицына, Шамьенова 1999 – *Кормилицына М.А., Шамьенова Г.Р.* Категория вежливости в оценочных речевых жанрах // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Коротеева 1998 – *Коротеева О.В.* Дефинирование как один из жанров педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 октября 1998. Волгоград, 1998.
- Коротеева 1999 – *Коротеева О.В.* Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Косицкая 2005 – *Косицкая Ф.Л.* Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Костина [http](http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/24_4) – *Костина И.В.* Светская беседа: опыт теоретического осмысления: http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/24_4.
- Костомаров 2005 – *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Кочетова 1999 – *Кочетова Л.А.* Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Кочкин 2003 – *Кочкин М.Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Кошанский 1836 – *Кошанский Н.* Частная риторика. СПб., 1836.
- Кравченко 1992 – *Кравченко А.В.* Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейкитичность, индексальность. Иркутск, 1992.
- Кравченко 1999 – *Кравченко А.В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
- Кравченко 2003 – *Кравченко А.В.* Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Красильникова 1995 – *Красильникова Л.В.* Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Красноперова 2005 – *Красноперова Ю.В.* Дискурсивные стратегии участников интервью: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.

- Крейдлин, Самохин 2003 – *Крейдлин Г.Е., Самохин М.В.* Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Крейдлин, Шмелева 2007 – *Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я.* Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Крестинский 1989 – *Крестинский С.В.* Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
- Крылова, Со Ын Ен 2000 – *Крылова О.А., Со Ын Ен.* Понятие жанра: принципы выделения и изучения жанров речи // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. М., 2000.
- Крылова 2006 – *Крылова Т.В.* Кокетничать, заигрывать, флиртовать: игровые аспекты в общении между мужчинами и женщинами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Крысин 1989 – *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крюков 2001 – *Крюков Д.В.* Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Кубрякова 1993 – *Кубрякова Е.С.* Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Кубрякова 1994 – *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Кудрина 2007 – *Кудрина Н.А.* Особенности композиционной организации французской научной статьи // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орёл, 2007.
- Кузнецова 1996 – *Кузнецова О.Н.* Признание в любви: нестереотипность стереотипа // Семантика языковых единиц: Доклады V международной конференции. Т. II. М., 1996.
- Кузьмина 2003 – *Кузьмина М.В.* Компьютерный вид общения «чат» как жанр естественной письменной речи: основные характеристики // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Кукушкина 1989 – *Кукушкина Е.Ю.* «Домашний язык» в семье // Язык и личность. М., 1989.
- Кулинич, Бусоргина 2007 – *Кулинич М.А., Бусоргина Н.Ю.* Типология речевых жанров в англо-американском письмовнике // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Курганов 1997 – *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997.
- Курчакова 2007 – *Курчакова Н.* Формы самопрезентации в блоге // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколова М.М. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Курченкова 2000 – *Курченкова Е.А.* Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Кусов 2004 – *Кусов Г.В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Кусов 2005 – *Кусов Г.В.* Оскорбление // Антология концептов. Волгоград, 2005. Том 2.
- Кыркунова 2007 – *Кыркунова Л.Г.* Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
- Лаврентьева 2006 – *Лаврентьева Е.В.* Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

- Ладыженская 1986 – *Ладыженская Т.А.* Живое слово. М.: Просвещение, 1986.
- Лакофф 2007 – *Лакофф Р.* Прагматика публичного извинения // *Жанры речи.* Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Лалетина 2007 – *Лалетина А.О.* Гороскоп как гендерно-маркированный медиа-жанр // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Орел, 2007. Вып.5.
- Ланских 2008 – *Ланских А.В.* Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Лапинская, Карачун, Попова 2000 – *Лапинская И.П., Карачун Т.С., Попова С.Е.* Жанры поздравлений. К постановке проблемы // *Языковая структура и социальная среда.* Воронеж, 2000.
- Лаптева 1976 – *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Ларина 2004 – *Ларина Е.Г.* Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Автореф дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Ларина 2003 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- Ларина 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Лассвелл, Блюменсток 2007 – *Лассвелл Г., Блюменсток Д.* Методика описания лозунгов // *Политическая лингвистика.* Екатеринбург. 2007. № 3 (23).
- Лафарг 1930 – *Лафарг П.* Язык и революция. М., 1930.
- Лебедева 2003 – *Лебедева Н.Б.* К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты.* Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Лебедева 2007 – *Лебедева Н.Б.* Жанры естественной письменной речи // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.* М., 2007.
- Лебедева, Тюкаева 2007 – *Лебедева Н.Б., Тюкаева Н.И.* Граффити студенческое // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.* М., 2007.
- Леви-Стросс 1983 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Левонтина 1994 – *Левонтина И.Б.* Время для частных бесед // *Логический анализ языка. Язык речевых действий.* М., 1994.
- Левонтина 2009 – *Левонтина И.Б.* Особые события в современном русском языке (о названиях жанров времяпрепровождения *вечеринка* и *событие*) // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Левшун 1992 – *Левшун Л.В.* Проповедь как жанр средневековой литературы (на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Лемякина 1999 – *Лемякина Н.А.* Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
- Леонтьев 1969 – *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев 1999 – *Леонтьев В.В.* «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Лившиц 2001 – *Лившиц Т.Н.* К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов // *Востокукраинский лингвистический сборник: сб. науч. тр. Вып.7.* Донецк, 2001.
- Лимарева 1998 – *Лимарева Т.Ф.* Прагматический аспект иронии // *Современные проблемы школьной и вузовской педагогики.* М.; Краснодар, 1998.
- Липко 2006 – *Липко Ю.Г.* Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
- Лихачев 1979 – *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

- Личностные аспекты языкового общения 1989 – Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
- Логический анализ языка 2000 – Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- Логический анализ языка 2006 – Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Логический анализ языка 2007 – Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Лосский 1991 – *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман 1994 – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Спб., 1994.
- Лотман, Успенский 1994 – *Лотман М.Ю., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Луковникова 2006 – *Луковникова О.Ю.* Объяснение в научной и эстетической сферах использования языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
- Лю Сун 2008 – *Лю Сун.* Жанр «надпись на надгробном камне и погребальном венке» в русской и китайской лингвокультурах // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. Т. 1.
- Ма Яньли 2005 – *Ма Яньли.* Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Ма Яньли 2006 – *Ма Яньли.* Застолье // Антология концептов. Волгоград, 2006. Том 4.
- Майданова 1996 – *Майданова Л.М.* Практическая стилистика жанров СМИ. Заметка, интервью, статья. Екатеринбург, 1996.
- Макаров 1990 – *Макаров М.Л.* Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
- Макаров 1992 – *Макаров М.Л.* Выбор шага в диалоге: опыт эксперимента // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.
- Макаров 1998 – *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Макаров 2003 – *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Макаров 2005 – *Макаров М.Л.* Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Малиновский 1998 – *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
- Маринин 1996 – *Маринин Ю.Н.* Речеконтекст «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.
- Маркова 2003 – *Маркова Л.Ф.* Когнитивная идентификация речевого жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Мартемьянов 1981 – *Мартемьянов Ю.С.* Об исчислении словарных входов. II // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1981. Вып. 19.
- Мартынова 2005 – *Мартынова И.А.* Некоторые аспекты дискурсивной дистрибуции речевого акта угрозы в англоязычной лингвокультуре // Филология и культура: Матлы V междунар. научн. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
- Матвеева 1990 – *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.
- Матвеева 1994 – *Матвеева Т.В.* Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
- Матвеева 1995 – *Матвеева Т.В.* К лингвистической теории жанра // Collegium. Киев, 1995. № 1-2.
- Матвеева 1996 – *Матвеева Т.В.* Тональность разговорного текста: три способа представления // Stylistyka V. Opole, 1996.
- Матвеева 1997 – *Матвеева Т.В.* К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. Саратов, 1997.

- Матюхина 2004 – *Матюхина Ю.В.* Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2004.
- Меламедова 2008 – *Меламедова Е.А.* Авторское выражение благодарности в свете теории речевых жанров // Вестник СамГУ. 2008. № 5/2 (64).
- Меликян 2000 – *Меликян С.В.* Речевой акт молчания в структуре общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М.; Вена, 1995.
- Мечковская 2009 – *Мечковская Н.Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Мид 1988 – *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
- Милёхина 2001 – *Милёхина Т.А.* Светская беседа // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Милованова 1998 – *Милованова Ж.В.* Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 октября 1998. Волгоград, 1998.
- Миляева 2004 – *Миляева И.В.* Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.
- Минский 1979 – *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Минский 1988 – *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Мироненко 2005 – *Мироненко М.В.* Шутник как коммуникативный типаж: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Митьки 1990 – Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским. Л., 1990.
- Митягина 2008 – *Митягина В.А.* Социокультурные характеристики коммуникативного действия (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Митягина 2009 – *Митягина В.А.* Коммуникативные действия в академическом дискурсе: экзамен как жанр // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Михайлов 2003 – *Михайлов С.Н.* Жанры естественной письменной русской речи в сфере электронной коммуникации // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
- Михайлова 1999 – *Михайлова Е.В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Михальская 1992 – *Михальская А.К.* Пути развития отечественной риторики: утрата и поиски речевого идеала // НДВШ. Филологические науки. 1992. № 3.
- Михальская 1996 – *Михальская А.К.* Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996.
- Мишланов 2003 – *Мишланов В.А.* Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Мищенко 1999 – *Мищенко В.Я.* Комплімент в мовленнєвій поведінці представників англomовних (британської та американської) культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харків, 1999.
- Москаева 2008 – *Москаева Е.А.* Параметры коммуникативной ситуации «разговор с позиции силы» // Филологические этюды. Саратов, 2008. Вып. 11. Ч. III.
- Москальская 1981 – *Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
- Москвин 2005 – *Москвин В.П.* К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Москвин 2006 – *Москвин В.П.* Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.
- Мурзин, Штерн 1991 – *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

- Налимов 2003 – *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. Томск; М., 2003.
- Невинская 2006а – *Невинская М.Д.* Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Невинская 2006б – *Невинская М.Д.* Письмо в газету как жанр политического дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Ненарокова 2006 – *Ненарокова М.Р.* Раннесредневековая латинская проповедь: взаимодействие жанров // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.4. Орёл, 2006.
- Нестеров [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions) – *Нестеров В.* К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>)
- Нестеров, Нестерова [http](http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov) – *Нестеров В., Нестерова Е.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov>)
- Неудачина 2007 – *Неудачина Л.В.* Прагматика языка «застолья» (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2007.
- Никитина 2005 – *Никитина Л.Б.* Образ-концепт «homo sapiens» через призму жанров русской речи *сентенция, портретирование, одобрение, порицание* // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Никишина 2007 – *Никишина Е.А.* Письмо в газету в эмиграции и в СССР в 20–30-е гг. XX века: письма-благодарности // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Николаева 1978 – *Николаева Т.М.* Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып.10.
- Николаева 1988 – *Николаева Т.М.* Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Никонорова 2005 – *Никонорова О.Г.* Малые рекламные жанры в прагматическом, когнитивном и ортологическом аспектах (на примере бегущей строки): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
- Новый объяснительный словарь синонимов 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Норман 1987 – *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Норман 1991 – *Норман Б.Ю.* Лингвистика каждого дня. Минск, 1991.
- Норман 2000 – *Норман Б.Ю.* Лингвистика и юмор (вместо предисловия) // Лингвисты шутят. Specimina philologiae slavicae. Bd. 126. München, 2000
- Норман 2002 – *Норман Б.Ю.* Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Норман 2003 – *Норман Б.Ю.* К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрякая коммуникация. Саратов, 2003.
- Норман 2006 – *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
- Норман 2007 – *Норман Б.Ю.* Жанр шутивных объявлений в маршрутных такси // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Норман 2009 – *Норман Б.Ю.* Номинативное предложение в функции резюме (на материале художественных текстов) // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Одинцов 1980 – *Одинцов В.В.* Стилистика текста. М., 1980.
- Олешков 2007 – *Олешков М.Ю.* Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нижний Тагил, 2007.
- Олешков 2012 – *Олешков М.Ю.* Педагогический дискурс: Учеб. пособие для студентов вузов. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012.

- Олянич 2004 – *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Орлов 2003 – *Орлов О.М.* Проблемы типологии устных деловых жанров речи // Русская словесность. № 1. 2003.
- Орлова 1968 – *Орлова М.Н.* О характере соотношения вопроса и ответа в диалогической речи // Вопросы синтаксиса русского языка. Уфа, 1968. Вып. 29.
- Орлова 1995 – *Орлова Н.В.* Прагматика, стилистика, риторика смежных речевых жанров // Речь города: Тезисы докладов Всероссийск. межвузовск. научн. конф-ции. Омск, 1995.
- Орлова 1997 – *Орлова Н.В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Орлова 1999 – *Орлова Н.В.* Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Орлова 2007 – *Орлова Н.В.* Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Осетрова 2000 – *Осетрова Е.В.* Слухи в речевой и языковой действительности // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения). М., 2000.
- Остин 1986 – *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- ОТВ 1989 – Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989.
- Отрощенко, Дегтярева 2000 – *Отрощенко Е.Г., Дегтярева В.Г.* Рецензия как жанр профессиональной речи пиармена // Языковая структура и социальная среда. Воронеж, 2000.
- Оцуп 1994 – *Оцуп Н.* «Серебряный век» русской поэзии // Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. СПб., 1994.
- Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Палашевская 2012 – *Палашевская И.В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 2012.
- Палкевич 2001 – *Палкевич О.Я.* Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
- Панкратова 2005 – *Панкратова О.А.* Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
- Панов 1962 – *Панов М.В.* Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Панченко 2006 – *Панченко Н.Н.* Донос как речевой жанр // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Панченко 2007 – *Панченко Н.Н.* Сплетни как жанр бытового общения // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Паперно 1978 – *Паперно И.А.* О реконструкции устной речи из письменных источников. Кружковая речь и домашняя литература в пушкинскую эпоху // Учен. записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1978. Вып. 442.
- Паповянец 2004 – *Паповянец Э.Г.* Перлокутивная функция речевого акта угрозы // Ювілейні четврті Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація: Мат-ли міжнар. науково-метод. конфер. Харків: Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2004.
- Парсамов 1999 – *Парсамов В.С.* Язык и стиль «Русской правды» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Парсамова 2004 – *Парсамова В.Я.* Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2004.

- Парсамова 2005 – *Парсамова В.Я.* «Жанр...еще не родился» (к вопросу о жанровом самосознании Ю.М. Лотмана) // *Жанры речи.* Саратов, 2005. Вып. 4.
- Паршина 2005 – *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Пастухов 2002 – *Пастухов А.Г.* Сорт текста «объявление о приеме на работу» в анализе коммуникативной ситуации // *Проблемы подготовки специалистов социально-культурной сферы в условиях реформирования профессионального образования в России.* Орёл, 2002.
- Пастухов 2004 – *Пастухов А.Г.* Объявление о вакансии: между жанром и сортом текста // *Жанры, типы и сорта текста.* Вып. 1. Орёл, 2004.
- Пастухов 2005 – *Пастухов А.Г.* Предметно-логическая основа в журнальных микротекстах (на примере типа текста «Musikkritik») // *Профессиональное и нравственное становление специалистов социокультурной сферы России: традиции, преемственность и перспективы развития.* Орёл, 2005.
- Пастухов 2007 – *Пастухов А.Г.* Жанрово-стилистические особенности речевого жанра «portrait» (сравнительный анализ немецких, английских и русских текстов) // *Дискурсивный континуум: текст – интертекст – гипертекст.* Самара, 2007.
- Пастухов 2009 – *Пастухов А.Г.* Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Петелина 1985 – *Петелина Е.С.* Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // *Синтагматический аспект коммуникативной семантики.* Нальчик, 1985.
- Петров, Герасимов 1988 – *Петров В.В., Герасимов В.И.* На пути к когнитивной модели языка // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1988. Вып. 23.
- Петрова Т.И. 2000 – *Петрова Т.И.* Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6-8 лет): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
- Пешков 1995 – *Пешков И.В.* Подступы к типологии речи. Аристотель и Розеншток-Хюсси: (о)познание времени или время говорить? // *Риторика.* 1995. № 1. М., 1995.
- Пешковский 1938 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Пиз 1992 – *Пиз А.* Язык телодвижений. Н. Новгород, 1992.
- Пименова 2009 – *Пименова М.В.* Особенности концептуализации жизни в мемуарах (на примере «Воспоминаний» П.Н. Милюкова) // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Писарек 1993 – *Писарек Л.* Сопоставительное изучение речевых актов // *Studia Rossica Posnaniensia.* 1993. 24.
- Плеханова 2005 – *Плеханова Т.Ф.* Дискурсивно-диалогическая организация художественного текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 2005.
- Плешакова В.В. 1997 – *Плешакова В.В.* Русские благопожелания (опыт типологии и истории): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Плисов 2005 – *Плисов Е.В.* Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып.2. Орёл, 2005.
- Плотникова 2000 – *Плотникова С.Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск, 2000.
- Плотникова 2003 – *Плотникова С.Н.* Непрямое общение в беседе // *Прямая и непрямая коммуникация.* Саратов, 2003.
- Подберезкина 1994 – *Подберезкина Л.З.* Речевые жанры в корпоративном общении (методологический аспект) // *Филология – Журналистика '94.*
- Подъяпольская 2007 – *Подъяпольская О.Ю.* Эпистолярный текст в аспекте жанроведения... // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Орел, 2007. Вып.5.

- Покровская и др. 2011 – *Покровская Е.А., Дудкина Н.В., Кудинова Е.В.* Речевые жанры в диалоге культур. Ростов н/Д: Foundation, 2011.
- Ползунова 2008 – *Ползунова М.В.* «Объяснение в любви» как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2008.
- Поливанов 1968 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Полищук, Сиротинина 1979 – *Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Полякова 1999 – *Полякова Е.В.* Письмо-упрек // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Полякова 2001 – *Полякова Е.В.* Отрицательная оценка в русских письмах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Полякова 2007 – *Полякова Е.С.* Реализация категории оценки в жанре этического кодекса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орёл, 2007.
- Пономаренко 2011 – *Пономаренко Е.А.* Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2011.
- Попова 1995 – *Попова Е.А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
- Попова 2005 – *Попова Е.С.* Рекламный текст и проблемы манипуляции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Попова 2002 – *Попова Т.И.* Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. (Филологические исследования).
- Поройкова 1976 – *Поройкова Н.И.* Функционирование средств выражения согласия – несогласия в диалоге // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976.
- Поспелова 2001 – *Поспелова А.Г.* Речевые приоритеты в английском языке: Диссертация в виде научного доклада ... докт. филол. наук. СПб., 2001.
- Поспелова, Шустрова 2003 – *Поспелова А.Г., Шустрова Е.Н.* Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Потебня 1976 – *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Походня 1989 – *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989.
- Почепцов 1981 – *Почепцов Г.Г.* Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.
- Почепцов 1986 – *Почепцов Г.Г.* Молчание как знак // Анализ знаковых систем: История логики и методологии науки. Киев, 1986.
- Почепцов 1990 – *Почепцов Г.Г.* (мл.) Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: Аспекты взаимодействия. Киев, 1990.
- Прибыткова 2004 – *Прибыткова С.А.* Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Привалова 2007 – *Привалова И.В.* Речевые жанры сквозь призму культурных измерений // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Проблемы речевой коммуникации 2004 – Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2004. Вып.4. Власть и речь.
- Прозоров 1997 – *Прозоров В.В.* Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Прозоров 2002 – *Прозоров В.В.* Крылатые выражения и ситуации // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.

- Прозоров 2009 – *Прозоров В.В.* Очередь за дефицитом как речевой жанр // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Прокофьев 1988 – *Прокофьев Г.Л.* Ирония как прагматический компонент высказывания (на матер. англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988.
- Проничев 1996 – *Проничев В.П.* Compliment как средство создания речевого комфорта // Аспекты речевой конфликтологии. СПб, 1996.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
- Прохватилова 1994 – *Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1994.
- Прохвачева 2000 – *Прохвачева О.Г.* Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Прямая и непрягая коммуникация 2003 – Прямая и непрягая коммуникация. Саратов, 2003.
- Пузикова 2007 – *Пузикова З.Г.* Функционально-стилевые варианты доказательства в русском литературном языке начала XXI в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
- Пчелинцева 2003 – *Пчелинцева М.С.* Взаимодополняемость вербально-визуальных элементов информации в семиотическом пространстве рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Рабенко 2008 – *Рабенко Т.Г.* Благодарность: модель речевого общения и языковые средства ее реализации // Труды по когнитивной лингвистике. Кемерово, 2008. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10.
- Рабинович 2007 – *Рабинович Е.Л.* Выражение интеллектуального превосходства в русской и английской лингвокультурах (на материале Интернет-форумов) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Радченко 2005 – *Радченко В.В.* Архитектоника делового письма (сопоставительный анализ английской, немецкой и русской деловой корреспонденции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.
- Ранних 1994 – *Ранних Н.А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Ратмайр 2003 – *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
- Ратмайр 2013 – *Ратмайр Р.* Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянских культур, 2013. (Studia Philologica).
- Рахилина 2000 – *Рахилина Е.В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 2000. Т. 59. № 3.
- Рейманкова 1977-1978 – *Рейманкова Л.* К вопросу о языке интервью // Rusky jazyk. 28. 1977-1978.
- Рехтин 2005 – *Рехтин Л.В.* Речевой жанр инструкции: полевая организация: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Рикёр 1995 – *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Рогалева 2005 – *Рогалева О.С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
- Рогачева 2007 – *Рогачева Н.Б.* Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Рогачева 2009 – *Рогачева Н.Б.* Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале Интернет-общения // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Рогачева 2011 – *Рогачева Н.Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 2011.

- Рождественский 1978 – *Рождественский Ю.В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремнологический сборник. М., 1978.
- Розанова 2003 – *Розанова Н.Н.* Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Романенко 1997 – *Романенко А.П.* Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1(4).
- Романенко, Санджи-Гаряева 2002 – *Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С.* Общефилологические основания советской жанровой системы // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Романова 2008 – *Романова О.В.* Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
- Романова 2008 – *Романова О.Н.* Лингвосемиотическая стереотипизация персонажей в кинотексте молодежной комедии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Ромметвейт 1972 – *Ромметвейт Р.* Слова, значения и сообщения // Психолингвистика за рубежом. М. 1972.
- Ростова 2007 – *Ростова А.Н.* Записка школьная // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Ростоцкая 2007 – *Ростоцкая Е.Б.* Специфика коммуникации в телевизионном ток-шоу // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орёл, 2007.
- PPP 1970 – Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
- PPP 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- PPP 1978 – *Барина Г.А., Земская Е.А., Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
- PPP 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981
- PPP 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Рудов 2005 – *Рудов П.А.* Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Рудова 2008 – *Рудова Ю.В.* Жанровый статус медицинского буклета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Руссинова 2006 – *Руссинова Т.В.* Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- Русский семантический словарь 2003 – Русский семантический словарь: Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. III. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Рытникова 1996 – *Рытникова Я.Т.* Семейная беседа: обоснование и риторическая трактовка жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
- Рытникова 1997 – *Рытникова Я.Т.* Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Рябова 1983 – *Рябова Л.Г.* Разговорность речи персонажей (способы создания, авторское своеобразие): Автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 1983.
- Рябцева 2007 – *Рябцева Н.К.* Металингвистика межкультурного делового общения: от стиля к жанру // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Савицкайте 2006 – *Савицкайте Е.Р.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

- Сажина 2008 – *Сажина Е.В.* 'Отклики читателей' как жанр англоязычного полемического дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Салимовский 1999а – *Салимовский В.А.* Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Салимовский 1999b – *Салимовский В.А.* Жанры речи: Рецензия на первый выпуск сборника «Жанры речи» // *Stylistyka VIII*. 1999. Opole, 1999.
- Салимовский 2000 – *Салимовский В.А.* Жанры речи как функционально-стилистический феномен // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Салимовский 2001 – *Салимовский В.А.* Некоторые эвристические следствия из жанроведческого подхода в стилистике: проблема стилей языка и стилей речи // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001.
- Салимовский 2002а – *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
- Салимовский 2002b – *Салимовский В.А.* Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики? // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Саранцацрал 1993 – *Саранцацрал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Сахарова 2006 – *Сахарова О.В.* Реализация игровых стратегий и тактик трикстера в коммуникативном пространстве Киева // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Сахарова 2007 – *Сахарова О.В.* Адресованная ирония (языковые механизмы комического в эпиграммах) // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Святогор 1960 – *Святогор И.П.* О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи. Калуга, 1960.
- Святогор 1967 – *Святогор И.П.* Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Седов 1997 – *Седов К.Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Седов 1998 – *Седов К.Ф.* Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып.27.
- Седов 1999 – *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.
- Седов 2000 – *Седов К.Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Седов 2001 – *Седов К.Ф.* Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Седов 2002 – *Седов К.Ф.* Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Седов 2003 – *Седов К.Ф.* Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Седов 2005 – *Седов К.Ф.* Психолингвистика в анекдотах. М., 2005.
- Седов 2006а – *Седов К.Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации: *болтовня, светская беседа, разговор по душам* // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2006. Вып. 6.
- Седов 2006b – *Седов К.Ф.* Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России // *Stylistyka XV*. 2006. Opole, 2006.
- Седов 2007а – *Седов К.Ф.* Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007b – *Седов К.Ф.* Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.

- Седов 2007с – *Седов К.Ф.* Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007d – *Седов К.Ф.* Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Седов 2007е – *Седов К.Ф.* К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.
- Седов 2007f – *Седов К.Ф.* Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика // Текст. Дискурс. Жанр: Матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 2007.
- Седов 2011а – *Седов К.Ф.* Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
- Седов 2011b – *Седов К.Ф.* Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Саратов: ИЦ Наука, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 25-47.
- Седых 2004 – *Седых А.П.* Языковая личность и этнос: Национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов. М., 2004.
- Серебрякова 2002 – *Серебрякова Р.В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
- Серкова 1978 – *Серкова Н.И.* Предпосылки членения текста на сверхфразовом уровне // Вопросы языкознания. 1978. № 8.
- Серль 1986 – *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Серль 1987 – *Серль Дж.Р.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987.
- Серль, Вандервекен 1986 – *Серль Дж.Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- Сибирякова 1996 – *Сибирякова И.Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
- Сибирякова 1997 – *Сибирякова И.Г.* Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Силантьев 2004 – *Силантьев И.В.* Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. Новосибирск. 2004. Вып. 7.
- Синдаловский 2003 – *Синдаловский Н.А.* Хроника Санкт-Петербурга: годы, события, легенды. СПб.: Норинт, 2003.
- Сиротинина 1974 – *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сиротинина 1994 – *Сиротинина О.Б.* Тексты, текстостроение, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
- Сиротинина 1995 – *Сиротинина О.Б.* Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // Stylistyka IV. Opole. 1995.
- Сиротинина 1999 – *Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Сиротинина 2003 – *Сиротинина О.Б.* Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
- Сиротинина 2008 – *Сиротинина О.Б.* Речь города: проблемы, аспекты и трудности изучения // Язык современного города: Тезисы докл. межд. конф. Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008.
- Сиротинина 2013 – *Сиротинина О.Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые им риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013.
- Скрбнев 1985 – *Скрбнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.

- Слышкин 1999 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Слышкин 2000 – *Слышкин Г.Г.* От текста к символу. М., 2000.
- Слышкин 2004 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Слышкин 2005 – *Слышкин Г.Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // *Жанры речи.* Саратов, 2005. Вып. 4.
- Слышкин 2007 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма.* М., 2007.
- Сметюк 1994 – *Сметюк И.Н.* Диалогический текст: коммуникативно динамический и лингводидактический аспекты (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994.
- Смирнов 2004 – *Смирнов Ф.О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.
- Со Ын Ён 2000 – *Со Ын Ён.* Речевой жанр современного церковно-религиозного послания: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2000.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Соковнин 1974 – *Соковнин М.В.* О природе человеческого общения: Опыт философского анализа. Фрунзе, 1974.
- Соколов 2002 – *Соколов К.Б.* Анекдот и официальная картина мира // *Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века.* М., 2002.
- Солганик 1978 – *Солганик Г.Я.* Введение // *Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Соловьева 2007 – *Соловьева А.А.* Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Соловьева 1965 – *Соловьева А.К.* О некоторых общих вопросах диалога // *Вопросы языкознания.* 1965. № 6.
- Соловьева 2006 – *Соловьева Ю.Г.* Обвинение // *Антология концептов.* Волгоград, 2006. Том 4.
- Соломоник 1995 – *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М., 1995.
- Соссюр 1977 – *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Старобинский 2002 – *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М., 2002.
- Стексова 1992 – *Стексова Т.И.* Угроза как речевой жанр // *Функциональный анализ значимых единиц русского языка.* Новокузнецк, 1992.
- Стексова 2004 – *Стексова Т.И.* Функционально-стилевые варианты речевого жанра просьбы // *Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации.* Новосибирск, 2004.
- Стексова, Боброва 1991 – *Стексова Т.И., Боброва В.М.* Ситуация речевого несогласия (семантико-структурный аспект) // *Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике.* Новосибирск, 1991.
- Степанов 2005 – *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.
- Степанов 2003 – *Степанов В.Н.* Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб., 2003.
- Степанов 2006 – *Степанов В.Н.* Провокативные жанры в текстах массовой коммуникации // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Вып.4. Орёл, 2006.
- Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Стернин 1996 – *Стернин И.А.* Светское общение. Воронеж, 1996.

- Стернин 2001 – *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Стернин 2003 – *Стернин И.А.* Почему русский человек не любит светское общение? // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Стернин 2006 – *Стернин И.А.* Можно ли упростить стилистическую парадигму для рядового носителя языка? // Язык художественной литературы. Литературный язык: Сб. статей к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. Саратов, 2006.
- Стернин 2009 – *Стернин И.А.* Речевой жанр «Общение на отдыхе» // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Стернин, Шилихина 2001 – *Стернин И.А., Шилихина К.М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
- Стрельникова 2005 – *Стрельникова М.А.* Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Суркова 2008 – *Суркова Е.В.* Жанр конференции в научном и научно-учебном дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Сусов 1983 – *Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983.
- Сусов 1989 – *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
- Суханова, Суханов 2002 – *Суханова Е.М., Суханов М.* Письмо как жанр естественной письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства: Материалы конференции. Барнаул, 2002.
- Суханова 1984 – *Суханова И.Д.* Композиционно-структурные и лингвистические параметры текстов жанра коммерческой корреспонденции английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Сухих, Зеленская 1997 – *Сухих С.А., Зеленская В.В.* Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар, 1997.
- Сухих, Зеленская 1998 – *Сухих С.А., Зеленская В.В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Сыщиков 2000 – *Сыщиков О.С.* Имплицитность в деловом дискурсе (на материале английских коммерческих писем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Тамарченко 1982 – *Тамарченко Н.Д.* Художественный диалог и проблема завершения реалистического романа // Жанр и проблема диалога. Махачкала, 1982.
- Тарасенко 1999 – *Тарасенко Т.В.* Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.
- Тарасов 1974 – *Тарасов Е.Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Тарасов 1977 – *Тарасов Е.Ф.* Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Тарасова 2007 – *Тарасова И.А.* Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Тарасова 2009 – *Тарасова И.А.* Жанр дневника в поэзии Георгия Иванова // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Татарникова 2004 – *Татарникова Н.М.* Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса): Автореф. дис... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

- Татару, Гипсон 2007 – *Татару Л.В., Гипсон П.Л.* Текст и дискурс как основа межличностной и межкультурной коммуникации // Текст. Дискурс. Жанр: матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 2007.
- Текст. Дискурс. Жанр 2007 – Текст. Дискурс. Жанр: Матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов, 20-21 сент. 2007 г. Балашов: Николаев, 2007.
- Телесин-1001 – *Телесин Ю.* 1001 избранный советский политический анекдот. Самиздат / Тенафли: Эрмитаж, 1986.
- Теория и практика разговорной речи 1974 – Теория и практика разговорной речи. Горький, 1974.
- Теплицкая 1984 – *Теплицкая Н.И.* Диалог с позиции теории актуального членения // Филологические науки. 1984. №4.
- Тестоедова 2004 – *Тестоедова Т.В.* Молитва как речевой жанр и ее разновидности // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.
- Толстая 2006 – *Толстая С.М.* Постулаты московской этнолингвистики // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury.* Lublin, 2006. № 18.
- Трипольская 1997а – *Трипольская Т.А.* Речевой жанр уничижения и самоуничижения в эмотивно-оценочном дискурсе языковой личности // Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик – 97). Материалы Всерос. Научной конференции. Вып.2. Ростов н/Д. 1997.
- Трипольская 1997б – *Трипольская Т.А.* Семантико-прагматическое описание похвалы и комплимента // Актуальные проблемы русистики. Тезисы докл. и сообщений международной научной конференции. Екатеринбург, 1997.
- Трипольская 1998 – *Трипольская Т.А.* Речевой жанр самооценки с позиций когнитивной лингвистики // Языковая компетенция: грамматика и словарь. Часть 2. Проявление языковой компетенции говорящих в построении высказываний различных типов. Новосибирск, 1998.
- Троицкий 1999 – *Троицкий Ю.Л.* Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: СО РАН, 1999.
- Трофимова 2006 – *Трофимова Н.А.* Речевые акты извинения в диалогическом дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.4. Орёл, 2006.
- Троянская 1982 – *Троянская Е.С.* Лингвистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.
- Троянская 1986 – *Троянская Е.С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986.
- Труфанова 2001 – *Труфанова И.В.* О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56-65.
- Тряпицына 1999 – *Тряпицына Е.В.* Категория точности художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Туманян 1985 – *Туманян Э.Г.* Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
- Тупикова 2003 – *Тупикова С.Е.* Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (На материале художественных текстов XIX-XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Тырникова 2003 – *Тырникова Н.Г.* Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Тырыгина 2008 – *Тырыгина В.А.* Восемь признаков жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Тюкаева 2005 – *Тюкаева Н.И.* Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

- Тютенко 1999 – Тютенко А.А. К проблеме лингвопрагматического анализа намека // Вісник Харків. держ. ун-ту. 1999. № 435.
- Уваров 1992 – Уваров М.С. Текст как исповедь // Язык и текст: онтология и рефлексия: Материалы к I Межд. философско-культурологическим чтениям. СПб., 1992.
- Уваров 1998 – Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998.
- Уздина 2002 – Уздина Е.М. О национально-культурной обусловленности флирта // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Универсальюк 2008 – Универсальюк Е.А. 'Открытое письмо' как дискурсивная модель социального диалога в области иммиграции в Италии // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.
- Урванцев 2006 – Урванцев К.Г. Жанры современной теле-и радиорекламы (риторический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Урысон 1997 – Урысон Е.В. Архаичные представления в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1997.
- Успенский 1965 – Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.
- Успенский 1996 – Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной этимологии // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т.2.
- Ухова 2001 – Ухова Л.В. Речевые средства реализации авторского намерения в жанре телеинтервью (на материале программ К. Прошутинской «Мужчина и женщина» и А. Караулова «Момент истины»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001.
- Фатеев 2007 – Фатеев П.С. «Ворчание» как речевой жанр // Филологические этюды. Саратов, 2007. Вып. 10. Ч. III.
- Федорова 1991 – Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
- Федосюк 1988 – Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988.
- Федосюк 1993 – Федосюк М.Ю. «Стиль» ссоры // Русская речь. 1993. №5.
- Федосюк 1996 – Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Федосюк 1997а – Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
- Федосюк 1997б – Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Федосюк 1997с – Федосюк М.Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
- Федотовских 2005 – Федотовских Т.Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Фенина 2005 – Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Филимонова 2003 – Филимонова О.Е. Выражение восхищения в текстах разных жанров // Антропоцентризм в языке и речи. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
- Филиппов 2008 – Филиппов В.О. Дзэн-буддийские коаны: приближение к истине по сути посредством удаления от нее по форме // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Филиппова 2005 – Филиппова М.М. Ирония и сарказм в английском языке и культуре (пособие для студентов гуманитарных вузов). М.: МАКС Пресс, 2005.

- Филлмор 1983 – *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Филлмор 1988 – *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Филонова 1998 – *Филонова Ю.Ю.* Когнитивные и прагмалингвистические особенности опосредованных деловых переговоров на морском транспорте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998.
- Формановская 1989 – *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
- Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Формановская 2003 – *Формановская Н.И.* Объявление – реклама – рекламное объявление (к уточнению характеристики жанра) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 3.
- Фрейд 1925 – *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Функциональная стратификация языка 1985 – *Функциональная стратификация языка.* М., 1985.
- Хаймс 1975 – *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7.
- Хвощевский 2002 – *Хвощевский Р.В.* Натяк як мовленнєва стратегія: Автореферат дис. ... канд. філол. наук. К., 2002.
- Хейзинга 1992 – *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
- Хесс-Люттих 2007 – *Хесс-Люттих Эрнест В.Б.* Коммуникативные функции жанра «модерации» в передачах частных радиостанций Швейцарии // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орёл, 2007.
- Химик 2000 – *Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург, 2000.
- Химик 2004 – *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Хоанг Ань 1993 – *Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Холквист 1997 – *Холквист М.* Внутренняя речь как социальная риторика // Риторика. 1997. №1.
- Хомский 1962 – *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Хорешко 2005 – *Хорешко О.Н.* Жанровый аспект положительной оценки лица: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Хорошая речь 2001 – *Хорошая речь.* Саратов, 2001.
- Хохлова 2004 – *Хохлова Н.В.* Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Хэнкс 2007 – *Хэнкс В.Ф.* Диалог как средство обращения в Христианство и миссионерский дискурс в колониальном Юкатане // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Царикевич 2007 – *Царикевич Н.В.* Социопрагматика текста брачного рекламного объявления (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов брачных рекламных объявлений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.
- Чалбышева 2006 – *Чалбышева А.В.* Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля (на материале немецких и русских текстов подязыка физики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.

- Чарняк 1983 – *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Чарыкова 2007 – *Чарыкова О.Н.* Жанровые разновидности текстов газетной рекламы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орёл, 2007.
- Чахоян 1979 – *Чахоян Л.П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.
- Чейф 1983 – *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
- Чекменева 1986 – *Чекменева Н.А.* Речевые акты взаимного неодобрения со значением спора и ссоры в современном английском языке // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986.
- Человеческий фактор в языке 1991 – Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Человеческий фактор в языке 1992 – Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Черватюк 2006 – *Черватюк И.С.* Власть как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Черемисина 1990 – *Черемисина С.Н.* Текстобразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме «рассуждение» // Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий. Барнаул, 1990.
- Черкасова 2006 – *Черкасова И.С.* Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации русских и немецких объявлений о знакомстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Чернявская 2004 – *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- Черник 2002 – *Черник В.Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Чигридова 1999 – *Чигридова Н.Ю.* Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Чинова 1999 – *Чинова Л.Н.* Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Чиркова 1997 – *Чиркова О.А.* Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
- Чубарян 1994 – *Чубарян Т.Ю.* Семантика и прагматика речевых жанров юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Чуковский 1990 – *Чуковский К.И.* Живой как жизнь // Чуковский К.И. Собр. соч. в 2-х томах. Т.1. М., 1990.
- Шалина 2007 – *Шалина И.В.* Культурный сценарий «Супружеская измена» (по разговорам-воспоминаниям носителей уральского просторечия) // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Шамьенова 2001 – *Шамьенова Г.Р.* Вежливость как качество хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Шанский, Боброва 1994 – *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шапир 2007 – *Шапир М.И.* Донос: социолингвистический аспект (Игра словами как средство языковой политики) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Шаповалова 2007 – *Шаповалова Н.Г.* ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Шарифуллин 2002 – *Шарифуллин Б.Я.* Русская татуировка: герменевтика и прагматика синкретического жанра письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2002. Ч. 1.

- Шарифуллин 2008 – Шарифуллин Б.Я. Речежанровое пространство города и тексты городской среды // Язык современного города: Тезисы докл. межд. конф. Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008.
- Шаронина 1995 – Шаронина М.Г. Семиотические аспекты тостов: исторические корни и современность // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: 3-я межд. науч. конф. 29 мая - 4 июня. Тез. докл. / Челяб. гос. ун-т, РАН, Ин-т востоковедения и др. Челябинск, 1995. Ч.3. Фольклор и этнография народов России. Взаимодействие музыкальных культур.
- Шатуновский 1991 – Шатуновский И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Шатуновский 2007 – Шатуновский И.Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Шахнарович 1979 – Шахнарович А.М. Психолингвистические проблема овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Шаховский 2005 – Шаховский В.И. Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
- Шведова 1960 – Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Швейгер-Лерхенфельд 1998 – Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. М., 1998.
- Шевченко http – Шевченко И. Некоторые психологические особенности общения посредством Internet (<http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko>)
- Шевченко 2009 – Шевченко И.С. Гибридная природа извинения: когнитивно-прагматический анализ // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Шейгал 2000a – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Шейгал 2000b – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Шейгал 2002 – Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
- Шейгал 2004 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Шейгал 2005 – Шейгал Е.И. Параметры доверительного общения // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005.
- Шейгал 2006 – Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006.
- Шейгал, Черватюк 2007 – Шейгал Е.И., Черватюк И.С. Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура.
- Шемарова, Гайсина 2005 – Шемарова В.А., Гайсина Р.М. Встреча, приветствие, прощание, расставание // Антология концептов. Волгоград, 2005. Том 2.
- Шемякина 2004 – Шемякина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Шенк 1980 – Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Шерстяных 2013 – Шерстяных И.В. Теория речевых жанров: Лекционно-практический курс для магистрантов. М.: Флинта : Наука, 2013.
- Шеффер 2010 – Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010.
- Шибанова 2004 – Шибанова Е.А. Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

- Шидо 2002 – *Шидо К.В.* Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.
- Ширинкина 2000 – *Ширинкина М.А.* Жанры текстов толкования в деловом стиле // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000. Вып. 3.
- Ширинкина 2001 – *Ширинкина М.А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001.
- Ширяев 2000 – *Ширяев Е.Н.* Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- Шлейхер 1960 – *Шлейхер А.* Немецкий язык (извлечения) // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. I.
- Шмелев 2002 – *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Шмелева Е.Я. 2003 – *Шмелева Е.Я.* Речевой портрет «нового русского» как героя анекдота и литературного персонажа // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Шмелева, Шмелев 1999 – *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Шмелева, Шмелев 2002 – *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.
- Шмелева, Шмелев 2005 – *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Шмелева 1990 – *Шмелева Т.В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Berlin. 1990. №2.
- Шмелева 1992 – *Шмелева Т.В.* Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Шмелева 1995a – *Шмелева Т.В.* Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев. 1995. № 1-2.
- Шмелева 1995b – *Шмелева Т.В.* Речевой жанр: несложившаяся традиция отечественной филологии // Филология - Журналистика'94: Научные материалы. Красноярск, 1995.
- Шмелева 1997 – *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Шмелева 2004 – *Шмелева Т.В.* Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2004.
- Шмелева 2007 – *Шмелева Т.В.* Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Шмелева 2012 – *Шмелева Т. В.* Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С.26-37.
- Штайн 2002 – *Штайн К.Э.* Язык. Поэтический текст. Дискурс // Stylistyka XI. Opole, 2002.
- Шустрова Е.Н. 2008 – *Шустрова Е.Н.* Лингвистическая интерпретация стратегии мистификации в англоязычном речевом общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Щедровицкий 1975 – *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории речевой деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем проектирования. М., 1975.
- Щербаков 2005 – *Щербаков А.В.* Речевой жанр и смежные понятия // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 9.
- Щипицина 2008 – *Щипицина Л.Ю.* Проблема первичности и вторичности жанров компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл, 2008. Вып.6.

- Щипицина 2009 – *Щипицина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009.
- Щурина 1997 – *Щурина Ю.В.* Шутка как речевой жанр: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997.
- Щурина 1999 – *Щурина Ю.В.* Речевые жанры комического // *Жанры речи.* Саратов, 1999. Вып. 2.
- Щурина 2012 – *Щурина Ю. В.* Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова.* Саратов: ИЦ Наука, 2012. С. 464-474.
- Юганов, Юганова 1997 – *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90 годов). М., 1997.
- Юнаковская 2009 – *Юнаковская А.А.* Комплимент как часть общения обиходно-разговорной сферы (на материале г. Омска) // *Жанры речи.* Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык.
- Язык и власть 2003 – *Язык и власть: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной.* Саратов, 2003.
- Язык и общество 1995 – *Язык и общество.* Саратов, 1995. Вып. 10. Функциональный подход к языку как признак современной научной парадигмы.
- Язык о языке 2000 – *Язык о языке.* М., 2000.
- Языковая личность 1996 – *Языковая личность: культурные концепты.* Волгоград, 1996.
- Языковая личность 2001 – *Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации.* Волгоград, 2001.
- Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
- Яковлева 2003 – *Яковлева Е.А.* Разновидности городской письменной речи: уличные объявления как речевой жанр // *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи: Материалы конференции.* Барнаул, 2003.
- Ярмаркина 2001 – *Ярмаркина Г.М.* Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Ярмаркина 2002 – *Ярмаркина Г.М.* Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект // *Жанры речи.* Саратов, 2002. Вып. 3.
- Ярмульская 2006 – *Ярмульская И.Ю.* Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Яцко 1998 – *Яцко В.А.* Рассуждение как тип научной речи. Абакан, 1998.
- Adamzik 1995 – Adamzik K. *Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie.* Münster: Nodus Publ., 1995. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
- Anusiewicz 1989 – *Anusiewicz J.* Potoczność jako sposób doświadczenia świata i jako postawa wobec świata // *Język a kultura.* №.5. Wrocław, 1989.
- Argyle, Furnham, Graham 1981 – *Argyle M., Furnham A., Graham J.A.* Social Situation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Arnold, Miller http – *Arnold J., Miller H.* Gender and Web Home Pages: <http://ess.ntu.ac.uk/miller/cyberpsych/cal99.html>.
- Askehave, Nielsen 2005 – *Askehave I., Nielsen A.E.* What are the Characteristics of Digital Genres? Genre Theory from a Multi-modal Perspective // *Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences,* 2005.
- Attardo 1994 – *Attardo S.* Linguistic Theories of Humor. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994.
- Ballmer, Brennenstull 1981 – *Ballmer Th., Brennenstull W.* Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs. Berlin etc., 1981.

- Barnet 1970 – *Barnet V.* Jaký je lingvistický status hovorové rustiny? // Československa rusistika, XV, 1970, №2.
- Bernstein 1979 – *Bernstein B.* Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. Harmondsworth, 1979.
- Bhatia 1993 – *Bhatia V.K.* Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.
- Bickmore http – *Bickmore T.* A computational model of small talk // <http://web.media.mit.edu/~bickmore/Mas962b/>
- Blum-Kulka, House, Kaspar 1989 – *Blum-Kulka S., House J., Kaspar G.* Cross-cultural pragmatics. Norwood: Ablex, 1989.
- Breure http – *Breure L.* Development of the Genre Concept. Available on: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html>
- Brown, Yule 1983 – *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. L., Cambridge, 1983.
- Chaika 1989 – *Chaika E.* Language: The Social Mirror. 2-nd ed. Cambridge, 1989.
- Clark 1996 – *Clark H.H.* Using language. Cambridge, 1996.
- Cohen, Olshtain, Rosenstein 1981 – *Cohen A.D., Olshtain E., Rosenstein D.S.* Advanced EFL Apologies: What Remains to Be Learned? // International Journal of the Sociology of Language 27. 1981.
- Crowston, Williams 2000 – *Crowston K., Williams M.* Reproduced and Emergent Genres of Communication on the World Wide Web // The Information Society. vol. 6. 2000.
- Daneš 1970 – *Daneš F.* Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // Folia Linguistica. 1970. № 4.
- Danet, Herring 2007 – *Danet B., Herring S.* The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online (Eds.) New York: Oxford University Press, 2007.
- Deetz 1994 – *Deetz S.A.* Future of the discipline: The challenges, the research, and the social contribution // Communication Yearbook. Vol. 17. Thousand Oaks, 1994.
- Dobrzyńska 1992 – *Dobrzyńska T.* Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina) // Typy tekstów. Zbiór studiów, red. T. Dobrzyńska. Warszawa: wydawnictwo IBL. 1992.
- Dönninghaus 2001 – *Dönninghaus S.* Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlicher Interaktion) // Böttger K., Dönninghaus S., Marzari R. (Hrsg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München, 2001. Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. 12.
- Erickson 2000 – *Erickson T.* Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as genres, CMC Systems as Genre Ecologies // Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences. 2000.
- Eysenck 1993 – *Eysenck M.W.* Principles of Cognitive Psychology. Hove, UK; Hillsdale. NJ., 1993.
- Firbas 1971 – *Firbas J.* On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // Sbornik prací filosofické fakulty brněnské university. A(19). Brno, 1971.
- Fix 2008 – *Fix U.* Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2008.
- Fox 2005 – *Fox K.* Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder & Stoughton, 2005.
- Fritz 1982 – *Fritz G.* Kohärenz. Grundfragen der Dialoganalyse. Tübingen, 1982.
- Gajda 1982 – *Gajda S.* Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa; Wrocław, 1982.
- Gajda 1991 – *Gajda St.* Gatunki wypowiedzi potocznych – Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych. Opole, 1991.
- Gatunki mowy 2004-2007 – *Gatunki mowy i ich ewolucja.* Pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. Mowy piękno wielorakie. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. Tekst a

- gatunek*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. *Tekst a odmiany funkcjonalne*. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.
- Ghita 1993 – *Ghita A.* Pragmatic Aspects of the Ironic Dialogue // *Dialoganalyse IV*. Tübingen: Niemeyer, 1993. Teil 1.
- Goffman 1972 – *Goffman E.* *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. Harmondsworth, 1972.
- Grice 1971 – *Grice H.P.* *Meaning // Readings in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, NJ., 1971.
- Grice 1975 – *Grice H.P.* *Logic and conversation // Syntax and Semantics*. NY., etc., 1975. Vol. 3. *Speech Acts* Ed. by P. Cole, J. Morgan.
- Gülich 1985 – *Gülich E.* *Konversationsanalyse und Textlinguistik. Koreferat zum Beitrag von Werner Kallmeyer // Gülich E., Kotschi T. (Hrsg.). Grammatik, Konversation, Interaktion. Beiträge zum Romanistentag 1983, Tübingen, 1985.*
- Hall 1977 – *Hall E.T.* *Beyond cultures*. Garden City, N.Y.: Anchor Press / Doubleday, 1977.
- Hall 1990 – *Hall E.T.* *The Hidden Dimension*. Garden City, NY: Doubleday, 1990.
- Hall, Hall 1990 – *Hall E.T., Hall M.R.* *Understanding Cultural Differences*. Yarmouth, Me: Intercultural Press Inc., 1990.
- Harris 1991 – *Harris Z.S.* *Theory of Language and Information: A Mathematical Approach*. Oxford; NY., 1991.
- Harweg 1968 – *Harweg R.* *Pronomina und Textkonstitution*. München, 1968.
- Haverkate 1990 – *Haverkate H.A.* *Speech Act Analysis of Irony // Journal of Pragmatics*. 1990. Vol. 14.
- Heinemann 1982 – *Heinemann W.* *Textlinguistik heute Entwicklungen, Probleme, Aufgaben // Wissenschaftliche Zeitschriften der Karl- Marx- Universität Leipzig, 1982, Gesellschaft und sprachwissenschaftliche Reiche, h.3.*
- Herbert 1989 – *Herbert R.K.* *The Ethnography of English Compliments and Compliment Responses: A Contrastive Pragmatics*. W.Oleksy (Ed.). Amsterdam, 1989.
- Herring 2004 – *Herring S.* *Slouching toward the ordinary: current trends in computer-mediated communication // New Media and Society*. London: Sage Publications, 2004.
- Herring 2007 – *Herring S. C.* *A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. Language@Internet, 2007. No 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009.*
- Herring, Scheidt, Bonus 2004 – *Herring S.C., Scheidt L.A., Bonus S., Wright E.* *Bridging the Gap: A Genre Analysis of Weblogs // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2004.
- Hofstede 1997 – *Hofstede G.* *Cultures and organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill.1997.
- Holmes 2003 – *Holmes J.* *Small talk at work: potential problems for workers with an intellectual disability // Research on Language and Social Interaction, 36 (1), 2003.*
- Huchkin 1997 – *Huchkin Th.* *Cultural Aspects of Genre Knowledge // AILA Review: Applied Linguistics Across Disciplines*. Edited by Anna Mauranen and Kari Sajavaara. 1995/6. № 2. (published in 1997 by Catchline, UK)
- Hymes 1972 – *Hymes D.* *Models of the interaction of language and social life // Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication (eds J.J. Gumperz and D. Hymes)*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
- Hymes 1977 – *Hymes D.* *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London, 1977.
- Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М., 2006.
- Isenberg 1968 – *Isenberg H.* *Überlegungen zur Texttheorie // ASG-Bericht2, Berlin, 1968.*
- Jorgensen 1996 – *Jorgensen J.* *The functions of sarcastic irony in speech // Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 26.
- Kaplan, Manners 1972 – *Kaplan D., Manners R.A.* *Culture Theory*. Englewood Cliffs, 1972.

- Kotloff 2003 – *Kotloff H.* Responding to irony in different contexts: on cognition in conversation // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35.
- Lapp 1992 – *Lapp E.* *Linguistik der Ironie*. Tübingen: Narr, 1992. 189 S. Literaturverz.: S.
- Laver 1975 – *Laver J.* Communicative functions of phatic communication // A.Kendon, R.M.Haris and M.R.Key (eds) *The Organisation of Behaviour in Face-to-Face Interaction*. The Hague: Mouton, 1975.
- Leech 1983 – *Leech G.N.* *Principles of Pragmatics*. L.; N.Y., 1983.
- Lewandowska-Tomaszczyk 1989 – *Lewandowska-Tomaszczyk B.* Praising and Complimenting // *Contrastive Pragmatics*. W. Oleksy (Ed.). Amsterdam, 1989.
- Lindemann 1987 – *Lindemann P.* Kohärenz in mündlicher interaktionaler Kommunikation // *Strategien und Prinzipien sprachlicher Kommunikation*. Berlin, 1987.
- Lubaś 1988 – *Lubaś W.* O istocie potoczności i jej przejawach w tekstach słowiańskich // *Socjolingwistyka*, 1988, № 8.
- Łaszkiwicz 2003 – *Łaszkiwicz H.* Pojęcie honoru w Carstwie Moskiewskim i w Rzeczypospolitej w XVI-XVII wieku // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*. Łódź, 2003.
- Müller 1984 – *Müller K.* Rahmenanalyse des Dialogs // *Aspekte des Sprachverstehens*. Tübingen, 1984.
- Malinowski 1972 – *Malinowski B.* Phatic Communion // *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, 1972.
- Manes 1983 – *Manes J.* Compliments: A Mirror of Cultural Values // *Sociolinguistics and Language Acquisition*. N. Wolfson, E. Judd (Eds.). Rowley, 1983.
- McCarthy 2003 – *McCarthy M.* Spoken language and the notion of genre // McCarthy M. *Spoken language and applied linguistics*. UK: Cambridge University Press, 2003 (reprinted from 1998). Pp. 26-47; 62-63; [206pp.]
- Mervis, Rosch 1981 – *Mervis C., Rosch E.* Categorisation of natural objects // *Annual Review of Psychology*, 32, 1981.
- Miller, Arnold 2003 – *Miller H., Arnold J.* Self in Web Home Pages: Gender, Identity and Power in Cyberspace // *Towards Cyber Psychology: Mind, Cognitions and Society in the Internet Age*, Amsterdam: IOS Press, 2003.
- Mustajoki 2013 – *Mustajoki A.* Title Risks of miscommunication in various speech genres. *Understanding by Communication*. E. Borisova & O. Souleimanova (ed.). Cambridge Scholars Publishing. Cambridge, 2013. Pp. 33-53.
- Ożóg 1990 – *Ożóg K.* Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa). Warszawa; Kraków, 1990.
- Peirce 1960 – *Peirce C.S.* *Elements of logic* // *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. V. 2. Cambridge, MA, 1960.
- Pisarkowa 1975 – *Pisarkowa K.* *Składnia rozmowy telefonicznej*. Wrocław itd., 1975.
- Pomerantz 1978 – *Pomerantz A.* Compliment Responses: Notes on the Co-Operation of Multiple Constraints // *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. J.Schenkein (Ed.). N.Y., 1978.
- Raskin 1985 – *Raskin V.* *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, 1985.
- Rimmon-Kenan 1987 – *Rimmon-Kenan S.* (ed.) *Discourse in Psychoanalysis and Literature*. L.; NY., 1987.
- Rosch 1977 – *Rosch E.* Human categorization // N. Warren (ed.). *Studies in cross-cultural psychology*. N.Y.: Academic press, vol. 1, 1977.
- Sacks 1975 – *Sacks H.* Everyone has to lie // M. Sanches, B.G. Bluont (eds) *Sociocultural Dimensions of Language Use*. NY: Academic Press. 1975.
- Saville-Troike 1989 – *Saville-Troike M.* *The Ethnography of Communication*. 2nd Edition. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Schank, Abelson 1977 – *Schank R.C., Abelson R.P.* *Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale. NJ, 1977.

- Schiffrin 1994 – *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford; Cambridge, 1994.
- Schneider 1988 – *Schneider K.P.* Small Talk: Analysing Phatic Discourse. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- Schröder http – *Schröder H.* Tabus in der Wirtschaft. Anredeformen, Indirectheit und Small Talk Themen in Kontakten mit amerikanischen und japanischen Geschäftsleuten // http://www.inst.at/studies/s_0701_d.htm.
- Shannon, Weaver 1949 – *Shannon C., Weaver W.* The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949.
- Shepherd, Watters 1998 – *Shepherd M., Watters C.R.* The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 1998.
- Small talk 2000 – Small talk / Ed. J. Coupland Harlow: Longman, 2000.
- Sperber, Wilson 1995 – *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford; Cambridge, 1995.
- Steinitz 1968 – *Steinitz R.* Nominale Pro-Formen // ASG Bericht 2. Berlin, 1968.
- Stiles 1981 – *Stiles W.* Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society. 1981, vol.10.
- Storkan 1980 – *Storkan K.* Publicistické žánry. Praha, 1980.
- Swales 1990 – Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings.* Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Tannen 1986 – *Tannen D.* That's not what I meant: How conversational style makes or breaks your relations with others. NY., 1986.
- Tannen 2010 – Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics.* Nr 42, 2010. Pp. 307-316.
- Taylor 1989 – *Taylor J.R.* Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford, 1989.
- Tench 2003 – *Tench R.* Public Relations Writing Genre-Based Model // Corporate Communication. vol.8. № 2. 2003.
- Umińska-Tytoń 1993 – *Umińska-Tytoń E.* Z problematyki kształtowania się stylu potocznego // Stylistyka II. Opole, 1993.
- Viehweger 1976 – *Viehweger D.* Semantische Merkmale und Textstruktur // Daneš F., Viehweger D. (Hrsg.) Probleme der Textgrammatik (= Studia grammatica XI). Berlin, 1976.
- Viehweger 1984 – *Viehweger D.* Kohärenz-Interaktion der Module (Vervielfältigung). Berlin, 1984.
- Weaver 1996 – *Weaver II R. L.* Understanding Interpersonal Communication. Harper Collins College Publishers, 1996.
- Wierzbicka 1983 – *Wierzbicka A.* Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów. Wrocław itd., 1983.
- Wierzbicka 1987 – *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney: Academic. 1987.
- Wierzbicka 1991 – *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka 1999 – *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Wierzbicka 2005 – *Wierzbicka A.* In defense of 'culture'. Theory and Psychology. Special issue on 'culture' edited by H.J. Stam. 15(4) 2005.
- Witosz 2005 – *Witosz B.* *Genologia lingwistyczna. Zarys problematyki.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005.
- Witosz 2006 – *Witosz B.* Potoczność jako wartość w dzisiejszej kulturze // Stylistyka XV. Opole, 2006.
- Wodak 1996 – *Wodak R.* Disorders of discourse. London and New York: Longman, 1996.

- Wodak 1986 – *Wodak R.* Language Behavior in Therapy Groups. Berkeley, 1986.
- Wojtak 2004 – *Wojtak M.* Gatunki prasowe. Lublin, 2004.
- Wojtak 2011 – *Wojtak M.* *Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium genologiczne.* Tarnów: Biblos, 2011 (Teolingwistyka, t. 9).
- Wolfson 1983 – *Wolfson N.* An Empirically Based Analysis of Complimenting in American English // Sociolinguistics and Language Acquisition. N.Wolfson, E.Judd (Eds.). Rowley, 1983.
- Yates, Orlikowski 1999 – *Yates J., Orlikowski W.J., Okamura K.* Explicit and implicit Structuring of Genres in Electronic Communication: Reinforcement and Change of Social Interaction // Organization Science, Vol. 10. № 1. 1999.

КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Установите соответствие между названием РЖ и формулой, описывающей его (по А. Вежбицкой).

а) вопрос; б) просьба; в) приказ; г) угроза; д) предостережение; е) благодарность; ж) извинение; з) комплимент; и) дискуссия; к) анекдот.

1) хочу, чтобы ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал

2) говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X

3) знаю, что я сделал нечто, что было для тебя плохо

думаю, что ты можешь чувствовать ко мне нечто плохое по этой причине

говорю: я жалею, что я это сделал

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не чувствовал ко мне ничего плохого

4) говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X

думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось

говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся

думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться

5) говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое

думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось

6) говорю: о тебе можно сказать нечто хорошее

чувствую, что тебе это будет приятно

говорю это, так как хочу, чтобы тебе было приятно

7) хочу, чтобы ты сделал для меня нечто хорошее (X)

говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал

не знаю, сделаешь ли ты это, потому что знаю, что ты не обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал

8) думаю, что ты думаешь об X нечто другое, чем я

говорю:...

говорю это, потому что хочу, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает (и почему)

думаю, что и ты хочешь, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает и почему

думаю, что, говоря об этом, мы могли бы сделать так, что мы будем думать одно и то же

я хотел бы, чтобы мы думали одно и то же

9) хочу, чтобы ты сделал X

говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал

знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал

10) знаю, что ты сделал для меня нечто хорошее

говорю: я чувствую к тебе нечто хорошее по этой причине

говорю это, потому что хочу, чтобы тебе было приятно

2. Определите, о каком жанре идет речь:

рукописный (машинописный) текст, создаваемый в целях установления авторских прав на какие-либо мысли, идеи, технологии, а также для публичного признания автора текста достойным ученой степени.

- 1) научная статья;
- 2) диссертация;
- 3) монография;
- 4) автореферат;
- 5) конспект.

3. Определите, о каком жанре идет речь:

вид корреспонденции, направляемой от имени одного лица или организации другому лицу или организации.

- 1) объяснительная записка;
- 2) деловое письмо;
- 3) гарантийное письмо;
- 4) резюме;
- 5) отчет.

4. Укажите жанр приведенного текста.

Начиная с конца 80-х годов русский язык изменяется настолько быстро, что в обществе возникают тревожные, а порой панические настроения. Все чаще говорят не только о порче, но уже и о гибели русского языка. Особенно болезненными оказываются такие темы, как язык Интернета, распространение брани, злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами. Лингвисты не всегда успевают отвечать на запросы общества в сфере языка и коммуникации, не учитывают новых явлений в лексике, грамматике, речевом этикете, предпочитая рассматривать их как обычные нарушения нормы либо не замечая вовсе. Очевидно, назрела необходимость открытого разговора лингвиста с обществом – не в качестве наставника, а в качестве собеседника, понимающего суть проблем и способного к их рациональному анализу, а не только к эмоциональным оценкам. Такое спокойное, взвешенное и, вместе с тем, заинтересованное обсуждение и предлагается в настоящей книге. Как уже сказано, книга обращена не к узкому лингвистическому сообществу, а к самому широкому читателю, которого интересует развитие русского языка и его будущее.

- 1) аннотация; 2) рецензия; 3) тезисы; 4) конспект; 5) реферат.

5. Укажите жанр приведенного текста.

Статья С. Залыгина «Читая Гоголя» – это рассуждение о мастерстве Гоголя-писателя.

Уже в самом начале статьи критик заявляет, что «Гоголь велик в каждом своем зрелом» произведении. И действительно. Все произведения Гоголя – «образцы истинно мировой литературы». Ведь Гоголь, подобно Менделееву, «создает таблицу человеческих образов и характеров». Используя сравнение с Менделеевым, величайшим химиком мира, критик показывает величие гения Гоголя в области литературы.

С. Залыгин приводит доказательства своей основной мысли. Он подчеркивает, что Гоголь использует свои методы в изображении литературных героев: он буквально «персонифицирует» в каждом отдельном образе и «жадность, и грубость, и хвастовство, и беспредельную отвагу или ничтожество». Наделяя такими эпитетами всем нам известных героев, как-то: Плюшкин, Собакевич, Хлестаков, Тарас Бульба или Шпонька – С. Залыгин показывает, насколько живы пороки, изображенные Гоголем, насколько актуальны затронутые им темы.

Конечно, Гоголь, по мнению критика, «не закончил эту работу», но ведь «никто в мировой литературе не сделал в этом направлении столько же». Гоголь, действительно,

стал «предтечей... очень многих литературных направлений». Вспомним хотя бы М. Булгакова с его мистицизмом в «Мастере и Маргарите». Не наследие ли это «Вия»? А создание новых жанров? Ведь детектив, водевиль, эссе, эпистолярный жанр получили свое дальнейшее развитие именно после Гоголя.

Несомненно, прав С. Залыгин, говоря, что «ни один писатель за всю историю существования художественной литературы не угадал столько путей, столько возможностей, заложенных в литературе, сколько Гоголь».

Статья С. Залыгина – это своего рода диалог с читателем. Посмотрите, сколько риторических вопросов, сколько утверждений, выраженных неполными предложениями. Автор статьи, несомненно, возвеличивает Гоголя, подчеркивая это эмоционально-оценочной лексикой («Гоголь велик», «...образцы истинно мировой литературы» и т.п.). С. Залыгин использует термины, относящиеся к научному стилю речи. Например, «свой метод», «исторический романнизм», «художественно-социологическое исследование», но это нисколько не мешает общему восприятию статьи, наоборот, придает ей еще большую убедительность.

Статья, написанная в публицистическом стиле, передает не только отношение С. Залыгина к поднятой им проблеме, но и способствует более глубокому пониманию нами, читателями, какой великий вклад внес Гоголь в развитие мировой литературы.

1) аннотация; 2) рецензия; 3) тезисы; 4) конспект; 5) реферат.

6. Укажите, клише какого речевого жанра приведено ниже.

Я, фамилия, имя, отчество (полностью), родился (родилась) дата (число, месяц (полностью) год) в г. (городе, селе, деревне)..... области.

В 19... г. поступил(а) в первый класс название учебного заведения г. (города, села), которую закончил(а) в 19... г. В 19... г. поступил(а) в... (указать название учебного отделения) на отделение (факультет).

В настоящее время обучаюсь (являюсь студентом) названного отделения (факультета) аббревиатура учебного заведения.

Холост. / Женат. / Не замужем. / Замужем.

Сведения о семье.

Отец, фамилия, имя, отчество (полностью), 19... г. рождения, специальность, место работы.

Мать, фамилия, имя, отчество (полностью), 19... г. рождения, специальность, место работы.

(Если женат/замужем, то указываются сведения о жене/муже, детях).

дата подпись

1) объяснительная; 2) заявление; 3) автобиография; 4) резюме; 5) характеристика.

7. Определите жанр приведенного текста.

М.Ю. Федосюк (Москва)

Лингвистические признаки демагогических текстов

1. Среди публицистических текстов любой идейной ориентации достаточно часто встречаются тексты демагогические, т.е. такие, которые имеют целью навязывание адресату предвзятого осмысления и односторонней оценки предмета обсуждения. Представляется, что подобная демагогическая направленность текстов может быть обнаружена не только путем сопоставления их содержания с действительным положением дел, но и посредством лингвистического анализа.

2. С точки зрения содержательной, демагогичность текста бывает связана с выражением, главным образом, двух идей: 1) освещения излагаемой точки зрения как такой, которую разделяет значительное, если не подавляющее, большинство людей, а противоположной точки зрения, напротив, как позиции, которой придерживаются лишь

отдельные, причем малоавторитетные лица, и 2) объяснения точки зрения оппонентов их незрелостью, несамостоятельностью или даже враждебными целями.

3. С точки зрения формальной, основной особенностью демагогических текстов является использование для передачи только что упомянутых идей ряда неявных способов выражения. Важнейшими из них являются следующие: 1) употребление местоимения мы с размытым содержанием (мы = «адресант»? «адресант и его соратники»? «адресант и адресаты»? «весь народ»?); 2) деиндивидуализирующее обозначение конкретных оппонентов с помощью слов кое-кто, иные, некоторые, определенные, отдельные, известные и т.п.; 3) оформление суждений, соответствующих отстаиваемой точке зрения, с помощью пресуппозиции, т.е. так, как будто эти суждения априори являются истинными и, кроме того, уже известны адресату; 4) использование смысловых лагун, которые адресат оказывается вынужденным неосознанно восполнять суждениями, соответствующими невысказанной, но навязанной ему точке зрения; 5) маркирование слов, характеризующих точку зрения оппонентов как таких, употребление которых не соответствует их истинному значению (выражение так называемый и некоторые синонимичные ему средства, в том числе иронические кавычки). Немалую роль играют и некоторые традиционные приемы риторики, такие, например, как риторический вопрос, ирония или намек.

1) аннотация; 2) рецензия; 3) тезисы; 4) автореферат; 5) реферат.

8. Установите соответствие между жанром и его характеристикой.

1) художественно-публицистический жанр, представляющий событие или проблему в сатирическом или, реже, юмористическом освещении, может быть адресным, высмеивающим конкретный факт, и безадресным, обличающим негативное социальное явление;

2) задача автора этого жанра – выражение индивидуальных впечатлений и соображений по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на исчерпывающий ответ; стиль отличается образностью, афористичностью, парадоксальностью, установкой на разговорную интонацию и лексику;

3) сатирический жанр художественно-публицистического характера, вид политической сатиры с глобальным замыслом: определенное лицо или явление, событие сатирически обличается не как нечто конкретное и частное, а как обобщенный носитель зла, к полному искоренению которого стремится автор;

4) художественно-публицистический жанр, в котором соединяется документализм (опора на реальные жизненные факты), аналитизм (исследовательское начало) и художественная форма текста; обязательно должен содержать аргументированное суждение о действительности, выраженное не только в логических умозаключениях, но и с помощью образности и эмоциональной насыщенности;

5) письменный текст, содержащий в себе интерпретацию (чаще всего критический разбор) научного, художественного произведения или другого информационного явления: спектакля, кинофильма, концерта, телевизионной программы, рекламного блока.

а) эссе; б) рецензия; в) очерк; г) памфлет; д) фельетон.

9. Перед вами устный и письменный тексты Р.А. Быкова. Сопоставьте эти монологи, установите соответствие, определите их жанровую принадлежность.

1) *Я сейчас буду начинать снимать, не знаю... много фильмов. Сейчас я занят... Вы знаете, я вам скажу, я уже рассказывал как-то на одной встрече, больше всего в жизни я не любил людей с папочками. Ну, с портфелем еще ладно, ну с дипломатом еще так-сяк, а вот с папочкой... И вот хожу по этим лестницам, инстанциям, коридорам, подаю пропуска или пропусков, иду однажды, три с половиной года уже... иду, смотрю, поднимаюсь по лестнице, кто мне навстречу поднимается по лестнице какой-то с папочкой.*

Подождал, смотрю, а это я... Ну понимаете... Я не знаю... Я сейчас, наверное, приступлю к своему фильму... Пока рано об этом говорить, потому что надо, чтоб был утвержден центр. Документы сейчас в Совете Министров, так что... Роль, правда, сыграл. С болью в сердце отказался от роли Луки в «На дне», потому что мечта всю жизнь сыграть и вроде попробовался ничего, режиссер был доволен, но пришлось отказаться – был занят. Но когда предложили в Салтыкове-Щедрине сыграть Фердыщенко, да еще режиссер Сергей Овчаров, очень интересный, да еще мой дорогой «Ленфильм», да еще роль... в очень экстравагантных обстоятельствах. Замечательная роль! Режиссер перенес Салтыкова-Щедрина на историю нашу, нашей страны... И мы не меняли ни одного слова Салтыкова-Щедрина... и сыграли историю руководителя провинциального городов и их смены... четко повторяя только слова Салтыкова-Щедрина. И действительно, я сейчас выписываю из классики, я назвал это классики о наших днях. Например, Салтыков-Щедрин: «И любили они собраться, чтобы поговорить, как из убыточного предприятия сделать прибыльное, ничего в оном не меняя». <...>

2) Документальная картина Л. Рошала и А. Иванкина «Соло трубы», снятая В. Никоновым, – это история двух людей: ныне живущей женщины весьма и весьма преклонных лет и ее сына, погибшего во время войны, который в своих дневниках предсказал начало войны с точностью чуть ли не до дня. Этот мальчик, Лева Федотов, был одноклассником писателя Юрия Трифонова и явился прототипом Антона Овчинникова в его повести «Дом на набережной».

Короткометражный игровой фильм И. Дыховичного «Испытатель» снят на «Мосфильме» в объединении «Дебют» по сценарию А. Червинского оператором Г. Рербергом – новелла о семье военного летчика, жившего в Доме на набережной.

В обоих фильмах возникает образ этого дома. Наверное, лучше всего этот образ представлен у Юрия Трифонова в повести, которую он так и назвал. Для моего детства этот образ очень существен.

Когда-то, еще до войны, мы с ребятами договорились на спор пробежать до Первого Зацепского переулка, которого сейчас уже нет (как и многих других старых московских переулков и улиц), т.е. приблизительно от Павелецкого вокзала до Спасской башни. Нам было лет по девять. Кому пришло в голову пробежать, я не помню. Но мы пробежали, потому что для ребенка наших лет идея пробежать до Спасской башни были почти равна идее мировой революции.

Где-то еще на Пятницкой мы поняли, что бежать уже не можем – едва шевелили ногами. Но как не бежать, если остановиться равносильно предательству! Мы пробежали, и я помню это полное отсутствие дыхания в легких... Мы пробежали. И когда мы бежали мимо Дома на набережной, вид его, должно быть, прибавил нам сил – мы были детьми того времени. <...>

3) Наша академия педагогическая выросла в то время, когда из педагогической науки, как из всей школьной программы, сделали одну науку – обществоведение. Возьмите учебник литературы – это обществоведение: все писатели слились в одного такого писателя, дореволюционного, который или чуть ближе к народу, или чуть дальше от народа, который против царя и которому плохо. Вот это исследуется в каждом писателе. Сама литература все время отступает, отступает, отступает под напором обществоведения. Очень важный социологический контекст перешел в текст. Даже по лексикону, даже, как говорится, по... по терминологии литературоведенье постепенно сменилось обществоведением. И по содержанию...

И пришли мы к тому, что в школе сейчас не преподают «Обломова» Гончарова... Это оказывается, по литературной школьной программе... не надо.

Но в это же обществоведение есть же урок обществоведения. Потом история превращена в обществоведение, география превра... превращена в об... в обществоведение.

Вот так постепенно погибала и не рождалась педагогическая наука. А наша академия плоть от плоти рождена вот этим... Я так долго отвечал, потому что вопрос не простой.

Вы знаете, организация академии... Я иногда, слушая старый президиум, иногда меня брала дрожь... Результаты выборов академии, мне кажется, что-то сдвинули. Появились люди, которые были притеснены старой педагогической наукой. Вицепрезидент Давыдов, который был выгнан из своего института.

И другие люди пришли. Но думаю, что здесь еще пр... это будет процесс.

10. Определите, какие из нижеприведенных примеров речевых жанров можно отнести к первичным речевым жанрам, а какие – к вторичным.

1) Больной П., 64 лет, поступил в клинику 5/IV 1955 г. с жалобами на боли в правой половине грудной клетки колющего характера, усиливающиеся при вдохе, выраженную одышку, из-за которой не может лежать. (Из истории болезни)

2) Вчера к нам привезли старика. Задыхается, лежать совсем не может. Да еще боли в боку. Колет, говорит, лежать не могу. Замучилась с ним! (РР)

3) Это ты съела всю сгущенку? (РР)

4) ... признается виновным... (Из обвинения в судопроизводстве)

5) Власти сознательно шли на развал силовых структур государства (Из газ.).

Тест 1

Изучите материалы статей:

Антонова Л.Г. **Опыты жанра: историческая и современная практика решения** // Русский язык в школе. – 2000. – № 3. – С. 21–27;

Дементьев В.В. **Изучение речевых жанров: Обзор работ в современной русистике** // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121;

Труфанова И.В. **О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика** // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 56–65.

Выполните тест, составленный по материалам статей.

1. Укажите, что понимается под термином речевой жанр (РЖ).

- 1) признак высказывания как продукт речевого акта;
- 2) речевое действие или высказывание как процесс;
- 3) стиль и тип текста;
- 4) тематическая и логико-прагматическая завершенность;
- 5) реализация речевого акта одного из типов.

2. Отметьте, какими основными признаками должен обладать РЖ как тип построения текста.

- 1) тематический;
- 2) композиционный;
- 3) грамматический;
- 4) стилистический;
- 5) лексический.

3. Укажите, к какой сфере отнесена теория РЖ.

- 1) к сфере действий;
- 2) к сфере текстов, высказываний как результатов действий;
- 3) к сфере языковой действительности;
- 4) к сфере внеязыковой действительности;
- 5) к сфере ментальных действий.

4. Укажите, к каким высказываниям применяют термин речевой жанр.

- 1) к элементарным, состоящим из одного предложения, речевым высказываниям;
- 2) к комплексным, состоящим из нескольких высказываний, речевым произведениям;
- 3) к одному или нескольким речевым действиям, способствующим реализации определенной стратегии;
- 4) к совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего;
- 5) к генеральной интенции в рамках коммуникативного процесса.

5. Укажите, к каким высказываниям применяют термин речевой акт.

- 1) к элементарным, состоящим из одного предложения, речевым высказываниям;
- 2) к комплексным, состоящим из нескольких высказываний, речевым произведениям;
- 3) к одному или нескольким речевым действиям, способствующим реализации определенной стратегии;
- 4) к совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего;
- 5) к генеральной интенции в рамках коммуникативного процесса.

6. Укажите, к каким высказываниям применяют термин речевая стратегия.

- 1) к элементарным, состоящим из одного предложения, речевым высказываниям;
- 2) к комплексным, состоящим из нескольких высказываний, речевым произведениям;
- 3) к одному или нескольким речевым действиям, способствующим реализации определенной стратегии;
- 4) к совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего;
- 5) к генеральной интенции в рамках коммуникативного процесса.

7. Укажите, к каким высказываниям применяют термин рече-поведенческая тактика.

- 1) к элементарным, состоящим из одного предложения, речевым высказываниям;
- 2) к комплексным, состоящим из нескольких высказываний, речевым произведениям;
- 3) к одному или нескольким речевым действиям, способствующим реализации определенной стратегии;
- 4) к совокупности речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего;
- 5) к генеральной интенции в рамках коммуникативного процесса.

8. Отметьте, что призвано обеспечить развертывание избранного РЖ.

- 1) речевая стратегия;
- 2) рече-поведенческая тактика;
- 3) речевой акт;
- 4) тип текста
- 5) модель общения.

9. Укажите, какое понятие Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров определяют как «однородную по интенции и реализации линию поведения говорящего, входящую в

его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта (в границах рече-поведенческой ситуации)».

- 1) речевой акт;
- 2) речевой жанр;
- 3) речевую стратегию;
- 4) рече-поведенческую тактику;
- 5) тип текста.

10. Установите связь понятия тактика с понятиями РЖ, РА, речевой стратегии.

- 1) понятие тактики связано с понятием РЖ
- 2) понятие тактики связано с понятием РА
- 3) понятие тактики связано с понятием стратегии
- а) как прием ее (его) реализации
- б) как ее (его) компонент
- в) как совпадающее с ней (с ним)

11. Отметьте классическое определение жанра (у Аристотеля, Платона, Буало).

- 1) жанр следует понимать как устойчивую форму речи и особенностей речевого поведения;
- 2) жанр следует понимать как «вид», «тип культурной реалии», т.е. закрепленную традицией форму речевого воплощения;
- 3) жанр следует понимать как коммуникативный акт;
- 4) жанр следует понимать как единственную первичную форму существования языка;
- 5) жанр следует понимать как речевое действие, обусловленное типом действительности.

12. Укажите, что, по М.М. Бахтину, ближе всего стоит к замыслу РЖ.

- 1) предмет речи; 2) тема; 3) стиль; 4) композиция; 5) языковое воплощение.

13. Укажите, что, согласно концепции М.М. Бахтина, понимается под композицией РЖ.

- 1) субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания;
- 2) комплексный акт с отношением субординации между компонентными простыми актами;
- 3) организация целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью;
- 4) модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора, и экспрессия, с которой стиль непосредственно связан;
- 5) системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности.

14. Отметьте первый момент в порождении (употреблении) РЖ.

- 1) предмет речи; 2) замысел; 3) тема; 4) стиль; 5) композиция.

15. Укажите, кого из ученых можно назвать последователями М.М. Бахтина.

- 1) Т.В. Шмелеву;
- 2) Н.Ю. Шведову;
- 3) М.Ю. Федосюка;

- 4) Дж. Остина;
- 5) А. Вежбицку.

16. В качестве критериев определения РЖ М.М. Бахтин предлагал учитывать

- 1) тематическое содержание;
- 2) замысел;
- 3) речевую волю говорящего;
- 4) предмет речи;
- 5) стилевое решение.

17. Отметьте верные утверждения.

- 1) Вопрос о членении дискурса на отдельные РЖ остается пока открытым.
- 2) РЖ, а не РА является базовой единицей речи.
- 3) В настоящее время не существует единой типологии РЖ.
- 4) Наименования РЖ и РА не могут совпадать.
- 5) Без РЖ речевое общение было бы почти невозможно.

18. Понятие динамической структуры РЖ впервые встречается у

- 1) М.М. Бахтина;
- 2) Т. Баллмера и В. Бренненштуль;
- 3) Т. Ван Дейка;
- 4) А. Вежбицкой;
- 5) Дж. Остина и Дж. Серля.

19. По М.М. Бахтину, высказывание как минимальную единицу речи характеризует

- 1) целенаправленность;
- 2) членимость;
- 3) целостность;
- 4) завершенность;
- 5) непосредственный контакт с действительностью;
- 6) устойчивость;
- 7) смысловая полноценность;
- 8) типичная воспроизводимая жанровая форма;
- 9) непосредственное отношение к чужим высказываниям;
- 10) стереотипность.

20. Укажите, что, согласно концепции М.М. Бахтина, понимается под стилем РЖ.

- 1) субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания;
- 2) комплексный акт с отношением субординации между компонентными простыми актами;
- 3) организация целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью;
- 4) модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора, и экспрессия, с которой стиль непосредственно связан;
- 5) системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности.

Тест 2

Изучите материалы статей:

Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // *Жанры речи.* – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 7–13;

Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания.* – 1997. – № 5. – С. 102–120;

Шевченко Н.В. Жанры речи и жанры текстов в современном речеведении // *Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты.* – Саратов, 2000. – С. 291–295.

Выполните тест, составленный по материалам статей.

1. Основными признаками РЖ, по мнению большинства ученых, оказываются

- 1) адресат; 6) канал связи;
- 2) адресант; 7) постулаты речевого общения;
- 3) наблюдатель; 8) общий контекст взаимодействия;
- 4) язык и речь; 9) время, место и окружающая обстановка;
- 5) референтная ситуация; 10) продолжительность общения.

2. Отметьте, какому понятию соответствует определение:

«гибриды, сочетающие в себе элементы разных жанров» (К.Ф. Седов).

- 1) гипержанры; 2) субжанры; 3) собственно жанры; 4) жанроиды; 5) РА.

3. Сплетни, по мнению К.Ф. Седова, это пример

- 1) гипержанра; 2) субжанра; 3) собственно жанра; 4) жанроида; 5) РА.

4. Укажите, с чем, по мысли К.А. Долинина, целесообразно связывать понятие РЖ.

- 1) с речевыми действиями, которые могут быть реализованы в одном элементарном высказывании;
- 2) с текстами (применительно к монологическому общению);
- 3) с такими отрезками диалога, которым присуща тематическая и/или логико-прагматическая завершенность;
- 4) с речевыми актами;
- 5) с грамматическими формами.

5. К.А. Долинин рассматривает РЖ как

- 1) конструкт;
- 2) продукт отвлеченного теоретизирования лингвистов;
- 3) реально присущие речевой компетенции носителей языка образцы (модели) говорения и письма;
- 4) стереотип речевого поведения;
- 5) речевой акт.

6. РЖ как «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы текстов» рассматривает

- 1) М.М. Бахтин; 2) К.А. Долинин; 3) Ст. Гайда; 4) М.Ю. Федосюк; 5) Н.В. Шевченко.

7. Установите соответствие между аспектом РЖ и его характеристикой.

- 1) когнитивно-конструктивный а) выбор РЖ в определенной мере аспект РЖ характеризует субъекта и как носителя личностных свойств, способствует созданию «образа автора»;

2) социально-психологический б) РЖ суть стереотипы речевого поаспект РЖ ведения, общность которых – важный конститутивный признак социума, по которому определяется «свой», «чужой», «наш»;

3) социокультурный аспект РЖ в) жанровые каноны – это сценарии, фиксирующие типовые способы совершения и обычный порядок протекания речевых событий, типичных для данного социума, модели коммуникативных ситуаций.

8. РЖ как «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» определяет

1) М.М. Бахтин; 2) К.А. Долинин; 3) Ст. Гайда; 4) М.Ю. Федосюк; 5) Н.В. Шевченко.

9. Укажите, какой параметр РЖ в большинстве случаев является доминирующим.

- 1) коммуникативная цель;
- 2) диктумное содержание;
- 3) образ автора;
- 4) образ адресата;
- 5) фактор коммуникативного прошлого;
- 6) фактор коммуникативного будущего;
- 7) языковое воплощение.

10. Эксплицитным средством выражения РЖ являются

- 1) оценочные слова;
- 2) глаголы речи;
- 3) перформативные высказывания;
- 4) дескриптивные высказывания;
- 5) слова-интенсификаторы.

11. Отметьте, какие из данных слов, по мысли В.Е. Гольдина, могут служить именами речевых ситуаций-событий и одновременно выступать именами соответствующих РЖ.

1) проповедь; 2) ходатайство; 3) заявление; 4) презентация; 5) поздравление.

12. Укажите, как нужно распределить данные понятия, чтобы описать механизм возникновения и действия РА или РЖ.

- 1) иллокутивная цель;
- 2) иллокутивная сила;
- 3) перлокутивный эффект;
- 4) событийное содержание;
- 5) факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего;
- 6) адресат;
- 7) адресант;
- 8) языковое воплощение.

Определив на основании особенностей _____, к какому речевому жанру принадлежит воспринятое им высказывание, _____ получает информацию не только о том, какое воздействие на него стремится оказать _____ (эта информация именуется обычно _____ высказывания), но обо всем комплексе признаков, который характеризует предназначенные для распознавания коммуникативные намерения говорящего и именуется _____. Помимо _____, _____ отражает _____ высказывания, а также представления говорящего о том, каково его

отношение к адресату и к передаваемому событийному содержанию (концепция _____), как относится к событийному содержанию адресат (концепция _____), а также как данное высказывание соотносится с предшествующим и последующим текстом (_____). Все это может позволить говорящему осуществить то или иное воздействие на знания, поведение или эмоциональное состояние адресата, т.е. добиться определенного _____.

13. Установите, что обеспечивает адресату знание жанровых канонов.

- 1) идентификацию жанра;
- 2) ориентировку в речевом событии;
- 3) руководство к действию;
- 4) активизацию соответствующего сценария, хранящегося в долговременной памяти;
- 5) образец построения речи, соответствующего ожиданиям партнера;
- 6) возможность прогнозировать дальнейшие речевые действия партнера;
- 7) дальнейшее развертывание дискурса и адекватную реакцию.

14. Укажите, толкование какого глагола включает компонент:

«X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P. X говорит это так, чтобы Y представил себе важность P для X или сжалился над X».

- 1) просить; 2) требовать; 3) умолять; 4) приказывать; 5) советовать.

15. Отметьте существенные черты РЖ, отличающие его от единиц системы языка – слова и предложения.

- 1) интонационная завершенность;
- 2) смена субъекта речи;
- 3) диалогичность;
- 4) предикативность;
- 5) номинативность;
- 6) устойчивость;
- 7) стереотипичность;
- 8) воспроизводимость;
- 9) цельнооформленность;
- 10) модальность.

16. РЖ как «типичные модели построения речевого целого», которые «для говорящего имеют нормативное значение, не создаются им, даны ему» рассматривает

- 1) М.М. Бахтин;
- 2) К.А. Долинин;
- 3) Ст. Гайда;
- 4) М.Ю. Федосюк;
- 5) Н.В. Шевченко.

17. Отметьте, какой первичный РЖ трансформируется в деловой речи в заявление, в религиозной – в молитву.

- 1) совет, 2) признание, 3) вопрос, 4) просьба, 5) жалоба.

18. РЖ как «средство организации социального взаимодействия» определяет

- 1) М.М. Бахтин;
- 2) К.А. Долинин;
- 3) Ст. Гайда;
- 4) М.Ю. Федосюк;

5) Н.В. Шевченко.

19. Отметьте, какую иллокутивную функцию не может выполнять предложение *Иди домой!*

- 1) просьбы; 6) совета;
- 2) приказа; 7) рекомендации;
- 3) мольбы; 8) требования;
- 4) вопроса; 9) упрёка;
- 5) разрешения; 10) предложения.

20. Отметьте, какие из данных лексико-семантических вариантов способны, по мысли М.Ю. Федосюка, служить названиями РЖ.

- 1) бахвальство;
- 2) возвеличивание;
- 3) воспевание;
- 4) восславление;
- 5) восхваление;
- 6) захваливание;
- 7) комплимент;
- 8) лесть;
- 9) любезность;
- 10) одобрение;
- 11) похвала;
- 12) похвальба;
- 13) прославление;
- 14) превознесение;
- 15) расхваливание;
- 16) славословие;
- 17) хвала;
- 18) хвастовство.

Рубежный контроль

Тест по модулю 1

1. Для обозначения области знаний о жанре используют термины

1) антропологистика; 2) жанроведение; 3) гендерология; 4) генристика; 5) генология.

2. К определяющим признакам речевого жанра относятся

1) целенаправленность; 2) контекстная обусловленность; 3) диалогичность; 4) монологичность; 5) свобода речевого воплощения.

3. Укажите, что, по М.М. Бахтину, ближе всего стоит к замыслу РЖ.

1) причина; 2) тема; 3) стиль; 4) композиция; 5) языковое воплощение.

4. Соотнесите РЖ с типом: а) первичный, б) вторичный.

1) извинение; 2) автобиография; 3) шутка; 4) эссе; 5) соболезнование.

5. Соотнесите РЖ с типом:

а) «чисто» речевой, б) риторический.

1) анекдот; 2) комплимент; 3) брачное объявление; 4) исповедь; 5) придирка.

6. Не является речевым жанром

- 1) просьба; 2) уговоры; 3) свадьба; 4) колкость; 5) презентация.

7. Установите соответствие между понятием и определением.

1) тип речи, а) системы языковых элементов внутри литературного языка, разграниченные условиями и задачами общения;

2) стиль речи, б) типизированные формы организации речи, определяющие типы текстов, отличающихся заданным характером речевой деятельности;

3) жанр речи, в) целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; элементарная единица языкового общения;

4) речевой акт. г) коммуникативно обусловленные типизированные разновидности монологической речи, к числу которых традиционно относятся описание, повествование и рассуждение.

8. Отметьте жанры, закрепленные за определенным стилем.

- 1) манифест; 2) проповедь; 3) просьба; 4) приветствие; 5) спор.

9. Отметьте неверные утверждения.

1) Один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим – в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств.

2) Всякий РЖ является риторическим в потенции.

3) А дрессант сознательно или неосознанно, но всегда строит свою речь так, чтобы РЖ был воспринят адресатом правильно.

4) Не бывает речевых неудач жанрового свойства.

5) РЖ является базовой единицей речи, РА – вторичной, производной от него.

10. Укажите, какие подходы к определению понятия РЖ существуют.

1) РЖ – текст;

2) РЖ – способ общения;

3) РЖ – модель;

4) РЖ – форма речи;

5) РЖ – часть коммуникативного события.

11. Отметьте жанры, не закрепленные за определенным стилем.

- 1) пакт; 2) обвинение; 3) порицание; 4) новелла; 5) команда.

12. Отметьте жанры, которые в зависимости от языкового воплощения могут быть и первичными, и вторичными.

- 1) обвинение; 2) признание; 3) заявление; 4) приказ; 5) повесть.

13. Определите, к какому жанру может быть отнесен данный текст.

Как всякое физическое тело, вода обладает весом. Удельный вес воды приблизительно в 840 раз больше удельного веса воздуха. Частицы воды имеют большую подвижность и значительную массу, поэтому вода обладает большой инерцией. Следовательно, для того чтобы развить большую силу тяги, которая продвигает тело пловца вперед, необходимо выполнять гребковые движения с ускорением. Вода оказывает значительное давление на поверхность тела пловца, а следовательно, и сопротивление движущемуся в ней телу.

Величина давления зависит от глубины погружения.

Передвижение человека в воде основано на свойстве жидкости оказывать сопротивление движущемуся телу. Это сопротивление возникает на гребущих поверхностях рук, ног и всего тела в виде реакции воды на эти поверхности. Таким образом пловец, находящийся в воде, может опираться, на нее руками, ногами, всем телом и вызывать действие реактивных сил. На тело, помещенное в воду, действует также подъемная сила.

- 1) статья в газете; 2) статья в энциклопедии; 3) статья в учебнике;
- 4) тезисы; 5) аннотация.

14. Укажите, для какого жанра характерны следующие клише.

В книге исследуется (что?)...

Большое место в работе занимает рассмотрение (чего?)...

В монографии дается характеристика (чего?)...

В работе нашли отражение разработка проблем (чего?)...

Используя (что?), автор излагает (что?)...

- 1) статья в газете; 2) статья в энциклопедии; 3) статья в учебнике; 4) тезисы; 5) аннотация.

15. Укажите, о каком жанре идет речь:

«иносказательный рассказ, поучение с помощью рассказа; обычно это краткое, простое, ясное изложение какой-либо реальной истории, которая помимо прямого обладает и переносным – поучительным смыслом».

- 1) басня; 2) притча; 3) эссе; 4) лирическая миниатюра; 5) афоризм.

16. Определите, какой РЖ способен развиваться из любого фольклорного/литературного жанра или, наоборот, трансформироваться в любой художественный жанр, в котором существенным элементом комического является игра слов или игра положений.

- 1) афоризм; 2) басня; 3) притча; 4) анекдот; 5) рецензия.

17. Отметьте неверные утверждения.

1) РЖ может быть смоделирован при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания.

2) Разным сферам деятельности, общественной истории и жизни отдельных людей, разным социумам и каждому времени свойственны свои комплексы сложных речевых событий.

3) РЖ образуют замкнутую систему, т.е. речевые жанры, каждый из которых имеет свой рабочий инвентарь, характерный данному речевому жанру набор речевых актов, не могут использовать речевые акты, принадлежащие другому речевому жанру.

4) При переходе из стиля в стиль у жанра меняется иллокутивная структура и особенности диктума.

5) Жанры речи являются внешним условием композиции, которое говорящий/пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности.

18. Определите, к какому жанру может быть отнесен данный текст.

Однажды пришел человек, старый фермер, и сказал:

– Послушай, ты, может быть, и Бог и, может, ты и создал мир, но одно я должен тебе сказать: ты не земледелец. Ты не знаешь даже азов фермерства. Тебе необходимо поучиться немного.

– Что ты предлагаешь? – спросил Бог.

– Дай мне один год и пусть все происходит, как я хочу, и увидишь, что получится. Бедности не станет. Бог согласился и дал фермеру один год. Естественно, фермер просил самого лучшего, он думал только о лучшем – ни буря, ни гром, ничего опасного для урожая.

Фермер получал все нужное, все благоприятное и был счастлив. Пшеница росла очень высокой! Если он хотел солнца – было солнце, когда он хотел дождь – шёл дождь, и ровно столько, сколько он хотел. В этом году все было правильно, все было математически точно. Пшеница выросла такой высокой! И вот фермер пришел к Богу и сказал:

– Смотри, в этот раз урожай будет такой, что даже если в течение 10 лет люди не будут работать, то еды хватит. Но когда урожай был убран – зерен в пшенице не оказалось. Фермер был удивлен. Он спросил Бога:

– Почему так случилось? Что я делал неправильно?

Бог сказал:

– Потому что не было возражения, не было конфликта, не было трения, потому что ты устранил все плохое, твоя пшеница осталась пустой. Немножко борьбы было бы в самый раз. Бури необходимы, гром и молния нужны. Они пробудили бы душу пшеницы.

1) басня; 2) притча; 3) эссе; 4) лирическая миниатюра; 5) афоризм.

19. К речевому событию можно отнести

1) митинг; 2) характеристика; 3) экзамен; 4) вопрос; 5) застолье.

20. Укажите, какого класса РЖ нет в классификации Т.В. Шмелевой.

1) информативные РЖ; 2) оценочные РЖ; 3) праздноречевые РЖ;
4) этикетные РЖ; 5) императивные РЖ.

21. Укажите, что лежит в основе классификации РЖ Т.В. Шмелевой.

1) полюса информатики и фатики;
2) функции языка и речи, полюса фатики и информатики, структурно-семантический критерий;
3) вхождение простых РЖ в сложные;
4) коммуникативная цель;
5) типы диалогических текстов, различные по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов и др.

22. Укажите, что лежит в основе классификации РЖ К.Ф. Седова и В.В. Дементьева.

1) полюса информатики и фатики;
2) функции языка и речи, полюса фатики и информатики, структурно-семантический критерий;
3) вхождение простых РЖ в сложные;
4) коммуникативная цель;
5) типы диалогических текстов, различные по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов и др.

23. Укажите, что лежит в основе классификации РЖ М.Ю. Федосюка.

1) полюса информатики и фатики;
2) функции языка и речи, полюса фатики и информатики, структурно-семантический критерий;
3) вхождение простых РЖ в сложные;

- 4) коммуникативная цель;
- 5) типы диалогических текстов, различные по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов и др.

24. Укажите, что лежит в основе классификации РЖ Н.Д. Арутюновой.

- 1) полюса информатики и фатики;
- 2) функции языка и речи, полюса фатики и информатики, структурно-семантический критерий;
- 3) вхождение простых РЖ в сложные;
- 4) коммуникативная цель;
- 5) типы диалогических текстов, различные по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов и др.

25. Укажите, что лежит в основе классификации РЖ М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой

- 1) полюса информатики и фатики;
- 2) функции языка и речи, полюса фатики и информатики, структура и семантика;
- 3) вхождение простых РЖ в сложные;
- 4) коммуникативная цель;
- 5) типы диалогических текстов, различные по целям, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов и др.

26. С функционально-стилистической точки зрения стиль и жанр соотносятся как

- 1) простое и сложное;
- 2) общее и особенное;
- 3) первичное и вторичное;
- 4) информативное и фатическое;
- 5) абстрактное и конкретное.

27. Укажите неверные утверждения.

- 1) Любой функциональный стиль реально существует лишь как совокупность жанров.
- 2) У каждого стиля свой репертуар жанров.
- 3) Жанр может переходить из стиля в стиль, т.е. не реализуется в каком-то одном стиле.
- 4) Жанры публичной, деловой, научной сферы, а также художественной прозы и поэзии не могут иметь прообразы в бытовой речи.
- 5) Основанием идентификации РЖ считаются цели: есть новая цель – есть новый РЖ.

28. Определите, о каком жанре идет речь:

«жанр новостной журналистики, в котором рассказ о событии ведется (в электронных СМИ) или как бы ведется (в прессе) одновременно с разворачиванием действия».

- 1) хроника, 2) репортаж, 3) интервью, 4) фельетон, 5) очерк.

29. Отметьте высказывания, выступающие как перформативные.

- 1) Я проклинаю тебя.
- 2) Я обвиняю тебя.
- 3) Я кричу на тебя.
- 4) Я доказываю, что...
- 5) Я благодарю тебя.

30. Отметьте неверные утверждения.

- 1) РЖ допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств.
- 2) Сферы деятельности и общения не могут быть критерием для классификации РЖ.
- 3) Жанровые формы во многом определяют характер мышления и дискурсивного поведения языковой личности.
- 4) РЖ выступает как трехуровневое образование, включающее содержание, композиционное построение и языковой стиль.
- 5) РЖ М.М. Бахтин считал категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой.

31. Определите подстиль и жанр приведенного текста.

Принцип этногенеза – угасание импульса вследствие энтропии, или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, – не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции – суперэтносы живут в своих экологических нишах – вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема – обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданностями, как правило неприятными, а иногда трагичными (Л.Н. Гумилев).

- 1) научно-справочный, статья в энциклопедии;
- 2) собственно научный, статья;
- 3) учебно-научный, статья в учебнике;
- 4) научно-популярный, заметка;
- 5) научно-информативный, аннотация.

32. Определите жанр приведенного текста.

Во исполнение приказа Министерства образования Российской Федерации от 02.07.99 № 63 «О стратегии развития детско-юношеского спорта в системе общего и профессионального образования» и в целях дальнейшего развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях приказываю:

1. Учредить план мероприятий Министерства образования Российской Федерации по реализации Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

2. Руководителям структурных подразделений Министерства принять к исполнению указанный в п. 1 настоящего приказа План мероприятий и учесть его положения в планах работы.

3. Контроль за выполнением данного приказа возложить на заместителей.<...>

- 1) распоряжение;
- 2) договор;
- 3) приказ;
- 4) докладная;
- 5) предписание.

33. Определите подстиль и жанр приведенного текста.

Легочная форма отравления кислородом возникает при относительно длительном дыхании смесью, с парциальным давлением кислорода 0,3–0,6 бар и более. Она характеризуется преимущественным поражением дыхательных путей и легких. Сначала проявляется раздражающее действие кислорода на верхние дыхательные пути – сухость в горле, отек слизистой оболочки носа с появлением чувства «заложенности». Затем

появляется усиливающийся кашель, сопровождающийся чувством жжения за грудиной. Все это происходит на фоне повышения температуры тела. При нарастании степени отравления могут развиваться кровоизлияния в сердце, печень, легкие, кишечник, головной и спинной мозг. После прекращения вдыхания избыточно обогащенной кислородом смеси, интенсивность симптомов снижается в течение 2–4 ч., и окончательно они исчезают в течение 2–4 суток.

- 1) научно-справочный, статья в энциклопедии;
- 2) собственно научный, статья;
- 3) учебно-научный, статья в учебнике;
- 4) научно-популярный, заметка;
- 5) научно-информативный, аннотация.

34. Отметьте РЖ, закрепленные за официально-деловым стилем.

1) контракт; 2) гарантийное письмо; 3) монография; 4) сопроводительное письмо; 5) автореферат.

35. Отметьте жанры, которые можно отнести к учебно-научной речи.

1) диссертация, 2) конспект, 3) тезисы, 4) монография, 5) лекция.

36. И к речевому акту, и к речевому жанру можно отнести

1) угрозу, 2) совет, 3) просьбу, 4) ходатайство, 5) отзыв.

37. Определите жанр приведенного текста.

Книга представляет собой научную биографию К.Э. Циолковского. В ней приведены интересные сведения о работах К.Э. Циолковского по аэронавтике, ракетной технике и космонавтике, дана характеристика творческого стиля ученого.

Рассчитана на широкий круг читателей – ученых и историков науки, преподавателей и студентов, учащихся старших классов и всех, кто интересуется развитием отечественной науки.

1) аннотация, 2) рецензия, 3) тезисы, 4) конспект, 5) реферат.

38. Укажите неверные утверждения.

1) Общим в ТРА и ТРЖ является принцип изучения единиц речевого общения в контексте экстралингвистических факторов.

2) Общим в ТРА и ТРЖ является речеведческий и стилистический аспекты исследования.

3) В отличие от ТРА, в ТРЖ трактовка речевого общения и его единиц строится не на социологических, а на психологических позициях.

4) В ТРЖ четко разводятся понятия «РЖ» и «высказывание», с одной стороны, и «предложение», с другой.

5) Если иллюкативная цель РЖ связана с воздействием на эмоции адресата, то РЖ не располагает соответствующими перформативными высказываниями.

39. Укажите, как нужно распределить слова, чтобы описать порождение РЖ (по М.М. Бахтину).

Вначале появляется 1) _____ или 2) _____. 3) _____ определяет выбор 4) _____ (в определенных условиях речевого общения, в необходимой связи с предшествующими высказываниями), 5) _____ и его 6) _____.

1) предмет речи; 2) границы; 3) замысел; 4) предметно-смысловая исчерпанность; 5) речевая воля говорящего.

40. Укажите, какой из компонентов речевой ситуации не был учтен, что привело к появлению реплики: *Я тебе не та, чтобы мне запрещать.*

- 1) адресат; 2) адресант; 3) причина; 4) цель; 5) время.

41. Укажите, какой из компонентов речевой ситуации не был учтен, что привело к появлению реплики *Давайте поговорим об этом лучше в другой раз.*

- 1) адресат; 2) адресант; 3) причина; 4) цель; 5) время.

42. Отметьте, чем обусловлено возрождение интереса к РЖ в конце XX в.

- 1) стремлением выйти за рамки абстрактной системы языка в живую практику его употребления;
- 2) переходом от антропоцентрической парадигмы к позитивному знанию о языке;
- 3) активным поиском базовой единицы устной диалогической речи;
- 4) возрождением российской риторической школы;
- 5) осмыслением языка в единстве с его творцом и «пользователем» – человеком.

43. Если вас просят рассказать, как играют в «Поле чудес», человеку, который ничего об этом не знает, вы выберете жанр

- 1) объявления; 2) аннотации; 3) инструкции; 4) доклада; 5) афиши.

44. Определите, какому речевому жанру соответствует характеристика:

«речь с оценкой заслуг в адрес кого-либо или чего-либо (писателя, ученого, основателя какого-либо учреждения, научного направления; организации, какого-либо явления, науки, искусства, общего дела и т.д.)».

- 1) анекдот; 2) тост; 3) похвальное слово; 4) представление; 5) характеристика.

45. Установите соответствие между видом речи и жанром.

- 1) информационная речь а) некролог
- 2) убеждающая речь б) автобиография
- 3) рекламная речь в) речь на митинге
- 4) протокольно-этикетная речь г) тост
- 5) развлекательная речь д) ролик

46. Определите, о каком жанре идет речь:

«документ, указывающий на причины, которые привели к каким-либо нарушениям».

- 1) анонимное письмо; 2) заявление; 3) объяснительная; 4) докладная; 5) петиция.

47. Установите соответствие между коммуникативной целью и жанром.

- 1) поднять эмоциональное состояние адресата, усилить позитивность события;
 - 2) стимуляция деятельности или ее торможение; прекращение различных действий;
 - 3) ослабление или устранение отрицательного эмоционального состояния, в котором находится адресат;
 - 4) побуждение собеседника сделать что-либо в интересах говорящего, руководствуясь положительным отношением к говорящему;
 - 5) осознанное намерение говорящего путем выражения отрицательной оценки изменить эмоциональное состояние адресата.
- а) требование; б) поздравление; в) обвинение; г) просьба; д) утешение.

48. Установите соответствие между стилем и жанром.

- 1) научный, а) таможенная декларация,
- 2) официально-деловой, б) лирическая миниатюра,
- 3) публицистический, в) памфлет,

- 4) художественный, г) анекдот,
5) обиходно-бытовой. д) реферат.

49. К этикетным жанрам относятся

- 1) извинение; 2) похвала; 3) упрек; 4) поздравление; 5) выговор.

50. Инициальными жанрами могут быть

- 1) отказ; 2) приветствие; 3) прощание; 4) просьба; 5) вопрос.

Тест по модулю 2

1. Отметьте неверные утверждения.

- 1) К описанию РЖ больше применим подход с точки зрения формы, нежели с точки зрения содержания.
2) РЖ могут рассматриваться как часть национальной ценностной картины мира.
3) Речевой жанр формируют прагматические, композиционные, концептуальные и дискурсивные категории.
4) РЖ и соотносимые с ними коммуникативные концепты могут быть как поддерживаемыми, так и не поддерживаемыми системой ценностей данной культуры.
5) РЖ обладают образной, понятийной и ценностной стороной, что сближает РЖ и концепт.

2. Отметьте, в каких значениях может использоваться категория 'стиль' по отношению к РЖ.

- 1) стиль языка; 2) стиль поведения; 3) стиль деятельности; 4) стиль жизни; 5) стиль языковой личности.

3. Укажите, какие жанры не могут быть риторическими.

- 1) ссора; 2) поздравление; 3) похвальба; 4) объявление; 5) инструкция.

4. Отметьте, как нужно квалифицировать выделенную реплику в диалоге.

– *Дай мне займы денег!*

– *Сколько тебе нужно?*

– *Четыре тысячи.*

– *Увы, у меня нет с собой столько.*

- 1) начальный речевой акт; 2) позитивный ответ; 3) негативный ответ; 4) ответ, подготавливающий решение; 5) уклончивый ответ; 6) встречная инициатива.

5. Отметьте, как нужно квалифицировать выделенную реплику в диалоге.

– *Дай мне займы 4 тысячи!*

– *Я зарплату еще не получила.*

- 1) начальный речевой акт; 2) позитивный ответ; 3) негативный ответ; 4) ответ, подготавливающий решение; 5) уклончивый ответ; 6) встречная инициатива.

6. Укажите, к какому жанру может быть отнесено высказывание «Не бери эту книгу, в ней нет нужной информации».

7. Укажите, о каком жанре идет речь: «краткое суждение по поводу чего-нибудь».

- 1) поощрение; 2) требование; 3) порицание; 4) замечание; 5) выговор.

8. Отметьте, что из перечисленного не относится к РЖ.

- 1) реплика; 2) вопрос; 3) загадка; 4) догадка; 5) отгадка.

9. Укажите, к какому РЖ может быть отнесено высказывание

«Да наградит тебя бог, Максим Григорьевич! С твоими деньгами уж не часовню, а целую церковь выстрою! Как приду домой, в Слободу отслужу молебен и выну просвиру во здравие твое! Вечно буду твоим холопом, Максим Григорьевич! Что хочешь приказывай!» (А.К. Толстой. Князь серебряный)

10. Тезис о том, что у каждого стиля свой репертуар жанров, первым высказал

1) М.М. Бахтин; 2) В.В. Виноградов; 3) Г.О. Винокур; 4) Л.П. Якубинский; 5) Б.А. Ларин.

11. Мысль о том, что «жанр может переходить из стиля в стиль», «не реализуется в каком-то одном стиле», принадлежит

1) М.М. Бахтину; 2) В.В. Виноградову; 3) Г.О. Винокуру; 4) Л.П. Якубинскому; 5) Б.А. Ларину.

12. Укажите, к какому РЖ может быть отнесено высказывание

«Ленка в одной кофте третий год. Дети ни бананчика, ни апельсинчика не видят. А Петька ведь много зарабатывает. Копит все, сквалыга...»

13. Совещание – это

1) РА; 2) РЖ; 3) риторический жанр; 4) речевое событие; 5) гипержанр.

14. Установите соответствие. В каждом случае назовите жанр.

1) первичный жанр; 2) вторичный жанр.

а) *По Вашему требованию сообщаю, что отсутствие на работе с 10.00 до 12.00 17 октября 2006 года связано с пребыванием в народном суде. Повестку суда прилагаю. О своем отсутствии доложила методисту в связи с пребыванием Вас на курсах в ИПК.*

б) *Тетья, я теперь понимаю, что это было мерзко, но я не хотел сделать подлость, даю вам честное слово. Я приходил не для того, чтобы смеяться над вами... Я хотел сказать вам, чтобы вы не беспокоились о нас...*

15. Установите соответствие между жанром и его характеристикой.

1) просьба; а) мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать;

2) совет; б) побуждение человека выполнить что-либо в силу его зависимого должностного, социального и т.д. положения без какого-либо объяснения или мотивировки действий.

3) приказ; в) эмоциональное побуждение с использованием простого многократного повтора просьбы.

4) клянченье; г) побуждение собеседника сделать что-либо в интересах говорящего, руководствуясь положительным отношением к говорящему, откликаясь на его потребность;

5) уговаривание. д) эмоциональное побуждение собеседника отказаться от его точки зрения и принять точку зрения другого.

16. Укажите, к какому РЖ может быть отнесено высказывание

«Пропал мальчик, рост метр двадцать, глаза голубые, зовут Дядя Федор... нашедшего ждет премия – велосипед».

17. Отметьте жанры, которые под одним названием могут функционировать как первичные и вторичные.

1) заметка; 2) жалоба; 3) характеристика; 4) постановление; 5) эссе.

18. Установите соответствие между первичным и вторичным РЖ.

- 1) просьба; а) инструкция;
- 2) указания; б) мемуары;
- 3) воспоминание; в) ходатайство;
- 4) порицание; г) коммюнике;
- 5) сообщение. д) выговор.

19. Укажите, к какому виду РЖ в классификации Т.В. Шмелевой относится обвинение.

- 1) информационные; 2) оценочные; 3) этикетные; 4) императивные.

20. Отметьте, какие признаки сохраняет жанр, переходя из стиля в стиль.

- 1) языковое воплощение; 2) образ автора и адресата; 3) иллокутивную структуру; 4) фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего; 5) особенности диктума.

21. Укажите, к какому РЖ может быть отнесено высказывание

«Не ходи в лес, пойдешь – я тебя накажу».

22. Установите соответствие между стилем и жанром речи.

- 1) разговорный; а) меморандум;
- 2) научный; б) репортаж;
- 3) официально-деловой; в) обвинение;
- 4) публицистический; г) реферат;
- 5) язык художественной литературы. д) новелла.

23. Определите, о каком жанре идет речь:

«семантически адекватное, ограниченное малым объемом и вместе с тем достаточно полное изложение основного содержания первичного научного текста, отличающееся постоянством структуры и предназначенное для выполнения разнообразных информационных функций при использовании его читателями разных категорий».

- 1) аннотация; 2) диссертация; 3) реферат; 4) монография; 5) рецензия.

24. Укажите, сколько, согласно Ф. Хундснуршеру, можно выделить структур правильно оформленных минимальных диалогов.

- 1) 1; 2) 2; 3) 3; 4) 4; 5) 5.

25. Укажите, какому понятию соответствует определение:

«объединение речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц».

- 1) стиль речи; 2) идиостиль; 3) функциональный стиль; 4) языковой паспорт; 5) жанровый стиль.

26. Укажите, какому понятию соответствует определение:

«взаимосвязь актов речи на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных типовой целью более общего характера».

- 1) стиль речи; 2) идиостиль; 3) функциональный стиль; 4) языковой паспорт; 5) жанровый стиль.

27. Отметьте неверные утверждения.

1) РЖ выступает как трехуровневое образование, включающее содержание, композиционное построение и языковой стиль.

2) РЖ являются внешним условием коммуникации, они не могут присутствовать в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов.

3) РЖ, отражающие типические социально-коммуникативные ситуации, не могут «отмирать» или видоизменяться.

4) В каждой конкретной культуре можно найти жанры, свойственные только ей, отражающие общественно-культурный мир данного языкового коллектива.

5) РЖ, выделяемые в конкретном языке, могут считаться ключами к культуре данного общества.

28. Укажите синонимичные понятия.

1) РЖ; 2) РА; 3) речевой ход; 4) речевой поступок; 5) РСоб.

29. Установите соответствие.

1) речевой акт; а) семинар;

2) речевой жанр; б) угроза;

3) речевое событие. в) статья.

30. Отметьте неверные утверждения.

1) РЖ является основной единицей коммуникации.

2) Механизм РЖ основан на социальном взаимодействии людей (всегда наличествует адресант и адресат).

3) Понятие РЖ может быть отнесено только к диалогическим типам текста.

4) РЖ, благодаря типологическому сочетанию набора коммуникативных категорий, вносит в речевую коммуникацию системность и упорядоченность.

5) РЖ выступает одним из средств концептуализации действительности.

31. Укажите, о каком жанре идет речь.

Сегодня этот жанр переживает не лучшие времена. Расширение функций устной речи в современных условиях ведет к сокращению объема письменного межличностного общения (заменяется телефоном). Активизируется, обновляется и развивается этот жанр лишь в деловой сфере.

32. Отметьте неверные утверждения.

1) Вторичный текст – текст, созданный на базе другого текста и сохраняющий его основное содержание.

2) Первичный текст складывается в условиях непосредственного речевого общения.

3) Первичные РЖ – оригинальные авторские тексты.

4) Вторичные РЖ вбирают в себя и перерабатывают различные первичные жанры, возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения.

5) Создание вторичных текстов связано с необходимостью информационно-логического структурирования первичного текста.

33. Установите соответствие.

1) аннотация; а) первичный жанр, первичный текст;

2) дружеское письмо; б) вторичный жанр, первичный текст;

3) диссертация; в) вторичный жанр, вторичный текст.

4) рецензия;

5) автореферат;

- 6) ода;
- 7) мемуары;
- 8) конспект;
- 9) автобиография;
- 10) записка.

34. Укажите, о каком жанре идет речь:

«лаконичный текст, содержащий в себе энергичное выражение определенной идеи, рассчитанное на побуждение адресата к действиям в духе этой идеи. Например, “Честность во власти – порядок в стране”».

35. Установите соответствие между РА и его целью.

- 1) ассертив; а) принять на себя обязательство реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием;
- 2) комиссив; б) выразить чувства и установки говорящего;
- 3) директив; в) «изменить» (внешний) мир посредством данного произнесения;
- 4) декларатив; г) сказать, как обстоят дела;
- 5) экспрессив. д) заставить кого-то сделать нечто.

36. Установите соответствие.

- 1) ассертив; а) приказ;
- 2) комиссив; б) благодарность;
- 3) директив; в) клятва;
- 4) декларатив; г) провозглашение;
- 5) экспрессив. д) доклад.

37. Определите, какой жанру может быть определен как

«жанрово-функциональная разновидность естественной письменной речи, реализуемая в скрипции (надписи) при неофициальной обстановке, где непосредственным условием является опосредованное общение».

- 1) записка; 2) письмо; 3) дневниковые записи; 4) граффити; 5) шутка.

38. Укажите, о каком параметре модели РЖ идет речь:

«обобщенное представление о слушателе или читателе речевого жанра».

39. Укажите, какому понятию соответствует определение:

«речевая деятельность отдельной личности, выражающаяся в исполнении присущих ей речевых ролей (половозрастной, социально-культурной, профессиональной и др.) на фоне определенных психологических установок и мировоззрения в целом».

- 1) РА; 2) РЖ; 3) речевая культура; 4) РП; 5) РСоб.

40. Укажите, о каком жанре идет речь:

«жанр фольклора, одно из проявлений народной языковой игры, специально придуманная складная фраза с повторением и перестановками одних и тех же слогов, вообще с трудным произношением».

41. Укажите, к какому жанру может быть отнесен следующий текст.

ttai

Модератор

Добавлено: Ср Май 30, 2007 1:19 pm

*Заголовок сообщения: Читать пьесу
или смотреть спектакль?*

Замечал у себя такую особенность: читать пьесу зачастую бывает интереснее, чем смотреть по ней спектакль. Интересно, как у других.

Немного поясню свою мысль. Когда читаешь пьесу, тебе не навязываются определённые образы. Несущественные детали, антураж ты можешь при необходимости (у меня её обычно не возникает) додумать сам.

Кроме того нет искажений текста автора (что я считаю абсолютно недопустимым).

Спектакль же даже интереснее смотреть по знакомой пьесе. Как слушать интерпретацию знакомой музыки у нового исполнителя.

Cogito ergo sum

www.monvizh.narod.ru

http://blogs.mail.ru/mail/mmai/

Пол: ♂

ТИМ: Робеспьер

Возраст: 33

Знак зодиака: ≈

Откуда: Москва

Зарегистрирован:

17.05.2007

Сообщения: 2138

42. Определите РЖ по формуле, описывающей его:

«знаю, что ты хочешь сделать X; знаю, что ты понимаешь, что ты мог это сделать, если бы я не хотел, чтобы ты это сделал; не хочу, чтобы ты думал, что я не хочу, чтобы ты это сделал; говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог это сделать».

1) дискуссия; 2) спор; 3) разрешение; 4) просьба; 5) извинение.

43. Коммуникативная цель этого жанра – устранить отрицательное эмоциональное состояние адресата, причиной которого стал говорящий.

1) благодарность; 2) извинение; 3) поздравление; 4) соболезнование; 5) обвинение.

44. Определите коммуникативную цель РЖ «портрет человека»:

РУВД г. Иркутска по факту совершения преступления разыскивается Гуреев Алексей Иванович 1970 г. рождения. Его приметы: на вид 30–35 лет, рост 170 см, худощавого телосложения, волосы русые, лицо продолговатое, глаза карие. Особые приметы: во фронтальной части верхней челюсти имеются два зуба из желтого металла.

1) описание человека с целью его представления кому-либо;

2) самопредставление человека;

3) описание человека с целью его идентификации,

4) описание человека с целью подчеркивания его личностной (внешней и внутренней) индивидуализации;

5) описание человека с целью его положительной или отрицательной оценки.

45. Укажите, какие РЖ не могут быть выражены при помощи перформативов.

1) осуждение; 2) оскорбление; 3) проклятие; 4) обвинение; 5) упрек.

46. Риторический жанр – это

1) социально типизированное ситуативно и тематически организованное дискурсное целое;

2) заранее спланированный речевой жанр;

3) высказывание, которое является реакцией на другое высказывание;

4) феномен речевой действительности, модель сознания;

5) спектр возможностей лексических и грамматических ресурсов речевого жанра.

47. Отметьте неверные утверждения.

- 1) Стиль РЖ – это модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора.
- 2) Стиль прагматичен, он может существовать как в языке, так и в конкретных высказываниях, включенных в контекст конкретной ситуации.
- 3) Композиция РЖ является определенным типом построения целого.
- 4) Всякий РЖ является носителем и выразителем концепта.
- 5) Ментальный план РЖ есть его концепт, включающий тему, предмет речи, фрейм, коммуникативные и культурные ценности.

48. Определите, к какому речевому жанру относится следующий текст.

*Пусть известно миру,
Что его мы покорим!
За такую перспективу
Вам спасибо говорим!*

- 1) поздравление; 2) комплимент; 3) благодарность; 4) анекдот; 5) пакт.

49. РЖ как текст рассматривают

- 1) М.Ю. Федосюк; 2) Т.В. Шмелева; 3) М.В. Китайгородская; 4) В.В. Дементьев; 5) К.Ф. Седов.

50. РЖ как модель, структуру высказывания рассматривают

- 1) М.Ю. Федосюк; 2) Т.В. Шмелева; 3) М.В. Китайгородская; 4) В.В. Дементьев; 5) К.Ф. Седов.

Компьютерное тестирование

(индивидуальные варианты – 50 вопросов из 240); варианты заданий тестов:

1. Основные положения, к которым можно свести теоретическую базу жанроведения, состоят в следующем:

- 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме,
- 2) текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату,
- 3) существуют различные типы и жанры текстов,
- 4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, – текстовые категории,
- 5) не существует нехудожественных текстов
- 6) не существует устных текстов

2. Всех исследователей РЖ объединяют следующие основные послышки:

статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста

дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования

анализ РЖ – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке этнографии, литературоведения и философии

3. Переход к коммуникативной модели представления текста означает:

осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии, концептуально и терминологически противопоставляются текст, погруженный в ситуацию реального общения, т.е. дискурс, и текст вне такой ситуации, на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях, исследуется фатическое общение

4. Семантика РЖ – это:

совокупность интенций и пропозициональных установок в общении
способы выражения соответствующих интенций и установок
лексическая семантика существительных и глаголов, именующих жанры

5. Лингвокультурологическое исследование РЖ опирается на положения:

В. фон Гумбольдта и его последователей, в том числе представителей лингвистической антропологии

Д.С.Лихачева и его последователей (учение о концептосфере)

теории прецедентных текстов

теории лингвистической относительности

6. С позиций социолингвистики РЖ – это:

общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации

речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позицию

социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс

теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста

7. Психолингвистический подход к РЖ выдвигает на первый план:

коммуникативную, в том числе речеганровую, компетенцию языковой личности

проблемы порождения и восприятия текста

типы текстовой (и, шире, коммуникативной) компетенции

общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации

речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позицию

8. Следующие ученые разрабатывали ТРЖ:

Г.П.Грайс

Дж.Лич

В.Гумбольдт

Ф.Соссюр

М.М.Бахтин

К.Ф.Седов

9. Прагматикон языковой личности (по Ю.Н.Караулову) включает:

цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности
понятия, идеи, концепты
владение естественным языком

10. Модельная языковая личность (по В.И.Карасику) – это типичный представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения
русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер
образец для подражания в данной национальной культуре
носитель определенных ценностных установок

11. Признаками нестандартной языковой личности (по В.П.Нерознаку) являются:
объединение «верхов» и «низов» культуры языка, где к верхам культуры относятся писатели, мастера художественной речи, низам – носители, производители и пользователи маргинальной языковой культуры (арго, сленг, жаргон и ненормативные слова и выражения)

четкое разграничение «верхов» и «низов» культуры языка
использование только «верхов» культуры языка
использование только «низов» культуры языка

12. В разговорной речи О.Б.Сиротинина выделяет:
дискурсы, являющиеся нетекстовой реализацией разговорной речи и отличающиеся нечеткостью деления на части, господством ассоциативных связей, полной спонтанностью и непонятностью для посторонних

тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры (в качестве примера приводится рассказ, который неоднократно повторяется рассказчиком)
манипуляции, скрывающие истинные цели говорящего
речевые жанры и жанроиды
беседы
анекдоты

13. Следующие параметры (серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение) являются параметрами:

речевых жанров
тональности дискурса
интенциональности дискурса
связности дискурса
цельности дискурса
стиля дискурса

14. Среди жанровых характеристик дискурса Т.В.Шмелевой выделяются:
коммуникативная цель, которая дает возможность противопоставить четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные и оценочные),
диктумное (событийное) содержание (набор актантов, их отношения, временная перспектива и оценка диктумного события)

речевые и риторические жанры
образ автора,
образ адресата
первичные и вторичные жанры

15. К жанрам фатической коммуникации относятся:
праздноречевые жанры (small talk)
ссоры
дискуссии
императивы
перформативы
темо-рематические прогрессии

16. К категориям ТРЖ относятся:
участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики),
условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда)
означающее и означаемое
лексико-семантические группы
денотат и сигнификат
грамматические категории

17. К конститутивным категориям дискурса относятся:
относительная оформленность,
относительная смысловая завершенность
принципиальная амбивалентность, полифония
невербальная коммуникация

18. Осложненная интерпретация лежит в основе:
жанров художественного текста
жанров непрямой коммуникации
жанров делового дискурса
жанров этикетного дискурса

19. Верным является утверждение:
часто личностное общение сводится к бытовому
личностное общение всегда сводится к бытовому
личностное общение никогда не сводится к бытовому

20. Верным является утверждение:
любое общение носит многомерный характер
только естественное непосредственное спонтанное общение носит многомерный характер
естественное непосредственное спонтанное общение никогда не носит многомерный характер

21. Письменный и устный жанры относятся друг к другу как:
наборы речевых жанров, имеющих общую словесную природу
продукты деятельности человеческих культур, находящихся на разных стадиях развития
канонический и проективный дискурс
точный и неточный дискурс

22. Информативность текста (по И.Р.Гальперину) складывается из следующих видов информации:

содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная информация, содержательно-подтекстовая информация
лексическая информация, грамматическая информация, прагматическая информация
тематическая информация, стилистическая информация, структурная информация

23. Реплика «*Вот что я вам расскажу...*» по отношению к следующим репликам является:

катафорой
анафорой
порождающим РЖ
темо-рематической прогрессией
когезией

24. В следующем диалогическом единстве (– *Знаешь что? – Что? – Федор вчера вернулся – Ну да?!*) есть (по А.Н.Баранову и Г.Е.Крейдлину):

иллокутивное вынуждение и самовынуждение
иллокутивное вынуждение
все реплики свободны; нет ни иллокутивного вынуждения, ни самовынуждения

25. Точность жанра научного текста заключается в:
развертывании и уточнении характеристик понятия
строгом следовании жанровому канону
динамике образных ассоциаций

26. В виде определенных оценочных суждений (Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Следует систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Следует подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Следует принимать во внимание все факты; Следует учитывать достижения предшественников) могут быть сформулированы ценности:

научного дискурса
религиозного дискурса
педагогического дискурса
глюттотонического дискурса

27. Следующая модель А.Вежбицкой (Говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что я говорю Х. Думаю, что ты понимаешь, что я этого не говорю. Говорю то, что говорю, потому что хочу, чтобы ты смеялся) является моделью жанра речи:

шутка
анекдот
флирт
рассказ
тост

28. Вывески в общественных местах (Не курить! Не курите! У нас не курят) отличаются:

как приказ, призыв и косвенная просьба
как прямые и косвенные побуждения
как категоричные и некатегоричные приказы

Упражнение. Провести дискурсивный анализ формальной и

содержательной структуры текста (отрывок из очерка А.Аграновского «Официант»):

Когда мы были уже хорошо знакомы, я спросил, не унижительно ли это – обслуживать.

– Как посмотреть, – сказал он. – Вот я вас обслужу, а после приду домой, раскрою «Известия» – вы меня будете обслуживать... Все мы друг другу служим.

Тут я понял, что буду о нем писать.

В Мурманск я приехал совсем за другим. Но три раза в день спускался в ресторан «Север», садился за столик у окна, и меня кормил этот человек, которого я не замечал вначале, к которому присмотрелся потом. Черт возьми, думал я, мало ли мы пишем о моряках, о рыбаках, о лесорубах, о летчиках? Пусть будет на сей раз официант... Мысль эта почему-то вызвала противодействие во мне, и я разозлился на себя и окончательно сделал свой выбор.

Мой герой был художав и изящен. У него было продолговатое, нервное, пожалуй красивое, лицо, мягкие волосы, светлые глаза, длинная худая шея – «свободный верхний шарнир», как он сказал. По этикету, объяснил он, мужчина должен приветствовать гостя кивком головы: одного шарнира вполне достаточно. И незачем сгибаться в полупоклоне. А откуда полупоклон? План давит – вот откуда. Все спешишь, все некогда, посетителей когда встречаешь и когда провожаешь, уже занят: прибираешь на столе... Надо, конечно, изживать в себе.

Работал он красиво. Бегал между столиков танцующей походкой, слегка жонглировал подносом, а бутылки откупоривал, будто это фокус со штопором и салфеткой. Еще он улыбался, и улыбка была не механически заученная, а добродушная, тонкая, чуть снисходительная. Давно я не встречал человека, столь явно удовлетворенного своей ресторанной работой. И это показалось мне странно. «Событие скорей единственное, нежели редкое», – как с изяществом физика выразился однажды Бруно Понтекорво.

Почему молодой парень выбрал такую профессию, когда все пути открыты перед ним? Неужто и в самом деле он доволен своей судьбой? Ему ведь всего двадцать четыре года... Тут, как мне казалось, была какая-то неправильность, своего рода аномалия, и нелепый, в сущности, вопрос, какого я не задавал ни морякам, ни врачам, ни плотникам, – зачем он пошел в официанты (с оттенком «как дошли вы до жизни такой») – стал началом нашей беседы...

Ответить на вопросы: текст ли это? (доказать); какой жанр/стиль? как знание жанра текста помогает его интерпретации? проанализировать дискурсивные категории: связность; цельность; образ автора; адресата; интерпретация текста: точность, ясность, глубина, степень глубины разных частей текста; смысловые лакуны; основное содержание: предметное; психологическое; идеологическое; фоновые знания; композиция (есть ли вступление?); заголовок. Парадигматика/синтагматика структурных элементов текста. Неязыковая действительность: эпоха, черты культуры, идеология. Собственно язык: местоимения (я, он и особенно мы); оценочная лексика; инверсия; эллипсис; связь между предложениями.

Упражнение. Провести дискурсивный анализ формальной и содержательной структуры текста рекламного жанра на английском языке:

Your free gift from Lancome. Exclusively at Selfridge's. Lancome's gift to you at Selfridge's this July is a smart black straw bag, lined in polka dot fabric, packed with a superb collection of five products. It's your free when you make two or more Lancome purchases including one from our skin care range.

Ответить на вопросы: какая модель рекламной коммуникации используется в качестве непрямого воздействия? (доказать); каковы особенности программируемой интерпретации в данном рекламном объявлении? какие выводы, противоречащие истине и не противоречащие ей, «провоцируют» первая и вторая части данного высказывания? В чем состоит «манипулятивная» диада из интенциональных состояний «обещание подарка ~ призыв купить»?

Упражнение. Проанализировать РЖ, дискурсивные единицы и внутрижанровые микро- и макростратегии в следующем фрагменте спонтанной устной речи:

Д. Мне хочется побыть с ними – они туда не идут. И я сюда пришла. Не могу, ой, а что ты сделаешь?! Ладно потерплю еще завтрашний день тоже так. Ну разве можно?! Столько оскорблений, столько неприятностей! Ужас!

В. Да, А.О. Неужели Вы обращаете внимание, что она курит. Конечно, ну я уже настолько привыкла, что я на это не обращаю никакого внимания. Вы не обращайте внимания.

Д. Не обращать внимания – это нельзя, Н.Н. Так нельзя, так себя не ведут. Ведь так не было же. Вот как был отец, она была шелковая.

В. Но. А.О., это уже сам человек.

Д. И теперь если бы был жив отец, она бы так себя не вела. Она понимает, что я теперь, что хочешь она со мной делает. Мне некому, некому сказать ничего. Нет, так не было. Да, конечно, не было. Да, пожалуй, так не было. Мне надо уже принять к сведению и немножко надо подумать о том, как же жить дальше.

В. Ну хорошо. Дальше и... Ну сколько я ее знаю, она за это время лучше или хуже не стала. С первого дня... Наоборот сейчас она стала глаже и менее вспыльчивой и отсюда... я не вижу никаких изменений. Надо просто не обращать внимания и сейчас же переключиться.

А. За что она так?

В. Ну это же характер.

Д. Разве я заслужила?

В. Это же характер.

Д. А?

В. Я не заслужила и Вы не заслужили.

Д. (плачет) Я терпела все время. Все молчу и все молчу...

В. Но это естественно. Когда она приезжает всего на две недели, чем каждый день мотаться туд...

Д. Нет, мне не надо было этого делать. Но я опять пошла на поводу у них все Дима, больна, мы не можем туда прийти. Но раз им не хочется туда идти, и мне не надо было сюда идти.

В. Но почему тогда...

Д. А смотрите как...

В. Вы лучше одно поймите: здесь свободней, здесь места много, и в садик вышли – отдохнуть и все, а...

Д. Но но все-таки

В. И Ленке здесь хорошо.

Д. Раньше им там было неплохо. Они сюда пошли, тут, а сейчас решили, не подумала. Может быть они решили, что они не придут и я сюда не приду.

В. Ну, АО., ну не накручивайте так. Просто и без того жизнь трудная. Зачем ее накручивать еще?!

Д. Трудней моей жизни ни у кого нет.

В. Просто понимаете, примите к сведению, что хорошая жизнь, потому что слишком много плохого.

Д. У меня хорошего больше нет и не будет никого.

В. Слушайте, у меня тоже в жизни ничего нет.

Д. М-м. Вы совсем другое. Вы совсем другое, Н.Н. Вот у меня не получилось у меня. Особенно... После летнего последнего фокуса, что они со мной сделали... Мне надо было вообще снять. Не вообще снять

В. Не надо себя. У вас одна дочь. Она вас любит и не надо ничего.

Д. Неверно. Не будет ни Лены, ни... Зачем ты не едешь в Ростов! Ведь они не звали в Ростов, ну зачем я поеду!

В. Нет, ну зачем Вы это говорите?!

Д. Вы ее брали на море, возьмите ее в Ростов.

В. Ну зачем это говорить! Но если вы будете все время это крутить это же не...

Д. Когда Ленка станет старше, она отвернется от них. Она сейчас маленькая, она не понимает. Приласкают – она опять к ним. А так... нельзя к ребенку относиться. Она ж чувствует это. Как зовут, тогда ее тут нет и обижаются на нее, что... Но она как все дети: переплачет и опять к ним идет. Это же боль.

В. Радость. Ко мне эти дни не подходит. Она все время к маме просится.

Д. Но это вполне естественно. Просто пока она очень мала.

В. Конечно. Я считаю, так и должно быть.

Д. А вообще так к ребенку не относятся.

В. Душно здесь.

Д. Жарко. Сегодня жарко очень.

В. Да, наверное, душно очень.

(Расходятся)

Вопросы к зачету по курсу

1. Теория речевых жанров как раздел лингвистики.
2. Филологические и коммуникативные истоки дискурсивного анализа и ТРЖ в истории лингвистики.
3. Определения дискурса, текста, РЖ.
4. Языковой и речевой аспекты изучения РЖ.
5. РЖ и уровневая модель языка.
6. РЖ и предложение, РЖ и высказывание.
7. РЖ и речь, РЖ и коммуникация.
8. Текст, дискурс, диалог. Текстцентрический и процедурный подходы.
9. Письменные и устные РЖ.
10. Персональный и институциональный типы дискурса, их основные особенности и разновидности.
11. Минимальные единицы дискурса. Диалогическое единство. Прагматическая валентность.
12. Прагматические аспекты дискурса. Иллокутивный акт.
13. Речевой жанр, речевой акт, интенциональный компонент.
14. Классификации речевых актов по их иллокуции и по роли в целом дискурсе. Конституциональные, порождающие, факультативные речевые акты.
15. Классификация речевых жанров. Первичные и вторичные речевые жанры.
16. Связность и цельность дискурса. Горизонтальные и вертикальные модели организации дискурса.
17. Микроструктура дискурса (когерентность, референция, пропозиция, иллокуция, анафора, тема/рема, порядок слов, главные/зависимые предикации, просодия предложения).
18. Макроструктура дискурса (топик, сценарии, схемы, фреймы, абзац, границы реплик в диалоге).
19. Информация в дискурсе, данное/новое, тема и рема, цепочечные и кустовые прогрессии.
20. Порождение и понимание дискурса. Кодирование / декодирование дискурса.
21. Уровни и этапы интерпретации дискурса. Типы дискурса по активности интерпретативной деятельности адресата речи.
22. Интерпретация художественного дискурса. Предметный, психологический, концептуальный уровни интерпретации.
23. Имплицитные смыслы в дискурсе. Текстовое, подтекстовое, притекстовое содержания.
24. РЖ и национальная культура.
25. Универсальные и культурно-специфические типы и жанры дискурса. Описание типов дискурса и речевых жанров через посредство семантических примитивов.
26. РЖ и языковая личность.
27. Метатекст, сверттекст, гипертекст, интертекст.
28. Прецедентные тексты, их типы.
29. Методы анализа РЖ (логико-грамматический, коммуникативно-прагматический, психолингвистический, культурологический).
30. Социологический, формальный, когнитивный, экспериментальный, типологический подходы к анализу РЖ.